

В.Б. БЕЗГИН

**КРЕСТЬЯНСКАЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ**

(ТРАДИЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

МОСКВА – ТАМБОВ

В.Б. БЕЗГИН

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
(ТРАДИЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)**

**Москва – Тамбов
Издательство ТГТУ
2004**

ББК ТЗ(2)5
Б39

Утверждено Советом исторического факультета
Московского педагогического государственного университета

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор

В.В. Кондрашин

Доктор исторических наук, профессор

В.Н. Фурсов

Ответственный редактор

Доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Э. М. Щагин

Б39 Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та. 2004. 304 с.

В монографии рассмотрены различные стороны крестьянской повседневности конца XIX – начала XX в. на основе архивных материалов. Дан анализ состояния сельских традиций в период модернизации страны. В книге исследованы проблемы хозяйственной деятельности, общинного уклада, правовых воззрений, духовных традиций и семейного быта русского крестьянства.

Предназначена для научных работников, студентов, широкого круга читателей, интересующихся вопросами отечественной истории.

ББК ТЗ(2)5

ISBN 5-8265-0311-4

© Безгин В.Б., 2004

© Тамбовский государственный
технический университет
(ТГТУ), 2004

© Московский педагогический
государственный университет
(МПГУ), 2004

Научное издание

БЕЗГИН Владимир Борисович

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

(ТРАДИЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

Монография

Редактор И.А. Денисова

Технический редактор М.А. Евсейчева

Инженер по компьютерному макетированию М.А. Филатова

Подписано к печати 13.09.04

Формат 60 × 84/16. Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать офсетная

Объем: 17,67 усл. печ. л.; 19,00 уч.-изд. л.

Тираж 450 экз. С. 617^М

Издательско-полиграфический центр

Тамбовского государственного технического университета

392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы обусловлена самим состоянием современного российского общества. В новое тысячелетие общество вступило не только, оставив в прошлом великую государственность и Богом данную форму правления, но с частично утраченным ощущением национальной общности. В последние два десятилетия происходит планомерное разрушение основ русской культуры и поругание национальных традиций. Остракизму подвергнуты традиционные ценности народа: соборность и коллективизм, духовность и национализм, трудолюбие и нестяжательство. Приметой повседневности стали индивидуализм и алчность, космополитизм и праздность. Самобытность русского народа сегодня последнее препятствие для создателей нового «мирового порядка». В угоду его же нацию лишают сырьевой и военной независимости, насаждают западную демократию, культивируют гнусные пороки, прививают комплекс этнической неполноценности. Повседневность любой исторической эпохи есть видимое проявления базовых ценностей общества. Опыт модернизации аграрного общества на рубеже XIX – XX в. должен послужить для современной власти предостережением от принятия необдуманных решений и напоминанием о пагубных последствиях ломки традиций.

В плане научной актуальности следует указать на то, что работа выполнена в русле изучения истории повседневности, наиболее перспективного направления в современной исторической науке. Основу работу составили современные исследования по крестьяноведению. Данное научное направление позволяет посредством использования междисциплинарного подхода (социальная история, этнография, социальная психология и пр.) осуществить комплексное изучение проблемы крестьянской повседневности и роль в ней сельских традиций.

Территориальные и хронологические рамки работы. Центральное Черноземье, включавшее в себя Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую губернии, являлось типично аграрным регионом с преобладанием крестьянского населения. Это дает основание полученные выводы распространять на территорию Европейской части России в целом, отмечая особенности исследуемого региона. Сельское население губерний по этнической принадлежности было русским (в Орловской и Тамбовской губерниях русские составляли 99 % населения), что дает мне основание игнорировать инородческий фактор и далее в тексте обоснованно использовать словосочетание «русская деревня». Основой духовной жизни русского села выступало православие. По переписи 1897 г. православные составляли: Воронежской губернии – 99,1, Курской – 98,7, Орловской – 99,2, Тамбовской – 98,6 %. В регионе крестьянство занималось преимущественно земледелием, отхожие промыслы были развиты слабо, что обусловило устойчивость общинного уклада. Природно-климатические зоны (от лесной до степной) и качественный состав почв (от подзолистых до чернозема) определили особенности земледелия и отчасти бытовой культуры сельского населения. Высокая плотность сельского населения в регионе отражалась на экономическом положении и социальной активности крестьянства.

Выбор хронологических границ обусловлен следующими соображениями. Конец XIX – начало XX в. – это период модернизации страны, время существенных перемен в жизни российской деревни. Привычный уклад и традиционные институты крестьянского мира были подвергнуты мощному воздействию. Начало изучаемого периода – это 80-е гг. XIX в. Они стали своеобразным рубежом в развитии русского села. Правительство Александра III проводило курс, основанный на традиционных ценностях русского общества. В жизнь вступило поколение не знавшее крепостных порядков, но испытавшее на себе воздействие войн, реформы и революции. Верхняя граница определена 1914 г., поскольку начало войны принципиально повлияло на содержание крестьянской повседневности. Специфика объекта исследования обусловила необходимость выхода за рамки установленного периода. Так, в процессе выяснения сущности и содержания традиций были использованы материалы, относящиеся к 1850 – 1870 гг. Для того, чтобы установить степень сохранности традиционных черт повседневности, выяснить последствия их эволюции и сущность произошедших перемен, были использованы документы 1920-х гг.

Цели и задачи исследования. Историческая наука неизбежно обращается к характеристикам повседневности, к «плоти» и «крови», из которых складываются любые события, в том числе исторически значимые и судьбоносные. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выяснить содержание крестьян-

янской повседневности конца XIX – начала XX в., место и роль в ней сельских традиций. Для достижения поставленной цели осуществлена попытка решить ряд конкретных исследовательских задач:

- выявить традиции хозяйственного уклада деревни, проанализировать влияние на сельскую повседневность аграрной реформы и процесса модернизации;
- определить содержание и функции крестьянского самоуправления, показать обыденное восприятие власти жителями села, рассмотреть формы крестьянского протеста;
- изучить особенности правовых воззрений селян и роль обычного права в жизни деревни, установить виды и принципы крестьянского правосудия;
- исследовать устои крестьянской семьи и их эволюцию, охарактеризовать положение женщины в семейном быту, дать оценку процессу семейных разделов;
- выяснить значение православия в повседневной жизни села, описать сельские суеверия и обряды, раскрыть природу и проявления деревенских пороков.

Историографический обзор. В заявленной постановке проблема крестьянской повседневности в исторической науке не изучалась. Правда, в последние годы было опубликовано ряд работ (только некоторые из них могут быть отнесены к научным исследованиям), в которых рассматривались отдельные аспекты советской повседневности. Об интересе к вопросам повседневности свидетельствуют материалы научных конференций последних лет¹.

Для того, что дать представление о степени изученности различных аспектов крестьянской повседневности, исследуемых в монографии, далее дан историографический обзор. Он составлен по проблемно-хронологическому принципу и соответствуют последовательности изложенного в содержании материала.

Проблеме экономического развития крестьянских хозяйств в конце XIX – начале XX в. посвящена обширная литература. Состояние крестьянского земледелия в 1880 – 1900 гг. вызывало живой интерес со стороны ученых-экономистов, земских статистиков, агрономов, правительственных чиновников. Закономерно, что современники главное внимание уделили принципам общинного землевладения и возможностям агротехнического прогресса крестьянских хозяйств. Причину принудительной обработки земли в общине Ап. К. Корелин считал следствием крестьянского малоземелья. В своем исследовании он пришел к выводу, что проблема не в перемене общинной формы собственности, а в низкой агрикультуре². Кн. А. Васильчиков причину кризиса сельского хозяйства усматривал в увеличении плотности сельского населения, росте потребностей народа, падении естественного плодородия, как результата экстенсивного развития хозяйства³. Способность крестьянских хозяйств к рационализации были рассмотрены в фундаментальном труде В.П. Воронцова, более известного как В.В. Выясняя природу многополосицы и чересполосного землепользования, он пришел к выводу о том, что они были обусловлены не общинными принципами, а простым экономическим расчетом. По его мнению, крестьяне стремились вносить улучшение в свое хозяйство, но просвещенные слои общества не уделяли этому должного внимания⁴. Анализ механизма земельных переделов дал основание П. Вениаминову утверждать, что они не являлись препятствием для удобрения полей и качества их обработки⁵. Утверждение либеральной печати о крестьянском обеднении ставил под сомнение К. Головин. Главную причину отсутствия успехов в земледелии он усматривал в экстенсивных приемах хозяйствования крестьян⁶. Доктор финансового права Н. Бржеский на обширном фактическом материале дал характеристику экономического состояния черноземной деревни. Причины убыточности крестьянского земледелия он выводил из приверженности крестьян к традиционным приемам и методам обработки земли и неподготовленности их к новым условиям хозяйствования⁷. Анализ тенденции в развитии крестьянского хозяйства, основанный на данных земской статистики, нашел свое отражение в работах И.А. Вернера, Д.И. Воейкова, М. Кашкарова и др.⁸ Участие в дискуссии о перспективах развития крестьянского хозяйства приняли правительственные чиновники. Основной акцент в их работах сделан на обоснования необходимости преобразования общинной формы землепользования как необходимого условия модернизации сельского хо-

¹ См.: Проблемы повседневности в истории. Образ жизни, сознание и методология изучения. Сб. материалов межрегион. науч. семина. Ставрополь, 2001; Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы науч. конф. СПб., 2001.

² См.: Корелин Ап. К. Общинное земледелие в России. СПб., 1896. С. 62, 63.

³ См.: Кн. Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881. С. 5.

⁴ См.: В.В. (Воронцов В.П.) Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892. С. 16, 96 – 97.

⁵ См.: Вениаминов П. Крестьянская община (что она такое, к чему идет, и что может дать России). СПб., 1908. С. 186 – 187.

⁶ См.: Головин К. Община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 29, 132, 140.

⁷ См.: Бржеский Н. Очерки аграрного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскудение. СПб., 1908. С. 39.

⁸ Вернер И.А. Курская губерния. Итоги статистических исследований. Курск, 1887; Воейков Д.И. Экономическое положение крестьян в черноземных губерниях. СПб., 1881; Кашкаров М. Статистический очерк хозяйственного положения крестьян Орловской и Тульской губернии. СПб., 1902.

зяйства страны. Значение общины в различных сферах жизни деревни проанализировал в своей обстоятельной работе А.А. Риттих. Указав на то, что традиции общинного земледелия сдерживали рост хозяйственной инициативы крестьян, он в тоже время отметил возможность перехода передельных общин к травопольной системе⁹. Большой практический опыт позволил А.С. Ермолову выяснить причину неурожаев и недостатки продовольственного дела в стране. Автор много писал об агрономической безграмотности селян и считал, что община не была способна создать условия для интенсификации аграрного производства. Будучи последовательным противником общинных порядков, Ермолов однако утверждал, что «сразу и повсеместно упразднить общину невозможно ... – это было бы вернейшим средством не улучшить, а погубить дело»¹⁰. По его мнению, переход к улучшенным системам земледелия и повышение агротехники значительно поднимут урожайность крестьянских полей и снимут проблему малоземелья¹¹.

В историографии советского периода вопросам социально-экономического развития деревни рубежа веков было уделено достаточно внимания. Традиции методологии исследований были заложены фундаментальной работой В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». Сельская повседневность была изучена большевистским лидером на основе классового подхода. Он отмечал высокий уровень развития капитализма в сельском хозяйстве на фоне феодальных пережитков, существовавших в аграрных отношениях.

Большой вклад в анализ новых явлений в крестьянском производстве внесли представители организационно-производственного направления¹². Эволюция форм крестьянской взаимопомощи и динамика сельской кооперации были изучены Н.П. Огановским. На материалах крестьянских хозяйств Тамбовской губернии А.Н. Челинцев исследовал зависимость естественного движения и плотности населения от наличия свободной земли и возможностей ее аренды. Природа и принципы функционирования семейного трудового хозяйства были вскрыты А.В. Чаяновым. Он первый обратил внимание на принципиальный характер перемен, произошедших в крестьянском производстве начала XX в.

В изучении хозяйственных традиций русского села принципиально важным является вопрос реформирования аграрных отношений. Преобразованиям начала XX в. и оценке их влияния на крестьянское хозяйство посвящена обширная литература. Из дореволюционных работ наиболее полно ход реформы и состояние общинных порядков отражены в работе И.В. Чернышова. Написанная на материалах ВЭО, она содержит фактический материал, характеризующий реакцию крестьян на правительственные мероприятия¹³. В работе А.Е. Лосицкого показана динамика создания в деревне отрубов и хуторов¹⁴. В русле ленинских оценок выполнена монография С.М. Дубровского. Работа не лишена определенных недостатков, но ее достоинством является богатый фактический материал¹⁵. Плодотворную роль в научном осмыслении проблемы сыграла дискуссия о степени развития капиталистических отношений в российской деревне. Вопросы эволюции традиционного хозяйственного уклада нашли свое отражение в работах А.М. Анфимова, П.Н. Зырянова, И.Д. Ковальченко и др.¹⁶ На ведущей роли землеустройства в реформировании земельных отношений начала XX в. акцентирует внимание исследователей в своей книге В.Г. Тюкавкин. Он делает вывод о том, что землеустройство становилось все более популярным делом среди крестьян, а крестьянское движение против него сильно преувеличено в советской историографии¹⁷. О позитивном влиянии правительственного курса на состояние крестьянских хозяйств указывает в своих работах Э.М. Щагин¹⁸.

Рубеж XX – XXI в. в отечественной историографии отмечен работами, в которых авторы исследуют судьбу традиционного земледелия, особенности крестьянской агрикультуры, роль земской агрономии в

⁹ См.: Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С. 50.

¹⁰ Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Т. 2. С. 152.

¹¹ См.: Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 1–5.

¹² См.: Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его интересы. М., 1917; Огановский Н.П. Аграрная реформа и кооперативное земледелие. Пг., 1919; Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; Челинцев А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. М., 1928.

¹³ См.: Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г. (По материалам ВЭО). Пг., 1917. Ч. 1–2.

¹⁴ См.: Лосицкий А.Е. К вопросу об изучении степени и форм распада общины. М., 1916.

¹⁵ См.: Дубровский С.М. Столыпинская аграрная реформа. М., 1963.

¹⁶ См.: Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881 – 1904 гг. М., 1980; Он же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. М., 1984; Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907 – 1914 гг. М., 1992; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения). М., 1988.

¹⁷ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 296 – 297.

¹⁸ См.: Щагин Э.М. Об опыте и уроках столыпинской аграрной реформы // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1993. С. 40 – 64; Он же. Столыпинская аграрная реформа: ее результаты и судьба. Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995. С. 130 – 149.

распространении сельскохозяйственных знаний, влияние кооперативного движения на аграрное производство. Ценным для понимания истоков традиций сельской повседневности является фундаментальный труд академика Л.В. Милова. Автор провел обстоятельное исследование различных сторон жизни великорусского пахаря XVIII – XIX вв., выяснил значение природно-климатического фактора и вскрыл компенсационные механизмы выживания сельского сообщества¹⁹. Новая работа М.М. Громько (в соавторстве с А.В. Бугановым) на обширном этнографическом материале освящает различные стороны общинного земледелия²⁰. Живой интерес у специалистов вызвала монография А.В. Ефременко. Автор высказывает мнение, что постановка вопроса о роспуске общины не только не запоздала, но являлась попросту невозможной, как невозможно было столь же быстро преобразовать натурально-потребительское хозяйство в товарно-рыночное²¹. В ряде современных публикаций содержится вывод о том, что община сумела приспособиться к новым условиям хозяйствования и в определенной мере способствовала агрикультурному прогрессу села²².

В последние годы вышли в свет работы, освящающие проблему эволюции хозяйственного уклада села в конце XIX – начале XX вв. на региональном уровне. Вопросы крестьянского землевладения и землепользования рассмотрены в работах Л.И. Земцова, В.Н. Фурсова²³. Демографические и миграционные процессы в деревне Центрального Черноземья нашли отражения в статьях А.Н. Курцева²⁴. Ход землеустройства в тамбовской деревне и его результаты вскрыты в публикациях исследователя Н.В. Токарева²⁵. Историк А.А. Иванов, используя массовые источники, выяснил степень сохранности общинных устоев в селах Тамбовской губернии²⁶. Обобщающая работа по истории крестьянского хозяйства начала XX в. принадлежит перу С.А. Есикова. Он приходит к выводу, что община не была иррационально консервативна, а традиционная крестьянская «трехполка» могла трансформироваться в интенсивную многопольную систему²⁷. В статьях М.Д. Карпачева исследуется влияние столыпинской реформы на различные стороны жизни черноземной деревни²⁸.

Свою лепту в изучении проблемы внесли зарубежные исследователи. В последнее время среди западных историков все большее распространение получила позиция, согласно которой общинная система земледелия не являлась тормозом на пути сельскохозяйственного развития, которое в свою очередь проходило путем отличным от классических капиталистических канонов (Э. Кингстон – Манн, Э. Уилбур, Х.-Д. Лева, С. Хок)²⁹. Большинство западных историков считают, что столыпинская реформа не оказала фатального воздействия на общину³⁰. Анализ скрытых форм сопротивления землеустройству нашел отражение в работе Пеллота³¹. О разнообразии приемов саботажа деревней планов индивидуального землеустройства пишет в своей работе Д. Мейси³². В исследовании Дэвида Керанса, на материалах Тамбовской губернии, сделан вывод о том,

¹⁹ См.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического прогресса. М., 2001.

²⁰ См.: Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000.

²¹ Ефременко А.В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002. С. 121.

²² См. например: Корелин А.П., Шацилло К.Ф. Столыпин П.А. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Деревня в начале века: революция и реформа. М., 1995. С. 30.

²³ См.: Земцов Л.И. Крестьянское хозяйство центрально-черноземного района на рубеже XIX – XX вв. // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья XVII – XX веков. Межвуз. сб. науч. раб. Липецк, 1991; Фурсов В.Н. Крестьянское землевладение и землепользование в центрально-черноземных губерниях в пореформенный период // Формы сельскохозяйственного производства и государственного регулирования. М., 1995.

²⁴ См.: Курцев А.Н. Миграция сельского населения Центрального Черноземья в конце XIX века // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М.-Курск, 1994.

²⁵ См.: Токарев Н.В. Тамбовское крестьянство и Столыпинское землеустройство в годы первой мировой войны // Крестьяне и власть. Материалы науч. конф. М.-Тамбов, 1996; Он же. Тамбовское крестьянство и указ 9 ноября 1906 г. (из истории аграрной реформы Столыпина) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сб. науч. ст. Тамбов, 1996 и др.

²⁶ См.: Иванов А.А. О степени сохранности общинных устоев в деревне Черноземного центра России (по материалам Тамбовской губернии) // Формы сельскохозяйственного производства и государственного регулирования. М., 1995.

²⁷ Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.) Тамбов, 1998. С. 33.

²⁸ Карпачев М.Д. Столыпинская реформа в Воронежской губернии: итоги и уроки аграрного реформирования // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – XX вв. Сб. науч. труд. Воронеж, 1995; Он же. Воронежское земство и аграрные реформы начала XX века // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – начале XX века. Сб. науч. труд. Воронеж, 2002.

²⁹ Подробнее см.: Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном россиеведении: основные концепции, подходы, перспективы: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 14.

³⁰ Atkinson D. The End of the Rissian Land Commune: 1905 – 1930. Stanford. 1983; Levin M. Customary Law and Rissian Rural Society in the Post – Reform Era // The Rissian Review. 1985. Vol. 44; Macey D. The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes 1906 – 1917 // Bartlett R (ed). Op. cit.

³¹ Pallot J. Laid Reform in Rissian 1906 – 1917. Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Oxford, 1999.

³² Macey D. Government and peasant in Russian, 1861 – 1906. The Prehistory of Stolypin reforms. Nortner Illinois University press, Illinois, 1987.

что самая устойчивая сельскохозяйственная модернизация проходила через крестьянские общины, а не мимо них³³. Для современной западной историографии характерен отход от преставлений о переделах земли как главной функции крестьянской общины, выход на первый план вопроса о совместимости существования общины с экономическим развитием сельского хозяйства. Новый и весьма продуктивный подход в анализ мотивации хозяйственной деятельности крестьянства внесла концепция «моральной экономики», введенная в оборот американским крестьяноведом Дж. Скоттом.

Из «этики выживания» ученый выводит технологический и социальный консерватизм, деревенский эгалитаризм и другие традиционные черты, присущие крестьянскому сообществу³⁴.

Вопросы общинного устройства деревни, функции сельского самоуправления, взаимоотношения крестьянства с властью, аграрное движение не были обойдены вниманием отечественных исследователей. Развитие капиталистических отношений в пореформенной деревне вызвало в российском обществе широкую дискуссию о судьбе сельской общины. О генезисе и эволюции общины в литературе написано много. Не останавливаясь подробно на сути вопроса, выделим лишь несколько точек зрения. Сторонники «исторической школы» считали общину закономерным продуктом развития русского крестьянства. Так Ф. Щербина утверждал, что форма землепользования и экономических отношений определяются, прежде всего, принципами обычного права, которые были выработаны народом на основе исторической жизни и опыта, а природа (топография, почвы, климат, флора и фауна) и история страны, как факторы внешние, придавали этим отношениям лишь определенные формы³⁵. По мнению Н. Огановского, переделная община была продуктом самостоятельного стремления крестьян к более уравнительному распределению земли. Помещики и правительство старались не вмешиваться в поземельные дела крестьян, которые регулировались обычным правом, исходя из принципа трудовой потягловой разверстки³⁶. Идеологом «государственной школы» Б.Н. Чичериным было выдвинуто положение о позднем возникновении переделной общины, преемственно якобы не связанной с предшествующими общинными формами и учрежденной государственной властью в XVIII в. с введением подушного налогообложения. Б.Н. Чичерин считал, что крестьянство наделено землей государством и помещиками³⁷. Представитель «народнического» направления И. Беляев напротив считал общину самостоятельной социально-экономической единицей, выросшую из особых условий хозяйственной жизни. Он утверждал, что община наблюдается в памятниках XIV и XV вв. и своими корнями уходит в древность³⁸.

Традиционные функции сельской общины в историографии досоветского периода были исследованы в трудах П. Вениаминова, В. Воронцова, К. Головина, А. Кауфмана, А. Риттиха и др. Наиболее подробно был изучен земельно-распределительный механизм общины. Увеличение числа беспеределных общин, по мнению отдельных ученых, свидетельствовало о процессе отмирания общины. Другие, напротив, не считали отсутствие коренных переделов показателем нежизнеспособности «мира», обращая внимание на разнообразные формы социальной деятельности сельского общества. На обширном материале Этнографического бюро написана книга В.В. Тенишева. Автор выяснил содержание обыденного восприятия власти крестьянами, отношение селян к выборным лицам и представителям волостной администрации, роль схода в решении социальных вопросов жизни деревни³⁹.

Сельские сходы как традиционная форма крестьянского самоуправления были предметом изучения исследователей: А. Корнилова, Ф. Преображенского, А. Чарушина, А. Якубовича⁴⁰. В их работах рассмотрены вопросы типологии сходов и их состав, порядка созыва и принятия решений. В советский период о сельских сходах писали крайне скупно. Всплеск исследовательского интереса к крестьянской общине и формам сельского самоуправления пришелся на вторую половину 70-х – 80-е гг. прошлого века. В 1974 г. выходит в свет фундаментальное исследование В.А. Александрова, в котором автор просле-

³³ Цит. по: Мацузато Кимитаки. Индивидуалистические коллективисты или коллективистские индивидуалисты? Новейшая историография по российским крестьянским общинам // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 194.

³⁴ Scott J.C. Moral Economy of the Peasant. New Haven; L., 1976.

³⁵ Щербина Ф.А. Русская земельная община // Русская мысль. 1880. Кн. 8. С. 90.

³⁶ Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1911. С. 332.

³⁷ Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1958. С. 136.

³⁸ См.: Беляев И. Крестьяне на Руси: исследование о постепенном изменении крестьянства в русском обществе до конца XVIII в. М., 1891.

³⁹ См.: Тенишев В.В. Административное право русского крестьянства. СПб., 1908.

⁴⁰ См.: Корнилов А.А. Крестьянский строй. Т. 1. СПб., 1905; Преображенский Ф.А. Вопросы крестьянского самоуправления. Сельские учреждения и должностные лица. М., 1893; Чарушин А. Крестьянские сходы в бытовом их освещении. Архангельск, 1911; Якубович А. Крестьянское самоуправление. СПб., 1883; Самоуправление крестьянского сельского и волостного общества. М., 1905.

живает эволюцию общины на протяжении XVIII – начала XIX в.⁴¹ Роли традиций в деревенском мире и значению общины в повседневной жизни крестьян посвящены работы М.М. Громько⁴². Широкою панораму общинного устройства русской деревни во второй половине XIX в. воссоздает в своем исследовании историк Л.И. Кучумова. «В соответствии с нормами обычного права, – пишет автор, – правотворческий орган общины – «мир» – регулировал не только повседневный уклад в деревне, но и включал крестьянство в общественные связи»⁴³. Значительный пласт ранее неиспользованных архивных документов ввела в научный оборот монография П.Н. Зырянов. Автор проанализировал влияние процесса модернизации на традиционный уклад, обоснованно придя к выводу о жизнеспособности и гибкости общины. В работе нашли свое отражение проблемы семейных разделов, общественного быта села, девиантное поведение крестьян⁴⁴.

Из работ последних лет следует также отметить книги и диссертационное исследование О.Г. Вронского. Автор подробно и много пишет о пьянстве сходов, засилье на них «горлопанов» и «мироедов», общественной апатии крестьян, деформации принципов деревенской взаимопомощи и т.п.⁴⁵ В докторской диссертации исследователь делает вывод о том, что «община на рубеже XIX – XX веков была лишена ценностей, признанных базовыми всеми цивилизованными странами мира, включая, разумеется, и Россию – свободы и собственности»⁴⁶. Талантливый ученый, на мой взгляд, впадает в заблуждение, подходя к оценке крестьянского мира с либеральными мерками.

Последние годы отмечены рядом интересных работ по истории крестьянской общины, выполненные на материалах отдельных губерний⁴⁷. Проследить эволюцию традиций конкретной сельской общины в исторической ретроспективе позволяют монографические описания сел⁴⁸.

Из современников крупным исследователем крестьянского движения начала XX в. был Б. Веселовский. Используя материалы периодической печати, он попытался выяснить причины, восстановить ход и проанализировать формы крестьянского движения⁴⁹. Причиной аграрных беспорядков, по мнению С.Н. Прокоповича, была не коллективная организация общинников, а бедность крестьянских хозяйств, являвшаяся следствием недостатка земли и низким уровнем агротехники. Он писал, что зависимость крестьянского движения от малоземелья несомненна⁵⁰. На ведущее значение экономического фактора в аграрном движении указывает и современный историк П.Н. Зырянов. В своей монографии он утверждает, что «не община и общинное землевладение, а малоземелье и различные виды эксплуатации и угнетения толкали крестьян на борьбу»⁵¹.

Обобщив материалы, собранные Вольным экономическим обществом, С.Н. Прокопович пришел к выводу о высоком уровне сознательности и организованности крестьян в революции и ясном осознании целей своей борьбы⁵². Исследователь писал о самоорганизации крестьянства, роли в аграрном движении сельской общины. Большинство исследователей отрицало управляемость крестьянского движения со стороны «третьих сил». «Аграрное движение началось в местах, где крестьянам, в буквальном смысле, «житья не было», – делает вывод

⁴¹ См.: Александров В.А. Сельская община в России (XVII – нач. XIX в.) М., 1976.

⁴² См.: Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Она же. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиции // Советская этнография. 1984. № 5. С. 70 – 80.; Она же. Мир русской деревни. М., 1991.

⁴³ Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.) М., 1992. С. 7.

⁴⁴ См.: Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907 – 1914 гг. М., 1992.

⁴⁵ См.: Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX – XX вв.: структура, управление, поземельные отношения. М., 1999. С. 48 – 65, 114.

⁴⁶ Вронский О.Г. Государственная власть и крестьянская община. Рубеж XIX – XX вв. – 1917 г. (на материалах губерний земледельческого центра страны). Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 78.

⁴⁷ См.: Еферица Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е гг. XIX – 30-е гг. XX века. Автореф. ... канд. ист. наук. Саранск, 1995; Сафонов А.А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917 – 1928 гг. (социальные аспекты проблемы). Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997; Силян А.В. Крестьянская община Воронежской губернии в 1861 – 1900 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998.

⁴⁸ См.: Еферица Т.В., Еферица Ю.Г. История села Старое Синдрово // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996.

С. 160 – 205; Кондрашин В.В. История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 176 – 216; Малязев В.Е. Село Степановка в контексте политической и социально-экономической истории России. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003.

⁴⁹ См.: Веселовский Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России. (1902 – 1906 гг.). СПб., 1907.

⁵⁰ Прокопович С.Н. Аграрный вопрос в цифрах. СПб., 1907. С. 25.

⁵¹ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 63.

⁵² См.: Прокопович С.Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912.

П. Маслов, – «В этих районах не было никакой крестьянской организации. Никакой агитации и пропаганды, и движение вылилось в стихийные формы»⁵³.

В советской историографии трактовка крестьянского движения в начале XX в. давалась на основе теории классовой борьбы⁵⁴. В этих работах аграрное движение рассматривалось как составная часть революционного процесса, преувеличивалось влияние на крестьянство политических партий.

Природу сельского бунта и роль в нем общины определил историк М.А. Рахматуллин. В монографии он пишет: «Бунт всегда представлял собой мирское действия. Бунтовал «мир» в полном составе, и главным объяснительным мотивом крестьян было: куда «мир», туда и я, мне от «мира» нельзя»⁵⁵. Деревенские бунты, по мнению Б.Н. Миронова, служили для крестьянства «каналом для выражения своего негативного отношения к официальной политике, которую народ ассоциировал не с государем, а с административным аппаратом»⁵⁶. Удачная попытка изучения социального поведения крестьянства на основе привлечения массовых источников была реализована О.Г. Буховцом⁵⁷.

Приговоры и наказания российской деревни периода первой русской революции проанализированы в работе Л.Т. Сенчаковой. На обширном фактическом материале автор выяснил содержание политических настроений и общественных взглядов жителей деревни⁵⁸. Эволюция аграрного движения начала XX в. дана в книге В.Г. Тюкавкина, Э.М. Щагина. На основе широкого круга источников авторы установили причины, масштабы и формы крестьянского движения⁵⁹. В историографической работе Н.М. Ушакова сделан вывод о том, что в конце XIX – начале XX вв. крестьянское движение стало совершенно отчетливо приобретать качественно новые черты: от борьбы за отрезки и спорные земли, от спонтанного взрыва возмущения и негодования действиями местной администрации оно стало переходить на этап сознательной и самоорганизованной борьбы за изъятие помещичьих земель в пользу общинного владения⁶⁰. Анализ аграрного движения в губерниях Центрального Черноземья посвящена работа воронежского историка В.А. Степынина⁶¹. На основе материалов центральных и местных архивов исследователь выясняет динамику и соотношения форм крестьянского протеста, устанавливает периодизацию аграрного движения времени первой русской революции.

Интерес представляет концепция «крестьянской революции 1902 – 1922 гг.», предложенная известным аграрником В.П. Даниловым. Он рассматривает аграрную революцию как непрерывный процесс, вызванный индустриально-рыночной модернизацией и имевший ярко выраженную антикапиталистическую направленность⁶².

Проблема отношение крестьянства к верховной власти нашла свое отражение в ряде работ современных историков. Образ царя в массовом сознании исследуется в работе Г.В. Лобачевой⁶³. О монархизме как черте российской ментальности размышляет в своей работе В.П. Кожевников⁶⁴. На основе широкого круга источников рассматривает проявления монархизма в крестьянской среде в конце XIX – начале XX в. известный специалист в этом вопросе А.В. Буганов⁶⁵. Оригинальный подход продемонстрировал питерский историк Б.И. Колоницкий, вскрывая механизм десакрализации монархии на основе изучения содержания слухов, имевших хождение в обществе в период Первой мировой войны⁶⁶.

Среди работ зарубежных историков, посвященных социальной активности крестьянства, следует отметить

исследования

Дж.

Скотта,

⁵³ Маслов П. Крестьянское движение в России в эпоху первой русской революции // Аграрный вопрос в России. Т. 2. Кн. 2. М., 1924. С. 15.

⁵⁴ См.: Шестаков А.В. Крестьянская революция 1905 – 1907 годов в России. М.-Л., 1926; Дубровский С.М. Крестьянское движение в революции 1905 – 1907 гг. М., 1956; Першин П.Н. Аграрная революция в России. В 2-х кн. М., 1966. и др.

⁵⁵ Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826 – 1857 гг. М., 1990. С. 130

⁵⁶ Миронов Б.Н. Социальная история. Т. 2. СПб., 2000. С. 256.

⁵⁷ См.: Буховец. О.Г. Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Материалы международ. конф. М., 1996.

⁵⁸ См.: Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. Ч. I–II. М., 1994.

⁵⁹ См.: Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987.

⁶⁰ Ушаков Н.М. Власть и крестьяне России на путях модернизации (XIX – начало XX века): проблемы историографии. Астрахань, 2001. С. 142.

⁶¹ См.: Степынин В.А. Крестьянство черноземного центра в революции 1905–1907 гг. Воронеж, 1991.

⁶² См.: Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902 – 1922 гг. // Крестьяне и власть. Материалы конф. М.-Тамбов, 1996. С. 4 – 23.

⁶³ См.: Лобачева Г.В. Самодержавец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX вв.). Саратов, 1999.

⁶⁴ См.: Кожевников В.П. Менталитет российской цивилизации: история и методология исследования. М., 1998.

⁶⁵ См.: Буганов А.В. Отношение к русским царям в народном сознании XIX – начала XX веков // Куда идет Россия? .. Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 253 – 261.

⁶⁶ См.: Колоницкий Б.И. К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны // Историк и революция. СПб., 1999.

Т. Шанина, Д. Филда. Английский историк и социолог Т. Шанин, характеризуя аграрное движение начала XX в., главный акцент делает на сознание крестьянства, отмечает его высокую способность к самоорганизации в борьбе за свои интересы⁶⁷. Исследуя повседневные формы сельского сопротивления, Дж. Скотт аргументировано доказывает эффективность «оружия слабых» в борьбе с властью⁶⁸. В монографии «Повстанцы во имя царя» Д. Филд выясняет природу народного мифа о «царе-заступнике» и эксплуатации его крестьянами в своих целях⁶⁹.

Наиболее широко в русской историко-правовой науке XIX в. проблема обычного права была поставлена в 1840 – 60-х гг. К.Д. Кавелиным. Существование обычно-правовых норм он выводил из особенностей общественного и семейного строя народа. В народных обычаях правовед видел ценный, но весьма сложный источник, сложившийся постепенно из разнородных элементов, скрупулезное изучение которого может объяснить важные исторические явления в прошедшей жизни народа⁷⁰.

Приоритет в изучении обычного права русской деревни принадлежит А. Ефименко⁷¹. Ею была сформулирована теория «трудового начала». Хорошим подспорьем для изучения правовых воззрений русского крестьянства стали материалы комиссии сенатора Любощинского, собравшего решения крестьянских судов в 15 губерниях России⁷². Богатый фактический материал, содержащийся в трудах комиссии, послужил основой для создания ряда работ⁷³. И.Г. Оршанский исследовал проявление обычного права в семейно-брачных отношениях⁷⁴. Роль правовых обычаев в области гражданских правоотношениях выяснил в своем авторитетном двухтомном исследовании юрист С.В. Пахман⁷⁵. Под редакцией Е. Якушкина вышли в свет четыре выпуска библиографического указателя по обычному праву с ценными комментариями⁷⁶. Научное сообщество проявило огромный интерес к проблеме. Историк В.А. Александров приводит данные о том, что только за 1876 – 1889 гг. в стране было опубликовано 3500 книг и статей, посвященных обычному праву. По его мнению, полемика шла в двух направлениях: теоретическом и практическом. В первом случае обсуждалась проблема соотношения законодательства и обычного права и значение последнего в жизни деревни, его роль в общинной организации крестьянства. Во втором – о применении норм обычного права в судебной-административной практике и возможности их кодификации⁷⁷.

По утверждению юриста В.И. Сергеевича, вплоть до установления самодержавия в России понятие закон и обычай представлялись синонимами, и поэтому на обычае был основан весь правопорядок общественных отношений⁷⁸. О значении обычного права в жизни деревни писал в своем исследовании «История русского права» Д.Я. Самоквасов. Он пришел к выводу, что «крестьянин в большинстве его семейных и общественных отношений не знал постановлений законодательства, а определял свои отношения к семье и общине понятиями о праве, может быть регулирующие семейные и общественные отношения за тысячу лет назад»⁷⁹. Схожего мнения придерживался Н.П. Загоскин. «Обычное право не утратило жизненного значения своего и в последующие эпохи русской жизни, известно, что почти исключительно обычным правом и до наших дней регулирует свою правовую жизнь наше крестьянство, т.е. огромно большинство русского народа»⁸⁰. На существование непрерывной связи между современными ему обычаями и обычным правом Древней Руси настаивал И. Тютрюмов. Он писал, что «обращаясь к народно-обычному праву, мы не можем не заметить той непрерывной связи между современными

⁶⁷ См.: Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905 – 1907 гг. – 1917 – 1922 гг. М., 1997.

⁶⁸ См.: Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 26-59.

⁶⁹ Field D. Rebels in the Name of Tsar. Boston, 1976.

⁷⁰ Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4-х т. Т. 2. СПб., 1897. С. 56, 57.

⁷¹ См.: Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Обычное право. М., 1884. Вып. 1.

⁷² См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов (словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения волостных судов, съездов Мирowych посредников и губернских по делам присутствий). Т. 1 – 9. СПб., 1873 – 1874.

⁷³ См.: Березанский П. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев. 1880; Чепурный К.Ф. К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии. Киев, 1874.

⁷⁴ См.: Оршанский И.Г. Исследование по русскому праву: обычному и брачному. СПб., 1879.

⁷⁵ См.: Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. В 2-х т. СПб., 1877.

⁷⁶ См.: Якушкин Е.И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Вып. 1. М., 1910.

⁷⁷ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М., 1984. С. 17.

⁷⁸ Сергеевич В.И. Лекции по истории русского права. СПб., 1890. С. 24.

⁷⁹ Самоквасов Д. История русского права. Т. 1. Варшава, 1878. С. 245.

⁸⁰ Загоскин Н.П. История права русского народа. Т. 1. Казань, 1899.

обычаями крестьян и обычаями древнего быта»⁸¹. В начале XX в. о самостоятельном существовании и развитии обычного права писали А.А. Леонтьев и К.Р. Качоровский⁸².

Активная роль в изучении обычного права принадлежала российским научным обществам. Одним из первых сбор и обобщение правовых обычаев провело Русское географическое общество. Материалы архива были систематизированы и описаны известным этнографом К. Зелениным⁸³. Изучением правовых устоев деревни плодотворно занималось этнографическое отделение императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Общество выпустило сборники по правовому быту крестьянства⁸⁴.

Однако некоторые исследователи отрицали существование правовых народных традиций. «Никаких народных правовых обычаев общих не только сколько-нибудь обширному району, но даже группе соседних селений не существовало», – утверждал в своем исследовании Г.А. Евреинов⁸⁵. Даже те, кто признавали наличие в деревне норм обычного права, считали невозможным их применение в регулировании правовых отношений. На основе материалов Свода трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России А. Риттих пришел к выводу о том, что «обычное право не приведено в порядок, чтобы оно могло служить правовым руководством постоянных и одинаковых решений. Противоречия во многом писаному праву, нормы обычного права часто противоречат друг другу»⁸⁶. С. Витте скептически оценивал наличие в деревне прочных правовых обычаев, утверждая, что в начале требуется провести большую работу по их выявлению и анализу, а только потом рассуждать об их использовании⁸⁷.

«Народное право и право культурное, – по мнению А.Я. Ефименко, – представляли собой два строя юридических воззрений, типически отличных один от другого и поэтому всякая попытка систематизировать народное право по нормам юридических теорий есть самое неблагоприятное дело»⁸⁸. В свою очередь К.Р. Качоровский обращал внимание: «не тот вред, который наносится тогда, когда государство публикует законы, не согласуясь с интересами и представлениями крестьян». Он призывал: «...учиться у народа таким свойствам его юридической практики, как отсутствие формализма, внимательное отношение к личности, стремление поступать по справедливости»⁸⁹. А. Леонтьев и другие даже предлагали путь совершенствования народного права через кодификацию его, как это было с другими сферами законодательства на ранних стадиях их развития⁹⁰.

Полемика среди ученых шла и по вопросу будущности волостных судов. Активным защитником крестьянских судов выступил исследователь П. Скоробогатый⁹¹. На сохранении волостных судов настаивали Н. Калачов, В. Птицын, П. Матвеев. Они считали, что народное правосудие близко крестьянам «по духу» и месторасположению, а также доступно по цене⁹². Обосновывали свою позицию сторонники сохранения крестьянских судов и действенности народных обычаев наличием принципиальных расхождений между законами и крестьянскими правовоззрениями, а также несоответствием официальных норм условиям народного быта⁹³.

Иной точки зрения придерживались в своих работах А. Риттих, П. Обнинский, Ф. Уманец. Они предлагали уравнивать крестьян в сфере правосудия с представителями других сословий, уничтожив специальные крестьянские учреждения. Ф. Уманец считал, что сельские суды следует заменить мировыми⁹⁴. На полном исчезновении «старых» правовых обычаев настаивал П. Обнинский⁹⁵. А. Риттих писал о необходимости обеспечить деревню обязательным для всех гражданским законом⁹⁶.

⁸¹ См.: Александров В.А. Указ. соч. С. 18.

⁸² См.: Леонтьев А.А. Крестьянское право. СПб., 1909; Качоровский К.Р. Народное право. М., 1906.

⁸³ Зеленин К.Д. Описание рукописей ученого архива Императорского РГО. Пг., 1914 – 1916. Т. 1 – 3.

⁸⁴ Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования). М., 1889. Вып. 1; Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1891. Т. 11.

⁸⁵ Евреинов Г.А. Крестьянский вопрос в его современной постановке. СПб, 1903. С. 60.

⁸⁶ Риттих А.А. Крестьянский порядок. СПб., 1904. С. 23.

⁸⁷ См.: Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. Вып. 2. М., 1997. С. 113.

⁸⁸ Ефименко А.Я. Указ. соч. С. 171.

⁸⁹ Качоровский К.Р. Народное право. М., 1906. С. 44.

⁹⁰ Цит. по: Левин М. Указ. соч. С. 114.

⁹¹ См.: Скоробогатый П. Очерки крестьянского суда. М., 1882.

⁹² См.: Калачов Н.В. О волостном и сельском суде в древней и новой России. СПб., 1880; Птицын В.В. Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии. СПб., 1886; Матвеев П.А. Крестьяне и Свод Законов. М., 1883.

⁹³ Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: Опыт юридической антрометрии. Ростов н/Д, 2000. С. 20.

⁹⁴ Уманец Ф.М. Из моих наблюдений по крестьянскому делу. СПб., 1891. С. 112.

⁹⁵ Обнинский П.Н. Закон и быт. Очерки и исследования нашего реформируемого права. Вып. 1. М., 1891. С. 392.

⁹⁶ Риттих А.А. Указ. соч. С. 25.

Первые опыты изучения обычного права пореформенной деревни советскими историками были предприняты в 1970 – 80-е гг. Это проблема обсуждалась на XVII и XVIII сессиях (1980, 1982) Всесоюзного симпозиума по аграрной истории. М.М. Громыко в своей работе, посвященной сибирской деревни, рассматривала повседневную практику общинной крестьянской жизни сквозь призму общеправовых норм. П.Н. Зырянов попытался проследить изменения, происходившие в обычном праве деревни после реформы 1861 г. В своей работе он рассмотрел влияние обычного права на общинное землевладение и роль обычаев в разделе семейного имущества и его наследования⁹⁷. В 1984 г. в свет вышла монография В.А. Александрова «Обычное право крепостной России XVIII – начала XIX в.» В ней автор анализирует роль обычного права в хозяйственной жизни села. Месту общеправовых норм в функционировании крестьянского двора посвящены работы Л.И. Кучумовой⁹⁸. 1990-е гг. были отмечены новым всплеском исследовательского интереса к данной проблематике. В публикациях И.Н. Милоголовой были затронуты вопросы семейной собственности, положения крестьянки, распределения хозяйственных функций и их обусловленность нормами обычного права⁹⁹. Правовая культура русской деревни, деятельность волостных судов получили свое освещение в работах историков Т.Н. Тарабановой и Л.И. Земцова¹⁰⁰. В фундаментальном исследовании социальной истории России Б.Н. Миронов дал обстоятельный обзор состояния обычного права¹⁰¹. Антропологический подход в изучении правовой ментальности российских крестьян второй половины XIX века применяет в своем исследовании Т.В. Шатковская¹⁰².

Свой вклад в изучение проблемы внесли зарубежные историки, особенно работающие в области крестьяноведения. Следует выделить работу М. Левина «Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи».

В ней автор не только обстоятельно проанализировал состояние дореволюционной историографии проблемы обычного права, но и показал значение юридических обычаев крестьян в самых разных сферах жизни русской пореформенной деревни¹⁰³. Взаимодействию правовой идеологии и юридической практики крестьянских судов в начале XX в. посвящена статья Джейна Бербанка. По утверждению автора, деятельность волостных судов способствовала формированию самосознания крестьянства и развитию правовой культуры российской деревни¹⁰⁴. С позиции антропологического подхода, изучает различные формы крестьянского самосуда американский исследователь С. Фрэнк. Самосуд он трактует как акцию крестьянской общины, направленную на пресечение действий, которые угрожали нарушить традиционные социальные отношения или нанести урон хозяйству деревни¹⁰⁵. Анализ типологии проявления самосуда приводит исследователей к выводу, что многие из них носили ненасильственный характер и имели много общего с символическими формами наказания. Такие акты «самосудов» считаются наиболее очевидным проявлением аграрного, традиционного сознания. Из последних работ наших зарубежных коллег следует выделить статью Т. Шанина. В этой обобщающей работе автор выделяет особенности обычного права в русской деревне¹⁰⁶.

Завершая эту часть, историографический обзор, можно сделать вывод о том, что функционирование обычного права в русской деревне второй половины XIX в. было доказано в дореволюционной историко-правовой и этнографической литературе. Следует согласиться с утверждением историка В.А. Алек-

⁹⁷ См.: Зырянов П.И. Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вып. 6. Вологда, 1976.

⁹⁸ См.: Кучумова Л.И. Крестьянский двор и семья в общине Европейской России второй половины XIX в. // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы Всеросс. науч. конф. Ч. 1. Вологда, 1992; Она же. Сельская поземельная община Европейской России // Исторические записки. М., 1981. Т. 106.

⁹⁹ См.: Милогорова И.Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. 1998. № 2; Она же. О праве собственности в пореформенной крестьянской семье // Вестник МГУ. 1995. № 1; Она же. Распределение хозяйственных функций в пореформенной русской крестьянской семье // Советская этнография. 1991. № 2.

¹⁰⁰ См.: Земцов Л.И. Волостные суды Центрального Черноземья в начале 70-х гг. XIX в. // Исторические записки. Вып. 5. Воронеж, 2000; Тарабанова Т.Н. Состав волостных судов // Вестник МГУ. Серия 8. 1993. № 2.; Она же. Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов) // Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993.

¹⁰¹ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) В 2-х т. Т. 2. СПб., 2000. С. 67 – 78.

¹⁰² См.: Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: Опыт юридической антропологии. Ростов н/Д, 2000.

¹⁰³ Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение ... Вып. 2. М., 1997.

¹⁰⁴ Джейн Бербанк. Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция: перспективы начала XX века // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Антология. Самара, 2000. С. 296.

¹⁰⁵ См.: Фрэнк С. Народная, юстиция и культура русского крестьянства. 1870 – 1900 // История ментальностей и историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 237.

¹⁰⁶ См.: Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Куда идет Россия? ... Формальные институты и реальная практика. М., 2002. С. 267 – 273.

сандрова, который писал, что «исследование обычного права может быть осуществлено в социально-политическом, фискальном, хозяйственном, гражданском, мировоззренческом, этическом аспектах. Однако при всем многообразии, так или иначе, внимание фиксируется на двух общественных институтах деревни – сельской общине и крестьянской семье, определивших всю повседневную жизнь крестьянства»¹⁰⁷.

В дореволюционной историографии среди работ, посвященных семейному быту, большинство принадлежало специалистам по обычному праву. По мнению теоретиков «трудового начала» (А.Я. Ефименко, А.А. Леонтьева и др.), крестьянская семья представляла трудовую ассоциацию или трудовую ячейку, в которой кровная связь была элементом второстепенным. С.В. Пахман, напротив, настаивал на том, что отношения в крестьянской семье основаны на кровном родстве и бытовавших нормах обычного права¹⁰⁸. Роль официального законодательства в регулировании сфер жизнедеятельности крестьянского двора описана в труде А.Ф. Мейндорфа¹⁰⁹. Анализ внутрисемейных отношений и значение в них норм обычного права деревни дан в пространным очерке И. Тютрюмова¹¹⁰. Положение женщины в крестьянской семье рассмотрено в журнальных публикациях А. Филиппова, И. Харламовой¹¹¹.

В работах первых лет советской власти авторы основной акцент делали на критике патриархальных устоев крестьянской семьи. Сельская молодежь как носительница идей нового быта противопоставлялась старшему поколению¹¹².

Существенный вклад в изучение семейной повседневности внесли современные этнографы. В сборниках «Русские: семейный и общественный быт» (М., 1989), «Русские» (М., 1997) авторами исследованы семейное хозяйство, демографическое поведение, традиции и обряды сельской семьи. Широкий спектр проблем семейного быта от производственных до духовно нравственных нашел научное осмысление в монографии М.М. Громыко¹¹³.

На основе статистического материала Б.Н. Миронов обосновал тенденцию поэтапной трансформации патриархальной семьи в нуклеарную.¹¹⁴ В отличие от отечественных специалистов западные историки считают, что на основной части Европейской России вплоть до конца XIX века господствовала составная семья (С. Хок, К Воробек.)¹¹⁵ Анализ демографической ситуации крестьян среде конца XIX – начала

XX в. дан в работах С.Д. Морозова¹¹⁶. Группа тамбовских историков на основе данных метрических книг ряда сельских приходов изучила причины изменения уровня рождаемости и смертности, а также особенности брачного поведения жителей деревни¹¹⁷.

Дореволюционные ученые, ставшие свидетелями масштабного процесса семейных разделов в русской деревне, попытались установить причины и последствия этого явления¹¹⁸. Соотношение больших и малых семей в воронежской деревне, их типологию и имущественное положение исследовал К.К. Федяевский¹¹⁹. Распад патриархальной семьи оценивался советскими историками как закономерное следствие развития товарно-денежных отношений в деревне¹²⁰. Рост семейных разделов в пореформенную эпоху рассматривается западными исследователями в контексте внутриобщинных отношений (К. Воробек, Ю. Палло, Р. Гликман)¹²¹.

¹⁰⁷ Александров В.А. Указ. соч. С. 36.

¹⁰⁸ См.: Пахман С.В. Обычное право в России. Т. II. СПб., 1877. С. 22.

¹⁰⁹ См.: Мейндорф. А.Ф. Крестьянский двор. СПб., 1909.

¹¹⁰ См.: Тютрюмов И. Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 4, 7, 10.

¹¹¹ См.: Филиппов А. Женщина в крестьянской семье // Русское богатство. 1880. № 3–4; Там же. Харламова И. Женщина в русской семье.

¹¹² См. Внуков Р.Я. Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929; Кретов Ф. Деревня после революции. М., 1925; Яковлев Н. Наша деревня в новом и старом. М., 1925.

¹¹³ См.: Громыко М.М. Указ. соч. С. 155 – 205.

¹¹⁴ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С.

¹¹⁵ См.: Хок С. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.

¹¹⁶ См.: Морозов С.Д. Брачность и рождаемость крестьян Европейской России (конец XIX – начало XX в.) // Крестьяноведение. Вып. 3. М., 1999; Он же. Крестьянская семья Центральной России в 1897 – 1917 гг.: социально-демографическое развитие // Семья в ракурсе социального знания. Сб. науч. ст. Барнаул, 2001.

¹¹⁷ См.: Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Мизис Ю.А. Соотношение кагортного и сплошного анализа демографического поведения российского крестьянства XIX – начала XX в. // Социально-демографическая история России XIX – XX в. Современные методы исследования. Материалы науч. конф. Тамбов, 1999.

¹¹⁸ См.: В.В. Семейные разделы и крестьянское хозяйство // Отечественные записки. 1883. № 1, 2; Колесников В.А. Причины крестьянских семейных разделов. Ярославль, 1898.; Исаев А. Значение семейных разделов. По личным наблюдениям // Вестник Европы. Т. IV. 1883.

¹¹⁹ Федяевский К.К. Крестьянская семья Воронежской губернии по переписи 1897 г. СПб., 1905.

¹²⁰ См.: Дубровский С. Крестьянский двор и семейно-имущественные разделы. М., 1926; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861 – 1880. М., 1978.

¹²¹ Подробнее см.: Карагодин А.В. Указ. соч. С. 16.

Современные работы в области гендерных исследований позволили выяснить роль женщины в процессе сохранения и трансформации семейного уклада. Анализ повседневности крестьянки существенно расширил научные представления о содержании деревенских будней¹²². Плодотворными стали изыскания этнографов в плане реконструкции обрядовой жизни крестьянской семьи¹²³. В работе Т.В. Приваловой нашли отражения проблемы медико-санитарного состояния русской деревни и питания сельского населения¹²⁴.

Проблемы духовного и нравственного состояния русской деревни в историографии освещены недостаточно. В дореволюционный период практически не было работ, в которых бы специально рассматривалась роль православия в жизни российской деревне. Публикации первых лет советской власти носили преимущественно пропагандистский характер и стремились доказать разрыв жителей села с религией¹²⁵. Л.И. Емелях приводит примеры роста антиклерикальных настроений в крестьянской среде¹²⁶. Не свободна от идеологических штампов и работа П.Н. Зырянова¹²⁷. Преодолеть стереотипы прежних подходов удалось в исследованиях последних лет¹²⁸. Значение православных традиций в жизни крестьянской семьи выяснено в работе В.Ю. Лещенко. Проявления крестьянской религиозности в различных сферах труда и быта русской деревни исследовали этнографы Т.А. Воронина, С.В. Кузнецов, Т.А. Листова, Л.А. Тульцева и др.¹²⁹.

В 1980 – 90-х гг. зарубежными исследователями были исследованы вопросы о верованиях и обычаях крестьян, места суеверий в их культуре, динамики их изменения под воздействием модернизации¹³⁰.

Обширный материал о суевериях и обрядах русской деревни был собран и обобщен исследователями конца XIX века¹³¹. В своем благородном стремлении зафиксировать и сохранить уходящий пласт духовной культуры этнографы обращали внимание на древние представления, а не на повседневные проявления массовой религиозной жизни. Формы сельскохозяйственной обрядности и аграрной магии были описаны в работе В.Я. Проппа¹³². Известный этнограф Д.К. Зеленин не только дал блестящие комментарии к материалам архива РГО, но и на их основе написал ряд работ, посвященных сельскому суеверию¹³³. Обширный фактический материал для изучения бытового суеверия представлен в трудах А.Н. Афанасьева, С.В. Максимова¹³⁴. Из работ последних лет следует отметить книгу воронежского исследователя В.И. Дынина¹³⁵ и энциклопедию русских суеверий, составленную М. Власовой¹³⁶.

Специальных работ, посвященных проблеме пьянства в крестьянской среде до начала XX в., практически не было, за исключением статей в медицинских изданиях. Сезонность употребления спиртного и зависимость его от урожаев попытался установить в своей работе С.А. Первушин¹³⁷. Профессор И.Х. Озеров привел статистические данные о душевом потреблении алкоголя в городе и деревне. Он пришел к выводу, что чем меньше было у крестьян земли, тем больше они

¹²² См.: Милоголова И.Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. 1998. № 2; Тульцева Л.А. Вдовья доля // Этнографическое обозрение. 1995. № 3; Федоров В.А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) // Вестник МГУ. 1994. №4.

¹²³ См.: Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. Л., 1988; Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка // Русские. М., 1997. С. 500 – 516.

¹²⁴ См.: Привалова Т.В. Быт русской деревни (медико-санитарное состояние деревни Европейской России) 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX в. М., 2000.

¹²⁵ См.: Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. М., 1932; Семенов В. Кто кого (борьба старого и нового быта). М., 1928.

¹²⁶ См.: Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.-Л., 1965; Он же. Крестьяне и церковь накануне Октября. М., 1976.

¹²⁷ См.: Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией. М., 1984.

¹²⁸ Подробнее см.: Громыко М.М., Кузнецов С.В., Буганов А.А. Православие в русской народной культуре. Направление исследований // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 60 – 68; Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001.

¹²⁹ См.: Воронина Т.А. Пост в жизни русских // Православие и народная культура. М., 1995. Кн. 5. С. 5 – 89; Кузнецов С.В. нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков ... С. 168 – 192; Листова Т.А. Народный православный обряд создания семьи // Там же. С. 7 – 35; Тульцева Л.А. Божий мир православного крестьянина // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.) ... С. 294 – 305.

¹³⁰ Ramer S. Traditional Healers and Peasant Culture in Rissian, 1861 – 1917 // Kingston – Mann E., Mixer, T (eds). Op. cit. Pp. 207 – 233.

¹³¹ См.: Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии // Живая старина. 1890. Вып. 2. С. 115 – 121; Ушаков. Д.Н. Материалы по народным верованиям великорусов // Этнографическое обозрение. 1896. № 2 – 3.

¹³² См.: Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М., 2000.

¹³³ См.: Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916.

¹³⁴ См.: Афанасьев. А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М., 1995; Максимов С.В. Крестная сила, нечистая сила, неведомая сила. Кемерово, 1991.

¹³⁵ См.: Дынин В. И. Когда расцветает папортник ... Народные верования и обряды южно-русского крестьянства XIX – XX веков. Воронеж, 1999.

¹³⁶ См.: Воронина М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб., 1998.

¹³⁷ См.: Первушин С.А. Влияние урожаев в связи с другими экономическими факторами на потребление спиртных напитков в России. М., 1909.

пили¹³⁸. Д.Н. Воронов, на основе многолетних наблюдений, утверждал, что сельское пьянство обусловлено обрядовыми мотивами и общественными обычаями¹³⁹. Современные исследователи касались этой проблемы в связи с характеристикой общинных порядков¹⁴⁰, сельского правосудия¹⁴¹, трезвенного движения¹⁴², введение «сухого» закона¹⁴³ и т.п. В статьях историков С.А. Павлюченкова, К.Б. Литвака выясняется роль алкоголя в революционной и послеоктябрьской деревне¹⁴⁴. Интересные наблюдения, по существу вопроса, приведены в книге И.Р. Такала¹⁴⁵.

Завершая историографический обзор, следует отметить, что в большей мере исторической литературе изучены вопросы хозяйственной деятельности крестьянства, общественно-политической активности деревни, семейно-брачных отношений. Проблемы крестьянского менталитета, общественного сознания деревни, правовых воззрений жителей села требуют своего дальнейшего исследования.

Источники. В основу монографии положен архивный материал, извлеченный из фондов центральных и местных архивов. Часть использованных документов введена в научный оборот впервые. Сложность сбора фактического материала была обусловлена спецификой рассматриваемой проблемы. Документы, отражающие (прямо, а чаще косвенно) состояние сельской повседневности рассредоточены в фондах различных ведомств и учреждений. Практически нет, что вполне закономерно, свидетельств, исходящих непосредственно от крестьян. Однако в работе широко использована информация представителей сельской интеллигенции, являвшихся активными участниками обследований деревни, проводимых научными обществами (РГО, ВЭО, ОЛЕАЭ). Архивы этих обществ содержат ценный материал, отражающий хозяйственный уклад села, состояние общинных традиций, правовые воззрения крестьян, культуру и быт жителей деревни. Богатый материал (более 2 тыс. документов) находится в фонде Этнографического бюро Российского этнографического музея кн. В.Н. Тенишева. Документы тенишевского фонда еще недостаточно востребованы и изучены специалистами по отечественной истории. Корреспонденции (учителей, священников, землевладельцев, редко крестьян), присланные в качестве ответов на вопросы программы исследования, дают представления о разных сторонах жизни русского села конца XIX – начала XX в. Наиболее широко в фонде представлены сведения по Орловской губернии, в значительно меньшей мере по Тамбовской и Курской губерниям и совсем немного источников из Воронежской губернии. Особый исследовательский интерес представляла та часть сообщений, которая содержала характеристику взаимоотношений в сельском быту, поведения в семье, интимной жизни крестьян. Одним словом все то, что оставалось скрыто от постороннего взгляда. Наполнить настоящее исследование живым содержанием позволили содержащиеся в документах бытовые зарисовки, деревенские происшествия, эпизоды повседневности, семейные сцены и т.п. Приводимые в документах диалоги жителей села, деревенские слухи, крестьянские суждения дают представления об особенностях крестьянской психологии, сельского менталитета. Методика сбора информации и ее систематизация являются хорошей основой для сопоставительного анализа, выяснения тенденций явлений и их обобщений.

Проблемы хозяйственной жизни села, обыденного восприятия крестьянами власти, правовые отношения и др. изучались посредством использования материалов фондов РГИА, ГАРФ, РГАЭ, РГАСПИ. Из фонда Земского отдела МВД (РГИА. Ф. 1291) извлечены документы, характеризующие деятельность земских начальников, выборных лиц сельского и волостного правлений, раскрывающие состояние земельных отношений (аренда, покупка, наследование) и форм землепользования, содержащие сведения о состоянии сельской преступности и движения дел в волостных судах. Состояние земледелия и агротехники, сведения о плодородии почв, приемах обработки полей и урожаях отложились в материалах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Ф. 1233). Дополнительный материал о земельных отношениях почерпнут мной из фонда департамента земледелия (Ф. 398), Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики (Ф. 395). Суть земельных исков крестьян и порядок разрешения земельных споров позволили установить документы II-го (крестьянского) департамента Сената (Ф. 1344).

¹³⁸ Озеров И.Х. Алкоголизм и борьба с ним. Вып. VII. М., 1914. С. 76.

¹³⁹ Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 г. Пенза, 1913. С. 75.

¹⁴⁰ Вронский О.Г. Указ соч. С. 48–49.

¹⁴¹ Шатковская Т.В. Указ. соч. С. 60, 158, 172, 191.

¹⁴² Зырянов П.Н. Крестьянская община ... С. 237 – 241.

¹⁴³ Мак-Ки А. Сухой закон в годы первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914 – 1917 гг. // Россия и первая мировая война. Материалы международ. науч. кол-ма. СПб., 1999. С. 146 – 159.

¹⁴⁴ См.: Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Литвак К.Б. Самогонование и потребление алкоголя в деревне 1920-х гг. // Отечественная история 1992. № 4.

¹⁴⁵ См.: Такала И.Р. «Веселие Руси»: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002.

Причины внутриобщинных конфликтов, недовольства действиями выборных лиц, сопротивления властям дали возможность установить документы министерства юстиции (Ф. 1405). Обследованные дела позволили выяснить характер и мотивы крестьянских выступлений.

Отчеты правящих архиереев в Синод содержат ценную информацию о духовно-нравственном состоянии русского села, уровне религиозности крестьянства. В них содержатся примеры истинного народного благочестия, вместе с тем, не замалчиваются пороки сельского быта. Обращение к материалам духовных консисторий епархий позволило существенно расширить источниковую базу за счет привлечения рапортов благочинных округов. В них содержатся наблюдения приходских священников о влиянии на прихожан отхожих промыслов, войны, революционных событий, городской культуры и т.п. Не ускользали от взгляда сельского духовенства и те перемены, которые происходили в семейном укладе, общинных устоях, сельских традициях.

Использование фондов личного происхождения (Ф. 919 – Воронцовых-Дашковых; Ф. 950 – Ф. Калачова; Ф. 1571 – А. Кривошеева) дало возможность выявить документы об аграрном движении, состоянии волостных судов, имущественных сделках крестьян и взглядах жителей села на различные виды уголовные преступления.

В настоящей работе достаточно широко были использованы фонды Государственного архива Российской Федерации. В фонде Департамента полиции (Ф. 102) отработан значительный массив дел, содержащих сведения об аграрных беспорядках. Посредством обработки этих материалов удалось установить географию, масштабы, формы и методы крестьянского движения. Донесения губернаторов и губернских жандармских управлений, рапорты уездных исправников содержат обширный материал, позволяющий проанализировать повседневные приемы крестьянского сопротивления, механизм сельских бунтов и роль в них общины, а также выяснить мотивы участия деревенских жителей в противоправных действиях. Сведения о состоянии органов крестьянского самоуправления, характеристика деятельности сельских старост и волостных старшин, земских начальников и чинов сельской полиции содержится в фондах В.К. Плеве (Ф. 586), Н.П. Игнатьева (Ф. 730). Материалы фонда уголовного отдела министерства юстиции (Ф. 124) содержат дела об оскорблении крестьянами императора. Они были использованы в исследовании вопроса отношения жителей села к верховной власти.

Для выяснения состояния сельских традиций после свержения царизма были привлечены фонды учреждений Временного правительства (Ф. 930, 1791, 1796, 1797, 1800), а также советских органов власти, в частности НКВД (Ф. 393), наркомата юстиции (Ф. А.-353). Изменения в формах землепользования, общественном устройстве, культуре и быту в первые годы советской власти выявлены на основе материалов фонда редакции «Крестьянской газеты» (Ф. 396), хранящихся в Российском государственном архиве экономики.

К группе архивных документов примыкают и материалы личных архивов, хранящиеся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. В фонде Воронцовых-Дашковых (Ф. 58/II) обнаружена записка Н.А. Хвостова о волостных судах, фонде К.П. Победоносцева (Ф. 230) – приговор крестьян Моршанского уезда на имя императора Александра III.

Из фондов региональных архивов (Государственный архив Воронежской области, ГАКО, ГАОО, ГАТО) извлечены сведения о социальной активности жителей центрально-черноземной деревни, данные земской статистики, отражающие экономическое положение крестьянских хозяйств и демографические процессы в селе. Обследованы документы канцелярий губернаторов, ГЖУ, присутствий по крестьянским делам и т.д. Состояние волостного судопроизводства и крестьянские правоотношения рассматривались на основе фондов волостных судов Тамбовской губернии (Ф. 231, 232, 327, 330, 331, 334, 788). Материалы фондов участковых земских начальников губернии (Ф. 215 – 219, 262 – 269, 706, 707), Тамбовского губернского присутствия по крестьянским делам (Ф. 26) дали возможность рассмотреть содержание гражданских и уголовных дел, т. е. следствие конфликтов, возникавших в обыденной жизни села. Дополнить представления о повседневных формах крестьянского протеста и политических настроениях жителей деревни помогли документы фондов ГАВО (Ф. 1, 6). Содержательным источником для данного исследования стали приговоры и наказания сельских и волостных обществ. Первоисточники содержат информацию о повседневных нуждах и интересах крестьян, об отношении жителей деревни к власти, формах социальной защиты однообщественников, обыденных заботах сельских семей.

Следующая группа источников – официальные документы. Это, прежде всего, законодательство о крестьянах периода 1881 – 1917 гг. В написании работы были использованы труды правительственных (сенатских) комиссий, обследовавшие различные стороны жизни российской деревни, опубликованные материалы особых совещаний, отчеты сенаторских ревизий губерний Центрального Черноземья, своды и сборники по крестьянскому вопросу. Полезным стало обращение к материалам губернских совещаний, журналам губернских и

уездных земских собраний. Информационно насыщенными являются губернаторские отчеты за исследуемый период. В анализе хозяйственной деятельности крестьян оказались востребованы данные центральной и земской статистики. Изучение демографической ситуации, уровня сельской преступности, нравственного облика деревни стало возможным, благодаря привлечению материалов земских обследований. Данные крестьянских бюджетов позволили определить имущественное положение сельских семей, а также факторы, определяющие их социальный статус. В эту группу также можно включить опубликованные архивные документы. Для характеристики традиций аграрного движения автор широко использовал сборники, хроники как центральных, так и местных изданий.

Хорошим подспорьем в изучении проблемы стали материалы периодической печати. В «толстых» общественно-политических и литературно-художественных журналах конца XIX в. практически постоянно появлялись статьи, очерки, исследования, обзоры, воспоминания, отражающие современное состояние русской деревни. Авторы публикаций «Русского богатства», «Вестника Европы» часто касались проблем сельской повседневности. Вопросы обычного права, традиций и обычаев деревни, сельских суеверий освещались журналами «Этнографическое обозрение», «Живая старина», «Русская старина». Атмосферу сельских будней помогли ощутить корреспонденции из деревни в «Губернских ведомостях». Эпизоды крестьянского быта, извлеченные из губернской периодики, стали хорошим иллюстративным материалом в изложении проблем крестьянской повседневности и сельских традиций.

Бесценными источниками, позволяющими услышать «голос» крестьянства, являются устные свидетельства. Воспоминания старожил, крестьянские мемуары, материалы полевых экспедиций дают возможность не только сохранить приметы ушедшей эпохи, но и реконструировать повседневные отношения села вековой давности, определить степень сохранения жителями села традиций предыдущих поколений.

Проведенный источниковедческий анализ показал, что интересующие материалы разбросаны в многочисленных архивных фондах. Крайне мало документов, происходящих из крестьянской среды. Документы органов власти, в большей мере, содержат косвенную информацию по интересующему нас вопросу. Сопоставление документов местных и центральных архивов в плане прохождения конкретного дела показывает, что в донесениях вышестоящим органам опускаются детали, представляющие интерес для исследователя. Для дальнейшего изучения заявленной темы требуется привлечения новых источников, в том числе и массовых.

* * *

Считаю своим долгом выразить благодарность сотрудникам ГАРФ, РГАСПИ, РГИА, РЭМ, РГО, государственных архивов Воронежской, Курской, Тамбовской областей, работникам центральных и региональных библиотек за оказанную помощь в сборе материалов. Признателен своим коллегам С.А. Есикову, Н.В. Токареву за их ценные замечания, высказанные в ходе работы над книгой. Благодарен руководству университета и кафедры за их доброе участие и содействие в реализации данного исследования. С пониманием к моим длительным командировкам относилась моя жена. Ее поддержка была для меня особенно важна в это время. Спасибо! Настоящая книга не вышла бы в свет без финансовой помощи ООО «Тамбоврегионгаз» (Ген. директор А.Б. Климов) Сердечную благодарность хочу высказать Пахомовой Валентине Николаевне.

Глава 1

ТРАДИЦИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ПЕРЕМЕНЫ В КРЕСТЬЯНСКОМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ

ТРУД НА ЗЕМЛЕ. ТРАДИЦИИ АГРОКУЛЬТУРЫ

Традиционным занятием русского крестьянства было земледелие. Земля и труд на ней выступали для крестьянина основой его жизни. Хлебопашество сформировало у мужика особое, трепетное отношение к земле. Не будучи по натуре сентиментальным, крестьянин в определениях земли использовал самые нежные эпитеты: «матушка-земля», «земля-кормилица». Сакральное отношение жителей села к земле обнаруживалось в распространенном обычае клятвы землей и в тех многочисленных деревенских обрядах, которые были с ней связаны. В мировосприятии селянина земля – «дар Божий», а право на ней трудиться – священо. Определение себя как «соли земли» выражало сознание крестьянами значимости труда пахаря. Крестьянин – самоучка Т. Бондарев в начале XX века писал: «Как без Бога, так и без хлеба, так-

же без хлебоделца вселенная существовать не может»¹⁴⁶. Характер аграрного труда выработал архетип слитности крестьянина с землей. Обладание ей для русского мужика являлось высшей справедливостью. Земледельческий труд для крестьянина был больше, чем просто процесс материального воспроизводства, он составлял основу его духовной жизни. Неслучайно, что в восприятии великорусского пахаря «земля» и «душа» выступали понятиями одного порядка. Проницательный А.И. Шингарев, итожа свои наблюдения за жизнью воронежских крестьян, отмечал: «Крестьяне во всех своих разговорах и рассказах об их горестях, не перестают употреблять слова «Земля, земля, земля», «Душа ... душа ... душа», до бесконечности варьируя сочетание этих слов и эпизоды своего грустного прошлого и настоящего, – ибо надежды есть и у них – на лучшее будущее»¹⁴⁷.

Вполне закономерно, что разговор о сельской повседневности начат с характеристики земледельческого труда, основы крестьянского существования. «Кормит не пашня, а нива» – говорили в деревне, подчеркивая определяющее значение труда в получении конечного результата. Заботой о «хлебе на-сущном» пронизана вся канва сельского бытия. От рождения и практически до самой смерти житель села был включен в привычный круговорот работ земледельца. От пахоты до жатвы череда дней хлебороба была наполнена изнурительным трудом по созиданию плодов земных. Для любого исследователя, пытающегося познать «великого незнакомца», наверное, нет более важной задачи, чем постижение содержания жизненного предназначения крестьянина – труда на земле. Объектами научного интереса являются орудия и приемы обработки земли, производимые культуры, характер общинного землепользования, природа хозяйственного консерватизма, роль традиций и новаций в экономическом укладе русского села.

Перечень выращиваемых в регионе сельскохозяйственных культур был в целом традиционен для среднерусской полосы. Из злаковых культур это рожь, овес, ячмень, просо, гречиха. Ведущая роль принадлежала озимой ржи. В севообороте губерний Центрального Черноземья в 1880-е гг. она занимала 80 – 90 % посевных площадей. Предпочтение этой зерновой культуре, служащей главным средством питания земледельческого населения, было обусловлено ее неприхотливостью. Рожь хорошо переносила капризы погоды, недостаток влаги, засоренность почв. В отличие от пшеницы рожь менее восприимчива к болезням и более устойчива к полеганию. Плотный ржаной колос не осыпался во время жатвы, а зерно легко хранилось в бытовых условиях. Самое главное, рожь не требовала многократной вспашки под посев, и убирать ее можно было вплоть до выпадения снега. Ее отличала стабильная урожайность, что имело особое значения для крестьянина, существование которого прямо зависело от того, что родит нива. Таким образом, господство ржи как основной зерновой культуры – итог многовекового воздействия на агрокультуру русского земледелия – критерия целесообразности¹⁴⁸.

Овес при своей неприхотливости к почвам и к агротехнике выступал одной из главных товарных культур. Его продажа в крестьянских хозяйствах составляла главный источник денежных средств¹⁴⁹. Овес был необходим, что тоже не мало важно, для корма лошадей. Хозяйки ценили овсяную крупу, легкую в приготовлении и сытную в еде. Преимущество овса в яровых культурах заключалось в том, что для его производства требовалась минимальная обработка почвы, пахали и бороновали один раз. Выгодно для крестьян было и то, что сев овса осуществлялся в ранние сроки («Сей овес в грязь – будешь князь»), густота посева экономила землю, зерно легко вымолачивалось. Правда, овес давал невысокий урожай (сам – 3, сам – 4), зато постоянный. Хорош овес был и как предшественник. Посевы овса создавали благоприятный агрономический фон, не случайно эту культуру называли и называют в деревне «санитаром» полей.

Среди других яровых культур в регионе высевали просо, ячмень и гречиху. Гречу ценили как продовольственную культуру. Она не требовала тщательной подготовки почвы, как правило, пахали под нее один раз и сеяли под борону. При этом гречиха, по словам крестьян, давала урожай и на «худых» землях. Как и горох, гречиха являлась прекрасным предшественником. Она умягчала землю, и рожь после нее урождалась обильной и чистой. В последние два десятилетия XX века в Тамбовской губернии производство гречихи заметно сократилось. Если в 1881 г. ей было занято 7,3 % посевных площадей, то в 1887 г. – 3,3, а в 1917 г. – 0,6. Сокращение возделывания некогда распространенной культуры объяснялось падением ее урожайности по причине истощения почв и значительным уменьшением пчеловодства в губернии. Гречиху вытесняли овес и просо. Просо, давая более высокие урожаи в сравнении с

¹⁴⁶ Бондарев Т. Трудолюбие и тунеядство или торжество земледельца. М., 1906. С. 55.

¹⁴⁷ Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежской губернии. СПб., 1907. С. 218.

¹⁴⁸ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического прогресса. М., 2001. С. 39.

¹⁴⁹ См.: Кашкаров М. Статистический очерк хозяйственного положения крестьян Орловской и Тульской губерний. СПб., 1902. С. 68 – 69.

гречихой, высевалось, главным образом, для «собственного потребления». Ячмень в крестьянских хозяйствах исполнял роль страховки урожая озимых. Это скороспелая культура давала, хотя невысокий, но гарантированный урожай, что было особенно важно в условиях рискованного характера российского земледелия.

Из технических культур в регионе выращивали коноплю, лен, сахарную свеклу, картофель, табак. В Курской, Воронежской и Орловской губерниях широкое распространение в крестьянских хозяйствах еще с XVIII в. получила конопля. Производства этой культуры пример того, что традиции полеводства не оставались неизменными, а были подвержены рыночной конъюнктуре. Несложная в технологии возделывания она привлекала крестьян тем, что продукты ее переработки масло и пенька пользовались устойчивым спросом¹⁵⁰. «Дергунец» – пустоцвет конопли шел на производство посконного полотна, что также было важно в условиях преимущественно натурального производства крестьянского двора. Посевы конопли быстро истощали почвы и поэтому даже в условиях тучных черноземов требовали внесения значительного количества удобрений. Под посевы конопли вывозили навоза вдвое больше, чем под пшеницу. Поэтому конопляники устраивали на огородах или ближайшем к усадьбе наделе. Эта культура в регионе (преимущественно в Орловской губернии) сохраняла товарный характер на всем протяжении всего периода конца XIX – начала XX вв. «Крестьяне много сеют коноплю, которая служит главным источником для взноса податей и повинностей», – сообщали в 1898 г. из Кромского уезда Орловской губернии¹⁵¹. Житель пос. Калиновский Болховского района Орловской области Н.С. Бондарев (1920 г.р.), вспоминая свое детство, говорил интервьюерам во время полевой экспедиции. 2001 г.: «Выращивали все для себя: картошка, рожь, пшеница, большинство сеяли коноплю. На конопле выручались, на волокне. Из семян оставляли себе только на посев, остальное гнали на масло – это самое лучшее растительное масло, само духовитое»¹⁵².

Лен преимущественно возделывался в северной части региона, главным образом, в Темниковском и Елатомском уездах Тамбовской губернии. Там сеялся лен-долгунец на волокно, имеющее прочную репутацию на льнопрядильнях центральной России. На черноземе выращивали лен, дающий сравнительно много семени и мало волокна, которое было гораздо худшего качества, чем волокно северного льна. Все добываемое льняное семя продавалось, волокно собирали крестьяне и использовали на нитки и холсты.

Развитие перерабатывающей промышленности в Центральном Черноземье вызвало потребность в сырье, как следствие в регионе увеличилось производство картофеля и сахарной свеклы. В «Обзоре Тамбовской губернии за 1881 год» отмечалось: «Если подобное прогрессивное возрастание количества перерабатываемого на винокуренных заводах картофеля будет продолжаться, то посев его, несомненно, увеличится. А при ведении картофеля в севооборот существующая в настоящее время трехпольная система по необходимости должна будет смениться многопольною, что, несомненно, приведет к улучшению земледелия»¹⁵³.

В последние два десятилетия XIX – начале XX вв. производство корнеплодов в крестьянских хозяйствах увеличилось, но их доля в посевах продолжала оставаться незначительной. Сахарную свеклу выращивали жители сел, расположенные вблизи сахарных заводов. Наибольшее их число в регионе приходилось на Курскую губернию. В период войны и революций (1914 – 1921 гг.) производство технических культур в регионе значительно сократилось. При сокращении посевных площадей под картофелем произошло увеличение доли этой культуры на крестьянских огородах. Теряя свое значение в качестве технической культуры, картофель в эти годы играл все большую роль как продукт питания.

Повседневные потребности крестьянской семьи определили перечень сельскохозяйственных культур производимых земледельцами. Их выбор зависел от качества почв, погодных условий, урожайности и т.п. Производство «рыночных» культур было обусловлено нуждой крестьян в средствах необходимых для уплаты налогов и приобретения промышленных товаров.

Орудия труда. Приемы обработки земли

Составной частью земледельческой культуры русской деревни являлись приемы обработки земли. Многовековой опыт хлеборобов выработал систему технологических операций, направленных на получение урожая. Повседневные заботы крестьянина практически в любое время года были прямо или косвенно связаны с землей. И это объяснимо. Ведь от того, как «родит» нива, зависело существование кре-

¹⁵⁰ См.: Милов Л.В. Указ. соч. С. 156.

¹⁵¹ Архивохранилище Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 7. Оп. 2. Д. 1161. Л. 1.

¹⁵² Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122. Л. 32об.

¹⁵³ Обзор Тамбовской губернии. 1881. Тамбов, 1882. С. 4.

стьянской семьи. В основе традиций крестьянского земледелия лежали Божественные установления о предназначении человека кормиться от трудов праведных, добывая свой хлеб в поте лица.

В конце XIX в. обработка земли в большинстве производилась традиционными орудиями труда. Набор сельскохозяйственных орудий, составлявший принадлежность крестьянского двора, был примерно одним и тем же: это борона, коса, серп, цеп, каток, мялка, крюк для таскания пеньки¹⁵⁴. Земское обследование Тамбовской губернии, проведенное в первой половине 1880-х гг., обнаружило повсеместно сошную вспашку и цепную молотьбу хлеба¹⁵⁵. По сообщению за 1898 г. информатора Н.И. Козлова, крестьяне села Студенка Кромского уезда «землю пашут сохами и скородят (т.е. боронят) деревянными боронами. Рожь жнут серпами, а яровые косами. Плугов-скоропашек, железных боронок у них нет»¹⁵⁶. Хлеба молотили, как и отцы и деды, цепами, молотилки были редкостью. Сельские корреспонденты упоминали о наличии молотильных машин лишь у отдельных хозяев. В одном случае такая машина была у старосты, в другом молотилкой владел местный богач, который молотил односельчанам хлеб из расчета 15 коп. с копны¹⁵⁷.

Преобладающим пахотным орудием в селе конца XIX – начала XX вв. являлась традиционная соха. Это объяснялось рядом причин. Соха являлась универсальным орудием, она использовалась во вспашке, севе, культивации. Конструктивная простота сохи позволяла производить ее модификацию, наиболее известная – косуля. «Можно удивляться разнообразия видов русской сохи в различных местностях нашего Отечества, – писал известный этнограф Д.К. Зеленин, – едва ли не в каждой волости существует особая разновидность сохи, сообразно с местными условиями почвы»¹⁵⁸. Функциональные особенности сохи наглядно проявлялись в ее сравнении с плугом. «Плугом, – рассказывал крестьянин с. Митрополье Тамбовской области, – конечно, глубже вспашешь, но плугом не регулируешь глубину вспашки по ходу, как сохой. Всегда знаешь, где рукой поддержать, надо и рукой поднимешь, когда чувствуешь, что соха «ушла»¹⁵⁹». Важным достоинством сохи выступала ее дешевизна. Практически каждый крестьянин мог ее «сладить» из подручных материалов. А железный сошник и полицы за небольшую плату мог сделать любой «доморощенный» кузнец. Соха в отличие от плуга была легка, и тащить ее было под силу самой захудалой лошадке. Плуг же требовал двух лошадей, а они были не в каждом крестьянском дворе. По справедливому замечанию Д.К. Зеленина, «достоинства сохи не столько чисто сельскохозяйственного свойства, сколько характера экономического и социального. Поэтому русский крестьянин продолжает держаться за свою матушку – соху». Малороссийский плуг в регионе использовался юго-западных уездах Курской губернии и южных уездах Воронежской губернии. Такой плуг был незаменим при разделке тучного чернозема. В указанных местностях в качестве тягловой силы использовали волов или несколько лошадей. Недостатком плужной пахоты был ее более медленный темп, чем при обработке земли сохой. Фактор времени для хлебобоба всегда имел большое значение. Широкое распространение плуг в русской деревне получил к середине 1920-х гг. Уже упомянутый житель орловского села вспоминал о своем детстве: «Пахали, я еще захватил на сохе. Потом плуга еще появились в 27 году. Я еще пацаном был, пристал к отцу: «Пап, купи плуг на колесах». Он поехал в Болхов, там купил плуг и оттуда на руках его катил, а это 20 километров»¹⁶⁰.

Отдельные исследователи, подчеркивая рутинный характер аграрного производства, в качестве примера приводили данные о низкой обеспеченности крестьянских хозяйств плугами. По их мнению, отсутствие плугом не позволяла земледельцам производить качественную вспашку, проще говоря, пахать достаточно глубоко. Действительно, плуг пахал глубже, но кто сказал, что такая глубокая вспашка была наиболее эффективна? Напротив, с учетом печального опыта глубокой пахоты советского периода, современные передовые хозяйства используют метод поверхностной обработки земли, пары не поднимают, сеют по стерне, семена заделывают с помощью неглубокого рыхления, сохраняют, а в некоторых случаях создают искусственно мульчирующий слой. Отсутствие плугов в большинстве крестьянских хозяйств в конце XIX – начале XX вв. было не бедой, а благом для русской деревни. В противном случае истощение почв, падение естественного плодородия земли с которыми столкнулось крестьянство в конце XIX в. наступило бы значительно раньше. «Крайне мелкая пахота, истощая верхний почвенный слой, сберегает производственные силы нетронутого грунта. Если бы крестьяне давно обрабатывали свои наделы плугом и вели при том теперешнее экстенсивное хозяйство без удобрений,

¹⁵⁴ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 2.

¹⁵⁵ См.: В.В. (Воронцов В.П.) Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892. С. 230.

¹⁵⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1161. Л. 1.

¹⁵⁷ Там же. Д. 1276. Л. 2.

¹⁵⁸ Цит. по: Федоров В.А. Земледельческие орудия в Центральной России в первой половине XIX в. // Аграрные технологии в России IX – XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 124, 126.

¹⁵⁹ Тамбовский областной краеведческий музея. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчет С.В. Кузнецова. С. 7.

¹⁶⁰ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122. Л. 32об.

то наш чернозем, в самом деле, был близок к банкротству» – писал В.К. Головин еще в 1887 г.¹⁶¹ Современные земледельцы в целях улучшения бонитета земель, повышения ее плодородия, используют не только опыт академика Мальцева, но и приемы обработки земли наших предков.

Сроки обработки земли (пахота, сев) определялись многолетними фенологическими наблюдениями. Жесткая зависимость земледельческого труда от погодных условий нашла свое отражение в народных приметах. Приметы жителей села «на погоду», «на урожай» были органично связаны с перечнем традиционно выращиваемых культур и природно-климатическими особенностями данной местности. Суть этого опыта землепашца хорошо передал исследователь середины XIX в. М. Стахович. «Он (т.е. крестьянин) знает, когда что посеет, в какой день, даже в какой час дня, по весьма верным приметам, например, когда и в какой день, за столько-то месяцев, шел зимой снег или светило солнце и т.д. Но он приобрел все эти сведения не пытливостью эксперимента, а опытом жизни, сросшись, так сказать, со своей природной местностью. Он видит на аршин в землю, никакое земледелие не определит вам хозяйственного достоинства той или иной десятины, как он это знает исстари, по преданиям отца и деда, и так сказать по чутью»¹⁶². Агрономия – это местное искусство. Многолетний опыт хозяйствования в сочетании со знанием особенностей почв, природно-климатических условий и местного ландшафта позволял крестьянам определить наиболее рациональные приемы обработки земли.

Качество обработки пашни выступало залогом хорошего урожая. «Землю под озимые и яровые стараются перепахать три раза», – делился своими наблюдениями в конце XIX в. корреспондент этнографического бюро из Орловской губернии¹⁶³. В Курской губернии дважды пахали под яровую пшеницу, мак, просо, коноплю, лен. Количество вспашек определялось качеством земли, наличием в ней влаги и особенностями высеваемой культуры. Академик Л.В. Милов выявил поразительное многообразие в применении количества и характера вспашек по разным районам страны. Для изучаемого региона в большей мере при вспашке использовалось «двоение»¹⁶⁴, что не исключало при необходимости и 3 – 4-х кратные вспашки. Вспашка осуществлялась «загонами». Ширина такого «загона» колебалась от 2,5 до 4 аршин. Середина его была поднята на полторы – три четверти, края имели пологий скат. Между «загонами» имелись борозды для стока воды. Глубина вспашки зависела от качества земли, ее влажности и, конечно же, от свойств высеваемой культуры.

Говоря о качестве обработки полей, не следует забывать о производственных возможностях крестьянских хозяйств. Упреки в адрес земледельцев отдельных исследователей в небрежном отношении к вспашке справедливы лишь отчасти. Порой крестьянин не мог должным образом подготовить землю к посеву не по своему невежеству или лени, а потому что не имел физических сил, а в большей мере хозяйственных возможностей выполнить все необходимые операции. «Сами крестьяне Усманского уезда (Тамбовская губерния) сознают недостатки своего хлебопашества, – писал земский статистик Н. Романов, – но указывают на то, что большинство их не может вести его лучше. Обработка земли бывает плоха и поспешна, потому что лошади у крестьян плохи и много приходится работать у частных землевладельцев. Многие запаздывают со взметом пара и не делают вторичной вспашки, теряя время на работу по найму. Посевы овса и проса без предварительной вспашки земли не считаются правильными, но многие спешат со своими работами для работ в чужом хозяйстве и поэтому делают самое необходимое. По той же причине посевы всех хлебов у многих бывают несвоевременными»¹⁶⁵. Фактор времени, как дамоклов меч, постоянно довлел над русским мужиком. Не спасало положение применение в авральные периоды женского и детского труда. Низкая рентабельность крестьянских хозяйств в сочетании с необходимостью уплаты податей делало сторонние заработки практически неизбежными.

Часто современные исследователи оценивают хозяйственную деятельность русского пахаря вне учета объективных условий сельского производства. Разве крестьянин не знал о пользе раннего взмета пара? Конечно же, знал, но вынужден был его откладывать до Иванова дня, а то и до Петрова дня все из-за той же пастбы на парах деревенского стада. В отсутствии и пастбищ паровые земли использовались крестьянами для выгона скота. Наивно было бы предполагать, что русский мужик не знал о том, что поле, перепаханное под зиму, даст больший урожай, чем обработанное весной. Не делали этого потому, что череда неотложных работ в страдную пору и по ее окончанию просто не оставляла для этого

¹⁶¹ Головин К. Община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 141.

¹⁶² Стахович М. История, этнография и статистика Елецкого уезда. М., 1857. С. 33.

¹⁶³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1161. Л. 1.

¹⁶⁴ См.: Милов Л.В. Указ. соч. С. 102 – 103.

¹⁶⁵ Цит. по: В.В. (Воронцов В.П.) Указ. соч. С. 25.

времени. А в результате «жнивье с осени часто и совсем не вспахивают, а весной сеют зерновые по невзматанному полю»¹⁶⁶.

Большое значение, если не решающее, для получения урожая имел верно, выбранный срок сева. Традиции земледелия, основанные на многовековом опыте, играли в этом главную роль. «День – год кормит» – эта деревенская поговорка как раз и выражала решающее значение верного определения сроков сева той или иной культуры. Сев яровых культур (овса, пшеницы) в Тамбовской губернии обычно начинали с «Егория» (9/22 мая). «На Егорий – резвая соха». При определении сроков пахоты и сева прислушивались к мнению стариков, часто им принадлежало решающее слово. В распоряжении стариков, носителей традиции, был весь многовековой опыт хозяйствования на земле предыдущих поколений. Здесь учитывалось все: степень прогрева почвы и воздуха, определяя это по стадиям развития домашних и дикорастущих растений, по поведению насекомых и животных и т.п. Вся эта совокупность примет в сочетании собственного земледельческого опыта позволяла определить максимально благоприятные сроки сева той или иной культуры. Помещик А.И. Кошелев писал о приметах такого рода в середине XIX века: «Настоящий хозяин никогда не пренебрегает подобными обычаями насчет времени посева хлебов. По собственному опыту знаю, что в этом деле, как и во многих других, велика народная мудрость. Не раз случалось мне увлекаться советами разных сельскохозяйственных книг и сеять хлеба ранее обычного времени и всегда приходилось мне в этом раскаиваться»¹⁶⁷.

Характерно, что основные полевые работы в селе были «привязаны» к церковным праздникам. Так взмет пара в Тамбовской губернии осуществлялся после «Тихвинской» (26 июня/9 июля), а озимые культуры, как правило, сеяли на Второй Спас (6/19 августа)¹⁶⁸. То, что православные праздники в аграрном труде хлеборобов являлись своеобразными вешками, определяющими временные границы земледельческих операций, еще раз доказывает значение веры Христовой в сельском бытии. Представители образованного общества считали невежеством, что крестьянин в праздник не выходил в поле даже в страдную пору. Министр земледелия А.С. Ермолов сетовал по этому поводу: «Опаздывают крестьяне с посевом озимых и яровых. Большой помехой в этом деле служат праздники. Пасха приходится порой в самый сев яровых, а крестьяне празднуют восемь, а иногда и десять дней. А в период сева озимых в первой половине августа, в лучшее время опять ряд праздников Первый Спас, Второй, Успение»¹⁶⁹. Что можно сказать на это? Есть хорошая русская поговорка «У Бога дней много». Известно, что Пасха праздник «плавающий», и не факт, что она совпадала со временем наилучшей кондиции земли для сева. Крестьянская память хранила и в качестве назидания передавала из поколения в поколение описания случаев «случайных» и внезапных смертей или увечий тех, кто попытался нарушить запрет на работу в праздник. Эта традиция прошла испытание временем. В наши дни знакомый председатель колхоза (поновому гендиректор ООО) на мой вопрос: «Будешь ли сеять в Пасху?» – ответил, – «А что толку, полувина техники сразу поломается, и, не дай, Бог трактором кого придавит! Это уже проверено».

В хозяйственных традициях русского села важное место занимали приемы и способы ухода за посевами. Коллективный крестьянский опыт зафиксировал основные этапы произрастания посевов с учетом локальных условий сельскохозяйственного производства. Например, опаживание (окучивание) картофеля производилось сохой. Количество проходов зависело от качества почвы и погодных условий местности. На легких и сухих почвах было достаточно одного опаживания. На тяжелых почвах, с высоким уровнем грунтовых вод, количество окучиваний увеличивалось¹⁷⁰. Традиции крестьянского земледелия требовали от селянина гибкого подхода, оставляли простор для проявления его инициативы. Поколениями крестьян были выработаны необходимые вспомогательные приемы, обеспечивающие благоприятные условия для роста посевов и их созревания. Но даже тогда, когда крестьянин сделал все как положено, он не мог быть до конца уверен в том, что получит ожидаемый урожай. «Человек предполагает, а Бог располагает». И сегодня в условиях передовой агрикультуры и современной техники сельскохозяйственное производство остается наиболее рискованной формой бизнеса. Крестьянин в своих трудах традиционно полагался на волю Божью. И в этом уповании не следует видеть распространенный «авось». Это было четкое осознание ограниченности человеческой тщеты и могущества Творца.

Страда – самое напряженное время для русского крестьянина, пик его производственной активности. Обычными орудиями уборки хлеба для крестьян служили коса и серп. Использование их в жатве различалось даже в пределах одного уезда. Священник Павловского уезда Воронежской губернии В.Ф. Никонов о приемах жатвы хлебов писал следующее: «Около Петрова дня поспевают рожь. В южных се-

¹⁶⁶ Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственная помощь. Ч. II. СПб., 1909. С. 147.

¹⁶⁷ Цит. по: Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 279.

¹⁶⁸ Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. ... Отчет С.В. Кузнецова. С. 2 – 3.

¹⁶⁹ Ермолов А.С. Указ. соч. С. 148

¹⁷⁰ См.: Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов ... Отчет С.В. Кузнецова. С. 12 – 13.

лениях рожь, как правило, косят, а в северных – жнут»¹⁷¹. Яровые культуры в селах Центрального Черноземья убирали преимущественно косами. Рационализаторская мысль русского мужика создала несколько модификаций этого, казалось бы, примитивного орудия. Нехитрые приспособления к косам (крюк), «литовка» позволяли производить уборку тех или иных культур наиболее эффективно. Озимую рожь жали серпом. Серп использовался также, если колосья овса и ячменя были густые, высокие, с крупным зерном. Крестьяне считали, что «серповая уборка аккуратнее косовой». Она хотя и требовала больше времени и сил, зато была более тщательной, с наименьшими потерями зерна. Большую роль играл фактор времени, когда в краткую страдную пору приходилось одновременно «и пахать, и сеять, и жать». Поэтому зерновые для поспешности нередко приходилось убирать косой. Этнограф М.М. Громыко верно указывает на многообразие приемов жатвы, гибкого чередования орудий уборки крестьянами в зависимости от времени суток, культуры, зрелости зерна и т.п.¹⁷²

Сжатый или скошенный хлеб вязали в снопы. Для первичной просушки их оставляли в поле, составляя в «крестцы». Обычно в крестец входило 13 снопов. Крестцы стояли в поле недели две, а затем их перевозили на ток. Обмолачивали зерновые, как правило, цепями. Просушенные снопы раскладывали рядами на току, а «молотильщики» с цепями становились в два ряда (один против другого) и выколачивали зерно. Затем зерно провеивали, подбрасывая его вверх деревянными лопатами при легком ветре, в результате чего оно отделялось от мякины¹⁷³.

Повседневный труд русского земледельца, основанный на хозяйственном опыте предыдущих поколений, характеризовался традиционными, и, в целом, рациональными приемами обработки земли. Орудия труда были не столь примитивны и позволяли хлеборобам достаточно качественно производить необходимые технологические операции.

Природно-климатический фактор. Удобрение полей

В условиях экстенсивного характера развития аграрного сектора поиск новых посевных площадей закономерно вел к распашке ранее необрабатываемых земель. По сведениям Центрального статистического комитета распаханность земель в середине 80-х гг. составляла в среднем по губерниям: Воронежская – 68, Курская – 79, Орловская – 63, Тамбовская – 66 %¹⁷⁴. Площадь пашни в Воронежской губернии составила к 1887 г. 69,7 %, местами доходя до 90. «В районе Центрального Черноземья состав крестьянских угодий за время, истекшее с 1861 г., существенно изменился, – писал Н. Бржевский в 1900 г. – О целине и степях теперь нет и помину. Стремление к увеличению площади посевов повлекла за собой распашку обширных лесных площадей, повсеместно наблюдается исчезновение луговых пространств, пастбищ и выгонов. Распашка коснулась склонов и крутостей не только по балкам и логовам, но даже по берегам рек»¹⁷⁵. Сведение естественной растительности на водоразделах и поймах рек, образование эрозионной сети, дренирующей территории, привело к изменению водного баланса. Уменьшился запас грунтовых вод, понизился их уровень. Это в свою очередь привело к обмелению рек, сокращению их длины, заилению водоемов. По данным отчета земского комитета Богучарского уезда Воронежской губернии, вследствие уменьшения водных запасов в 1898 г. «перегоны скота за 15 – 18 верст к водопою выходят из ряда исключений»¹⁷⁶.

В начале XX в. эта тенденция сохранялась. Например, в Тамбовской губернии удельный вес пашни стал приближаться к запредельному показателю в 80 %, сводя до минимума территории под лесами и кормовыми угодьями. В масштабах Тамбовской губернии в период с 1900 по 1917 гг. площадь лесов, лугов и пастбищ снизилась с 55 до 30 % от общей площади, что означало довольно быстрое превращение в пашню других категорий земель. Наиболее резкие изменения коснулись лугов: более чем на поло-

¹⁷¹ Никонов В.Ф. Быт и нравы поселян-великороссов Павловского уезда Воронежской губернии. СПб., 1861. С. 10.

¹⁷² Подробнее см: Громыко М.М. О воззрениях русского народа ... С. 288 – 289.

¹⁷³ Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов ... Отчет С.В. Кузнецова. С. 16.

¹⁷⁴ См.: Вернер И.А. Курская губерния. Итоги статистического исследования. Курск, 1887. С. 109.

¹⁷⁵ Бржевский Н. Очерки аграрного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскудение. СПб., 1908. С. 17.

¹⁷⁶ См.: Алексеев С.С., Курлов В.В. Антропогенная трансформация ландшафтов Воронежской губернии во второй половине XIX в.

вину они сократились в Спасском, Козловском, Лебедянском и Усманском уездах, почти на две трети – в Тамбовском¹⁷⁷.

С середины XIX в. в регионе активно шел процесс вырубki лесов, что привело к значительному сокращению к концу века лесных массивов. Причина этого явления заключалась в стремлении сельского населения увеличить размер пахотных земель. И.А. Инцертов, описывая состояние природных богатств в Козловском уезде Тамбовской губернии, отмечал: «Все сведено, все леса – большие и малые вырублены, места, ими занимаемые, расчищены и обращены под пашню»¹⁷⁸. Земские источники содержат множество примеров варварского истребления лесов. Крестьяне, получившие к земельным наделам лесной участок, стремились обратить его в пашню. Так, крестьяне села Куликово Усманского уезда Тамбовской губернии имели леса 116 десятин и в первое трехлетие после его получения поспешили весь вырубить, а место расчистили под пашню¹⁷⁹. Подобная картина наблюдалась и в других уездах губернии. Например, крестьяне села Крюково (Молчаново) Хмелевской волости Козловского уезда весь лес вырубili и отдали под распашку¹⁸⁰. Вырубка лесов была продиктована практикой крестьянского землепользования и потребностью хозяйств в строительном материале и дровах. Думаю, что вряд ли можно говорить о развитой экологической культуре крестьянства. Однако по мере сокращения лесных угодий, сельские общества все чаще прибегали к мерам, направленным на сохранение и охрану общинных лесов. Анализ производственной деятельности крестьянства показал, что жители села сознавали необходимость природоохранных мероприятий и применяли их в своей повседневной практике. Так, в ряде сельских общин Липецкого уезда крестьяне разводили лес. Посадка молодых саженцев производится как мирское дело, по равномерной разверстке труда и под наблюдением старосты¹⁸¹. Эти действия носили прагматический характер и были направлены на приведение среды обитания в состояние, пригодное для жизни и хозяйствования.

В результате истребления лесов сельское население столкнулось с проблемой оврагообразования. По словам одного из членов орловского уездного комитета «в непомерном развитии оврагов виновато само крестьянское население». В Корочанском уезде Курской губернии вследствие образования оврагов, культурная площадь каждое десятилетие уменьшалась на 2 %, в некоторых волостях под оврагами числится около 2/5 всех площадей¹⁸². Для крестьян борьба с оврагами в огромном большинстве случаев была немислима. Общинное владение при крайнем малоземелье, недостатке выпасов, растянутость и раздробленность наделов, полное отсутствие знаний, средств, инициативы препятствовали этому. На собрании в Борисоглебской земской управе констатировалось наличие множества оврагов, ежегодно увеличивающихся от усиленной распашки земель. Мер к сокращению их роста, кроме вывоза крестьянами навоза, не предпринималось¹⁸³. Ситуация изменилась в начале XX века. В 1900 году было выдано пособие Теплинскому обществу для укрепления оврага Гончаров Верх, и начаты работы по укреплению оврага Чернявского, лежащего на границе Лебедянского и Елецкого уездов Тамбовской губернии. Для закрепления и облесения летучих песков устраивались питомники. Одним из первых организацией питомника занялось Больше-Хомутецкое общество Лебедянского уезда. Оно отвело для него 2 десятины под предполагаемую площадь облесения 500 десятин¹⁸⁴.

Проблема экологической составляющей крестьянской экономики, безусловно, требует дополнительного изучения. Но утверждать, что крестьяне не проводили природоохранные мероприятия, было бы неверно. Правда, возможности в этом вопросе сельского мира были ограничены. Однако следует отметить, что когда такие средства находились, они употреблялись, исходя из приоритета коллективных интересов, именно на восстановление общинных угодий. Современник, представитель просвещенного общества, по этому поводу писал следующее: «Мир лишь в редких случаях тратился на улучшение своей поземельной собственности, на такое улучшение он жалеет даже затраты простого труда. Затем и в этих немногих случаях он исключительно обращает внимание на те виды угодий, которые вполне остаются в общинном владении, т.е. лес, и на луга, где доля каждого домохозяина идеальна

¹⁷⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 2. Д. 233. Л. 24.

¹⁷⁸ Цит. по: Черменский П. От крестьянского права к Октябрю в Тамбовской губернии. Очерк экономики и культуры дореформенного периода 1861 – 1917 гг. Тамбов, 1928. С. 30.

¹⁷⁹ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 9. Тамбов, 1885. С. 22.

¹⁸⁰ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 2. Тамбов, 1881. С. 120.

¹⁸¹ Вениаминов П. Указ. соч. С. 210.

¹⁸² Бржеский Н. Указ. соч. С. 19.

¹⁸³ Масальский В. Овраги черноземной полосы России, их распространение, развитие и деятельность. СПб., 1897. С. 9.

¹⁸⁴ Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903.

большой частью, отводится ежегодно на новом участке. Общинное земледелие наименее благоприятствует улучшению самых ценных частей надела: пашни и огородов»¹⁸⁵.

Низкая агротехника и недостаточное использование удобрений ставили земледельцев в зависимость от природных условий. Изменение климата в конце XIX в. происходило по всей черноземной полосе. Об этом писал в своих воспоминаниях сын Л.Н. Толстого Сергей. Его свидетельства относятся к 1873 г., но описанные им явления, очевидно, были и в последующие годы. Он сообщал: «Поэтому если пшеница плохо родилась, а это случалось очень часто, потому что урожай зависел от того, пройдет ли два-три дождя в мае, то они (крестьяне) не только терпели большие убытки, но и голодали. Это было неправильное, а какое-то азартное земледелие»¹⁸⁶. Если это и был азарт, то скорее азарт игрока в «русскую рулетку». Большинство крестьянских хозяйств не располагало достаточным продовольственным резервом, и каждый неурожайный год был для них тяжелейшим испытанием.

Влияние засух было связано с уменьшением лесов, развитием оврагов и изменением климата. Так, на собраниях в комитетах по нуждам сельскохозяйственной промышленности в начале XX в. отмечалось: «Климат центральной России изменяется к худшему, и это изменение с каждым годом прогрессирует, чем и объясняется падение урожайности. Причина тому – уничтожение лесов, увеличение посевной площади и разрастание оврагов. Безлесье и овраги иссушают землю, мешают задержанию на ее поверхности снега и дождей, и засуха действует привольно, не встречая себе ни в чем помехи»¹⁸⁷. Традиция земледельческого труда выработала у русского мужика четкое осознание того, что состояние его хозяйства зависит в большинстве своем от природных условий. Спустя четверть века, тамбовский крестьянин писал в «Крестьянскую газету»: «Климат в последние годы принимает тропический характер: с весны по исчезновению снега, не обрадует сердце крестьянина живительный дождик. Горестно смотреть крестьянину на погибающие хлеба, видя грядущий голод и сопряженные с ним лишения скота и вымирание обитателей земли»¹⁸⁸.

Следует признать, что изменение природно-климатических условий во многом являлось результатом хозяйственной деятельности русского крестьянства. Неурожай, повторяющиеся с завидным постоянством (раз в 7 – 9 лет), череда голодных лет, особенно голод 1891 года, все это побуждало крестьян искать пути рационализации своей хозяйственной деятельности, совершенствовать приемы обработки земли.

В условиях отсутствия свободных площадей увеличение производства сельскохозяйственной продукции, возможно, было только повышением плодородия почв. Истощение почвы стало главной проблемой, с которой столкнулось крестьянство Центрального Черноземья в начале 1890-х гг. Воронежский губернатор в отчете с тревогой сообщал: «Производительные силы земли год от года видимо истощаются, так что по наблюдениям старожилов, за последние 20 – 25 лет, урожайность уменьшилась почти вдвое. Одновременно с истощением земли умножается количество сорных трав»¹⁸⁹.

Неблагоприятные последствия хозяйственной деятельности в сочетании с ухудшением климатических условий подвигли крестьян к поиску возможностей повышения урожайности крестьянских наделов при сохранении традиционной системы полеводства.

Повышения плодородия земли крестьяне традиционно добивались посредством удобрения полей навозом. Вывоз навоза и способ его внесения зависел от качества почв. Навоз использовался только в отношении озимых культур, так как рожь была более устойчива к сорняку. Удобрение парового поля осуществлялась не часто. Причины того заключались в недостатке скота, использовании сушеного навоза для отопления, удаленность земельных наделов. Удобрения пара навозом производилось в Петровский пост, начиналось в середине и завершалось к концу июня.

Отдаленность крестьянских наделов от усадьбы было главным препятствием для их удобрения. Навоз в селе вывозился только на ближние участки. Селяне не обладали навыками экономического расчета и, конечно же, не могли рассчитать величину затрат и определить доходность той или иной операции. Но мужик располагал хозяйственной смекалкой, за его плечами был производственный опыт поколений. Все это подсказывало ему, что возить навоз на дальние участки невыгодно. Даже многие состоятельные крестьяне с. Атюрев Темниковского уезда Тамбовской губернии считали невыгодным вывозку навоза дальше, чем на 5 верст¹⁹⁰. Наличие такой традиции подтверждалось выводами дореволюционных ученых. По мнению экономиста Ф. Бара, каждая верста расстояния от усадьбы до поля уменьшала до-

¹⁸⁵ Головин К. Община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 29.

¹⁸⁶ Толстой С.Л. Очерки былого. М., 1956. С. 28, 30.

¹⁸⁷ Скрипичин В.А. Природные препятствия сельскому хозяйству. СПб., 1903. С. 4.

¹⁸⁸ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 60. Л. 75.

¹⁸⁹ Библиотека РГИА. Всеподданийший отчет Воронежского губернатора за 1890 г. С. 6.

¹⁹⁰ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 4. Тамбов, 1882. С. 71.

ход хозяйства на одну треть. Он в частности писал: «При вывозке навоза на пашни, находящейся на расстоянии $\frac{1}{4}$ версты от хлевного двора можно сделать в известное время 15 – 18 оборотов, при удалении в 2 версты – 5 – 6 оборотов, при расстоянии в 3 – 5 верст одна вывозка навоза может нередко стоить более того хлеба, который народится от него на поле»¹⁹¹. Таким образом, дальное земье отдельных крестьянских наделов являлось главным препятствием для их удобрения. Сталкиваясь с этой проблемой в череде будничных забот, крестьяне еще раз убеждались в нерациональном расположении участков пашни.

Другой причиной слабого удобрения полей являлся недостаток навоза, который возник по причине сокращения поголовья скота в крестьянских хозяйствах. Это в свою очередь являлось результатом фактического отсутствия выгонов и пастбищ. Уже в середине 80-х гг. XIX века пашня в Тамбовской губернии составляла 68 % всех земельных угодий. По данным земской статистики в северных уездах Тамбовской губернии на паровую десятину вывозили лишь 700 – 900 пудов, при потребности в 2400 пудов. В южных малолесных уездах навоз и солома использовались на топку¹⁹². В орловской деревне на вопрос: «Почему крестьяне не вывозят на поля навоз?». Они, с раздражением, отвечали: «Где унаваживать, когда протопиться нечем»¹⁹³. Даже там, где навоз был в достатке, крестьяне были вынуждены продавать его в помещичьи хозяйства¹⁹⁴. Они делали это с целью пополнить свой тощий бюджет. Действия крестьян диктовались хозяйственной нуждой.

Периодические переделы земли в сельских общинах не были препятствием для удобрения крестьянских наделов, как это утверждали критики общинных порядков. В качестве подтверждения этого вывода приведем результаты наблюдения А.А. Риттиха. Последовательный противник формы общинного землепользования (тем ценнее его мнение), он в своем исследовании писал: «В местностях, где начиналось удобрение полей, сроки жеребьевок удлинялись или совсем прекращались, унавоженные полосы переделались отдельно от не унавоженных или совсем исключались из передела. Большинство общин, сохраняя переделы, нашло возможность перейти к травопольному хозяйству»¹⁹⁵. В одном из обществ Моршанского уезда Тамбовской губернии приговором сельского схода было решено: сделать новый передел всех полей сроком на 20 лет и при этом обязать всех крестьян свои полосы в полях унаваживать. За несоблюдение данного решения предусматривались штрафы¹⁹⁶. Знаток хозяйственной жизни сельской общины В.П. Воронцов в конце XIX в. сообщал, что «в Острогжском уезде Воронежской губернии удобрение полей только начинается, тем не менее, многие общины уже установили для жеребьевок длинные сроки. А в ряде мест Центрального Черноземья коренные переделы не касались удобренных участков»¹⁹⁷. На мой взгляд, это выступало еще одним подтверждением хозяйственной гибкости общины, ее способность адекватно реагировать на производственные потребности крестьянских дворов. Общинное земледелие было восприимчиво к новациям и способствовало их внедрению.

Трехпольная система и ее недостатки

Исторически сложившаяся трехпольная система земледелия в наибольшей мере соответствовала как объективным условиям хозяйствования (почва, климат), так и экономическим возможностям крестьянских дворов. «Живучесть трехпольного севооборота, – по мнению историка Л.В. Милова, – помимо действенности фактора целесообразности и рациональности опиралась и на натуральный характер крестьянского хозяйства»¹⁹⁸. В конце XIX – начале XX в. в губерниях Центрального Черноземья трехпольная система полеводства являлась господствующей. В большинстве своем просвещенное общество воспринимало трехпольку как хозяйственный анахронизм, фактор, сдерживающий интенсификацию сельского хозяйства. Крестьянство же продолжало упорно придерживаться традиционной системы полеводства. На все предложения перейти к более рациональным приемам земледелия они неизменно отвечали, что «будем хозяйствовать, как отцы и деды». И в этой мужицкой твердолобости был свой резон. Трудно спорить с тем, что трехпольный севооборот снижал долю производственного риска. Высокая доля распаханности земель в регионе фактически исключала возможность обновления пашни, делая систему замкнутой. Исключение составляло то, что в отдельных местностях дальние участки на 3 – 4 года уво-

¹⁹¹ Бар Ф. Коренное преобразование крестьянского хозяйства и общинного землевладения. М., 1895. С. 41.

¹⁹² Иванюков И. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии (по данным земской статистики) // Русская мысль. 1887. Кн. 1. С. 6.

¹⁹³ Бржеский Н. Указ. соч. С. 11.

¹⁹⁴ В.В. (Воронцов В.П.) Указ. соч. С. 30.

¹⁹⁵ Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С. 50.

¹⁹⁶ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 3. Тамбов, 1883. С. 76.

¹⁹⁷ В.В. (Воронцов В.П.) Указ. соч. С. 125, 126.

¹⁹⁸ Милов Л.В. Указ. соч. С. 45.

дили в залежи, используя их в качестве сенокоса. Вновь поднятые залуженные участки давали обильный урожай.

Трехпольная система земледелия была не столь примитивна. Структура крестьянских посевов определялась всей совокупностью условий хозяйствования: качеством почвы, особенностью ландшафта, климатом и пр. Например, в Тамбовской губернии лучшие земли отводились под просо, в землях похуже сеяли овес. В низинах, на неудобьях выращивали горох или чечевицу. Паровое поле служило традиционным средством повышения плодородия. Большой проблемой для крестьянства черноземной полосы являлась засоренность почвы. По свидетельству источников, сорняки часто «забивали» хлеба, снижая и без того невысокую урожайность. Повседневным и распространенным в Черноземье приемом борьбы с дикорастущими растениями выступала толока. На использование парового поля для выгона скота селян толкало отсутствие пастбищ. Крестьяне выгоняли скот на пары, которые быстро покрывались ненужной растительностью. В течение 10 – 15 дней, а иногда и более, скот выедал, выбивал копытами сорняки. Крестьяне говорили, что «где более скот ходит, и земля от травы лучше выбита, там отменно хороший хлеб родиться»¹⁹⁹. Толока давала определенный эффект в борьбе с сорняками, но одновременно вела к уплотнению поверхностного слоя и отодвигала сроки взмета пара. Данный агротехнический прием сохранялся в регионе и в первой четверти XX в. По воспоминаниям старожила села Новотомникова Моршанского уезда Тамбовской губернии, в 1920-е гг. на сельском сходе волостной агроном призывал селян осуществлять ранний взмет пара. Мужики возражали, указывая на то, что в таком случае негде будет пасти скот²⁰⁰. Все стороны крестьянского производства были взаимосвязаны и взаимообусловлены, поэтому всякая новация в одном из его компонентов неизбежно вызывало изменения в системе в целом.

Объективные условия развития русской деревни вели не только к модернизации традиционной системы полеводства, но к поиску возможностей перехода крестьянского земледелия на многополье. Дальнейшее увеличение населения при ограниченности пахотных земель неизбежно вели к интенсивному использованию сельскохозяйственных угодий. Земельные переделы к началу XX в. достигли своего возможного максимума. Доведя земельно-распределительный механизм до совершенства, крестьяне с точки зрения землеустроительной техники вполне могли освоить земли на четырех и более полей²⁰¹.

Критики общинных порядков непременно обращали внимание на существование в крестьянском землепользовании принудительного севооборота. Они считали, что диктат общины в порядке чередования культур сковывал хозяйственную инициативу селян. В данном случае происходила элементарная подмена понятий, причину путали со следствием. На это обратил внимание еще П. Вениаминов. В своем фундаментальном труде он справедливо замечал: «Принудительный севооборот происходил не от общинного земледелия, а от малоземелья, от необходимости обращать в выгон луг, жнивье и пар. Во многих местах устанавливать принудительный севооборот заставляет такая чересполосица, при которой проезд к одним полосам лежит через другие чужие полосы. Если при таком расположении полос каждый стал бы сеять что угодно, то с многих полос нельзя было бы совсем собрать урожай, не испортив при этом урожай соседей. Малоземелье и чересполосица – вот причины, заставляющие крестьян прибегать к принудительному севообороту»²⁰².

Следует признать, что власть адекватно реагировала на сложившуюся в селе практику регулирования севооборота, придав ей правовую основу. Сенатским решением от 10.09.1891 г. за сельским обществом признавалось право вмешательства в хозяйственную обработку и способы культуры, производимые отдельными домохозяевами на их наделных участках мирской полевой земли. Итак, принудительный севооборот диктовался объективными условиями крестьянского землепользования. В то же время у хлебороба оставалось достаточно простора для проявления хозяйственной сметки. Урожай, собранный с двух соседних полос, различался порой существенно. Не это ли подтверждение тому, что при равных стартовых условиях, свою роль играли навыки и опыт земледельцев?

Процесс модернизации вызвал соответствующие изменения в системе крестьянского полеводства. Оставаясь в целом натурально-потребительским, крестьянское хозяйство во все большей мере вынуждено было ориентироваться на рыночную конъюнктуру. Это отразилось на системе севооборота. В начале XX в. ряд сельских обществ региона стали практиковать травосеяние. Под воздействием деятельности участковой агрономии отдельные сельские сходы принимали решения о переходе на многополье. В посевных площадях увеличилась доля технических культур. Так, в Тамбовской губернии за период с

¹⁹⁹ Он же. «Не поле кормит, а нива» (о роли архаичных элементов в русском земледелии XVIII века) // Аграрные технологии в России IX – XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 7 – 23.

²⁰⁰ Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов ... Отчет С.В. Кузнецова. С. 2.

²⁰¹ Ефременко А.В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002. С. 110.

²⁰² Вениаминов П. Указ. соч. С. 193.

1881 по 1917 гг. посевные площади, занятые под картофелем и сахарной свеклой, выросли в 2 раза. Традиционная система земледелия демонстрировала свою гибкость и возможность модификации под влиянием менявшихся условий хозяйствования.

Другой причиной сдерживающей интенсификацию крестьянских хозяйств являлось дальноеземье. Отдаленность крестьянских наделов от усадьбы существенно увеличивала затраты по их обработке. П.Н. Соковин в своей работе «Длинноеземье и чересполосность крестьянских наделов в Курской губернии» пришел к выводу, что чем дальше участок земли, тем больше требуется затрат труда и капитала; по достижению известного предела, затраты эти увеличиваются на столько, что поглощают все доходы с отдаленного поля, и его обработка становится убыточной²⁰³. По данным обследования, 4030 общин в 13 уездах Курской губернии только 54 % общин владели надельными землями на расстоянии не более 3-х верст от усадьбы. 753 общины или 18,7 % имели расстояние до своих полей от 3 до 5 верст. У 1098 общин (27,2 %) наделы находились на удалении от 5 до 10 верст. Но в губернии были сельские общества, имевшие надельные земли за 15 и более верст. В Корочанском уезде 51 община располагала участками земли на расстоянии 15 – 40 верст от усадебной оседлости. Две общины Новооскольского уезда даже имели отдельные особняки в Воронежской губернии в 40 – 60 верст. В Трубчевском уезде Орловской губернии около 50 общин имели не только сенокосные, но и пахотные земли в 10 и более верст. В виду такой отдаленности владельцы не могли обрабатывать эту часть своего надела и вынуждены сдавать их за самую ничтожную плату, вносимую нередко водкой, а не деньгами²⁰⁴.

Сильно страдали крестьянские хозяйства от многополосицы. По данным обследования, 12 уездов Европейской России, проведенного по инициативе ГУЗиЗ в 1913 г., дворы с 21 и более полосами составляли в общей сложности 28,6 %. Дворов с 1-3 полосами было всего 9,8 %²⁰⁵. Проблема многополосицы в полной мере была характерна для крестьянских хозяйств центрально-черноземной деревни. В начале XX в. в Воронежском уезде из 289 общин только 4 имели по одной полосе, а 169 общин имели свыше 10 полос²⁰⁶. Многополосица увеличивала затраты рабочего времени и снижала эффективность обработки крестьянских полей.

Проблемы дальноеземья и многополосицы могли быть решены только посредством землеустройства. Приближение земельных наделов к крестьянской усадьбе выступало непременным условием интенсификации аграрного производства. В условиях модернизации страны, сопровождавшейся неизбежным ростом товарности крестьянских хозяйств, это задача была наиболее актуальной. Известный аграрник Н.П. Огановский писал по этому поводу: «Интенсификация земледелия требует, прежде всего, приближения земледельца к земле. Как показывает статистические исследования, предельное расстояние для вывоза навоза на поле составляет не более двух верст от усадьбы. При увеличении числа вспашек, бороновок и прочих полевых работ, опять таки только сокращение расстояния дает возможность более интенсивной обработки земли»²⁰⁷. Столыпинское землеустройство наряду с другими задачами было призвано решить и эту проблему.

Проблема аграрного перенаселения в губерниях Центрального Черноземья стояла особенно остро. Демографическая ситуация конца XIX в. характеризовалась высоким естественным приростом сельского населения. Вне зависимости от порядка землепользования крестьяне по мере увеличения населения сталкиваются с проблемой малоземелья. Например, в обществе бывших государственных крестьян Казачьей слободы Богословской волости Данковского уезда Рязанской губернии земля была поделена при ревизии 1858 г. на 693 души. Первый передел состоялся в 1880 г. земля была поделена на 950 наличных душ, второй передел 1891 г. – 1062 наличных души, третий в 1901 г. – 1190. Увеличение числа мужских душ в процентах выглядела следующим образом: 1880 г. – 37, 1891 г. – 53, 1901 г. – 72 %²⁰⁸.

По мере роста крестьянского населения неизбежно происходило уменьшение величины среднедушевого надела. В среднем по Тамбовской губернии в середине 80-х гг. на наличную мужскую душу приходилось – 2,5 десятины. Размер душевого надела на территории губернии не был одинаковым, он варьировался по уездам, иногда весьма значительно. Так, на душевой надел приходилось земли в Борисоглебском и Липецких уездах – 3,4 дес., а в Шацком – 2 дес. Были общины, где душевой надел доходил до 8 десятин, а в других он не достигал и десятины²⁰⁹. Наделами в 2,5 дес. в Елецком уезде владели 66,5

²⁰³ Цит. по: Бржеский Н. Указ. соч. С. 62.

²⁰⁴ Бржеский Н. Указ. соч. С. 60 – 61, 62.

²⁰⁵ Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства крестьянства России в начале XX века. М., 1963. С. 279.

²⁰⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 279. Оп. 2. Д. 119. Л. 161.

²⁰⁷ Огановский Н.П. Аграрная реформа и кооперативное земледелие. Пг., 1919. С. 25.

²⁰⁸ Бржеский Н. Указ. соч. С. 80.

²⁰⁹ Иванюков И. Указ. соч. С. 2.

% крестьянского населения. В Сужданском уезде Курской губернии приходилось в среднем 5,8 дес. на одного домохозяина или 1,03 дес. на наличную душу. Но около 28,5 % от общего числа домохозяев имели участки менее 3 дес. на двор²¹⁰. Аналогичное положение было и в Орловской губернии. В Ливенском уезде на 280 тыс. населения приходилось 270 тыс. дес. земли, что составляло менее одной дес. на душу²¹¹.

Земли крестьянам катастрофически не хватало. Переселения конца XIX – начала XX в. были незначительны и проблему аграрного перенаселения не решали. Крестьяне с все большим вождением взирали на соседние экономии помещиков. Существующий надел не гарантировал условия физического выживания сельской семьи. Сносное существование крестьянского двора в регионе мог обеспечить посев в 10 десятин. По данным 1905 г. в Тамбовской губернии менее 10 дес. было у 98,2 % бывших помещичьих и 78,1 % бывших государственных крестьян. Социальная напряженность в деревне возрастала прямо пропорционально сокращению размера крестьянского надела.

Проблема имела и другую сторону. Крестьянское малоземелье выступало мощным побудительным мотивом для интенсификации сельскохозяйственного производства. Не случайно, что в Тамбовской губернии бывшие помещичьи крестьяне имели более высокую культуру земледелия, чем бывшие государственные. Так в Козловском уезде удобряли свои поля малонадельные общины бывших владельческих крестьян. Хотя удобрение в Воронежской губернии распространено мало, тем не менее, оно больше практиковалось у помещичьих крестьян и при том со времени крепостного права. Первые попытки удобрять землю в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии, Обоянском уезде Курской губернии были сделаны по преимуществу бывшими владельческими крестьянами²¹². Таким образом, именно ухудшение условий хозяйствования, выразившиеся в измельчении надела и истощении почв, стимулировали использования рациональных приемом обработки земли.

Аренда земли

Дефицит земли по причине значительного прироста сельского населения вызывал настоятельную потребность в расширении посевных площадей. Традиционным решением этой проблемы в деревне являлась аренда. По данным земской подворной переписи 1880 – 1884 гг. тамбовское крестьянство арендовало у помещиков 441 539 дес. земли. В число этих арендаторов входило 107 950 крестьянских хозяйств или 34,1 % всех крестьянских дворов²¹³. В Орловской губернии размер арендованной крестьянами земли составлял 179 122 дес. или 10% к общему числу надельной земли. Из них в краткосрочной аренде находилось 117 800 дес., долгосрочной – 61 322 дес²¹⁴.

Аренда носила преимущественно краткосрочный характер. Одной из главных причин развития вненадельческой аренды, в особенности краткосрочной, является постоянная нужда крестьян в продовольствии. По Орловской губернии аренда на один год имела место в 2076 обществах или в 50,2 % всех обследованных обществ, а на несколько лет в 604 обществах, т.е. 12,2 %²¹⁵.

Крестьяне вынуждены были прибегать к аренде в виду отдаленности их пашенных участков. В первую очередь это касалось крестьян, живущих в разных селениях, но имеющих один общий надел. В содержании отчета сенатора С. Мордвинова о ревизии Воронежской губернии приводился пример такой хозяйственной ситуации. Крестьяне сел Гвазды и Клеповки Павловского уезда были вынуждены сдавать часть своих земли крестьянам соседних сел по 2 р. 50 коп. за десятину, а сами снимали ближе на-

²¹⁰ Бржеский Н. Указ. соч. С. 11.

²¹¹ Там же.

²¹² В.В. (Воронцов В.П.) Указ. соч. С. 21 – 22.

²¹³ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. XIV. Тамбов, 1890. С. 98 – 103.

²¹⁴ Кашкаров М. Указ. соч. С. 25.

²¹⁵ Там же. С. 26

ходящиеся земли по 6 р.²¹⁶ В данном случае община шла на дополнительные расходы, связанные с арендой, с целью снижения производственных затрат своих членов.

Увеличения посевных площадей крестьяне региона традиционно достигали за счет аренды земель местных помещиков. Условия аренды были самые разнообразные. Сельский учитель Н. Бунаков в конце 80-х гг. XIX в. по этому поводу писал: «По причине малоземелья крестьяне арендуют («снимают») землю у местных землевладельцев: «исполу», «по-третьям», за отработки, за деньги, из расчета 15 – 16 р. за дес. Арендованная за деньги десятина дает 5 четвертей ржи, что по ценам последних лет, за вычетом семян дает не более 15 – 16 р. дохода»²¹⁷. В ряде мест аренда помещичьих земель носила отработочный характер. В Тамбовской губернии за 1 дес. арендованной земли крестьяне обрабатывали 1,5 дес. помещичьей земли. Помимо отработок вносили часть арендной платы деньгами от 1,5 до 13 р. (Кирсановский уезд) и от 1 до 8 р. (Моршанский уезд). При денежной аренде размер платы зависел от качества почв и срока аренды земельного участка. Средняя цена при краткосрочной аренде в Тамбовском уезде в 1880-х гг. составляла 15 р. 28 коп., а при долгосрочной аренде – 6 р. 34 коп. Наиболее высокие цены при краткосрочной аренде были отмечены: в Тамбовском уезде – 21 р., Липецком – 22 р., Кирсановском – 24 р. за десятину²¹⁸. Арендная плата в уездах Орловской губернии с глубоким черноземом составляла 25 – 40 р. за десятину озимого посева и 25 р. за десятину ярового.

Нередко крестьяне не получали от аренды земли ожидаемого хозяйственного эффекта. Например, средняя цена арендованной десятины под озимый посев в Малоархангельском уезде Орловской губернии составляла 20 р. 80 коп. Чтобы получить эти деньги и возратить семена, необходимо было собрать с десятины не менее 50 пудов зерна (9 пудов на семена и 41 пуд по 50 коп. для продажи), но средняя урожайность на крестьянской земле в губернии составляла 45 – 50 пудов, следовательно, посев на арендованной земле мог дать выгоду только в годы урожая выше среднего²¹⁹. Таким образом, аренда земли с экономической точки зрения, была для крестьянина маловыгодной, а порой и убыточной. Большое денежное вознаграждение крестьянину сулил найм. Однако он предпочитал арендовать землю, пусть и на невыгодных для себя условиях, ради существования в качестве независимого хозяина. По авторитетному свидетельству В.Н. Воронцова: «Крестьянин готов на материальные потери лишь бы сохранить нравственные выгоды, связанные с положением самостоятельного хозяина». С точки зрения рыночной экономики, такое положение необъяснимо. Но крестьянин в своей хозяйственной деятельности руководствовался иными побудительными мотивами. Работа не на рынок, а для собственных нужд, не извлечение прибыли, а удовлетворение потребностей крестьянской семьи и двора был доминантой существования жителей деревни²²⁰. И опять мы видим, что хозяйственной деятельности русского земледельца был чужд голый экономический расчет. Нравственный принцип был основополагающим в «моральной экономике» крестьянства.

Природа хозяйственного консерватизма

В обретении агрономического опыта русское крестьянство шло путем проб и ошибок. Такой эмпирический подход был характерен для производственной деятельности жителей села в целом. Отсутствие у крестьян знаний о рациональном чередовании культур, научно обоснованном севообороте, принципах травосеяния приводила к тому, что они совершали ошибки, которые можно было избежать. «Культура сельскохозяйственного растениеводства ведется каждым по пословице: «Кто во что горазд, – делился своими наблюдениями в конце XIX в. один из курских землевладельцев. – Кладутся труды и средства на разведение таких растений, которые опытами других давно признаны невыгодными, но об этих опытах никто не знает»²²¹. Соседство с экономиями помещиков-рационализаторов оказывало благотворное влияние на состояние агрикультуры местного населения. Именно передовые помещичьи хозяйства становились для крестьян источником знаний о прогрессивных технологиях. В них крестьяне нередко впервые знакомились с молотилкой, зерносушилкой и т.д. Наблюдая их работу и получая навыки, кре-

²¹⁶ Мордвинов С. Экономическое положение крестьян Воронежской и Тамбовской губерний. Б.М. Б.Г. С. 18.

²¹⁷ Бунаков Н. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906. С.61.

²¹⁸ Птушкин Г. М. Развитие капиталистических отношений в деревне Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX веков. Автореф. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1953. С. 18.

²¹⁹ Кашкаров М. Указ. соч. С. 28.

²²⁰ Зверев В.В., Даниэльсон Н.Ф. В.П. Воронцов: капитализм и пореформенное развитие русской деревни (70-е – начало 90-х гг. XIX в.) // Отечественная история. 1998. № 1. С. 160.

²²¹ В.В. (Воронцов В.П.) Указ. соч. С. 6.

стьяне нанимали машину для собственного пользования, а затем заводили и свою в одиночку или в складчину²²².

В большинстве своем маломощные крестьянские хозяйства объективно не имели возможности соблюдать все требования агротехники. Русские пахари прекрасно знали о необходимости периодического обновления семенного материала. Однако, по причине отсутствия денежных средств, в крестьянских хозяйствах годами не проводилось необходимое обновление посевного материала. Отсутствие хороших семян для посева приводило к тому, что крестьяне вынуждены были отказываться от производства той или иной культуры. Как, например, крестьяне Моршанского уезда Тамбовской губернии, которые перевели у себя семена гречихи и, не имея возможности приобрести новые, стали сеять просо²²³. Дурную шутку с крестьянами играло механическое применение новаций. Бездумное увлечение той или иной культурой приводило нередко к печальным последствиям. Так, крестьянские хозяйства Елецкого уезда Орловской губернии увлеклись клевером, а потом не знали, как его вывести с полей. Причина подобных ошибок заключалась в отсутствии знаний травяного севооборота, свойства кормовых трав, требований к почве, климату, обработке земли²²⁴.

Что же лежало в основе хозяйственного консерватизма крестьян? Для изучаемого региона одной из причин этого феномена являлись природно-климатические условия. Тучные черноземы, особенно в начале их эксплуатации, давали богатый урожай. Это сослужило крестьянам дурную службу. Исследователи деревни начала XX века причину отсутствия успехов в земледелии крестьян усматривали «в старании выбрать из почвы, как можно больше хлебных продуктов без соответствующей возделки и достаточного удобрения»²²⁵. «Русский крестьянин в делах улучшения полевого хозяйства вообще очень консервативен, – констатировал в своем исследовании (1908 г.) С.А. Шпилев. – В губерниях, наиболее плодородных, возлагает больше надежду на силу земли, чем на качество обработки»²²⁶.

Другую причину консерватизма сторонние наблюдатели усматривали в особенностях крестьянской психологии, в определенных чертах мужицкой натуры. Тамбовский губернатор в своем отчете императору за 1891 г. сообщал: «Причиной неудовлетворительного состояния крестьянского хозяйства являются не только устарелые системы по возделыванию и уборке хлебных полей, при отсутствии каких бы то ни было знаний о способах ведения хозяйства, наиболее выгодных и рациональных, но еще более крайняя беспечность и нерадения крестьян, при этом с чрезвычайным упрямством придерживающихся старины»²²⁷. Большинство дореволюционных исследователей, оценивая производственную деятельность крестьянина, отмечали его трудолюбие, способность работать на пределе физических сил, как говорили в народе «до седьмого пота». Так в чем же проявлялась эта «крайняя беспечность и нерадение»? В том, что он опаздывал и проводил ее в полном объеме посевные работы? Это происходило не по причине лениности русского мужика, а в силу бедности и маломощности его двора. В том, что он в страдную пору не работал в престольный праздник, «бегая» от греха? Так «страх Божий» для православного человека был выше принципа хозяйственной целесообразности. Или крестьянская беспечность выражалась в его провиденциализме, в твердом убеждении в том, что судьба урожая в руках Творца? «Бог захочет и на камушке уродится хлеб» – говорили в деревне. Труд для крестьянина – это не бизнес, а основа его существования. Цель усилий – не извлечение прибыли, а лишь обретение плодов земных необходимых для жизни его и его семьи. Традиции для крестьянина священны. Трудно признать нерадением стремление крестьянина в силу производственных возможностей двора и в рамках существовавших традиций вести свое хозяйство, делая его, по возможности, более интенсивным.

Анализируя природу хозяйственного консерватизма, следует рассмотреть проблему отношения кре-

стьян к новациям в агрономии. Выше уже говорилось об упреках крестьян в хозяйственной косности

и слабой восприимчивости к передовому агрономическому опыту. Истоки этого следует видеть как в

особенностях крестьянского земледелия, так и в менталитете сельских жителей. Настороженное от-

ношение крестьян к нововведениям в полеводстве вполне объяснимо. Сложившаяся поколениями

---

²²² См.: Васильчиков А.А. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т. 2. С. 98 – 99. СПб., 1872.

²²³ Там же. С. 19.

²²⁴ Там же. С. 5 – 6.

²²⁵ Головин В.К. Указ. соч. С. 141.

система земледелия, может быть, не была достаточно эффективной, но надежно гарантировала постоянный, пусть и минимальный урожай. Всякое изменение в привычной агрикультуре увеличивало степень хозяйственного риска. Любой эксперимент мог вызвать снижение потребления семьи ниже уровня, за которым следовала голодная смерть. Именно такую мотивацию трудовой деятельности крестьянства А.В. Чаинов считал основной, что нашло свое теоретическое обоснование в его теории трудо-потребительского баланса хозяйствующей семьи. Не готовность селян воспользоваться какими-то нововведениями для повышения продуктивности своих наделов он объяснял страхом за свое будущее. Это имманентно присущее крестьянству опасение не позволяло рисковать семейным полем и вынуждало держаться традиционной системы земледелия.

Традиционализм общинного земледелия не исключал возможности модернизации привычного хозяйственного уклада. Инстинкт самосохранения побуждал сельскую общину к необходимости оперативно реагировать на экономические условия, потребности рынка, в конечном счете, учитывать производственные интересы самих крестьян. Способность общины адекватно реагировать на запросы времени, не меняя сути, приспосабливаться к меняющейся обстановке, отмечали еще исследователи дореволюционного периода. В начале XX в. А.А. Кауфман писал: «Община не оставалась неизменной и определенным образом подстраивалась под изменившиеся условия. Как и в частновладельческих хозяйствах, исследователи отмечали переход от трехполья к многополью, внедрение технических культур, новых орудий труда, улучшение пород скота, использование кредита, создание кооперативов и тому подобные новшества в общине, которые повышали ее эффективность и не давали убедиться в преимуществах выделившихся хозяйств»²²⁸.

Поземельная крестьянская община, как традиционная форма землепользования, могла препятствовать, а в ином случае способствовать внедрению передовой агротехники. Нередко инерция коллективного мышления оказывалась сильнее разумных доводов. «Каждый крестьянин в отдельности человек, как и все другие, понимает всякие улучшения, готов на всякие разные меры, с ним можно во всем искренне столкнуться, – писал об общине в 1906 г. И.И. Яковлев. – Сход – другое дело. Во множестве случаев его решения поражают самих крестьян, которые, видя их нелепость, только разводят руками, недоумевают, как все это вышло»²²⁹. Для того, чтобы та или иная новация была принята сельской общиной, требовалось время. Она должна была, образно говоря, «пропитаться» этой идеей, поверить в ее хозяйственную целесообразность, убедиться в том, что ее внедрение не увеличит степень производственного риска. После того, как решение миром принято, он употреблял все свое влияние и авторитет для повсеместного и быстрого распространения нововведения на крестьянских наделах. Еще в довоенный период тамбовские агрономы заметили, что агрономическое воздействие лучше осуществлять через общину²³⁰. Образно суть этого процесса передал известный публицист начала XX века А.А. Чупров. Он писал: «При общинном хозяйстве всякие нововведения совершаются как-то стихийно: то обычный строй в данной отрасли держится, чуть-ли не веков, а как попадет на новый путь, то вдруг сразу и прорвется и пойдет вперед с неудержимой силой, беспощадно ломая и коверкая старый порядок»²³¹.

Крестьянину были чужды абстрактные понятия. Он охотно и внимательно слушал советы заезжих агрономов, но их рекомендации применял редко. Другое дело, когда крестьянин видел результаты передовых агрономических приемов на опытном поле, а лучше на соседнем наделе своего брата-мужика. Такой практицизм проистекал из особенностей крестьянской психологии, являлся проявлением сельского менталитета. Крестьянин верил лишь такому доказательству, которое имело характер бесспорной

²²⁶ Шпилев С.А. Опыт исследования экономического быта крестьян среднечерноземной полосы России. Радом, 1908. С. 21.

²²⁷ Обзор Тамбовской губернии за 1891 год. Тамбов, 1892. С. 3.

²²⁸ Кауфман А.А. Земля и культура. К вопросу о земельной собственности. М., 1906. С. 21.

²²⁹ Яковлев С.И. Об общине. М., 1906. С. 6.

²³⁰ См.: Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.) Тамбов, 1998. С. 30.

²³¹ Чупров А.И. Крестьянский вопрос. Статьи 1900 – 1908 гг. М., 1909.

очевидности.²³² Прагматизм крестьянского мышления выражался в том, что мужик ничего не принимал на веру. Вот свидетельство самих крестьян. «Говорят, что русский крестьянин туго принимает все, что могло бы улучшить его хозяйство, – писал в 1906 г. крестьянин Д.П. Смирнов, – Неправда. ... Иногда, действительно, он недоверчиво относится к разным «новшествам», но тут, думается, вина не в нем. Я заметил, что где все просто, где все испытано *практически* (курсив мой), где опыт уже показал, что действительно полезно не то, это, крестьянин охотно принимает улучшение»²³³. Мужик был этаким «неверующим Фомой» и убеждался только в том, что мог потрогать руками и не раз, и не два. Являясь «местным искусством», агротехника не приживалась, если не доказывала свои преимущества на каждом поле, участке. Развитие сети участковой агрономии (подробнее об этом ниже) дало крестьянству возможность крестьянству познакомиться с достижениями сельскохозяйственной науки, увидеть результаты многопольного севооборота, оценить эффективность травосеяния, и т.п. Одним словом, подготовить условия для широкого распространения и применения агрономических знаний в сельской повседневности.

Экономическое положение крестьянских дворов

Экономическое развитие крестьянских дворов сдерживала их хозяйственная маломощность. По расчетам кн. А. Васильчикова, в 70-е гг. XIX в. доля безземельных крестьян в Тамбовской губернии составляла 5, а в Курской до 10 %²³⁴. Последние два десятилетия XX в. характеризовались уменьшением доли душевого надела и роста числа безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств. Согласно данным департамента окладных сборов, сельское население 50 губерний Европейской России с 1861 по 1900 г. выросло с 50 млн. до 90 млн. или на 79 %, средний размер на душу мужского пола, составлявший в 1860 г. – 4,8 дес., понизился в 1900 г. до 2,6 дес.²³⁵ В губерниях Центрального Черноземья среднедушевой надел был ниже, чем в целом по стране. Об этом свидетельствует приводимая таблица²³⁶.

Губернии	1860 г.	1880 г.	1900 г.
Воронежская	4,5	3,3	2,4
Курская	3,1	2,2	1,7
Орловская	3,3	2,4	1,8
Тамбовская	3,6	2,7	2

За период с 1861 – 1865 гг. по 1890 – 1895 гг. в целом в Европейской России площадь посева на каждого едока сократилась на 35, а в центрально-черноземных губерниях – на 44 %²³⁷.

В характеристике хозяйственного положения русского крестьянства следует учитывать такой показатель как плотность населения, фактор, отражающий нагрузку человеческого общества на окружающую среду. По мнению экономиста Н.П. Огановского, при трехпольной системе земледелия населению становиться тесно при густоте в 40 чел. на кв. версту. Для черноземной полосы он поднимал этот показатель до 50 – 55 человек.²³⁸ По данным Ф. Бара плотность всего населения в середине 1890-х гг. составляла в губерниях: Воронежской – 48 человек, Орловской – 50, Тамбовской – 48²³⁹. Показатель же плотности сельского населения был значительно выше. Проиллюстрируем это на примере Тамбовской губернии. На одну квадратную версту удобной надельной и купчей земли приходилось постоянного крестьянского населения: в 1881 – 1884 гг. – 72,0 человека, в 1912 г. – 87,0 человек, в 1917 г. – 97,1 человека.²⁴⁰

Другая проблема хозяйственного развития заключалась в недостаточной обеспеченности крестьянских дворов тягловой рабочей силой. В Тамбовской губернии в 1881 г. безлошадные дворы составляли 24 %, имеющих одну лошадь – 32, 2 – 3 лошади – 36, более трех – 8. Бесхозных дворов (т.е. те, кто не обрабатывал надел) в губернии было

²³² Зубрилин А. Способы улучшения крестьянского хозяйства нечерноземной полосы. М., 1901. С. 134.

²³³ Сурин М. Что говорят крестьяне о нуждах деревни. М., 1906. С. 71.

²³⁴ Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881. С. 7.

²³⁵ См.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. – 58/II. Картон 4. Ед. хр. 4. Л. 21.

²³⁶ См.: Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 49.

²³⁷ См.: Степынин В.А. Крестьянство черноземного центра в революции 1905 – 1907 гг. Воронеж, 1991. С. 10.

²³⁸ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р. 761. Оп. 1. Д. 185. Л. 11 об., 14 об.

²³⁹ См.: Бар Ф. Указ. соч. С. 15.

²⁴⁰ См.: Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии. Тамбов, 1922. С. 22.

9 %, безземельных – 4²⁴¹. По данным за 1880 г., в Елецком уезде Орловской губернии безлошадные крестьянские хозяйства составляли – 22,5 %, а 14,8 % не имели ни лошадей, ни инвентаря²⁴². На рубеже веков ситуация с обеспеченностью крестьянских хозяйств тягловой силой еще более ухудшилась. В Орловской губернии в период 1899 – 1900 гг. из 241 635 дворов не имело лошадей 67 770 или 28 %. Около 18 % крестьянских дворов в губернии не располагало сельскохозяйственным инвентарем²⁴³. По данным военно-конской переписи за 1899 – 1901 гг. число безлошадных дворов составляло: в Воронежской губернии – 27,8, в Орловской – 29, в Курской – 25,6, в Тамбовской – 29,4 %²⁴⁴.

Слабые крестьянские хозяйства региона были обеспечены усовершенствованными орудиями труда и сельскохозяйственными машинами. Так в Воронежской губернии в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. на 231 387 дворов приходилось 237 190 сох и 49 738 плугов, а в 60 192 дворах вообще не было мертвого инвентаря. В 1900 г. число дворов без сельхозинвентаря в губернии составляло 20,1 %. Если принять во внимание только хозяйства с инвентарем, то на 100 приходилось в 1885 – 1887 гг. плугов – 12, сох – 104,5, молотилок – 1,2; в 1900 г. соответственно – 16,5; 101,7; 4,7²⁴⁵. Таким образом, оснащенность крестьянских дворов инвентарем к началу XX в. была крайне незначительной и не позволяла вести интенсивное производство.

Неизбежный процесс имущественного расслоения деревни активизировал социальные функции сельского общества. Для маломощных крестьянских хозяйств деревенские формы взаимопомощи и трудовой солидарности давали возможность избежать разорения, сохраняли надежду на хозяйственный подъем и обретение более высокого социального статуса.

Аграрная реформа и ее восприятие крестьянством

В ходе столыпинской аграрной реформы, впервые после отмены крепостного права, власть приняла масштабную попытку преобразовать традиционный уклад жизни русской деревни. Модернизация была направлена на создания условий, направленных на интенсификацию крестьянских хозяйств. Указ 1906 г. и закон 1910 г. создали необходимую правовую основу аграрной реформы. Основные усилия организаторов реформы были направлены на утверждение в деревне права частной собственности на землю как условия роста сельскохозяйственного производства. Цель землеустройства состояла в устранении чересполосицы, многополосицы и дальнотельности посредством отвода земельного участка. Рационально землепользование в сочетании с хозяйственной инициативой должны были привести к повышению доходности крестьянского производства. Снизить избыток сельского населения в центральных губерниях и расширить посевные площади за счет хозяйственного освоения новых районов предполагалось произвести за счет переселения крестьян. Социальная составляющая реформаторских намерений включала в себя ослабление консолидирующей роли общины в борьбе с помещичьим землевладением. Ставка власти на крестьян-собственников неизбежно вела к обострению внутридеревенских противоречий. Таким образом, власть в модернизации аграрного сектора преследовала, прежде всего, государственные интересы. Но, насколько эти интересы совпадали с устремлениями самого крестьянства? Было ли готово крестьянство пожертвовать принципами общинного землепользования ради выгод индивидуального хозяйствования? Ответы следует искать в реакции крестьянства на реформаторские усилия власти.

Столыпинская реформа стала временем испытания жизнеспособности сельской общины. Прочность традиционных устоев в губерниях региона была различной. По данным Земского отдела МВД, на 1 февраля 1915 г. в Курской губернии вышло из общины – 43 % домохозяев, в Орловской – 39, в Тамбовской – 24. С момента начала реформы и до 1 января 1917 г. в Воронежской губернии вышло из общины и укрепило землю в собственность свыше 81 тыс. домохозяев, имевшие свыше 482 тыс. дес. земли. К общему числу дворов это составляло 21 % или около 13 % земельной площади крестьян²⁴⁶. Разрыв части крестьян с общинным землепользованием

²⁴¹ См.: Иванюков И. Указ. соч. С. 5.

²⁴² См.: Воейков Д.И. Экономическое положение крестьян в черноземных губерниях. СПб., 1881. С. 2.

²⁴³ См.: Кашкаров М. Указ. соч. С. 43.

²⁴⁴ См.: Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса движения с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднестепных губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1. СПб., 1903. С. 205 – 214.

²⁴⁵ См.: Свамицкие З. и Н. Земские подворные переписи. М., 1926. С. 233.

²⁴⁶ См.: Карпачев М.Д. Столыпинская реформа в Воронежской губернии: итоги и уроки аграрного реформирования // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – XX вв. Сб. науч. труд. Воронеж, 1995. С. 169.

(но не с общиной в целом) был подготовлен предыдущим этапом развития русской деревни. В последние два десятилетия заметно выросло число беспередельных общин. В губерниях Центральном Черноземье число таких общин составляло в Курской губернии – 70,7; Орловской – 60,2; Тамбовской – 59,9; Воронежской – 33,8 %²⁴⁷. Явно прослеживалась зависимость между числом беспередельных общин и количеством домохозяев вышедших из общины. Рост беспередельных общин означал, что «значительная масса крестьян-общинников оказалась на положении подворных владельцев»²⁴⁸. Отказ общины от земельно-распределительной функции отнюдь не свидетельствовал о том, что она прекратила свое существование. Даже те крестьяне, где переделы не происходили с 1861 г. продолжали ценить общинные принципы земледелия и самоуправления. Прекращение земельных переделов и усиление социальной поляризации в деревне вовсе не приводило к отрицанию такого способа саморегуляции как община. Преобладание семейно-трудового хозяйства по-прежнему требовало общинных гарантий их существования²⁴⁹.

Сокращение числа общих переделов в селах Центрального Черноземья было обусловлено аграрным перенаселением региона. Корректировка величины земельных наделов общинников производилась через механизм частных переделов. Аграрная реформа начала XX века подорвала устои сельской общины, но не разрушила их. На мой взгляд, неверно относить всех крестьян, укрепивших землю в собственность, к лицам вышедших из общины. Прежде всего, это крестьяне, осуществившие чересполосное укрепление земли, а их было большинство среди «стольпинцев». По данным, приводимым А. М. Анфимовым, они составляли 91 %²⁵⁰. В силу своего положения, они продолжали быть тесно связанными с хозяйственной деятельностью общины. Созданные в ходе реформы участковые хозяйства также осуществляли повседневное взаимодействие с общиной. Четвертая часть хуторян имела часть земли в составе угодий общего пользования (выгон, пастбища, луг), а среди отрубников 40 % располагало собственностью в составе общинных угодий²⁵¹. Добавим к этому, что крестьяне-укрепленцы продолжали оставаться членами сельского общества, участвовали в сходе и в решении в том числе и хозяйственных вопросов. Петербургский историк Б.Н. Миронов в разряд потенциальных противников общины причислил 747 тыс. дворов, заявивших о своем выходе и желании укрепить землю в собственность, но так и не осуществившие свои намерения²⁵². Согласимся с исследователем в том, что эти крестьяне испытывали неудовлетворения общинными порядками, но это совсем не означало, что они выступали за их ликвидацию. Никто не отрицает, что крестьян недовольных поземельной функцией общины в селе было достаточно, и желающие выйти из нее сделали это в ходе реформы. Но большинство селян остались в ней, тем самым, продемонстрировав верность общинным устоям. Да, и сама община под воздействием процесса модернизации и влиянием внутренних противоречий не оставалась неизменной. Она эволюционировала в том числе посредством ослабления отдельных своих функций. Влияние аграрной реформы на состояние сельской повседневности очевидно. Представляется важным проанализировать формы этого влияния, выяснить мотивы тех, кто покидал общину, и кто в ней оставался, раскрыть механизм обыденного сопротивления правительственным мероприятиям.

В первую очередь укрепить земельные наделы в собственность поспешили лица, фактически утратившие связь с общиной и не занимавшиеся аграрным трудом. «За выходом из общины стоят большей частью бобыли и бездомники, не пользующиеся землей как средством к жизни ...», – сообщали корреспонденты Вольного экономического общества из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии²⁵³. Эти наблюдения «изнутри» подтверждались и суждения представителей власти. «В большинстве случаев, – докладывал тамбовский губернатор в 1908 г., – ходатайства об укреплении в личную собственность земли возбуждаются такими лицами, которые лично земледелием не занимаются»²⁵⁴. Таким образом, пионерами выхода из общины стали маргиналы, утратившие связь с землей и порвавшие привычные связи. В 1909 г. тамбовский вице-губернатор Н. Ю. Шильднер-Шульднер, выступая перед земскими начальниками и землеустроителями, недоумевал: «... казалось бы, прежде всего, законом этим должны воспользоваться наиболее обеспеченные землей крестьяне, так как этим лицам,

²⁴⁷ Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство и стольпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 173.

²⁴⁸ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство ... С. 98.

²⁴⁹ См.: Ефременко А.В. Указ. соч. С. 128.

²⁵⁰ Анфимов А.М. Новые собственники (из итогов стольпинской реформы) // Крестьяноведение. История. Теория. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 62.

²⁵¹ Там же. С. 66.

²⁵² См.: Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2000. С. 481 – 482.

²⁵³ Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г. (По анкетам Вольного Экономического Общества). Пг., 1917. Ч. 1. С. 48.

²⁵⁴ Цит. по: Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 260.

несомненно, наиболее выгодно отвести свои наделы к одним местам». Однако на практике происходило обратное: всякая гольтьба, все лица, наименее связанные с землей, поспешили укрепить участки и продать таковые»²⁵⁵. Из числа укрепленцев, по данным И. В. Чернышева, 21 % дворов продали свои наделы, 14 % сдали их в аренду²⁵⁶. В 1909 г в одном из обществ Никольской волости Ливенского уезда Орловской губернии из 15 455 дес. земли было из укреплено в личную собственность 1733 дес. Из них продано 505 дес. (29 %) в среднем по цене 120 р.²⁵⁷ Отдельные крестьяне настаивали на сведения своих участков в единый отруб, но не с целью ведения на нем интенсивного хозяйства. Это делалось для того, чтобы подороже продать землю, а цена отрубного участка естественно была выше.

Другие крестьян продавали свои участки, чтобы обрести средства для переселения на новые земли. Стремление обрести «подрайскую землю» продолжало жить в крестьянском сознании. Мужик продолжал верить, что есть место, где земли избыток и нет соседства помещика, где нива обильна, а вмешательство власти минимально. Готовность части жителей села, в поисках лучшей доли, покинуть родные места, совпадало с целями царского правительства. Переселение являлось составной частью аграрной реформы. Власть, стремясь разрядить плотность сельского населения в Европейской части России, активно поощряла переезд крестьянских семей на постоянное место жительства в Сибирь. «При распределении долей, – читаем в отчете тамбовского губернатора за 1910 г., – губернская комиссия принимала в соображение возможность путем переселения части крестьян достигнуть увеличения земельного обеспечения остающихся, улучшив при этом порядок их землепользования»²⁵⁸. Возьму на себя смелость утверждать, что переселенцы выступали той частью деревни, которая не была удовлетворена состоянием своей повседневности. Жажда земли гнала их за Урал, в Сибирь, на Дальний Восток. Ради обретения достатка земли они бросали родные деревни, переносили тяготы дальней дороги. Был ли отъезд бегством от общины, разрывом с традициями? Думаю, что нет. Новоселы репродуцировали привычный образ жизни, нередко, начиная свое обустройство на новом месте с создания общины. Для большинства переселенцев она выступала формой выживания в борьбе с суровой сибирской природой и давала возможностью сохранить свой хозяйственно-культурный уклад в многообразии этнического окружения. Однако не многие переселенцы сумели адаптироваться к новым условиям хозяйствования. Значительная часть тамбовских ходоков вернулась на родину, не зачислив земли в Сибири (1908 г. – 88,7; 1909 г. – 89,2;

1910 г. – 69,9 %) по разным причинам. Чаще всего выказывалось недовольство качеством почвы, климатом, отсутствием строевого леса и т.п.²⁵⁹ Искать свою судьбу за Уралом оказалось делом рискованным, что ощутили на себе не менее четверти тамбовских крестьян-переселенцев, которые вернулись назад, значительно ухудшив свое положение²⁶⁰. Возвращение вчерашних переселенцев вело к росту социальной напряженности в деревне.

Мотивы крестьян-укрепленцев, которые не собирались продавать землю и покидать родную деревню, были разные. Землю в собственность укрепляли те домохозяева, которые за счет «мертвых» душ пользовались лишними наделами и могли их потерять при очередном земельном переделе. Мужичья сметка подсказывала, что предоставленную возможность необходимо использовать, но о выходе из общины они вряд ли помышляли. Другой причиной укрепления наделной земли в собственность выступало желание вести хозяйство самостоятельно, без оглядки на сельский «мир». Эта была та категория крестьян, которая сознательно порывала с традициями общинного земледелия, выбирая иную форму хозяйствования. Впрочем, подобное стремление не получило широкого распространения: по данным Тамбовской землеустроительной комиссии на 1 января 1909 г. только 539 домохозяев в качестве побудительного мотива к выделу земли к одному месту указывали желание «перейти к улучшенным способам обработки земли»²⁶¹. В большинстве своем крестьяне, вышедшие из общины на хутора и отруба, не сумели наладить рациональное и эффективное производство. В исследованиях Дэвида Керанса, на материалах Тамбовской губернии, делается вывод о том, что хуторизация не принесла агротехническую инновацию. Новорожденные хутора и отруба не улучшили методику пахоты, не переходили к многопо-

²⁵⁵ Цит. по: Токарев Н.В. О некоторых аспектах проведения столыпинской аграрной реформы в Тамбовской губернии // Труды Тамбовского филиала юридического института МВД за второе полугодие 2000 г. Тамбов, 2000. Вып. 3. С. 59.

²⁵⁶ См.: Чернышев И.В. Указ. соч. С. 42.

²⁵⁷ Российский государственный исторический архив (РГАИ). Ф. 1291. Оп. 31. Д. 49. Л. 147.

²⁵⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7084. Л. 43.

²⁵⁹ Токарев Н.В. Регулирование переселенческого движения за Урал в период столыпинской аграрной реформы // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Материалы VI науч. конф. Липецк, 1998. С. 125.

²⁶⁰ См.: Токарев Н.В. О некоторых аспектах ... С. 60.

²⁶¹ Труды неперемещенных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. 10–23 января 1909 г. СПб., 1909. С. 257.

лю»²⁶². Главным препятствием в этом являлось малоземелье и маломощность крестьянских хозяйств. Став хуторянами и отрубниками, они не стали от этого богаче. Обследовавшие их представители местной власти вынуждены были признать их хозяйственную «слабость» и «маломощность». Так, 60,9 % тамбовский хуторов и отрубов, по данным за 1912 г., имели по одной лошади, а 3 % были вовсе безлошадными. В только что созданных участковых хозяйствах начались семейные разделы, восстанавливавшие чересполосицу. Крестьяне, отделившие от общины, не стали классом «крепких собственников» и не могли обеспечить устойчивый прогресс сельского хозяйства²⁶³.

Отказ от общинной формы земледелия не был возможен по причине крестьянского традиционализма. В крестьянской среде была велика сила обыкновения, всякая попытка изменения привычного хозяйственного уклада вызывала страх за свое будущее и естественное стремление оставить существующий порядок в неизменности. Следует отметить, что всю возможную пагубность такой коренной переделки понимали и современники. «Наше мирское земледелие представляет собой определенный строй земледельческого производства, – писал в 1901 г. А. Зубрилин. – Миллионы крестьянских хозяйств в течение ряда поколений приурочили к нему свой обыденный труд и свои потребительские нужды. Какие бы недостатки не усматривались в этом строе, но уже то обстоятельство, что он сам собой, без всякого содействия свыше, поддерживает порядок в производстве и потреблении бесчисленных крестьянских дворов, рассеянных на огромном пространстве русской земли, заставляет относиться к нему бережно и со вниманием»²⁶⁴.

Из всех форм перехода к подворному владению землей крестьянство преимущественно выбирало чересполосное укрепление. Это означало то, что жители села принимали аграрную реформу лишь в той части, которая соответствовала их традиционным представлениям. К началу 1917 г. в Тамбовской губернии соотношение форм единоличного владения землей было таковым: чересполосное укрепление – 75,9; образование отрубов – 23,1; хуторские хозяйства – 1,0 %.²⁶⁵ В результатах обследований деревни, проведенных ВЭО, отмечалось: «Выход из общины в чересполосное укрепление, точно также как признание общинников беспередельных общин, перешедшими к подворному владению, не разрушали привычного хозяйственного уклада деревни, а потому не разрушали привычных для крестьянина взглядов и настроений»²⁶⁶.

В этом выражалась крестьянская корректировка реформы, указывающая на то, что деревня не желала жертвовать общиной в угоду власти.

Провал идеи насаждения хуторов в регионе с сильными общинными традициями вполне закономерен. Один из вдохновителей аграрной реформы В.И. Гурко признавал: «Для меня было очевидно, что сразу перейти от общинного владения к хуторскому крестьяне не были в состоянии за отсутствием ряда других необходимых условий. Предложенный порядок, несомненно, перескакивал целый этап естественной эволюции крестьянского землепользования. Непосредственный переход от общинного землепользования, минуя естественный этап личного подворного владения, конечно, трудно осуществим в сколько-нибудь широком размере»²⁶⁷.

Большинство исследователей русской деревни сходятся в том, что именно приверженность крестьян традициям общинного уклада выступала главным фактором, препятствующим успеху реформы. Жители села опасались, что переход к подворному владению приведет к быстрому обезземеливанию. Свое мнение о преимуществах общинного землепользования перед отрубным сельские корреспонденты выразили в анкетах ВЭО. Крестьяне Липецкого уезда Тамбовской губернии считали, что община способствует устранению малоземелья путем переделов: «Выгоднее, кажется, общинное владение, потому что если общинная земля, то она по истечению известного срока делится, и каждый общинник, хотя немного земли, а будет иметь, а при подворном владении дойдет до того, что негде будет поставить избу»²⁶⁸. Корреспондент из Землянского уезда Воронежской губернии сообщал, что «крестьяне по своему малоземелью, считают выгоднее жить в одном селе с равномерным пользованием общинного надела именно потому, что по тесноте поля разместится с удобством по крестьянскому быту почти негде»²⁶⁹.

²⁶² См.: Мацузато Кимитаки. Индивидуалистические коллективисты или коллективистские индивидуалисты? Новейшая историография по крестьянским общинам // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 194.

²⁶³ См.: Вилков А.А. Менталитет крестьян и российский политический процесс. Саратов, 1997. С. 81.

²⁶⁴ Зубрилин А. Способы улучшения крестьянского хозяйства нечерноземной полосы. М., 1901. С. 136.

²⁶⁵ Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.) Тамбов, 1998. С. 36.

²⁶⁶ Чернышев И.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 14.

²⁶⁷ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 200.

²⁶⁸ Чернышев И.В. Указ. соч. С. 51.

²⁶⁹ Там же С. 23.

Малоземелье и отсутствии свободных денежных средств у крестьян выступали главным препятствием для создания отрубных хозяйств. Сведения разрозненных земельных участков в единый массив, при малых душевых наделах, проблемы не решало и не позволяло вести интенсивное хозяйство. Расширение участка за счет покупки земли через Крестьянский поземельный Банк было по силу лишь состоятельным домохозяевам. К банковским ссудам жители села прибегали редко, опасаясь в случае просрочки платежа потерять земельный надел, вносимый в качестве залога.

Крестьяне не спешили покидать общину, потому что надеялись на передел помещичьих земель. Слухи о скорой передаче барских земель крестьянам с завидным постоянством циркулировали в деревне, выражая заветную мечту сельских жителей о земельной прирезке. Осуществить процесс распределение частновладельческих земель могла только община (что она и сделает в ходе «черного передела» лета — осени 1917 г.). Крестьяне резонно опасались, что не получат своей доли, если покинут общину. Для многих колеблющихся это был весомый аргумент в пользу того, чтобы остаться.

Выход на хутора и отруба ломал привычную повседневность. И этот социально-психологический фактор аграрной реформы до сих пор не получил в литературе должного освящения. На заседании Тимского уездного собрания (Курская губерния) 4 октября 1910 г., посвященном обсуждению предложений П. А. Столыпина, гласный Букреев приводил следующее высказывание крестьян: «Что же, барин, пойду в поле ветром, что ли торговать. Ни Храма Божьего там нет, ни школы, ни волости, даже на случай пожара не от кого ожидать помощи»²⁷⁰. Крестьяне, вышедшие из общины, столкнулись с такими проблемами, о которых они и не задумывались, проживая в деревне. Это отдаленность от школы, церкви, больницы. Именно эти моменты удерживали определенную часть крестьян от выхода на хутора. Они боялись, что их дети останутся неучами, а сами они не смогут регулярно посещать сельский храм. «Если будут вводить хутора, — писал тамбовский крестьянин, — то молодое наше поколение лишится образования, а старое с ними, опять и молодое, храма Божия»²⁷¹. Да, и общение в условиях малолюдства хутора также становилось проблемой. Многие крестьяне считали, что на хуторе можно «одичать», «бабам не с кем будет разговаривать» и т.д.²⁷²

Ход аграрной реформы во многом тормозился по причине медлительности бюрократического аппарата. Особенно на начальном этапе преобразований местные власти проявляли явную нерасторопность. В Курской губернии на апрель 1907 г. из 788 заявлений об укреплении земельных наделов в собственность было утверждено только 70, т.е. менее 10 %.²⁷³ Крестьяне деревни Афанасьеве Обоянского уезда Курской губернии 13 апреля 1907 г. телеграфировали П.А. Столыпину: «Подали заявления 20 ноября о выходе из общины количестве 72 из 130 в срок земскому и съезду. Нет распоряжения об укреплении. Общинники делят землю, вымогают деньги, угрожают, оскорбляют, время уходит, сев погибает. Что делать? Помогите?»²⁷⁴ В ряде мест власть не сумела донести до крестьян содержание указа 1906 г. и суть проводимых преобразований. Управляющий межевой частью министерства юстиции Н.Д. Чаплин в июле – августе 1909 г. осуществил ревизию состояния землеустроительных работ в ряде губерний, в том числе Тамбовской и Воронежской. «С точки зрения землеустройства, — писал он, — большая часть губерний должна быть отнесена к числу едва только вступающих на путь поземельного строительства. (...) В течение поездки неоднократно приходилось слышать (в губерниях Пензенской, Воронежской, Рязанской, особенно в Тамбовской) о целом ряде селений, для которых не только смысл закона 9 ноября, но и сам факт его издания до сих времен будто бы остается неизвестным»²⁷⁵.

Противодействие правительственным мероприятиям носило форму традиционного крестьянского протеста. «Оружие слабых» проявилось во всем своем многообразии, от саботажа административных распоряжений до открытого вооруженного сопротивления. Не желания крестьян сотрудничать с властью проявилось уже на первом этапе реформы. Это нашло свое выражение в отказе крестьян выбирать своих представителей в землеустроительные комиссии. В 1907 г. из 18 волостных сходов Щигровского уезда Курской губернии пять отказались выбирать своих представителей в землеустроительные комиссии²⁷⁶.

²⁷⁰ Прилуцкий А.М. Курское земство и столыпинское землеустройство // Общественная жизнь Центрального Черноземья в России в начале XVIII

XX века. Воронеж, 2002. С. 113.

²⁷¹ Чернышев И.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 55.

²⁷² Есиков С.А. Указ. соч. С. 38.

²⁷³ Данные по: Бородин А.Т. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004. С. 193–194.

²⁷⁴ Цит. по: Бородин А.Т. Указ. соч. С. 193.

²⁷⁵ Там же. С. 196.

²⁷⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Д-4. 1907. Оп. 116. Д. 14. Ч. 1. Л. 92.

В Мало-Архангельском уезде Орловской губернии в выборах представителей в землеустроительные комиссии приняло участие семь волостей из 21²⁷⁷.

С целью популяризации идеи хуторского хозяйства губернские власти устраивали показательные экскурсии в западные губернии страны. Об этом много и подробно писал воронежский историк М.Д. Карпачев. Так, вот эти экскурсии в показательные хутора также являлись объектом бойкота со стороны крестьян. Одиннадцать из 12 волостных сходов Мало-Архангельского уезда Орловской губернии отказались «без объяснения причин» послать своих представителей в Волынь посмотреть хутора²⁷⁸. Другой формой скрытого сопротивления был срыв сельского схода, на котором предполагалось обсуждение заявлений об укреплении земельных наделов в собственность. Крестьяне просто не являлись на собрание к намеченному сроку. Такая форма протеста была достаточно эффективна, поскольку не позволяла власти запустить механизм «обязательных мероприятий». Для решения вопроса административным путем требовалось отрицательное решение схода, зафиксированное в приговоре. В данных случаях такого решения не было в виду того, что не было и самого схода. Еще один прием, который использовался общинниками для срыва землеустройства отрубных хозяйств. С целью предотвратить индивидуальные выделы сельский сход принимал решение о внутриселенном разверстании, а позже, когда землеустроительный проект был готов, отказывался его утвердить. Так, Мало-Рыбинское сельское общество Курской губернии в присутствии представителей уездной власти проголосовало за переход к подворному землевладению и проведения соответствующих землеустроительных работ. После того, как чиновники отбыли из села, представители схода пошли немедленно в местную землеустроительную комиссию и аннулировали результаты голосования²⁷⁹. Данные примеры наглядно показывают отношение деревни к проводимым правительством мероприятиям.

Приверженность крестьянства общинным устоям находило свое выражение в том, что сельские сходы отказывались дать согласие на выдел отрубных участков. Курский губернатор Гильхен в своем письме П.А. Столыпину указывал на причины, тормозящие реализацию указа от 9 ноября 1906 г. Он в частности писал: «Прежде всего – это враждебное отношение отдельных сельских обществ к заявлению домохозяев о выходе из общины, путем укрепления надельной земли, такое отношение выражается в отказе, в большинстве случаев, выдать требуемые приговоры, угрозе лишить их пастбища, произвести насилие»²⁸⁰. Зимой 1908 г., неперменный член Лебедянской уездной комиссии Тамбовской губернии Ростовцев совершил объезд всех волостей уезда и беседовал с крестьянами о реформе, пытаясь спрогнозировать ее результаты. Прогноз был неутешителен: «Беседы показали, что сельское население совершенно не подготовлено к широкому восприятию идей единоличной собственности и что отдельные домохозяева из числа укрепивших наделы и желают выделить землю из общины, то сами общины крайне враждебно относятся к такому выделу и отказываются входить в соглашение о его условиях»²⁸¹.

Даже те сельские общества, которые под нажимом начальства давали свое «добро» на укрепление, после употребления всю силу общественного мнения, чтобы желающие выйти из общины изменили свое решение. Только в первом участке Богучарского уезда Воронежской губернии в 1909 г. было прекращено 40 дел об укреплении по причине отказа заявителей. В целом, на наш взгляд, отказов сельских обществ в укреплении земли в собственность было значительно больше, нежели их отразила статистика. Большинство мирских приговоров не фиксировалось, а письменную форму они принимали, если ходатай проявлял настойчивость (а многие ведь смирялись) и требовал формального отказа. Земский начальник, пользуясь правом, данным ему законом, осуществлял административный выдел на основании соответствующего постановления. Таким образом, вся информация о форме (добровольного или принудительного) исходила от участкового земского начальника. На этом уровне происходило неумышленное (халатность) и сознательное (очковитительство) искажение отчетности. В ходе ревизии (1909 г.) дело-производства крестьянских учреждений Дмитровского уезда Орловской губернии отмечено, что «требуемой регистрации постановлений земского начальника по закреплению надельной земли за крестьянами, получившими отказ в том со стороны своих сельских обществ, не ведется»²⁸². Есть основания полагать, что так было не в одном уезде. В целом по губерниям региона, согласно официальным данным, соотношении приговоров обществ об укреплении с постановлениями, о выделах земским начальниками в 1909 г. было следующим: Курская губерния 1:1; Орловская 2,5:1; Тамбовская 1:6²⁸³. Как видно, в Ор-

²⁷⁷ Pallot. J. *Lahd Reform in Russian 1906 – 1917. Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation*. Oxford, 1999. P. 173.

²⁷⁸ *Op. cit.* P. 173.

²⁷⁹ *Op. cit.* P. 178.

²⁸⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. 1907. Д. 22. Л. 79об-80.

²⁸¹ Там же. Ф. 1284. Оп. 194. 1909. Д. 66. Л. 12.

²⁸² Там же. Ф. 1291. Оп. 31. Д. 144. Л. 91об.

²⁸³ Там же. Ф. 1284. Оп. 194. 1909. Д. 66. Л. 12.

ловской губернии сельские общества менее всего препятствовали своим членам в укреплении земельных наделов. Положение на местах, с учетом высказанных выше замечаний, в целом, подтверждало данную тенденцию. По сведениям Земского отдела МВД в 1909 г. по третьему земскому участку Трубчевского уезда Орловской губернии было укреплено 9829 дес. земли за 1628 домохозяевами. Большинство укреплений состоялось по приговорам сельских обществ²⁸⁴. На 1 сентября 1909 г. в первом участке Дивенского уезда Орловской губернии было укреплено земли приговорами сельских обществ – 105, постановлениями земского начальника – 54²⁸⁵.

В противостоянии укрепленцев и общинников должностные лица села, несмотря на мощный административный прессинг, в большинстве случаев занимали позицию сельского мира. «Я совершил более ста актов о выделении из общины и не разу не встретил случая добровольного соглашения общества на выделение кому-либо из общинного владения. Везде общества не давали согласия на выделение тем или иным

членам ... и никакими страхами на них не подействуешь, – делился печальным опытом земский начальник Грайворонского уезда Курской губернии; – Зовешь старосту и под угрозой ареста и штрафа показываешь ему подписать приговор о выделении из общества, но получаешь категорических отказ. Староста переносит и штраф, и арест, но упорно повторяет, что общество не велело давать согласие»²⁸⁶. Отдельные сельские старосты не просто саботировали правительственные распоряжения по землеустройству, но и выступали активными участниками открытого сопротивления. Так, в апреле 1915 г. в селе Чигорак Борисоглебского уезда Тамбовской губернии произошло сопротивление выделу отрубников. Сельский староста Зацепин на сходе возбуждал население противодействовать землеустроительным работам²⁸⁷. В сообщении в департамент полиции от 26 марта 1915 г. из Воронежской губернии говорилось: «В селе Козловке Бобровского уезда сельский староста Петр Манохин и уполномоченные общества Терентий Бельченко и Никита Манохин агитировали против закона о землеустройстве и домохозяев, переходящих к владению землей на правах личной собственности, стремясь создать к ним со стороны общинников враждебное отношение»²⁸⁸. Сельских старост, которые поддерживали правительственный курс, крестьяне решительно смещали. Крестьяне Казацкой и Стрелецкой слобод Белгородского уезда Курской губернии в большинстве своем враждебно относились к указу от 9 ноября 1906 г. На сходе 17 апреля 1911 г. они сменили своих старост-собственников. Там же они избрали новых из числа общинников и передали им без утверждения земского начальника должностные знаки²⁸⁹.

Крестьяне, призванные на фронт, также не оставались безучастными к происходящему в родном селе. Находясь вдали от дома, солдаты живо откликались на события, связанные с землеустройством. Они выражали беспокойство по поводу того, что в результате укрепления земли их односельчанами сами они могут оказаться без земли. 1 июля 1915 г. крестьянин Митрофан Иванов Попов, житель слободы Бычки Богучарского уезда Воронежской губернии получил из действующей армии анонимное письмо с казенной печатью 20-го запасного Могилевского полка. В письме от имени призванных солдат содержалась угроза расправиться со всеми домохозяевами, переходящими к владению землей на началах личной собственности. Автор обещал посчитаться и с волостным старшиной и урядником, оберегающими законные интересы собственников²⁹⁰.

Выходцы из общины фактически бросали вызов «миру», они добровольно разрывали нити, связующие их с общиной. В ходе укрепления они требовали отвода им наиболее плодородных участков, расположенные поблизости от усадьбы, ломая традиционный принцип земельного равенства. Ища защиту своих интересов у власти, они тем самым противопоставляли себя сельскому миру, нарушая сельскую солидарность. Все это закономерно вызвало ответную реакцию со стороны общинников. Они стремились всеми средствами сохранить привычный уклад и не допустить самоликвидации общины. В ход шли уговоры, угрозы, и если они не давали результатов, то и насилие. Вот лишь некоторые эпизоды действий такого рода. В сообщении министру внутренних дел указывалось: «13 января 1910 г. в селе Гвазда Павловского уезда Воронежской губернии крестьяне Храпов, Меляев, Козлов нанесли побои крестьянам Ретунскому и Богатым. Первый укрепил за собой надельные земли, а второй купил пять наделов земли. Крестьяне высказали угрозу убить, как всех тех, кто укрепляет землю или продает ее, так и тех, кто утверждает эти продажи»²⁹¹. Аналогичные события происходили и в соседних губерниях. В с.

²⁸⁴ Там же. Ф. 1291. Оп. 31. Д. 144. Л. 57об.

²⁸⁵ То же. Л. 137.

²⁸⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 103. Л. 3.

²⁸⁷ ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1915. Д. 72. Ч. 1. Л. 12.

²⁸⁸ Там же. Ф. 102. Д-4. 1915. Оп. 124. Д. 108. Ч. 14. Л. 2.

²⁸⁹ Там же. Оп. 119. Д. 449. Л. 53.

²⁹⁰ Там же. Оп. 124. Д. 14 Ч. 1. Л. 4.

²⁹¹ Там же. Оп. 119. Д. 449. Л. 33.

Братках Борисоглебского уезда Тамбовской губернии 12 июля 1911 г. толпа крестьян 70 человек явилась на хутор выделившегося односельца и стала самовольно делить посев²⁹². В д. Вижанки Дмитровского уезда Орловской губернии 17 июля 1911 г. местными крестьянами были нанесены своему односельчанину Ивакину смертельные побои на почве недовольства тем, что тот, обладая значительными денежными средствами, равномерно скупал у своих односельчан несколько укрепленных в личную собственность наделов²⁹³. В июне 1912 г. произошли серьезные беспорядки среди крестьян села Митрополье и соседних слобод Курской губернии на почве выхода некоторых однообщественников на отруба, при чем имущество последних подвергалась уничтожению и поджогам, а командированным на место чинам полиции было оказано сопротивление и причинены насильственные действия²⁹⁴.

Часто жертвами крестьянского недовольства становились землеустроители. В селе Моисеевой Алабушки Борисоглебского уезда Тамбовской губернии 19 октября 1911 г. толпа препятствовала проведению землемерных работ, уничтожила межевые знаки²⁹⁵. В селе Березовец Фатежского уезда Курской губернии 4 мая 1915 г. при пропашке меж для 37 отрубных хозяйств, прибывшие землемеры встретили сопротивление со стороны 800 крестьян, вооруженных кольями. Работа была сорвана. Были вызван урядник со стражей²⁹⁶. В селе Першин Нежнедевицкого уезда Воронежской губернии 27 июля 1915 г. во время проведения землеустроительных работ крестьяне Незнамов и другие в числе семи человек препятствовали землемеру ставить межевые столбы²⁹⁷.

Активную роль в противодействии землеустроительным работам в годы Первой мировой войны играли сельские бабы. Страх, что их обманут в отсутствии мужей и приберут к рукам лучшие земли, толкал солдаток на «бабы бунты». Вся сила женского гнева падала на технических специалистов-землемеров. При проведении межевых работ для 25 домохозяев в селе Сергеевке Борисоглебского уезда Тамбовской губернии к землемеру Лукьянову явилась толпа солдаток, которые потребовали, чтобы он прекратил работу и уехал²⁹⁸. В сообщении в департамент полиции от 30 марта 1915 г. говорилось, что «в селе Нагольном-Колодезе Обоянского уезда Курской губернии толпа крестьян и солдаток (30 подвод) пыталась самовольно запахать земли отрубника Осьмикина. Приставом действия были пресечены»²⁹⁹. Чаще всего деревенские бабы уничтожали межевые столбы, тем самым, пытаясь сорвать определение границ выделяемых участков. «27 апреля 1915 г. в селе Малфе Малфинской волости Трубчевского уезда Орловской губернии, где были отведены участки для хуторян и остолбованы межевыми знаками, толпа крестьян до 100 человек, преимущественно солдатки, ходатайствовали о приостановлении работ до возвращения мужей с войны. Получив отказ, они уничтожили на поле межевые столбы»³⁰⁰. Накал страстей приводил к тому, что селянки прибегали к насилию, оказывали сопротивление властям. Так, в селе Архангельском Борисоглебского уезда Тамбовской губернии 6 июня 1915 г. крестьянки, протестующие против перехода на хуторское хозяйство, били стекла в избах своих односельчан, желающих надела отрубными участками. Поводом для беспорядков, по мнению вице-губернатора, стало распоряжение ГУЗиЗ о приостановлении выделов отрубов. Крестьянки поняли его так, что не должны приводиться в исполнение постановления землеустроительных комиссий, вступивших в законную силу. По факту волнений к следствию привлечено 22 человека, из них 17 крестьянок³⁰¹.

С началом войны землеустройство фактически было свернуто. Не желая обострять социальную напряженность в деревне, царское правительство в 1915 г. рекомендовало губернским властям в случае отсутствия согласия в обществе откладывать землеустройство до окончания военных действий. Реформа была прекращена постановлением Временного правительства от 28 июня 1917 г. о ликвидации землеустроительных комиссий. В ходе «черного передела» община восстановила статус-кво, вернув обратно вчерашних «беглецов».

Оценивать эффективность столыпинских преобразований следует не подсчетом общего количества домохозяев вышедших из общины, а выяснение того, сколько из числа укрепленцев смогли наладить в своих хозяйствах интенсивное производство. Землеустройство лишь создавало условия, но автоматически не вело к интенсификации аграрного производства. Трехпольный севооборот применялся на полях

²⁹² То же. Л. 66.

²⁹³ То же. Л. 72.

²⁹⁴ То же Л. 294об.

²⁹⁵ То же. Л. 96.

²⁹⁶ Там же Д. 34. Ч. 1. Л. 2.

²⁹⁷ Там же. Оп. 124. Д. 108. Ч. 14. Л. 16.

²⁹⁸ Там же. Оп. 119. Д. 72. Ч. 1. Л. 12.

²⁹⁹ Там же Д. 34. Ч. 1. Л. 1.

³⁰⁰ Там же Д. 48. Ч. 1. Л. 1.

³⁰¹ Там же. Д. 72. Ч. 1. Л. 10, 13, 18 – 20.

80 % хуторян, 66 % землеустроенных хозяйств имели менее десяти десятина двор, что не позволяло вести рациональное и прибыльное производство³⁰². Обследования отрубных и хуторских хозяйств показали, что они лучше, чем общинники снабжены инвентарем, урожайность их полей незначительно, но была выше, чем общинных. В тоже время, несмотря на более высокую экономическую мощь хуторских хозяйств, признавалось, что «в них не найдено признаков интенсификации земледельческого промысла. Те же приемы в земледельческой технике, то же господство трехпольного севооборота, что и на соседних общинных полях»³⁰³.

Успехи в земледелии начала XX века

К концу первого десятилетия XX в. в развитии аграрного сектора страны наметился существенный прогресс. И он был достигнут за счет увеличения зернового производства в крестьянских хозяйствах. По свидетельству профессора Э.М. Шагина, в два предвоенных года валовые сборы зерновых в Европейской части страны достигли рекордных отметок, на 20 – 30 % превышающие среднегодовые показатели двух предшествующих пятилетий. Среднегодовая урожайность за 1911 – 1915 гг. по разным культурам выросла на 13 – 25 %³⁰⁴. Содержание произошедших перемен верно отразил А.В. Чаянов. Он писал: «В конце первого десятилетия XX века наблюдалось значительное оживление русской сельскохозяйственной жизни, крестьянское хозяйство, изжившее старые формы трехпольного земледелия, приступает к созданию новых хозяйственных систем: быстро развивается травосеяние, промышленные яровые неуклонно увеличивают свою площадь, происходит повсеместная смена старого инвентаря на улучшенный, крепнут кооперативные формы маслоделия, и сотни других молекулярных процессов создают новое крестьянское земледелие»³⁰⁵.

Успехи в крестьянском земледелии стали возможным, благодаря сочетанию ряда причин. Свою роль сыграл правительственный курс в области аграрных отношений. Отмена с 1 января 1907 г. выкупных платежей за наделную землю существенно облегчило экономическое положение крестьянских хозяйств. Из года в год увеличивался объем денежных средств, направляемых в сельское хозяйство. Затраты государства за 1908 – 1912 гг. составили 310,9 млн. р., в среднем 62,2 млн. р. в год. Из них на землеустройство употреблено – 95,1 млн. р., переселение – 118, 6 млн. р., на расходы общего характера – 35 млн. р.³⁰⁶ Неуклонно расширялась сеть сельскохозяйственных учебных заведений. За двадцать предвоенных лет количество учебных заведений такого типа увеличилось с 68 до 360³⁰⁷. В период с 1908 по 1912 г. для обслуживания нужд сельского хозяйства в стране было подготовлено свыше 500 лиц с высшим сельскохозяйственным образованием, около 1000 – со средним и более 6500 с низшим³⁰⁸.

Изменения коснулись технической оснащенности крестьянских дворов. Крестьяне лично и в складчину стремились приобрести более совершенные сельскохозяйственные орудия, а в ряде случаев и машины. Использование сельскохозяйственных машин (импорт и собственное производство) с начала 1870-х гг. до 1896 г., увеличилось более чем в 6,5 раз, а к 1912 г. – в 57 раз³⁰⁹. Это свидетельствовало о нарастании темпов механизации аграрного производства. Так, за 1910 – 1917 гг. в крестьянских хозяйствах Тамбовской губернии количество плугов увеличилось на 30 %, жнеек – на 50 %, молотилок – на 5 %, веелок – на 7,5 %³¹⁰. Однако уровень оснащенности крестьянских хозяйств усовершенствованным инвентарем в целом остался низким. Произошедшие перемены не были достаточны для технологического прорыва, но позволили повысить качество обработки земли, а следовательно, повысить урожайность.

³⁰² См.: Анфимов. А.М. Новые собственники ... С. 65.

³⁰³ Там же. С. 82.

³⁰⁴ Шагин Э.М. Первая российская революция и Столыпинская реформа и их воздействие на крестьянское хозяйство // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всеросс. науч. конф. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 66 – 67.

³⁰⁵ Цит. по: Шагин Э.М. А.В. Чаянов об агрикультурных сдвигах в крестьянском хозяйстве в предреволюционной России // Аграрные технологии в России IX – XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 186 – 187.

³⁰⁶ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2431. Л. 12.

³⁰⁷ Кауфман А. Агрономическая помощь в России. Самара, 1915. С. 7.

³⁰⁸ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2431. Л. 13.

³⁰⁹ Тюкавкин В.Г., Скрябин В.И. Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX – начале XX в. // Аграрная эволюция России и США в конце XIX – начале XX в. М., 1991. С. 273.

³¹⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 237. Л. 26.

В рамках традиционной трехпольной системы медленно, но неуклонно повышалась урожайность крестьянских полей. Урожайность главного сельскохозяйственного продукта – ржи на крестьянских землях в 1896 – 1910 гг. составляла в среднем 55,5 пуда с десятины, в 1912 г. – 62 пуда, 1913 г. – 34,8 пуда, 1914 г. – 50 пудов, в 1915 г. – 62,3 и в 1916 г. – 62,8 пуда³¹¹. В Воронежской губернии в 1915 г. сбор хлебов превысил 2 млн. т, что было вдвое выше уровня 1908 г. Почти

85 % объема производства зерновых дали крестьянские хозяйства³¹². Росту товарности крестьянских хозяйств благоприятствовала рыночная конъюнктура. Цена на рожь и пшеницу в период с 1895 по 1913 гг. выросли в 2 раза. На крестьянских полях распространялись культуры востребованные рынком и требующие больших знаний и качественного труда. Так, под посевы пшеницы в 1913 г. воронежские крестьяне отвели 71 тыс. дес., в 1914 г. – 81 тыс. дес., в 1915 г. – 141 тыс. дес.³¹³ Наряду с хозяйственными потребностями семьи, крестьянство в своей производственной деятельности вынуждено было все в большей мере учитывать и запросы рынка.

Под влиянием крестьянского движения 1905 – 1907 гг. арендная плата за землю понизилась, а оплаты труда поденных рабочих существенно повысилась. Это, по подсчетам Б.Н. Миронова, принесло крестьянству доход в 100 млн. р., но понизило доходы помещиков на 20 %.³¹⁴ Можно предположить, что часть этих средств была направлена крестьянством на улучшения своего хозяйства.

Развитие товарно-денежных отношений в деревне шло медленно, но традиционные представления крестьянства постепенно менялись. Еще в 1870-х гг. для крестьян были чужды идеи денежного займа под проценты, прибыли на капитал, но в начале XX в. положение изменилось, чему свидетельствовал многократный рост участия крестьянства в различных кредитных учреждениях. Число ссудо-сберегательных и кредитных товариществ выросло в стране с 1680 в 1905 г. до 7978 к 1 января 1912 г. Только в Курской губернии число кредитных товариществ в увеличилось с 39 в 1905 г. до 198 в 1913 г.³¹⁵ В начале XX в. страна переживала буквально бум кредитной кооперации. Число кредитных товариществ, которые пользовались популярностью у жителей села, увеличилось с 782 в 1905 г. до 12 114 в 1917 г. Ссудный капитал играл в развитии аграрного сектора страны все более заметную роль.

В 1914 г. из общего числа выданных ссуд 65 % шла на сельскохозяйственные нужды. Только на покупку земли в этом году было выдано кредитов 35 млн. р., тогда как в 1906 г. эта сумма составляла 313 тыс. р., т.е. за 7 лет увеличилась более, чем в 100 раз!³¹⁶ С 1909 по 1917 гг. ссуды на аренду земли составили около 50 млн. р., что покрывало 1/6 – 1/8 часть арендных платежей, достигавших в России 300 – 400 млн. р.³¹⁷ Курский губернатор в отчете за 1912 г. докладывал императору о размере выданных ссуд: на аренду земли – 1 897 000 р., на покупку земли в собственность – 883 000 р., на приобретение семян и удобрений – 225 000 р., на покупку земледельческих орудий – 164 000 р.³¹⁸ Мелкий кредит являлся в селе приемлемой и удобной для крестьян формой, которая позволяла им аккумулировать денежные средства для осуществления необходимых для хозяйства приобретений. Однако следует заметить, что главный контингент кредитных товариществ составлял среднее и зажиточное крестьянство.

Мобилизация земли посредством ее покупки крестьянами (обществом, товариществами, индивидуально) выступала мощным двигателем агрикультурного прогресса. По данным А.А. Ахизера усилилась покупка земли общинами. С 1901 – 1903 по 1905 – 1906 гг. она увеличилась в 3 раза, тогда как покупка отдельными домохозяевами снизилась. «Вместе с переходом 10 – 12 млн. десятин от помещиков к крестьянам в промежутки 1905 – 1914 гг. происходил заметный даже для неспециалистов прогресс крестьянского полеводства, скотоводства и интенсивных культур. Во время войны крестьянское хозяйство, во всяком случае, серьезно не упало, а помещичье быстро сокращалось, и в 1916 г. в руках крестьян оказалось 90 % посева и 94 – 95 % скота», – констатировал в своем исследовании экономист А.В. Чаянов³¹⁹.

³¹¹ Там же. С. 13.

³¹² См.: Обзор Воронежской губернии за 1915 г. Воронеж, 1916. С. 12.

³¹³ Там же. С. 4.

³¹⁴ Миронов. Б.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 256 – 257.

³¹⁵ Пальчунов Н.Г. Канун семнадцатого года. Экономический обзор Курской губернии (1906 – 1916 гг.) // Курск в революции. Курск, 1927. С. 21.

³¹⁶ Огановский Н.П. Агрономическая реформа и кооперативное земледелие. Пг., 1919. С. 19.

³¹⁷ Соколов Н.Н. Сельская кооперация. М., 1918. С. 67, 82 – 83.

³¹⁸ Библиотека РГИА. Всеподанный отчет курского губернатора за 1912. С. 5 – 6.

³¹⁹ Чаянов А.В. Методы изложения предметов. М., 1916. С. 1–2.

Подъем сельскохозяйственного производства в предвоенные года свидетельствовал о способности общины, приспособится к новым условиям и в определенной мере обеспечить хозяйственный и агрикультурный прогресс. Немецкий профессор Аухаген, посетивший в 1911 – 1913 гг. ряд российских губерний, в целях выяснения хода реформ, отмечал, что «община не является врагом прогресса, что она вовсе не противится употреблению усовершенствованных орудий и машин, лучших семян, введению рациональных способов обработки полей и т.д. К тому же в общинах к улучшению своего хозяйства приступают не отдельные, особенно развитые и предприимчивые крестьяне, а целиком вся община»³²⁰. Следует согласиться с мнением американского историка С.Л. Хока, что слишком большое внимание уделялось недостаткам крестьянской общины и очень мало – потенциальным возможностям увеличения эффективности производства, которые возникли после освобождения крестьян, благодаря новым рыночным отношениям в землепользовании³²¹.

Подъем крестьянского производства был обусловлен уникальным сочетанием благоприятных причин как объективного, так и субъективного характера. На мой взгляд, неверно было абсолютизировать какую-либо из них, будь то погодные условия или влияние аграрной реформы. Важнее то, что хозяйственный уклад села менялся под влиянием модернизации, а новации в крестьянской повседневности лишь подтверждали этот процесс.

АГРОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ СЕЛА

По мере культурного развития русского села, роста образованности жителей деревни, все большее значение стало играть овладение крестьянами азами агрономической науки. Наряду с применением в повседневной деятельности хозяйственных приемов унаследованных от предыдущих поколений, крестьяне стали охотнее применять агротехнические новации. Сама жизнь убедила крестьян в ограниченности дедовского опыта и необходимости использовать рекомендации агрономии, доказавшие свою эффективность.

Переходу крестьян к интенсивному производству способствовала земская агрономическая служба. Земцы создавали прокатные станции, снабжали село улучшенными семенами. На средства земств сохранилась сеть сельскохозяйственных школ, издавалась агрономическая литература. Земские учреждения, отпускавшие безвозвратно на сельскохозяйственные мероприятия, еще в 1898 г. – 0,9 млн. р., довели свои ассигнования в 1908 г. до 5,4 млн. р., а в 1911 г. до 11,4 млн. р. Делу повышения крестьянской агрикультуры способствовала созданная в губерниях региона сеть участковой агрономии. Она развивалась по истине стремительным темпом. Если в 1906 г. в 34 губерниях России было всего два агрономических участка и работа велась лишь в 0,5 % уездов, то в 1913 г. в 93,5 % уездов действовало 335 участков³²². Например, в 1910 г. в Тамбовской губернии было образовано 14 агрономических участков, в 1911 г. их действовало 39, в 1914 г. – 61, в 1915 г. – 62, в среднем на один агроучасток приходилось 7775 крестьянских хозяйств³²³. Популярность среди сельских жителей пользовались опытные поля и показательные участки, дававшие крестьянам возможность на деле убедиться в практической значимости рекомендаций агрономов. В 1910 г. в Моршанском уезде Тамбовской губернии под руководством агронома было заложено 33 показательных участков на площади 75 дес., где демонстрировались ранний пар с яровой виковой смесью, четырехпольный севооборот и рядовой посев. Даже в разгар войны в 1915 г. в тамбовских деревнях было заложено 2636 показательных участков на площади 756 дес.³²⁴ Орловский губернатор в отчете за 1911 г. сообщал, что в губернии «заложено 50 показательных участков и 1457 показательных полей с посевом клевера, вики, люцерны, корнеплодов, с применением черного и раннего пара. На территории губернии в отчетном году действовало 36 прокатных и 53 очистительных пунктов»³²⁵. Крестьянство постепенно преодолеvalo прежние стереотипы недоверия к агрономической науке и все охотнее применяло агрикультурные новации на своих полях.

Кооперативная сеть, получившая широкое распространение в российской деревне начала XX в., использовалась земствами для организации агрономической помощи крестьянским хозяйствам. Так, в Орловской губернии через кооперативы земства пропагандировали приемы травосеяния; через кооперати-

³²⁰ Аухаген Г. Критика русской поземельной общины. СПб., 1914. С. 21.

³²¹ Хок Л.С. Мальтус: рост населения и уровень жизни // Отечественная история. 1996. № 2. С. 49.

³²² См.: Макаров Н. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М., 1920. С. 12.

³²³ См.: Есиков С.А. Указ. соч. С. 30.

³²⁴ Там же С. 31.

³²⁵ Библиотека РГИА. Всеподданийший отчет орловского губернатора за 1911 г. С. 3.

вы земство Задонского уезда Воронежской губернии снабжало население сельскохозяйственными машинами и орудиями; липецкое земство Тамбовской губернии передало кооперативам всю организацию коневодства в уезде³²⁶.

Большую роль в распространении передовых сельскохозяйственных знаний в крестьянской среде играло агрономическое просвещение. Стремительным темпом рос охват крестьянских масс различными формами агрономической пропаганды. Пунктов, где велись сельскохозяйственные чтения и беседы в 1905 г., было 85, а в 1912 г. – 11 162. Число слушателей в них составляло соответственно 32 и 1046 тыс. человек. Если в 1901 г. в стране действовало 11 сельскохозяйственных курсов с 1,2 тыс. слушателей, то в 1912 г. их было 868 с охватом 57,9 тыс. человек.³²⁷ Этот агрономический бум стал результатом широкого движения крестьянских масс к просвещению, стремлением жителей села улучшить свои хозяйства посредством применения в них передовых технологий.

Перелом в крестьянском сознании произошел не сразу. Давали о себе знать особенности сельского менталитета. В проведении работы по агрономическому просвещению деревни, особенно на начальном ее этапе, сельские специалисты столкнулись с недоверием крестьян. Эта настороженность к представителям «немужицкого» мира была для села традиционной. «К советам и указаниям на чтениях большинство относилось недоверчиво: смущало то, что неизвестно почему появился человек, называющий себя агрономом, который теперь приезжает сообщать, как надо вести крестьянское хозяйство, было скептическое отношение к тому, знает ли этот агроном сам хорошо то, что говорит, умет ли практически заниматься сельским хозяйством, не верилось в возможность многого, что рекомендует агроном, в обычном сельском хозяйстве»³²⁸.

По мере развития сети участковой агрономии крестьянский скепсис исчезал, уступая место хозяйственной заинтересованности. Например, в с. Коршеве Воронежской губернии после окончания курсов по полеводству слушатели поднесли агроному адрес, выражавший «глубокую благодарность за устройство курсов по сельскому хозяйству, которые они признали весьма полезные для себя»³²⁹. Пропаганда агрономических знаний становилась достоянием крестьянских масс. Более 35 тыс. тамбовских крестьян посетили беседы участковых агрономов, около 5 тыс. домохозяев, в том числе 3500 общинников, проводили различные показательные работы³³⁰. В 1912 г. в 8 уездах Курской губернии, по которым имеются сведения, состоялось 301 чтение, их посетили до 16 тыс. слушателей³³¹. Активная посещаемость селянами лекций, чтений, бесед на агрономические темы свидетельствовали о преодолении деревенской косности и стремлении крестьян овладеть сельскохозяйственными знаниями с целью применения их на практике.

Свою лепту в агрономическое просвещение деревни внесли сельскохозяйственные общества. Они возникали не только в губерниях, но и в уездах. Ладомирское сельскохозяйственное общество (Валуйский уезд Воронежская губерния), созданное в 1904 г., объединявшее 86 крестьян, располагало прокатным пунктом с рядовой сеялкой, сортировкой и двумя плугами³³². В период с 1911 по 1915 число сельскохозяйственных обществ в стране увеличилось с 3103 до 5795³³³. Для выработки наиболее подходящим к местным условиям приемов обработки почвы и знакомства с ними крестьян общества покупали участки земли и создавали на них опытные поля, где проводились различные агротехнические эксперименты. Опытное поле Козловского сельскохозяйственного общества Тамбовской губернии было крупнейшим в России и занимало площадь в 40 десятин. Под руководством агронома здесь велось рациональное хозяйство, проводились опыты по улучшению приемов обработки пара, развитию посевов кормовых культур и т.п.³³⁴ Сельскохозяйственные склады, существовавшие во всех 15 уездах Курской губернии, снабжали местных крестьян сельхозмашинами, семенами, кровельным железом, краской.

³²⁶ См.: Меркулов А. Земство и кооперация. М., 1916. С. 4.

³²⁷ Кауфман А. Указ. соч. С. 25–26.

³²⁸ Отчет о деятельности правительственной агрономической организации при землеустройстве в Воронежской губернии за 1911 г. Воронеж, 1912. С. 7–8.

³²⁹ Карпачев М.Д. Воронежское земство и аграрные реформы начала XX века // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – начале XX века. Сб. науч. труд. Воронеж, 2002. С. 86.

³³⁰ См.: Обзор агрономической помощи в районах землеустройства Тамбовской губернии за 1915 г. Тамбов, 1915. С. 12.

³³¹ См.: Обзор Курской губернии за 1912 г. Курск, 1913. С. 11.

³³² Тотомианц В. Кооперация в русской деревне. М., 1912. С. 77.

³³³ Анфимов А.М. Указ. соч. С. 79.

³³⁴ См.: Туманова А.С. Вопросы агропропаганды в деятельности сельскохозяйственных обществ Тамбовской губернии второй половины XIX – начала XX вв. // Тамбовское крестьянство от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.) Сб. науч. ст. Вып. 3. Тамбов, 2000. С. 34.

Успехи сельскохозяйственного производства накануне войны не были обусловлены исключительно столыпинскими преобразованиями, хотя определенную роль в развитии аграрного сектора страны они сыграли. Степень разрушения общинного уклада в Курской и Орловской губерниях было выше, чем в Тамбовской. Но если сопоставить среднюю урожайность основных культур за 1901 – 1906 и 1907 – 1913 гг. на крестьянских полях в этих губерниях, то окажется, что за время реформы урожайность овса повысилась в Тамбовской губернии на 18,5 %, а в Курской на 16,3; урожайность просо – на 22,7 % в Тамбовской и на 7,8 в Курской; у урожайность ржи уменьшилась в обеих губерниях, но в Тамбовской на 0,75 %, а в Курской на 11,9³³⁵. По подсчетам экономиста-аграрника Н.Д. Кондратьева, избыток зерна и картофеля в перерасчете на душу населения составлял в 1909 – 1912 гг. 12,2 пуда в Тамбовской губернии, а в Курской – 6,7, в Орловской – 2,6³³⁶. Таким образом, масштабы столыпинского землеустройства не находились в прямой зависимости с темпами экономического развития крестьянских хозяйств. Экономический эффект реформы был не столь значителен. Малоземелье и маломощность крестьянских хозяйств по-прежнему сдерживали интенсификацию сельскохозяйственного производства. Агронимическое просвещение деревни делало свои первые шаги. Для широкого внедрения в сельскую среду новых аграрных технологий требовалось определенное время.

Деревня и рынок

Перемены в крестьянских хозяйствах благотворно сказались на общем росте сельскохозяйственного производства в стране, а в конечном итоге и на деревенском благосостоянии. Имеющиеся ежегодные данные о сельскохозяйственном производстве показывают, что в России в период с 1880 по 1905 гг. оно росло быстрее, чем сельское население. Наблюдался как общий рост объемов производства (около 2,5 % в год), так и его рост в расчете на душу населения (около 1 % в год). С 1901 г. оно росло на 2,55 % ежегодно – этот уровень вдвое превосходил уровень прироста населения (1,3 %) ³³⁷. Стоимость промышленной продукции (включая и импорт), выпущенной на русский рынок в 1912 г., составила 6 – 6,5 млрд. р. Крестьянство приобрело промышленных изделий на 1,75 – 2 млрд. р., т.е. 30 % ³³⁸.

В крестьянском менталитете никогда не исчезал архетип «жить лучше за счет своего труда». В условиях развития товарно-денежных отношений и возросшей потребности на сельскохозяйственную продукцию интенсификация аграрного труда выступала для крестьян единственной возможностью улучшить свое материальное положение. Рынок оказывал все возрастающее давление на все стороны общинных отношений. Деревня во все большем объеме стала приобретать промышленные товары. Именно в это время наиболее дальновидные российские промышленники стали пропагандировать тезис «крестьянская изба – лучший рынок», вследствие которого произошел определенный прорыв в натуральном хозяйстве и оно становится все более зависимым от рынка в удовлетворении предметами первой необходимости. Производство дешевой обуви, скобяных изделий, керосиновых ламп и других бытовых товаров сделало их общедоступным, стимулировало стремление жить лучше за счет увеличения связи общинных хозяйств с рынком ³³⁹.

Эти изменения были подмечены властью и оценены, может излишне поспешно, как успешное вхождение российской деревни в рынок. В 1904 г. Г.А. Евреинов в докладе «Крестьянский вопрос в трудах образованной в составе министра внутренних дел, комиссии по пересмотру законоположений о крестьянстве» утверждал: «Мнение редакционных комиссии, что земледельческое население чуждо началам капитализма и индивидуализма, лежащим в основе правопорядка лиц других состояний – совершенно ошибочно. Для русских крестьян эпоха натурального хозяйства, а вместе с большим простором девственных лесов, уже давно миновала. Земля для крестьян имеет рыночную ценность, и он твердо помнит, что он стоимость ее при посредстве выкупной операции уплатил кровными деньгами. Покупную ценность имеют и все предметы домашней обстановки: фабричные, хлопчатобумажные ткани и сукно заменили самодельный холст и сермягу; нет ни даровой обуви, ни лучины и решительно все надо приобретать за деньги или отчуждать, другими словами, – поступать как собственник, а потому чувство соб-

³³⁵ См.: Иванов А.А. Развитие сельскохозяйственного производства в черноземной деревне в предвоенный период проведения столыпинской аграрной реформы // Вехи минувшего: ученые записки исторического факультета. Вып. 2. Липецк, 2000. С. 86.

³³⁶ Там же.

³³⁷ См.: Пол Грегори. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 34.

³³⁸ См.: Маслов С. Возрождение России и крестьянство // Крестьянская Россия. Сб. ст. Ч. II-III. Пг., 1923. С. 66.

³³⁹ См.: Вилков А.А. Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов, 1997. С. 93.

ственности и при том собственности личной, индивидуальной глубоко проникло в сознание русских народных масс»³⁴⁰.

Несмотря на трудности экономического развития, медленно, но неуклонно росла товарность крестьянского хозяйства. В период с 80-х гг. до начала мировой войны вырос вывоз сельскохозяйственных товаров из Тамбовской губернии. Если в 80-х гг. вывоз зерновых составлял здесь 11 пудов на душу крестьянского населения, то в 1910 г. – не менее 14,5 пуда, что превышало так называемые избытки, как по главным продовольственным хлебам, так и по кормовым. Вырос также вывоз свинины, птицы, сливочного масла, овощей, пеньки, табака – и все это в темпах, превышавших темп прироста населения. Зерновые поставки помещичьих хозяйств на рынок не превышали 36 %, основная доля принадлежала крестьянскому производству³⁴¹. В тоже время утверждать, что крестьянское производство было ориентировано на рынок – неверно. Производимый крестьянами прибавочный продукт (в силу природно-климатических условий) оказывался небольшим, а временами и вообще отсутствовал. В этом, вероятно, заключалась причина медленного развития товарно-денежных отношений в аграрной сфере.

Доля отчуждаемого продукта посредством продажи в крестьянских хозяйствах не свидетельствует об их рыночном характере. Большая часть зерновых и картофеля использовалась для внутривоспроизводственных нужд. В Тамбовской губернии, по расчетам экономиста А.Н. Челинцева, в северных уездах в среднем на одно хозяйство доля проданного продукта составляла 13,8 %, в центральных лесостепных уездах – 30,5, в южных степных – 31,5³⁴². Крестьянские хозяйства продолжали носить натурально-потребительский характер. «Крестьянское хозяйство гораздо меньше зависит от рынка, – писал известный аграрник – публицист А.И. Чупров, – ... потому, что большая доля его продуктов потребляется дома ... мелкий земледелец смотрит на землю как на средство приложения труда и прокормления семьи»³⁴³.

Действительно, земля для русского мужика так и не стала средством извлечения прибыли. На эту особенность крестьянского менталитета, по сути антирыночную, обратили внимание еще дореволюционные исследователи. Знарок русской деревни В.В. писал: «В отличие от товарного производства в крестьянском хозяйстве главную роль играет не капитал, а труд. И если убытки капиталистического предприятия могут привести к его краху, то недочеты по мелкому производству могут быть до известной степени восполнены сокращением потребления трудящихся. В земледелии сам крестьянин рассчитывает, что «главная масса добытых им продуктов потреблена его же семьей»³⁴⁴. Большинство крестьянства не принимало частную собственность на землю, что наглядно продемонстрировали приговоры и наказания крестьян 1905 – 1907 гг. Несмотря на рост товарно-денежных отношений, они не воспринимали землю как товар, а тем более как капитал.

Сильным ударом по архаическому образу собственности нанесла реформа 1861 г., прежде всего по крестьянским представлениям, что земля – дар Божий, что она не может становиться объектом купли-продажи, а значит иметь цену. Но разрушение архаического восприятия, как пишет историк крестьянства А.В. Гордон, не привело к утверждению в крестьянской среде частнособственнического правосознания по причине закрепления принципов общинного землепользования. Нравственность, основанная на рубле, противоречила традиционной крестьянской духовности, была с ней несовместима, хотя крестьянское хозяйство органично внедряло учет расходов, прикидку доходов, как развитых элементов экономического рационализма. Но принцип извлечения максимальной прибыли не отразился в деятельности крестьянина. Коммерциализуясь, крестьянское хозяйство не теряло своей натуральности, природной основы, и в тоже время сохраняло вою независимость от рынка³⁴⁵. По утверждению исследователя И.Н. Слепнева, натурально-потребительский характер хозяйства определял ограниченность восприятия крестьянами рынка. Он выделяет следующие принципиальные моменты: в понятие «товар» не входила земля; отношение крестьян к хлебу, как к товару, было негативным; оперирование рыночными категориями было более распространено в пригородных местностях, регионах, имевших связи с крупными рынками³⁴⁶.

Перемены в крестьянском хозяйстве носили принципиально важный характер. Возникало, так называемое, культурное хозяйство, которое, помимо прочего, отличалось использованием достижения

³⁴⁰ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 431. Л. 7.

³⁴¹ Челинцев А.Н. Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков, 1919. С. 42.

³⁴² Там же. С. 43, 46, 50.

³⁴³ Чупров А.И. Ученые труды. Ч. III. Вып. II. М., 1911. С. 24 – 25.

³⁴⁴ См.: В.В. Очерки крестьянского хозяйства. СПб., 1911. С. 93, 94.

³⁴⁵ См.: Кожевников В.П. Ментальность российской цивилизации: история и методология исследования. М., 1998. С. 132.

³⁴⁶ Там же. С. 133.

сельскохозяйственной науки, стремлением следовать рациональным приемам земледелия, «самоучет» и иные элементы рыночного мышления. При всей адаптационной возможности сельской общины к условиям процесса модернизации, она все же не могла в полной мере удовлетворить стремление определенной части (так называемых интенсивников) к рационализации своего хозяйства. Сила хозяйственной инерции была достаточно велика. Делая вывод о том, что община выступала препятствием для проявления крестьянской предприимчивости, современные исследователи, однако, забывают о других деревенских формах проявления деловой активности. Это различные формы артелей, товариществ, и, конечно же, кооперации.

Крестьянское хозяйство в результате произошедших перемен достигло качественного нового состояния при фактическом сохранении традиционной системе землевладения и землепользования русской деревни. Суть произошедших перемен верно выразил А.В. Чаянов. Он писал: «Крестьянское хозяйство 1917 года не то, каким было крестьянское хозяйство 1905 года. Изменилось само крестьянское хозяйство: иначе обрабатываются поля, иначе содержится скот, крестьяне больше продают, больше покупают. Крестьянская кооперация покрыла собой нашу деревню и переродила ее, стал развитее и культурней наш крестьянин. Столыпинское землеустройство до крайности запутало земельные отношения, крестьянство купило в частную собственность многие миллионы десятин земли»³⁴⁷.

Глава 2

ОБЩИННЫЕ УСТОИ. КРЕСТЬЯНЕ И ВЛАСТЬ

СЕЛЬСКИЙ СХОД

Понятие «мир» для крестьянина отражало всю глубину его духовно-нравственного сознания, олицетворяло не просто арифметическое соединение крестьян, а нечто большее – соборное соединение, имеющее характер высшего закона. Крестьяне говорили так: «мир собрался», «мир порешил», «мир выбрал», вкладывая значение высшей духовно-нравственной инстанции – «мир крещенный», «мир христианский»³⁴⁸. На сельском сходе, как нигде, ощущалась духовная общность крестьянского мира, начиная с обращения «Православные!» и, заканчивая единогласным принятием приговора, обязательного для исполнения каждого. Это уважительное, если не сказать трепетное отношение к миру выразил неизвестный крестьянин, мнение которого было обнародовано в брошюре начала XX в. «Мирское дело – дело великое, На сходку выходить – надо Богу помолясь, да и стоять на ней как в церкви. Помнить надо, что коли мы соберемся во имя Его, то и он будет среди нас. Старика, старуху успокоить, сирот призреть, вдов определить, спорящих, ссорящихся примирить, и все это дело сходки мирской, и все это – любимые дела Божии. Так есть ли на свете дело важнее сходки?»³⁴⁹.

Сельские сходы в зимнее время обычно проходили в съезжей избе или «въезжих» домах, которые снимало общество. В летнюю пору мирской сход собирался возле дома старосты или на сельской пло-

---

³⁴⁷ Цит. по Щагин Э.М. А.В. Чаянов об агрикультурных сдвигах в крестьянском хозяйстве в предреволюционной России // Аграрные технологии в России в IX – XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 188.

³⁴⁸ Платонов О.А. Русский труд. М., 1991. С. 36.

³⁴⁹ Крестьянские работы и деревенская жизнь по месяцам года. Б.М. Б.Г. С. 8 – 9.

шади³⁵⁰. Сельских сход созывался по мере необходимости, но реже двух раз в год. Весной перед началом полевых работ и поздней осенью для учета казенных и мирских повинностей. По сообщению С. Гришина в с. Волконское Дмитровского уезда Орловской губернии (1898 г.): «На сельские сходы крестьян вызывают по распоряжению старосты: «гони на сходку». Все идут, нисколько не переодевшись, кто в чем был. На сельских сходах участие женщин не допускается, исключение составляет отсутствие хозяина (заработки) тогда могут пригласить хозяйку и то если вопрос касается уплаты податей или отбывания повинностей»³⁵¹. Описывая условия жизни жителей деревни Саламакова Обоянского уезда Курской губернии (1899 г.), информатор Рязанов так рисует созыв местного схода: «Созывают сход десятские, сотские по распоряжению старосты. Идя на сход, не надевают лучшей одежды, но все же одеваются почище. Меняют при этом только верхнюю одежду. Женщинам и посторонним лицам не запрещается присутствовать на сходах»³⁵². В Елецком уезде Орловской губернии (1898 г.) отсутствующих домохозяев-крестьян нередко заменяли их жены. Не встречалось протестов против участия в сходе вдов или девушек, самостоятельно ведущих хозяйство, а также опекунш малолетних³⁵³. Следует отметить, что сельское население исследуемого региона в вопросе участия женщин в работе сельского схода было более консервативно, чем в районах, где отхожий промысел играл большую роль в хозяйственной жизни села. Негативное отношение к участию женщин в сельском сходе сохранялось в деревне и в первые годы советской власти. «К женщине относятся по-старому. На сход не пускают, а если они приходят, то ругают их матерщиной и смеются над ними»³⁵⁴.

Решение общественных дел миром – бытовая черта русского народа, и, как явление бытовое, оно с трудом поддавалось правительственной регламентации. Как не кратки относящиеся до сельского схода постановления законодательства, но и эта скромная попытка закона наложить свою печать на свободное творчество народной жизни не всегда могла быть выдержана на практике. Местные обычаи и традиции играли в практике сходов преобладающую роль. Обыкновенно на сход от каждой семьи приходило одно лицо, так что многодушные дворы не пользовались предоставленным им законом правом посылать несколько представителей. Безземельные крестьяне, а также лица, выкупившие свои участки с фактическим выделом из мирской земли, или совсем устранялись от участия в сходах, или пользовались на них правом голоса только по делам, не касающимся землепользования. Крестьяне, находящиеся под следствием или судом за важные преступления, или отданные по судебному решению под надзор общества, по закону лишены права участвовать на сходе, на деле часто на них допускаются наравне с другими³⁵⁵.

Участие в сходе крестьяне воспринимали не только как свое право, но и как обязанность. Селяне сознавали, что именно от них зависит решение принципиально важных вопросов жизнедеятельности общины. В тоже время, в тех сельских обществах, где власть на сходе захватили «мироеды» и «горлопаны», крестьяне проявляли пассивность, высказывали разочарование в действенности мирского собрания. Активность общинников зависела также и от вопросов, которые выносились на обсуждение, некоторые из них не вызывали у сельчан энтузиазма. В Елатомском уезде Тамбовской губернии «крестьяне неохотно являлись на сход, когда на нем предполагается привлечение к отбыванию повинностей. Охотно идут, когда узнают, что результатом сходки будет выпивка, или когда не знают, что будет обсуждаться на сходе, предполагая, что будет интересное»³⁵⁶. «На сельский сход идут неохотно, – писал Н.И. Козлов из Кромского уезда Орловского губернии 7 сентября 1898 г. – порой приходится собирать целый день. Нередко приходят, выпивши, реже пьяные. Зато на волостной сход бегут галопом, зная, что там всегда будет магарыч»³⁵⁷.

Работой сельского схода руководил староста. Он открывал сходку, выносил вопросы для обсуждения и предлагал решения. Уважением и влиянием на сходе пользовались зажиточные, хозяйственные крестьяне³⁵⁸. В деревне ценили тех, кто своим трудом, сметкой, рачительностью достиг жизненного успеха. Прислушивались на сходе и к мнению грамотных, образованных односельчан. «Письменного крестьянина слушают даже старики, и ему нередко принадлежит решающая роль на сходе», – сообщал Фо-

³⁵⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 677. Л.5; Д. 2031. Л. 3.

³⁵¹ Там же. Д. 1092. Л. 1.

³⁵² Там же. Д. 677. Л. 5.

³⁵³ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 56.

³⁵⁴ Росницкий Н. Лицо деревни. М.-Л., 1926. С. 112.

³⁵⁵ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 134. Л. 2.

³⁵⁶ Там же. Д. 120а. Л. 3.

³⁵⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1161. Л. 2.

³⁵⁸ Там же. Д. 1102. Л. 5.

мин, житель с. Овстуга Брянского уезда Орловской губернии³⁵⁹. В Курской губернии крестьяне признавали, что на сходе «больше тех слушают, кто дело скажет, кто умнее»³⁶⁰.

Традиционно велико было на сходах влияние сельских патриархов. В ряде мест они образовывали так называемую малую сходку или суд стариков. Она состояла из 10 – 15 мироедов, так их называли за то, что по окончанию схода им за счет мира ставили угощение. В советской историографии сложилось исключительно негативное мнение о роли мироедов в сельском самоуправлении. Мне представляется, что такая оценка следствие одностороннего подхода. Исследователи, указывая на факты использования мироедами своего положения в корыстных целях, не принимали в расчет их роль в функционировании общинного механизма. А она выражалась в том, что они, будучи людьми пожилыми, являлись носителями деревенских традиций, знатоками правовых обычаев. О роли суда стариков в сельском судопроизводстве подробно будет сказано в разделе, посвященном обычному праву. А пока следует отметить, что малая сходка созывалась при решении таких дел: неправильный засев пашни, увоз хлеба, драка. Провинившегося в первый раз наказывали розгами и не доводили дело до сведения высшего начальства. В деревнях Рыльского уезда Курской губернии аналогичные суды рассматривали мелкие преступления, типа краж в поле, лесу³⁶¹. Сельские мироеды были опытными хозяйственниками, и благосостояние их дворов было лишним подтверждением этому. Их практические советы при решении производственных проблем общины давали возможность сходу принять оптимальное решение. При необходимости, они указывали дополнительные источники для уплаты повинностей³⁶². Водка, которую выпивали мироеды за счет мира, являлась магарычом, традиционной формой оплаты труда, в данном случае, благодарности со стороны односельчан.

По мере ослабления патриархальных устоев, выхода на сельскую арену нового поколения крестьян, не знавших крепостнических порядков, влияние деревенских патриархов ослабевало. Из Коротоякского уезда Курской губернии информаторы сообщали: «Мнение стариков не имеет решающего значения: говорят, что старик выжил из ума, что его слушать»³⁶³. В ответах на анкету о переменах в порядках на сельских сходах за последние 10 – 20 лет крестьяне сообщали, что «теперь (т.е. в начале XX в.) на сходах стали пользоваться влиянием грамотные и знающие люди. Горлопаны почти повывелись. Есть и теперь влиятельные члены схода, но лишь отличающиеся грамотностью и знанием хозяйственных и юридических вопросов». «Дела на сходе решаются с большим порядком и толковее, потому что теперь бывают на сходе многие знающие грамоту и прочитавшие не мало книжек. Вообще народ стал развитее»³⁶⁴. В отдельных местностях сила инерции оказалась сильнее и там, на сходах, продолжали задавать тон записные «горлодеры». По сообщению корреспондента Этнографического бюро в д. Хотьково Карачаевского уезда Орловской губернии, заметнее всего было влияние на сходе «горлунов» – это старики, любящие в чужой беде искать похмелье³⁶⁵.

На постороннего жителя, не знакомого с жизнью деревни, сходы производили впечатление случайно собравшейся толпы. Сами же крестьяне отлично разбирались в шуме и сутолоке и не могли себе представить, чтобы обсуждение дела миром происходило иначе³⁶⁶. Впервые попавшему на сход казалось, что в этом вселенском гвалте невозможно было просто понять то о чем идет речь, не говоря уже о принятии какого-то решения. Но, к большому удивлению непосвященного в тонкости сельской демократии, шум стихал, и приговор принимался единогласно, как правило, к удовлетворению большинства участников. Обыкновенно решение принималось единогласно, даже по самым сложным вопросам, так как меньшинство примыкало к большинству или уклонялось от участия в голосовании.

Из свидетельств очевидцев следует, что на сходах крестьяне держали себя вольно, если нет начальства, ругались, и непозволительные слова здесь были не редкость³⁶⁷. По наблюдению корреспондента из Елатомского уезда Тамбовской губернии: «Обычное галдение на сходе уменьшается, когда на нем присутствует земский начальник или старшина. На волостных сходах, в виде общего правила, крестьяне держат себя значительно лучше»³⁶⁸. Присутствие на сходе человека из высшей среды, что было нечасто, стесняло крестьян. «Они не высказывали того, что действительно желали. Есть стремление быть соли-

³⁵⁹ Там же. 1078. Л. 85

³⁶⁰ Там же. Д. 677. Л. 5.

³⁶¹ Научный архив ИЭИА РАН. Коллекция 14 (ОЛЕАЭ). Д. 108. Л. 8об.

³⁶² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 446. Л. 5.

³⁶³ Научный архив ИЭИА РАН. Коллекция 14 (ОЛЕАЭ). Д. 108. Л. 8об.

³⁶⁴ Вениаминов П. Крестьянская община. СПб., 1908. С. 253.

³⁶⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1102. Л. 4.

³⁶⁶ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 134. Л. 7.

³⁶⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1102. Л. 4.

³⁶⁸ Тенишев В.В. Административное право русского крестьянства. СПб., 1908. С. 32.

дарным во мнении с этим человеком»³⁶⁹. Такая видимая сговорчивость не всегда была искренней. Крестьяне предпочитали не высказывать своих истинных мыслей.

Сельский сход являлся традиционной формой крестьянского самоуправления. Соборный характер решения повседневных вопросов деревенской жизни позволял наиболее полно учитывать интересы и нужды членов сельской общины. Порядок обсуждения и принятия решений на сходе давал возможность сохранить приоритет коллективного интереса над групповым и индивидуальным. Это не исключало возможностей влияния на решения схода со стороны зажиточной части села, а также представителей власти как местной, так и государственной. Изменение состава сходов отражало перемены, произошедшие в социальной структуре крестьянства. На протяжении изучаемого периода сход значительно «помолодел» в результате процесса семейных разделов. Участие женщин в сельском сходе допускалось только в тех местностях, где был значителен отток мужского населения на сезонные работы.

Функции сельской общины

Функции сельской общины были многообразны и обнимали собой все стороны деревенской обыденности. Различные источники дают возможность установить направления и выяснить содержание деятельности общины. Конечно, прежде всего, сельская община выступала как поземельная единица, организовывала хозяйственную деятельность крестьян на принадлежащей ей земле. Поэтому на сходе обсуждались вопросы распределения земли между общинниками, о времени и порядке земледельческих работ и т.п. Сходы собирались нередко для обсуждения различных нововведений и улучшений в сельском хозяйстве. Прерогативой общины являлись дела, касающиеся пользования мировой землей, а также дела по аренде и покупке земли общиной, по сдаче и продаже мирской земли. Не менее обширной была административная функция. На сельских сходах производились выборы должностных лиц: старосты, десятского, сборщика налогов, уполномоченных и др. Ведению мира подлежало: раскладка и сбор податей, земских и мирских платежей, исполнение натуральных повинностей, поставка, подвод для разъезда должностных лиц, исправление дорог и прочее. Сходы решали разные хозяйственные дела сельского общества. Содержание хлебных магазинов, продовольственный капитал, раскладка пособий, отпуск денег на жалованье выборным и наемным лицам. Всякого рода покупки вообще расход мирских денег производился с разрешения схода. Сверх того сход обсуждал вопрос о постройке школ, читальни, библиотеки, вообще о школьных делах.

Ключевой функцией общины было распределение земли. Оно производилось по ревизским или наличным душам, либо по числу рабочих рук в хозяйстве, либо по едокам. Данные земской статистики позволяют утверждать, что в целом в черноземной полосе разверстка по ревизским душам являлась преобладающей. Так, издания Курского, Воронежского, Тамбовского земств показывают, что до начала 80-х гг. почти все селения государственных крестьян и большая часть бывших помещичьих вовсе не перedelали свои земли после 10-й ревизии и, стало быть, сохранили раскладку по ревизским душам. Только с начала 80-х гг. началось крестьянское движение в пользу перехода на наличные души³⁷⁰.

Вопрос о подворной земельной нарезке решали сельские сходы. Способ разверстки зависел от качества земли, рельефа хозяйственных угодий и т.п.³⁷¹ Сенокосы при общинном владении не подвергались разделам, сено косилось сообща и уже скошенное делилось между членами общества³⁷². Вся сложная работа по разверстанию земли выполнялась с довольно высокой степенью точности. Обмер земли при общем переделе производился деревянной палкой величиной в сажень, а при частном шагами, из расчета сажень равен двум шагам. Надельная полевая полоса называлась «загоном», а луговая «пай». Границы в чересполосном владении обозначались межами, а отделявший один участок от другого рубежами, на концах и поворотах рылись межевые ямы, в которые устанавливали межевые столбы. Если межей служил проток или овраг, то его называли «живым урочищем»³⁷³. Валовую межу, как и граничный рубеж, никто не имел право вспахать, нарушитель подвергался наказанию. Нарушение или, как говорили в деревне «взломка», валовой межи самовольно случалась редко, так как крестьяне считали ее за святую, установленную не одним человеком, а всем обществом, по общему на всех тому согласию. Если в результате обмера обнаруживался излишек земли, начинали выяснять, как он образовался. Опрашивали соседей, если те подтверждали, что этим загоном хозяин владел более десяти лет, то его оставляли в покое. Правда, он должен был подкрепить свои показания клятвой. С этой целью владельца спорного за-

³⁶⁹ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 4.

³⁷⁰ Головин К. Указ. соч. С. 39.

³⁷¹ Кузнецов С.В. Культура русской деревни // Очерки русской культуры. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 224, 227

³⁷² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2.

³⁷³ Там же. Д. 2033. Л. 3.

гона разували, скидывали с него шапку, давали в руки икону и заставляли обойти кругом загона. Если крестьянин обошел вокруг загона и при этом не падал, то общество оставляло излишек земли в его распоряжение³⁷⁴.

Система разверстки земельных угодий, основанная на нормах обычного права, была результатом аграрной практики в конкретно-экономических условиях. Она определялась хозяйственной целесообразности и приемами и способами ведения полевого хозяйства. По сведениям, полученным от М. Кашкарова из Воронежской губернии в 1899 г., «общинные земли в селениях бывших помещичьих крестьян разверстывалась по ревизским душам, в селениях бывших государственных крестьян по числу душ мужского пола. При разверстке на наличные души мужского пола принимались в расчет или все мальчики, родившиеся ко дню передела, или мальчики и парни, достигшие определенного возраста (3, 5, 7, 15 и 18 лет). Встречалась разверстка по рабочему составу семья (18 – 60 лет), проживавших постоянно дома, имеющие в обществе постоянную оседлость»³⁷⁵.

Распределение земли между крестьянскими хозяйствами было процессом очень сложным. Трехпольная система полеводства предполагала общий выпас по стерне и по пару. А потому полосы, принадлежавшие отдельным дворам, нельзя было отгородить, так как животные и люди должны были свободно ходить по полям, кроме того, в большинстве случаев каждый двор должен был следовать определенному порядку – сеять необходимые культуры в соответствующее время. Пашня была поделена на узкие полосы, настолько узкие, что иногда с бороной можно было пройти только в одну сторону. Каждый двор имел несколько полос, чаще всего на определенном отдалении одна от другой. Дело в том, что крестьян скрупулезно следили за тем, чтобы земля распределялась по справедливости. Общинные земли были различны по качеству, расположению, конфигурации, удаленности от деревни. Каждое из трех полей разделялось на ярусы примерно одного качества, а каждый ярус на «доли» – по числу «ртов» в деревне³⁷⁶. Весь этот сложный механизм распределения был подчинен одной цели – максимально соблюсти основной принцип крестьянского мира, обеспечить равный доступ к земле. Возможность пользования земельным наделом выступала непременным условием функционирования крестьянского хозяйства. Равные «стартовые условия» производственной деятельности ставили конечный результат в прямую зависимость от умения, навыков, трудолюбия пахаря. Оговорюсь, что все это, конечно, верно, только при условии учета капризов природы, над чем мужик, естественно, был не властен.

Когда, в силу естественных причин, изменялся состав населения отдельных дворов, община организовывала частичные переделы (свалки и навалки), забирая полосы от одних и передавая другим. Частичные переделы допускались лишь в трех случаях: смерти домохозяина, увольнения его из общества, высылки по суду или по общественному приговору, или безвестной его отлучки, оставления хозяйства без попечения; отказ самого домохозяина от пользования землей; неисправности его в платеже повинностей. Частичные переделы допускались и в случаях необходимости нарезать новые приусадебные участки, в силу каких-то стихийных явлений (наступления оврагов, размывания почв) либо, наоборот, из-за приращения удобных земель в результате совместных усилий³⁷⁷. Такая гибкая система позволяла оперативно реагировать и решать возникавшие проблемы землепользования, соблюдая принцип социальной справедливости.

При распределении земельных наделов община внимательно следила за тем, чтобы соблюдался принцип трудового участия, т. е. землей могли пользоваться только те, кто ее обрабатывал. При переделах земли общество отказывалось учитывать те «души» в семьях, которые долгое время отсутствовали или же находились в безвестной отлучке³⁷⁸. Например, приговором общества крестьян деревни Выкрестовой Воронежского уезда той же губернии от 4 декабря 1889 г. было принято решение «общественные земли поделить на новые души, с тем условием, что кто из однообщественников не занимается хлебопашеством и не отбывает общественных натуральных повинностей, тому земельного надела не давать»³⁷⁹. В 1899 г. жители слободы Семейки Острогожского уезда Воронежской губернии в постановлении схода прямо указывали на то, что не предоставлять землю тем односельчанам, кто постоянно проживает на заработках в Воронеже³⁸⁰. В ряде мест старожилы пользовались преимуществами при распределении земельного фонда. Так, по приговору сельского схода слободы Ливенки Бирючанского

³⁷⁴ Там же. Д. 998. Л. 3, 5.

³⁷⁵ Там же. Д. 459. Л. 1.

³⁷⁶ Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Вып. 2. М., 1997. С. 118 – 119.

³⁷⁷ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 165.

³⁷⁸ Зырянов П.Н. Земельно-распределительная деятельность крестьянской общины в 1907 – 1914 гг. // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 107.

³⁷⁹ РГИА. Ф. 1344. Оп. 10. Д. 734. Л. 3.

³⁸⁰ Силин А.В. Крестьянская община Воронежской губернии в 1861 – 1900 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998. С. 68.

уезда Воронежской губернии несколько дворов получили меньший надел, чем полагалось по раскладке. Причина заключалась в то, что они недавно были приписаны к обществу³⁸¹.

Не только вопросы землепользования, но и проблемы пользования общественными лесами становились предметом обсуждения на сельских сходах. Для удовлетворения хозяйственных нужд в лесу определялись места для вырубки, а делянки распределялись решением схода между домохозяевами. В ряде мест, с целью сохранения лесных угодий от несанкционированных порубок, обществами нанимались лесные сторожа. Как крайнюю меру против порубок сход применял общественную присягу. Собиралось все общество, приглашался священник, в присутствии которого все участники схода принимали присягу не производить порубок в известном участке, в определенный срок³⁸². Более того, обеспокоенные стремительным сокращением лесных массивов отдельные общества проводили мероприятия по их восстановлению.

Распределительный механизм мог действовать эффективно только в общинах небольших по численности, что было особенно актуально для ряда сел, где община состояла из тысячи и более домохозяев.

В Воронежской губернии имелось много селений, в которых число домохозяев, с правом голоса, достигало несколько тысяч. 91 % общего числа бывших государственных крестьян губернии проживало в сельских обществах, имевших каждое более 1000 дворов³⁸³. Созыв таких многолюдных сходов, а тем более решение вопросов на них, был весьма затруднительным. В таких селениях возникали малые сельские общества, которые и ведали вопросами земельного распределения. Вот, что писал о таких селенных сходах неизвестный автор записки из Орловской губернии (90-е гг. XIX в.): «Селенные сходы, возникают там, где сельское общество не совпадает с бытовой земельной общиной, а включает в себя несколько таких общин. Селенные сходы по составу почти одинаковы с сельскими, но носят домашний характер, они собираются порой без всякого участия сельских должностных лиц. Подобные решения не имеют силу законных приговоров, но крестьяне добровольно исполняют их. Селенные сходы рассматривают дела, касающиеся поземельной общины, т.е. вопрос о мирской земле, раскладка земельных платежей и повинностей, меры по предупреждению и взысканию недоимок по этим платежам»³⁸⁴. Аналогичные сходы существовали и в соседней Воронежской губернии. Так, Новокурлакское сельское общество Бобровского уезда Воронежской губернии состояло из трех деревень, пользовавшихся различными наделами. В каждой деревне действовал свой, отдельный, не санкционированный законом сход. И только раскладка провинностей происходила на «официальном» сходе с участием всех домохозяев деревень³⁸⁵. В той же губернии в слободе Алферовке Новохоперского уезда было одно общество, но существовало две поземельные общины. Поземельные и податные вопросы каждая община решала самостоятельно, а выборы старосты и заключение договора об аренде земли производились на соединенном сходе³⁸⁶. В 1887 г. малые сельские общества были санкционированы Сенатом, который присвоил им наименование сельского схода и возложил на них ряд формальных прав и обязанностей. В 1899, 1900 гг. эти сходы были признаны законодательно³⁸⁷.

Фискальные функции община также осуществляла посредством сельского схода. Для коронной власти эта функция общины представлялась наиболее важной, так как позволяла производить и контролировать сбор налог и податей. Податной механизм выглядел следующим образом. Казенные палаты начисляли общий окладной лист на все приписное население сельского общества с указанием разновидностей платежей (казенных, земских, мирских и т.д.) Его «мир» и «разрубал» по крестьянским дворам. Изменения в душевом и земельном составе казенные палаты не фиксировали. Этими вопросами занимались сельские сходы. На основе расчетов общество ежегодно в начале года принимало «раскладочный приговор»³⁸⁸. Разверстка податей осуществлялась с учетом хозяйственного состояния двора. Подати уменьшали для погорельцев, семей потерявших кормильца, дворов, переживших падеж скота и т.п. В этнографических сведениях о жителях села Верхний Мамон Павловского уезда Воронежской губернии середины XIX в., обнаруженных в архиве Русского географического общества приводится следующее описание: «Сходки собираются по позыву старшины, через десятских, для раскладки и податей и мирских повинностей. За несколько душ забеднелых (так в документе – В.Б.) хозяйств, платеж снима-

³⁸¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 102. Л. 16.

³⁸² Якубович А. Крестьянское самоуправление. СПб., 1883. С. 7.

³⁸³ Толмачев М.С. Крестьянский вопрос по взглядам земства и местных людей. М., 1903. С. 16.

³⁸⁴ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 134. Л. 4.

³⁸⁵ Государственный архив Воронежской области. (ГАВО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 218. Л. 2об

³⁸⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 60. Д. 5923. Л. 16-17.

³⁸⁷ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3513. Л. 12-12об.

³⁸⁸ Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.) М., 1992. С. 61.

ется и возлагается на общество»³⁸⁹. Таким образом, снижая размер повинностей, или снимая их вовсе, община спасала слабые хозяйства от разорения, давая им возможность восстановить свою хозяйственную состоятельность.

Недоимки с крестьян взыскивала волостная администрация и полицейские учреждения. Староста от мира лишь свидетельствовал о наличии недоимок. Земля у крестьян-недоимщиков отбиралась редко, так как это бы подрывало будущую платежеспособность всей общины. Прежде всего, распродался скот, затем имущество, инвентарь второстепенного значения³⁹⁰. По наблюдениям К. Головина: «Круговая порука в смысле уплаты одним домохозяином недоимки другого применяется крайне редко ... Не применяется круговая порука потому именно, что «мир» до нее не доводит, заставляя опустившегося домохозяина продать последнюю лошадь, а потом прибегает к последней мере взыскания, к отнятию надела»³⁹¹. К лишению крестьянина надела община прибегала в исключительных случаях, когда тот фактически порывал с ней связь, не выполнял лежащих на нем обязанностей или возникала угроза потери обществом данного надела. Примером может служить жалоба крестьянина села Млечи Трубчевского уезда Орловской губернии Николая Иванов Сечнова в Сенат на решение общества об отобрании у него двух душевого надела. Из сведений доставленных уездным по крестьянским делам присутствием следовало, что Сеченов сдал два надела обществу, имея недоимку за 17 лет в размере 51 р., которая была обществом погашена. Приговором от 20 января 1885 г. общество постановило два душевых надела Сеченову не отдавать, как не плательщику повинностей, а землю эту передать Тимофею Соловьеву исправному и благонадежному плательщику. Из дознания старшины явствовало, что «Николай Сеченов ничего не платил, хозяйства никакого не имеет, вообще, человек неблагонадежный, сидел в тюрьме за воровство, был наказан волостным судом за неуплату податей розгами, а землю домогается, чтобы продать ее другим»³⁹². В ряде уездов Воронежской губернии, отобранные земельные наделы сдавались в аренду зажиточным крестьянам за подати. Так, Бутурлиновское общество Бобровского уезда сдавало такие наделы в аренду в результате торгов. Наличие «бесхозных» наделов позволяло должностным лицам села производить их негласную мобилизацию и пользоваться этой землей в своих интересах. Например, в Чижовской волости Воронежской губернии волостной старшина держал до 50 наделов, а в селе Мальшеве той же волости 64 надела были распределены между несколькими местными богачами³⁹³.

Определение размера сумм на мирские, сельские и волостные расходы обычно производилось на волостном сходе. По свидетельству современников, расходная часть волостного бюджета обсуждалась очень скрупулезно. «Крестьяне скупы на мирские расходы, сход торгуется из-за рубля, из-за копейки. Крестьяне выторговывают из жалованья старшины рубль и не видят, как уходят сотни. Поэтому они рассуждают так: «Что не назначь – все уйдет, лучше назначать поменьше, – обойдутся»³⁹⁴. С целью сбора средств, необходимых для удовлетворения местных нужд (строительства мостов, содержания хлебозапасного магазина, церкви, школы и т.п.), крестьяне прибегали к самообложению. На сельском сходе определялась сумма, требующаяся для финансирования того или иного мирского дела, которая затем раскладывалась на всех домохозяев. Во второй половине XIX в. в селах изучаемого региона продолжала существовать практика коллективных запашек. Общественные запашки устраивались для заполнения хлебных магазинов, для церковных нужд, для получения средств на мирские расходы: жалование священника, низшим должностным лицам, для содержания училища, сирот³⁹⁵.

Важной функцией сельской общины являлась социальная защита своих членов. Принципы крестьянского общежития основывались на христианской морали. Помощь «сырым и убогим» выступала жизненной потребностью каждого православного. Одним из проявлений христианского милосердия русского крестьянства была опека над сиротами. Материалы, освящающие проблему опеки в крестьянском быту, дают основания утверждать, что крестьянские обычаи относительно опеки носили юридический характер. В «Общем положении о крестьянах» вопрос об опеке разрешался на основе норм обычного права.

В нем в частности говорилось о том, что «в назначении опекунов и попечителей, в проверке их действия и во всех всего рода делах крестьяне руководствуются местными своими обычаями»³⁹⁶. В вопросах сельского призрения обычаи в русских деревнях отличались завидным единообразием. Опека над детьми устанавливалась в случаях смерти отца или матери или обоих родителей, их умопомешательства, безвестного отсутствия более трех лет, ссылки в Сибирь.

³⁸⁹ Архив Русского географического общества (АРГО). Разр. 9. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 8.

³⁹⁰ Кучумова Л.И. Указ. соч. С. 62.

³⁹¹ Головин К. Указ. соч. С. 64.

³⁹² РГИА. Ф. 1344. Оп. 10. Д. 346. Л. 5об, 6.

³⁹³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 459. Л. 5.

³⁹⁴ Якубович А. Указ. соч. С. 19.

³⁹⁵ В.В. (Воронцов В.П.) Итоги экономического исследования России. Т. 1. Крестьянская община. М., 1892. С. 562

³⁹⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 7. М., 1989. С. 40.

По обычаю при назначении опеки в Тамбовской губернии «после смерти домохозяина опекуншей обыкновенно назначалась его вдова, если она женщина хорошего поведения и рачительна к хозяйству»³⁹⁷. Круглые сироты проживали у своих родственников, которые содержали их на свои средства, в случае отсутствия дохода с имущества сирот. Если родственники не были в состоянии содержать сирот, то их раздали по состоятельным дворам. Иногда прокормление сироты брало на себя общество в целом, как это было в ряде мест Орловской губернии. В этом случае сиротский надел отходил к общине, а сам опекаемый переходил из двора во двор поочередно, получая необходимое содержание из мирских сумм. Формы сельского призрения крестьянских сирот в конце XIX в. отличались многообразием. Это опека, подворное кормление, отдача детей на вскормление за деньги, усыновление, помещение в сельскохозяйственные приюты (после появления таких в 1890 – 1900 гг.).

По обычному праву опека прекращалась в случае смерти подопечного или по достижению им совершеннолетия. Возраст снятия опеки по документам колебался от 18 до 25 лет. Обычно опеку снимали по достижении 18 лет. В Орловской губернии за совершеннолетний возраст был принят 21 год, до исполнения которого опекаемый не имел права распоряжаться деньгами и оформлять нотариальные сделки.

В ряде мест опека прекращалась с женитьбой или замужеством³⁹⁸.

Назначение опекунов являлась исключительной прерогативой сельского схода. По утверждению В. Тенишева: «Мир всевластен в отношении назначения опекунов: он имеет право отстранить от опеки не только близких родственников, но даже и мать, он может аннулировать завещательное распоряжение, касающиеся опеки»³⁹⁹. По общему правилу, опекуны назначались из числа родственников, преимущественно близких, связанные с малолетними сиротами не только кровной связью, но и хозяйственными интересами. По свидетельству Н. Козлова из села Архангельского Крамского уезда Орловской губернии: «Опекуны назначаются преимущественно из своих односельчан, либо родственников, либо отсутствия таковых соседей, или просто из благонадежных однообщественников. Попечители назначаются из лиц, на которых укажет несовершеннолетний и даже из посторонних. Как опекуны, так и попечители назначаются обществом обязательно»⁴⁰⁰. Назначение опекуна производилось на сходе и решение об этом оформлялось мирским приговором, который представлялся на утверждение земского начальника. После выбора или назначения опекуна на сходе, староста с вновь избранным и с понятыми из крестьян описывал имущество, и опись эту вносил в отдельную книгу, называемую «опекунской».

Как правило, опекуны за свою деятельность никакого вознаграждения не получали. «Опекунство, – по выражению крестьян, – дело Божье, усердие к сиротам», «брать что-либо от сирот грех», «опека служба, а не труд»⁴⁰¹. «По народным воззрениям, пользоваться прибытком от имущества малолетних или приплодом от скота опекун не имел права... Доходы должны идти на нужды малолетних сирот». По сообщениям корреспондентов этнографической программы кн. В. Тенишева, опекун не получал за управление имуществом «никакого вознаграждения, только благодарность общества и сирот». Но он имел от общины значительные льготы. Деятельность опекуна оценивалось настолько высоко, что мир освобождал его от каких-либо общественных обязанностей, а все повинности по наделу малолетних брал на себя⁴⁰².

Контроль над действием опекуна возлагался на старост и старшин. Опекун должен был периодически отчитываться перед сходом об исполнении своих обязанностей, но на практике сельский мир не всегда уделял должное внимание защите интересов сирот. Часто на руки опекуну выдавали особую книжку, в которую он записывал приход и расход по имуществу опекаемого. Один или два раза в год опекун представлял устный отчет сельскому сходу с участием волостного старшины и волостного писаря, писарь просматривал имущество, которое было при прошлогодней проверке. В случае обнаруженной растраты, опекун должен был возместить ущерб из собственного имущества, что осуществлялось в большинстве случаев в форме судебного иска. В ряде мест, как, например, в Болховском уезде Орловской губернии за растрату имущества сироты опекун по приговору сельского схода мог быть подвергнут наказанию в виде ареста. Помимо всего этого, опекун ненадлежащим образом исполняющий свои обязанности, приговором сельского схода устранялся и заменялся другим. Так поступали в селах Курской губернии⁴⁰³. Из содержания материалов тенишевского фонда следует, что возможность вмеша-

С. 85. ³⁹⁷ Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов, 1903.

³⁹⁸ Тенишев В.В. Административное право русского крестьянства. СПб., 1908. С. 158, 159.

³⁹⁹ Там же. С. 133.

⁴⁰⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1161. Л. 6.

⁴⁰¹ Цит. по: Тенишев В.В. Указ. соч. С. 152.

⁴⁰² Цит. по: Соловьева И. Крестьянские сироты XIX века / <http://vstrecha.glasnet.ru/NC/0302/67/67.htm>

⁴⁰³ Тенишев В.В. Указ. соч. С. 157.

тельства мира в любой момент служила силой, сдерживающей незаконные действия. С введением института земских начальников внимание к положению сельских сирот усилилось, так как в их обязанности входил контроль над системой крестьянской опеки.

Общинная помощь – одно из самых любопытнейших и поучительных явлений деревенских будней. Она регулировалась целой системой норм поведения. Ее истоки уходили в первобытные формы хозяйствования, когда труд членов общины органически соединялся с равным дележом продукта. Бытование различных форм сельской взаимопомощи в течение длительного времени свидетельствовало о ответственности их содержания духовно-нравственным традициям русского села. Милосердие выступало отличительной чертой русского крестьянства. Смысл Евангельской любви находил свое воплощение в сострадании и сочувствии к несчастным, в бескорыстной помощи нуждающимся. Помещик К.К. Арсеньев в заметках о путешествии в Тамбовской губернии писал: «Сами, голодая, крестьяне подают милостыню хлебом. Берут к себе в дом семьи погорельцев и бедняков. Так в селе Бояровке Моршанского уезда, в обыкновенной избе помещалось четыре семьи»⁴⁰⁴. «Все крестьяне нашей местности, – сообщал в конце XIX в. Ф.А. Костин из деревни Мешковой Болховского уезда Орловской губернии, – к погорельцам относятся с жалостью, стараются их утешить и помочь, как советом, так и делом». Каждый крестьянин, отмечал он далее, «считает за счастье», если у него поселится погоревший сосед»⁴⁰⁵.

В большинстве случаев организатором сельских помочей выступала община. Мир направлял по наряду односельчан на уборку полос хозяйств, пораженных эпидемией, оказывал помощь в выполнении полевых работ семьям ратников, вдовам. Крестьяне никогда не оставались безучастными к горю, постигнутому их односельчан. Погорельцам собирали средства, выделяли для заготовки материала делянку в общинном лесу, принимали участие в строительстве нового дома. Высокие нравственные принципы сельской взаимопомощи отмечал в своем исследовании А.А. Риттих. Он в частности писал: «Маломощным женским семьям давали землю, освобождали их от повинностей, которые мир принимал на себя, снимали подати и с погорельцев или пострадавших от падежа скота. Организовывалась помощь больным и маломощным: мир наряжал возить навоз на их полосы, помогал при уборке урожая. Часто это делалось совершенно добровольно – «ради Христа». Косцы и жницы, оканчивая свои полосы, шли помогать тем, кто задерживался в работе «по маломощности»⁴⁰⁶.

В русской деревне второй половины XIX в. продолжало существовать такое явление как мироплатимые наделы. Это означало, что община брала на себя оплату всех податей и выполнения повинностей, которые полагались за пользование этой землей. Например, у государственных крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии такие наделы по решению схода выделяли в 70-х гг. XIX в. вдовам. В этом же уезде из общественных хлебных магазинов, по решению совета стариков, выдали беспомощным старикам и малолетним сиротам хлеб на весь год⁴⁰⁷. Система деревенского призрения выражалась также в выдаче безвозмездной ссуды, выделении участка в общественном лесу, отводе земли для постройки дома и под огород.

Оказание помощи нуждающимся жители села воспринимали как дело богоугодное и как народную традицию, освященную жизнью предыдущих поколений. «Безусловно, обязательной для крестьян помочь для себя не считают, но нравственная обязанность так глубоко ими осознается, что отказа в помощи почти не бывает. ... Да и всякий помнит, что и он когда-нибудь сам будет нуждаться в помощи». Помощь выражалась в выполнении неотложных сельскохозяйственных работ, постройке сгоревшего дома, организации похорон и т. п. Если решение о помощи принимал сход, то участие в ней считалось для общинников обязанностью, и уклонение было практически невозможным в силу общественного мнения⁴⁰⁸.

Формой сельской взаимопомощи являлась толока, родственная и соседская помощь в работах, которые требовали большого количества рабочих рук и были ограничены во времени. К ней крестьяне прибегали, когда хозяйство не могло самостоятельно справиться со срочной, но необходимой работой. Писатель Н.Н. Златовратский, долгие годы проживший в деревне, выделял следующие виды помочей – без угощения и с угощением. Первая была более распространена в среде родственников и использовалась при возведении пристройки, возке навоза, косьбе и жатве. К помощи соседей и однообщинников селяне прибегали при строительстве избы, возке леса, кирпича и т.п. В обязанность домохозяина, приглашавшего на толоку (супрядки), входило накормить работников до и после работы, по возможно-

⁴⁰⁴ Арсеньев К.К. Из недавней поездки в Тамбовскую губернию // Вестник Европы. 1892. Кн. 2. С. 836.

⁴⁰⁵ Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 183.

⁴⁰⁶ Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С. 50.

⁴⁰⁷ Громыко М.М. Указ. соч. С. 73.

⁴⁰⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2000. С. 471 – 472.

сти обильно и обязательно с выпивкой.⁴⁰⁹ По сообщению Кондрашева, информатора Этнографического бюро из Тамбовской губернии: «Обычай помогать в полевых и других работах, а также при вывозе леса для крестьянских построек весьма распространен. Условия: утром накормить завтраком и поднести водки; по окончании работы накормить обедом и угостить водкой. Не ходить на «супротку» (так называют помощь) не могут, так как соседи осудят и самому когда-нибудь потребуется созывать супротку»⁴¹⁰. Женщины также часто приглашали товарок для рубки и квашения капусты, прядения и трепания льна и конопли, чесания шерсти.

С развитием товарно-денежных отношений в русской деревне бескорыстная помощь постепенно уступала место найму. Однако меркантильные интересы не могли вытеснить традиционные формы крестьянской взаимопомощи, имевшие в своей основе принципы христианской морали. В год тяжелых испытаний, будь то голод или война, сельская солидарность, взаимовыручка, искренняя готовность прийти на помощь ближнему проявлялись в русской деревне с особой силой. Так, в самом начале Первой мировой войны на селе широко применялась «мирская помощь». Собственно, урожай 1914 г. был спасен благодаря мирскому «удару». На сельских сходах, повсюду выносились приговоры относительно запашки и уборки полей, устанавливали в пользу призванных самообложение и т.д. Но потом, после повторной мобилизации, вместе с громадным сокращением рабочих рук в деревне, мирская помощь ослабела и к 1916 г. почти сошла на нет. На первое место стала выдвигаться иная бытовая форма крестьянской самоорганизации – «вольная», соседская и родственная⁴¹¹. По данным анкеты экономического отделения земского союза, в 30 губерниях России виды самопомощи наблюдались в следующем соотношении (в %):

Виды	Часто	Редко	Не наблюдались
Мирская	8,5	12,3	10,2
Соседская	15,5	14,4	4,5
Родственная	22,0	10,2	1,5

Возрождение в период войны традиционных форм крестьянской взаимопомощи являлось реакцией деревни на возникшие хозяйственные трудности, обусловленные изменением соотношения мужских и женских рабочих рук в семье. В нормальных условиях крестьянская семья – это рабочая пара 1:1, но война изменила это соотношение 1:1,6, что толкало крестьянку к складке двух, трех семей⁴¹².

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что значительная часть крестьянских «помочей» определялась общинной функцией социальной защиты своих членов. По сути это была взаимопомощь, рассредоточенная во времени и по различным видам деятельности между крестьянскими семьями, когда, оказывающий помощь и получающий ее постоянно менялись местами. Только с ее использованием, в условиях слаборазвитых товарно-денежных отношений, крестьянам удавалось преодолевать трудности в тяжелой борьбе с природой и социальными катаклизмами.

Сельская община выступала хранительницей нравственных устоев деревни, осуществляя подчас жесткий контроль над поведением своих членов. Выполнение неписанных норм сельского общежития достигалась, прежде всего, силой общественного мнения, а в случае необходимости и теми многообразными санкциями, которые мир применял к нарушителям. Замкнутость сельского сообщества и «прозрачность» внутридеревенских отношений практически не оставляли возможности скрыть тот или иной неблагоприятный проступок. Безупречная репутация имела для крестьянина большое значение. Она служила основой авторитета и уважения со стороны односельчан, являлась надежной гарантией при совершении имущественных сделок, придавала значимость высказываниям на сельском сходе. И напротив, крестьян, снискавших себе дурную репутацию, сторонились, избегали иметь с ними деловые отношения, старались не вступать с ними в брак, духовное родство. Часто их изводили насмешками, обидными прозвищами, а при случае попрекали за прошлые грехи. Такой сельский бойкот порой был страшнее розог волостного суда.

Крестьянский мир проявлял заботу о духовном развитии и нравственном облике односельчан. На сельском сходе принимали решение о строительстве церкви и содержании причта, об открытии школы

⁴⁰⁹ Златовратский Н.Н. Деревенские будни (очерки крестьянской общины) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 344.

⁴¹⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2033. Л. 16.

⁴¹¹ Огановский Н.П. Аграрная реформа и кооперативное земледелие. Пг., 1919. С. 40.

⁴¹² Там же. С. 41.

для обучения сельских ребятишек, разбирали случаи безнравственного поведения местных жителей и т.п. На волостном сходе Садовской волости Бобровского уезда было принято 9 декабря 1889 г. решение, которое обязывало сельских выборных лиц следить за тем, чтобы «лица моложе 17 лет не допускать в трактиры и пивные. Пьяных малолеток сельская полиция и старосты должны были забирать в сельскую управу, освобождать их по вытрезвлению не иначе, как по просьбе родителей и опекунов»⁴¹³.

В конце XIX – начале XX в. деревня все острее стала ощущать потребность в знаниях, заметнее проявлялось стремление родителей к обучению своих детей. Эта тенденция была подмечена властью. «Возрастающая потребность в начальном образовании вызывает со стороны крестьянского населения заботы об улучшении существующих и постройке новых школ, – докладывал императору в 1895 г. орловский губернатор. – Все эти заботы выразились в увеличении ассигнованных сельскими общинами сумм, достигших в отчетном году 64501 р.»⁴¹⁴. В своем отчете за 1909 г. воронежский губернатор, с явным удовлетворением, сообщал, что крестьяне слободы Ширяевой Богучарского уезда, отвели два участка земли под постройку двух школ и возбудили ходатайство об открытии у них школ практических знаний, предлагая под них необходимое количество земли, а в некоторых случаях и денежную помощь⁴¹⁵.

Для того, чтобы дать возможность детям из отдаленных деревень посещать школу, крестьяне устраивали для них общежития и устанавливали особую дорожную повинность. Такой оригинальный вид повинности был добровольно установлен крестьянами Новохоперского уезда Воронежской губернии⁴¹⁶. В виду нехватки школ в ряде мест сельские общины нанимали учителей и предоставляли им помещение для занятий. В ряде мест Курской губернии такие самодеятельные школы являлись единственной возможностью для обучения детей отдаленных селений.

Мужик природной сметкой быстро почувствовал практическую пользу знаний. Все больше крестьян видели в образовании залог успешного ведения хозяйственных дел. Крестьяне ждали от школы, что она даст их детям необходимые знания законов и сформирует навыки расчетных операций. «Учить ребят нужно, – говорили крестьяне. – Коли надо записать по извозу деньги плати. А грамотный сам запишет и расчет сделает. Грамотного всюду зовут, что подписать или написать в волость. Ему всякое дело видней, он не платит, скорее сам получает»⁴¹⁷. Мощным стимулом для поддержки крестьянами школ являлись льготы по военной службе. Крестьяне Кромского уезда Орловской губернии в 1880-е гг. говорили: «Учить ребят нужно, в солдаты возьмут – облегчение будет». Менее чем за 30 лет число грамотных призывников в Тамбовской губернии выросло в 5 раз. Если в 1874 г. они составляли 10,3 % к общему числу призывников, то в 1902 г. – 54,5 %⁴¹⁸.

В условиях модернизации грамота выступала для крестьян формой адаптации к новым условиям жизни. Старшее поколение интуитивно ощущало, что образование разрушает привычный уклад и устои сельского быта.

СЕЛЬСКАЯ ВЛАСТЬ ГЛАЗАМИ КРЕСТЬЯН

Высшим должностным лицом в сельском обществе являлся староста. Он избирался на сельском сходе. Его функции были весьма разнообразны. Староста созывал и распускал сельский сход, председательствовал на нем, приводил в исполнение мирской приговор; наблюдал за исправным содержанием мостов, дорог, соблюдением правил строительного и пожарного уставов; контролировал сбор податей и порядок отбывания повинностей; принимал необходимые меры для охранения благочестия. Староста должен был, безусловно, исполнять все требования местной полиции, судебных следователей, распоряжения земского начальника и всех установлений властей. Он мог подвергаться наказанию в виде общественных работ до 20 дней, штрафа в пользу мирских сумм до одного рубля или аресту до двух суток, и он этой властью при необходимости пользовался.

Должность старосты, хотя и давала определенные преимущества, все же не являлась для крестьян sinecurой. Денежного довольствия, выплачиваемого обществом, было явно недостаточно, а добросовестное исполнение обязанностей требовало много времени и сил, нередко в ущерб интересам собственного хозяйства. Свидетельством тому может служить общественный приговор слободы Красной Воронежской губернии от 10 марта 1881 г. «Слушали словесную просьбу сельского старосты об увольнении от должности. Староста был избран на 3-х летний срок, отслужил только 2 года, но, принимая во внимание, что служба старосты в настоящее время крайне обременительная, так, что в течение трехлетней

⁴¹³ ГАРФ. Ф. 102. ДП. 2 д-во. (1889). Д. 158. Ч. 15. Л. 9об.

⁴¹⁴ Библиотека РГИА. Всеподданийший отчет орловского губернатора за 1894 г. С. 4.

⁴¹⁵ Там же. Всеподданийший отчет воронежского губернатора за 1909 г. С. 74.

⁴¹⁶ Живописная Россия. Т. VII. Ч. I. СПб., 1900. С. 94.

⁴¹⁷ Бунаков Н. Указ. соч. С. 295.

⁴¹⁸ Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов, 1903. С. 64.

службы по хозяйству можно прийти в крайнее разорение, просьбу старосты уважили»⁴¹⁹. Крестьяне, в том числе и состоятельные, соглашались на эту должность, только после длительных уговоров. Такое положение не изменилось и к началу XX в. В материалах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности отмечалось: «Трудность приискания на крестьянские должности зависит от того, что лица, на которых возлагаются эти обязанности, отрываются от собственного дела, получая за свою хлопотливую работу недостаточное вознаграждение. Немалую роль в этом деле играет боязнь ответственности, так как даже за маловажные упущения по службе они могут быть подвергнуты штрафам и взысканиям»⁴²⁰.

Существенным недостатком местного самоуправления являлся качественный состав выборных лиц, на что неоднократно обращалось внимание в материалах ревизий как губернских, так и столичных чиновников. Признавая ценность этого вида источника, следует помнить о том, что такие ревизии имели свою специфику, а проверяющие не всегда делали выводы соразмерно объективной обстановке. По результатам обследования Воронежской губернии в своем отчете Александру III от 5 октября 1881 г. сенатор С. Мордвинов писал: «Сельские старосты избираются на три года, из людей многосемейных, идут они повсеместно на службу неохотно, в некоторых обществах их назначают против их воли (Чижевская волость Воронежского уезда). Большинство старост неграмотные, есть общества, где старостами служат по очереди (Скляевское общество, Землянского уезда)»⁴²¹. Аналогичная оценка ситуации содержалась и в информации, исходящей с мест. Житель с. Хотьково Карачаевского уезда Орловской губернии Иван Морозов в 1898 г., характеризуя местную власть, подчеркивал, что «в сельские старосты лучшие силы деревни не идут. Идут те, кто любит «напиться»⁴²². Действительно, пьянство на сходе было одним из пороков местного самоуправления, давая противникам сохранения общины еще один аргумент для вывода о ее несостоятельности. Не отрицая фактов коллективных пьянок, не единожды описанных в литературе, стоит заметить, что приговоры выносились все же на трезвую голову, а поводов для последующей попойки у «мира» всегда было более чем достаточно. В записке о сельских сходах (90-е гг. XIX в.), обнаруженной в фонде В.К. Плеве, неизвестный автор писал: «Появление пьяных явление редкое. Пьянство действительно бывает, но не при обсуждении дела, а по окончании его. После схода все идут в кабак, а летом располагаются возле него и тут то происходит общественная попойка, которая, несмотря на борьбу с ней земского начальника, не выводится»⁴²³.

Местную власть крестьянин считал ответственной перед собой, поскольку сам участвовал в ее формировании и мог влиять на ее деятельность. Корреспонденты тенишевского этнографического бюро сообщали, что крестьяне охотно шли на сход, на котором предстояли выборы старосты. Не последнюю роль в выборе играли и личные качества кандидата. Естественным было стремление избрать на должность человека хозяйственного, порядочного, радеющего за общее дело. Старосты, сумевшие снискать авторитет и уважение среди односельчан, порой пребывали в должности не одно десятилетие. В ином случае череда нерадивых руководителей рождала у селян разочарование. Так, по результатам инспектирования некоторых тамбовских сел в начале 80-х гг., правительственный чиновник в своем отчете записал: «Сельские старосты и волостные старшины, как почти все без исключения неграмотные, играют роль второстепенную. К выборам крестьяне равнодушны, уверяют, что какого бы хорошего человека не выбрали, он непременно в должности испортится; другие стараются избрать людей слабых, боясь самовластия и произвола»⁴²⁴. Следует признать и тот факт, что в тех обществах, где власть находилась в руках «мироедов», выборы старосты превращались в фикцию, с заранее известным результатом. Такое положение дел рождало вполне определенные настроения в крестьянской среде. «Сельские и волостные сходы, которым предоставлен выбор должностных лиц и решение хозяйственных дел, утратили в глазах народа всякое доверие. Не одно дело не решается беспристрастно, ибо не бывает схода без угощения водкой заинтересованными лицами»⁴²⁵. Из Елецкого уезда Орловской губернии сообщали: «Всю сходку ведут главари так называемые «горлодеры». Зажиточные в большинстве случаев имеют сильное влияние на сходах. Они всегда в состоянии поставить больше вина. Крестьянские общества всегда вполне добросовестно выполняют все свои обязательства, совершенные за договоренное количество вина». По мере роста крестьянского самосознания

⁴¹⁹ Там же. Д. 17. Л. 2об.

⁴²⁰ РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 108. Л. 19.

⁴²¹ Мордвинов С. Экономическое положение крестьян Воронежской и Тамбовской губерний. Б.М. Б.Г. С. 4.

⁴²² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1102. Л. 12.

⁴²³ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 134. Л. 8.

⁴²⁴ Там же. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1541. Л. 6.

⁴²⁵ То же.

и деятельного участия земских начальников ситуация менялась в лучшую сторону. В 1898 г. житель Кромского уезда, Н. Козлов, на вопрос о состоянии сельского самоуправления писал следующее: «Прежде лет 10 назад, было, что крестьяне мало понимали свои права и обязанности и потому все дела на сходе решались под влиянием зажиточных – мироедов и горлопанов. А теперь эти горлопаны положительно усмирились потому, как только ввели земских начальников, так наш земский начальник вследствие жалоб крестьян, некоторых горлопанов за подобные проделки, стал сажать под арест»⁴²⁶.

Признавая за избранным старостой власть над собой, особые полномочия, данные ему сельским «миром», крестьянин продолжал видеть в нем своего «брата-мужика», которому близки и понятны его повседневные нужды и заботы. В сельской повседневности часто возникали конфликтные ситуации, и старосте практически ежедневно приходилось вмешиваться в споры для их полюбовного решения. Так, в Изосимовской волости Тамбовской губернии крестьяне говорили: «жалобы приносятся, прежде всего, старосте, который старается смирить тяжущихся». Таким образом, в глазах крестьян, староста выступал представителем неформального сельского судопроизводства. Крестьяне Покровской волости той же губернии заявляли, что когда в какой драке или ссоре обращались к старосте, то он склонял стороны к миролюбию. Суд старосты носил характер примирительного разбирательства⁴²⁷. В тоже время, при необходимости охраны общественного спокойствия, староста не останавливался перед применением жестких мер по отношению к нарушителям порядка.

Каждый крестьянин считал старшину, старосту и других выборных лиц равными себе, утверждая, что «ты сегодня, а я завтра буду старшиной или старостой»⁴²⁸. Но при всем при этом однообщественники не забывали о том, что староста – лицо должностное, он обличен властью. В связи с этим интересно суждение орловского крестьянина, который объяснял: «Коли староста у знака – так ен и староста, толи за грудки его не трогай, а то засудят пуше чем за барина – потому власть, а коли ен без знака, то хоть морду засвети, что твоему мужику – ничего не будет»⁴²⁹. В обыденной жизни, именно формальные атрибуты власти, нагрудный жетон старосты или старшины, являлись для крестьян наглядным подтверждением их властных полномочий. Правда, представители сельской власти не злоупотребляли знаками своего должностного отличия. Крестьянин А. Кротков из Знаменской волости Орловской губернии делился своими наблюдениями. «Сельское начальство вывешивает знаки только тогда, когда прибудет кто-то из начальства, да в случаи грубости и неповиновения, кого из крестьян, а в остальных служебных делах они носить их совестятся»⁴³⁰.

Сложность положения сельского старосты заключалась в том, что он находился, как говорят, «между молотом и наковальней». С одной стороны, будучи избранным сходом, он должен был отстаивать и защищать интересы этого общества. Но, с другой стороны, являясь должностным лицом, он был обязан проводить в жизнь распоряжения и установления государственной власти. Это иногда становилось причиной конфликта, в частности, при сборе податей и недоимок. Н. Брежский по этому поводу писал: «Сельские старосты превратились в безответственных слуг низшей полиции, главная обязанность которых состояла в сборе податей и применении принудительных мер к односельчанам-недоимщикам». Приведем лишь один пример, письмо с фронта. Оно свидетельствует о том, что солдаты внимательно следили за всем тем, что происходило в их родной деревне. Вот выдержка из письма прапорщика 5-й роты 234 Богучарского полка от 15 февраля 1915 г. «Дьяченковский сельский староста Нестеренко при взыскании податей врывается в избы семей запасных, забирает самовары, забирает мелкий рогатый скот, орет во все горло, пугает старуху-мать, жену и малых детей, производит целый разгром, выколачивает последние деньги»⁴³¹.

Нередко социальные интересы оказывались выше всяких должностных обязанностей. В этом случае старосты часто занимали место вожака и руководителя деревенского бунта. Особенно это наглядно проявилось в остром противостоянии с помещиками в ходе крестьянской революции начала XX в. Своим присутствием, а порой и активным участием они придавали аграрным беспорядкам некую иллюзорную легитимность. Погромы, в глазах крестьян, превращались в акт торжества справедливости, форму реализации мирского приговора. Вот как описывает участие старосты в погроме барского имения М. Шаховской, в своей исторической справке о крестьянском движении 1905 – 1907 гг. «Крестьяне являлись в имение во главе со старостой, который с бляхой на груди следил за правильностью распределения хлеба. На первых порах крестьяне брали в имении только зерновые, пищевые и кормовые продук-

⁴²⁶ Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 57, 80.

⁴²⁷ Березанский П. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев, 1880. С. 14.

⁴²⁸ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114.

⁴²⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1104. Л. 13.

⁴³⁰ Там же. Д. 992. Л. 14.

⁴³¹ ГАРФ. Ф. Д-4. (1915). Оп. 124. Д. 14. Ч. 7. Л. 4об.

ты, а кроме того, не разрешали друг другу брать ничего, говоря: «Не по закону, нельзя»⁴³². Орловский губернатор в донесении в департамент полиции сообщал: «26 августа 1907 г. обнаружена самовольная порубка в Чернавском имении Великого князя Михаила Александровича, произведенная крестьянами д. Власовки, Круглинской волости Дмитровского уезда (20 человек) вместе с сельским старостой. Порубка леса производилась в течение полумесяца группами по 5 – 10 человек»⁴³³. В ряде мест старосты выступали руководителями открытого сопротивления властям. Приведем лишь один пример. «Крестьяне селений Глядино и Хлебтово Севского уезда Орловской губернии во главе со своими старостами требовали от заведующего Владимирским хутором 31 мая 1906 г. прирезки земли. В это время на хутор приехал пристав с 17 конными стражниками и земский начальник. С криками «Бей земского!» крестьяне, вооруженные оглоблями, бросились на конных стражников. Стражники открыли стрельбу и ранили в живот крестьянина Федора Тяпина, который вскоре скончался»⁴³⁴.

Властные полномочия старост на фоне фактического отсутствия должной материальной оплаты их нелегкого труда являлись благодатной почвой для служебных злоупотреблений. Староста «сшибал бутылки» у крестьян, заинтересованных в утверждении сходом их ходатайств, растрачивал общественные деньги (редкий ежегодный финансовый отчет не выявлял растрат), устраивал махинации с земельными

наделами через подставных лиц. Но, помня о народной пословице – «быть у воды и не напиться», односельчане были, как правило, снисходительны к этим грехам. На растрату мирских сумм должностными лицами в деревне смотрели легко. Редко когда дело доходило до суда. «Да пропади они пропадом эти деньги», – можно было услышать в таких случаях; – Станем мы из-за целкового губить человека. Внезем. Более платили – живы бывали, а магарыч с него выпьем, чтобы другим не повадно было. Все мы крещенные»⁴³⁵. Корреспондент Этнографического бюро В. Перьков, из Болховского уезда Орловской губернии, в 1898 г. писал об этом следующее: «К взяточеству относятся легко, жалоб почти не бывает. Взятки берут, начиная с десятского и кончая волостным старшиной. В случае растраты общественных сумм, если у виновного нет возможности уплатить, он просит сход, пожалеть его – и при этом ставит водку. Мужики делают снисхождение, говоря «с кем греха не бывает, запутался сердешный» – пьют водку и растроченные деньги раскладывают по душам или по земле. Недостающую сумму собирают, не доводя дело до начальства»⁴³⁶. Толерантность крестьян к должностным преступлениям проистекала из традиций «посул и поминок» приказного периода, подношений крепостных барину, обычая сельских магарычей. Великодушие селян определялось как христианским установлением «не судите, да не судимы будете», так и обыденным суждением о том, что «от сумы и от тюрьмы не зарекаются».

Другим представителем выборной сельской власти являлся волостной старшина. Он избирался на волостном сходе и получал из мирских сумм денежное содержание в размере от 100 до 600 р. В его задачу входило: сбор государственных повинностей, исполнение решений волостного суда, исполнение распоряжений земского начальника и прочее. Источники свидетельствуют о том, что представители сельских обществ охотно принимали участие в волостном сходе, сознавая всю значимость осуществляемого выбора и ответственность за принимаемые решения. Должность волостного старшины вызывала у крестьян уважение, что проявлялось в безусловном исполнении его распоряжений и обращениях к нему с целью разрешения тех вопросов, которые не нашли свое решения на местном уровне. Отношение к волостной власти выражалось в традиционных подношениях к Рождеству, Пасхе, престольным праздникам. Информатор Н. Козлов из села Архангельского Кромского уезда Орловской губернии сообщал: «С поздравлениями к земскому начальнику, становому приставу не ходят, боятся преследования за это. Старосту, сотского, десятских не поздравляют, не считая это нужным. Но к волостному старшине и писарю являются с поздравлениями и подношениями к каждому празднику»⁴³⁷.

В уже упомянутом отчете сенатора С. Мордвинова давалась следующая оценка волостных старост селений Тамбовской губернии, подвергнутых ревизии в 1880 г. «Волостные старшины большей частью неграмотны или малограмотны. Однако же встречаются люди грамотные, умные, распорядительные, таковы волостные старшины Грязенской, Фашевской и Сокольских волостей, Липецкого уезда и Горельской волости Тамбовского уезда». Проверка выявила и факты превышения волостными старшинами своих должностных полномочий. Так, старшина Казачинской волости, Шацкого уезда Новиков, приводя в исполнение решение волостного суда, присудившего просителя за воровство к двадцати ударам розгами, наказал его сорока ударами⁴³⁸.

⁴³² Шаховской М. Волнения крестьян. Историческая справка. СПб., 1907. С. 56.

⁴³³ ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Оп. 1906. Д. 700. Ч. 7(3). Л. 240.

⁴³⁴ Там же. Д. 236. Л. 52 об.

⁴³⁵ Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 134. Л. 11 об, 12.

⁴³⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1034. Л. 8.

⁴³⁷ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 32.

⁴³⁸ Мордвинов С. Указ. соч. С. 3.

В январе 1887 г. уполномоченные 3-й части Подворгольского общества Елецкого уезда Орловской губернии направили в Сенат жалобу на действия волостного старшины. В жалобе, в частности, говорилось о том, что под давлением старшины был составлен приговор о желании крестьян перейти от ревизской разверстки земли к переделу на наличные души. Для достижения своей цели старшина несколько раз уговаривал крестьян, применяя попойки и угрозы. По его приказу шесть крестьян были наказаны розгами, а при составлении приговора в него были внесены крестьяне, находившиеся в самовольном отъезде, и за них расписались⁴³⁹.

Как и сельские старосты, волостные старшины нередко оказывались заложниками своего двойственного положения. Это нашло свое подтверждение в материалах местных комитетов особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902 – 1904 гг.). «Должностные лица сельского и волостного управления, находясь в зависимости от избравших их членов общества, с одной стороны, и подчиненные начальству, с другой, становятся безвыходное положение, служить двум господам». Волостной старшина В. Беседин жаловался на заседание курского уездного комитета: «Волостной старшина, руководя крестьянами, в тоже время и сам состоит от них в зависимости, поэтому крестьяне не особенно скоро подчиняются его распоряжениям, некоторые даже не стесняются высказывать вслух, что они могут убавить жалование. ... Лица, которые стараются лишь в точности исполнить требования начальства, обыкновенно, едва дослуживают до следующих выборов, и на второе трехлетие их уже не избирают»⁴⁴⁰. Конечно, многое зависело от личных качеств должностных лиц, и поэтому не следует спешить делать обобщения, тем более источники содержать примеры и иного рода. В записке сенатора Н.А. Хвостова (1905 г.), он характеризует выборных лиц Елецкого уезда следующим образом: «Местное волостное правление находится в версте от моей усадьбы, и я знаю, что в нем делается. Выборы еще со времени моего отца, посредника 1-го призыва, проводились закрытой подачей голосов. Состав волостного правления был так хорош, что в течение последних десяти лет старшина прослужил должности 12 лет»⁴⁴¹.

Положение «слуги двух господ» постоянно выступало источником недовольства как крестьянского сообщества, так и местной администрации. Наглядно это противоречие проявилось по мере роста социальной напряженности в деревне, в ходе крестьянского движения начала XX в. В приговорах тамбовских крестьян, опубликованных исследователем Л. Сенчуковой, содержалась следующая характеристика волостной власти. «Волостное правление и суд обслуживают большей частью нужды правительства: воинская повинность, взыскание налогов с крестьян и прочие общественные нужды». «Сильное притеснение мы терпим со стороны земских начальников, от старшин поставленных земским, от полиции – вся эта кампания идет против нас. Жалобы наши на этих сановников остаются без ответа»⁴⁴².

Волостной старшина в повседневной жизни был не так тесно связан с местными жителями, как сельский староста. При встрече с волостным старостой крестьяне снимали шапки, как свидетельство признания его положения и властных полномочий. Старшина хотя и являлся выборным лицом, но его деятельность находилась под неусыпным контролем земского начальника. В силу своего зависимого положения, волостные старшины в большинстве случаев выступали послушным орудием в исполнении распоряжений и указаний местной администрации. Однако имеются факты, что в период крестьянского движения некоторые главы волостных правлений занимали сторону сельского «мира» и вступали с властью в открытый конфликт. Так, в департамент полиции МВД из Орловской губернии сообщали, что «в селе Алексеевском 23 декабря 1905 г. были арестованы руководители крестьянских беспорядков во главе с волостным старшиной Игнатом Казьминым»⁴⁴³.

Волостное правление трудно было представить без фигуры волостного писаря. Как и волостного старшину писаря выбирали на волостном сходе. На нем лежало все делопроизводство правления и суда. Он вел десятки книг по волостному правлению и готовил решения волостного суда. Нередко писарь был единственным грамотным членом волостного правления, что еще более усиливало его вес и влияние в глазах окружающего населения. К его услугам крестьяне прибегали в случае необходимости составления деловых бумаг: жалоб, прошений, купчей, закладной и т.п.

За чисто формальными функциями писаря селяне быстро узрели истинное значение этого «серого кардинала» волости. Так, в Кромском уезде Орловской губернии местный крестьянин рассказывал про писаря так: «У нашей волости есть один хозяин волостной писарь, а не волостной старшина, потому что

⁴³⁹ РГИА. Ф. 1344. Оп. 10. Д. 314. Л. 4, 5.

⁴⁴⁰ Прокопович С.Н. Местные люди о нуждах России. СПб., 1904. С. 104.

⁴⁴¹ ОР РГБ. Ф. 58/II. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 5, 6.

⁴⁴² Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства 1905 – 1907 гг. По материалам центральных губерний. Ч. 1. М., 1994. С. 170, 177.

⁴⁴³ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп. 236. Д. 700. Ч. 7. Л. 3об.

старшина ничего и никакого дела не знает и не понимает, почему все крестьянские дела зависят от писаря. Например, придешь домой к сельскому старосте или волостному старшине, а писаря в волости нет, так они всегда отвечают тебе: «Подожди брат, вот поговорю с писарем, как он скажет»⁴⁴⁴. В докладе комиссии Воронежского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. отмечалось: «Безграмотные или малограмотные старосты и старшины не имеют совершенно никакого понятия о своих обязанностях, и вся их деятельность ограничивается беспрекословным исполнением приказаний разных начальников и, главным образом, волостного писаря, или же в извлечении каких-либо материальных выгод для себя. Нередко они впадают в пьянство. Самое главное лицо в деревне волостной писарь, но он подчиняет своему произволу и усмотрению не только старшину, но даже волостной суд»⁴⁴⁵.

Крестьяне понимали, что от писаря зависит решение большинства вопросов, и поэтому стремились всячески выказать ему свое уважение, а при необходимости задобрить его различными подношениями. В селе Крестовоздвиженские Рябинки Орловского уезда крестьяне говорили про своего волостного писаря, что «он без стакана водки через порог не ступит»⁴⁴⁶. Из Тамбовской губернии сообщали, что «весьма часто приговоры обществ составляются писарем, и по его указанию подписываются кем-либо за безграмотных, вовсе не являвшихся на сход. На волостном суде такие же обычаи, как на сходе – писарь, под предлогом указания законов подсказывает решение. Относительно писаря крестьяне выражались: «мы прежде были за помещиком, теперь за писарем»⁴⁴⁷.

Особое положение писаря неминуемо рождало злоупотребления с его стороны. Уже упомянутая сенаторская проверка дала следующую оценку деятельности волостных писарей. «Влияние их огромное и злоупотребление, как видно из дел уездного присутствия, многочисленные, но как видно, при посещении волостей, эти злоупотребления открываемы не были, так как крестьяне боятся жаловаться на писарей». Но в этом же документе приводился факт иного рода, свидетельствующий о том, что при разумном подходе к делу можно было избежать издоимства со стороны сельских бюрократов. «Особенно хорошие отзывы были даны о волостном писаре Спасско – Городской волости, Спасского уезда, Тамбовской губернии. По словам крестьян, их писарь отличался не только знанием своего дела, но и добросовестным исполнением лежащих на нем обязанностей. Сами крестьяне, назначив ему очень хорошее содержание, в размере 700 р., вполне обеспечили его материальное положение, в силу чего у того не было искушения производить с них какие-либо незаконные поборы за выдачу паспортов и другим делам»⁴⁴⁸.

Сельская полиция. Земские начальники

После отмены крепостного права продолжало действовать «Положение о земской полиции» 1837 г., согласно которому общества должны были назначать из своей среды низших полицейских-десятских и сотских-помощников старост и старшин и, одновременно, – соглядатаев за их работой. Десятские и сотские избирались на сходах, подчинялись полицейскому уряднику, становому приставу и полицейскому управлению. Они наблюдали, чтобы в храме во время литургии и вне его, во время крестных ходов, молебнов не было нарушения благочиния. В их обязанности входило обеспечение безопасности жителей деревни от воров и разбойников. В случае возникновения эпидемии, эпизоотии они доносили становому приставу, а при пожаре принимали надлежащие меры для его тушения.

В народе сотских прозвали «ошары». Это название они получили за то, что в случае кражи в селе проводили розыск пропажи, в ходе которого «ошаривали» все углы и закоулки. Особой симпатии к сотским крестьяне не питали, но уважение к должности выказывали. При встрече в кабаке крестьяне их не обносили рюмкой. Десятских крестьяне не боялись, потому что каждый крестьянин по очереди ходит десятским⁴⁴⁹. На практике сотские и десятские часто выполняли чисто технические функции при становом приставе и уездном исправнике, часто играя роль письмоводителей, денщиков или просто бесплатной рабочей силы.

В отчете за 1901 г. орловский губернатор дал следующую характеристику чинам земской полиции: «Десятские и сотские, избираемые сельскими обществами, лишены всякой самостоятельности и независимости. Ничтожное вознаграждение, получаемое этими лицами, заставляет всех благонадежных и состоятельных домохозяев отказаться от службы и контингент сотских и десятских пополняется часто

⁴⁴⁴ Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 134. Л. 18.

⁴⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 119. Л. 160 об.

⁴⁴⁶ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 134. Л. 121.

⁴⁴⁷ Там же. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1541. Л. 6.

⁴⁴⁸ Мордвинов С. Указ. соч. С. 3, 6.

⁴⁴⁹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1541. Л. 113.

людьми небезупречных в нравственном отношении, малообеспеченных, желающих поправить свое положение путем незаконных поборов. ... Всякое избранное из своей среды сходом на полицейскую должность лицо, вследствие общности интересов и полной зависимости от избирателей, делается послушным воли и желания схода, нередко не оправдываемых законом и местными нуждами»⁴⁵⁰.

Функции по поддержанию правопорядка в селах и деревнях были возложены на урядников. В их подчинении находились сотские и десятские, которые при необходимости должны были оказывать уряднику деятельную помощь в наведении должного порядка. Задачей урядника являлось сыск беглых, расследование мелких преступлений, задержание виновных, а также пожарная профилактика, контроль над санитарным состоянием, поддержание мостов и дорог и т.д.

Оценка деятельности урядников официальной властью была негативной. «Размещенные по волостям и поставленные, таким образом, в несколько независимое положение, урядники, набранные из людей полуграмотных и далеко неразвитых, присвоили себе над крестьянами и должностными лицами крестьянского управления начальническую власть, которой при сравнительной своей грубости злоупотребляют. Вмешательство во все дела они фактически устранили полезную полицейскую деятельность старосты и волостного старшины»⁴⁵¹.

Представляя в волостях исполнительную и отчасти судебную власть, урядник считался в подведомственном участке «хозяином», хотя в чиновничьей иерархии занимал место весьма скромное. При встрече с урядником каждый крестьянин снимал шапку и отвешивал поклон. При разговоре величал его «ваше благородие» и во время разговора шапки не надевал. Крестьяне урядника боялись и старались беспрекословно исполнять его приказания. Хотя под шумок и говорили между собой, – «Какой ен благородие? Усе такой-же мужик, как и мы, только в солдатах побывал!»⁴⁵². Если крестьяне и относились к ним до некоторой степени с уважением, то это потому, что урядники облачены в форму, а в форме мужик видел не своего брата мужика, а чиновника. Урядников в селе прозывали «курятниками» за то, что они очень были падки на угощение и взятки самого мелкого разбора. Так, они беспрестанно проверяли кабаки, лавочки, где их одаривали каждый раз, чтобы задобрить на будущее. На престольный праздник в селе урядника приглашали из одного двора в другой, с просьбой отведать угощения⁴⁵³.

Урядники не отличались деликатностью в обращении с крестьянами. Чаще всего урядники говорили с мужиками грубо, начальственным тоном, всячески стремясь подчеркнуть значимость своего положение. Исполняя приказы начальства, они не знали жалости, в отличие от сотских и десятских, которые проявляли снисходительность к своим односельчанам. Урядники применяли решительные меры для пресечения противоправных действий, и местное население относилось к этим репрессиям с пониманием. Житель Брянского уезда Орловской губернии Фомин в июле 1898 г. писал: «Если урядник за драку сажает крестьянина в холодную, тот за это ни чуть не сердится и исполняет беспрекословно в своем отношении селян к представителям местной власти определялось не столько должностью, а прежде всего, личными качествами чиновника. Приведем лишь один пример. Священник Птицын из села Петрушко, Карачевского уезда, Орловской губернии в мае 1898 г. писал: «У нас полицейским урядником служит из крестьян Семен Васильевич Рудаков. Крестьяне считают его лучшим начальником, заступником и помощником во всех обидах, преследователь разных бесчинств и преступлений. Жизнь он ведет честную и добропорядочную. С крестьянами обращается вежливо, при исполнении приказаний начальства тверд и настойчив»⁴⁵⁴.

Готовность подчиняться власти сочеталась в крестьянском восприятии с требованиями, которые сельское население предъявляло к ее представителям. Так, считалось недопустимым для начальствующих лиц исполнение обязанностей в нетрезвом виде, пристрастное ведение дела в силу знакомства или родства, отдача распоряжений с целью личной выгоды, равнодушное отношение к женскому полу. В частности, народ оказывал неуважение к волостному и сельскому начальству, когда они вели знакомство с торговцами, кабатчиками и зажиточными крестьянами и пользовались от них подарками, в делах допускали пристрастие, мирволили кумовьям, сватам, или когда они обращались с крестьянами грубо. Крестьяне больше всего ценили вежливое обращение к ним. При таком обращении они и сами бывали вежливы, и всякое приказание исполняли быстро и в точности. Но становились настойчивыми и упрямыми, когда начальник обходился с ними грубо, или когда замечали с его стороны усмешку или иронию⁴⁵⁵.

⁴⁵⁰ Библиотека РГИА. Всеподданийший отчет губернатора Орловской губернии за 1901 г. С. 7.

⁴⁵¹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1541. Л. 2об.

⁴⁵² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1102. Л. 10.

⁴⁵³ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 96, 118.

⁴⁵⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1078. Л. 86.

⁴⁵⁵ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 12.

⁴⁵⁶ Там же Л. 32, 33, 43.

Институт земских участковых начальников был введен в русской деревне законом от 12 июля 1889 г. Его цель заключалась в создании «близкой к народу твердой правительственной власти, которая соединила в себе попечительство над сельскими обывателями с заботой по завершению крестьянского дела и с обязанностями по охране благочиния, общественного порядка, безопасности и прав частных лиц в сельской местности». В историографии прошлых лет учреждение опеки над крестьянами оценивалось негативно, как реакционное мероприятие правительства в рамках контрреформ 80 – 90-х гг. Признанный специалист в аграрной истории конца XIX – начала XX вв., А.М. Анфимов в своей монографии писал: «Наиболее реакционной мерой явилось введение по закону от 12 июля 1889 г. института земских начальников, назначаемых из местных дворян, которые стали полновластными распорядителями жизни деревни. ... Власть земских начальников, ставших, по существу, диктаторами в своих участках, легла гнетущей тяжестью на деревню, еще более затрудняя крестьянам борьбу за свои интересы»⁴⁵⁷. Вряд ли сегодня такой вывод можно признать объективным. Задача настоящей статьи состоит том, чтобы на основе архивных источников проанализировать деятельность земских начальников и их взаимоотношения с крестьянским населением.

Введение органа опеки над сельским самоуправлением соответствовало объективным потребностям российской деревни конца XIX в. Два десятилетия пореформенного развития выявили ряд негативных моментов в жизни русского села. Это рост деревенской преступности, власть «мироедов» на «пьяных» сходах, слабость должностных лиц сельского самоуправления и недостаточно эффективная деятельность волостных судов. Необходимо также заметить, что и сама форма попечительства вполне соответствовала традиционным установкам крестьянского патернализма. В связи с этим интересна записка неизвестного автора «Крестьянские сходы», обнаруженная в фонде В.К. Плеве. В ней содержался вывод о том, что крестьяне одобряли допущенное законом 12 июля 1889 г. расширение надзора за сельским самоуправлением и некоторое ограничение его самостоятельности. В подтверждение этого приводилось следующее высказывание крестьян: «Если тебя общество обидит или в волости не по праву осудят, иди к земскому, он все по закону разберет да и мироедам потачки не даст, чуть что и общественный приговор отменит, а прежде бывало и делов не найдешь, начальства много, а правды нет»⁴⁵⁸.

Оценки деятельности земских участковых начальников власти и самих крестьян были на удивление схожи. Вот что говорилось в отчете воронежского губернатора за 1891 г.: «Как замечено по всей губернии, земскими начальниками с успехом достигнуто устранение угощение водкой на сельских и волостных сходах. Громадное значение и польза новой власти в этом направлении очевидна»⁴⁵⁹. Орловский губернатор в своем отчете за 1894 г., подводя своеобразный итог пятилетней деятельности этого института, писал: «Крестьяне свыкаются с реформой 12 июля 1889 г. и относятся к земским начальникам с уважением и доверием, называя их работу добросовестной и полезной. Благодаря деятельности земских начальников, нравственный уровень сельского населения, а равно и внешнее его благоустройство заметно улучшается, что видно хотя бы из того, что взамен питейных заведений и иных лавок, все чаще и чаще в селениях Орловской губернии открываются школы, библиотеки и читальни»⁴⁶⁰. В нашем распоряжении имеются ответы на анкету этнографического бюро князя В. Тенишева. Так, житель села Крестовоздвиженские Рябинки Орловского уезда, в своем письме от 20 марта 1898 г. сообщал: «Земский начальник, или по выражению крестьян «дядя», есть высшая безусловная власть над крестьянами. Крестьяне иногда, минуя своих ближайших начальников, обращались к нему с жалобами. Он выслушивал каждого, делал справку через волостное правление, и если жалоба оказывалась правильной, то налагал на виновных наказание»⁴⁶¹.

Опека земских начальников над сельскими обществами выражалась в требованиях к соблюдению необходимых формальностей при составлении приговора и проверке правильности принятых им решений. Приговор сельского схода подлежал обязательному утверждению участковым земским начальником. А. Новиков, прослуживший семь лет земским начальником в одном из участков Козловского уезда, по этому поводу писал следующее: «Ни один приговор не будет написан, если того не пожелает земский начальник. Заставить сход написать приговор нельзя. Запретить всегда можно»⁴⁶². Стоя на страже закона, земские начальники зорко следили за тем, чтобы принятые сходом решения соответствовали интересам сельского общества в целом. Житель села Архангельского Кромского уезда Орловской губернии Н.И. Козлов, в своем письме от 7 сентября 1898 г., с удовлетворением отмечал: «Теперь эти гор-

⁴⁵⁷ Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881 – 1904 гг. М., 1984. С. 199.

⁴⁵⁸ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 134. Л. 14.

⁴⁵⁹ Библиотека РГИА. Всеподданный отчет Воронежского губернатора за 1891 год. Л. 18об.

⁴⁶⁰ Там же. Всеподданный отчет Орловского губернатора за 1894 год. Л. 5–6.

⁴⁶¹ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 113.

⁴⁶² Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 36.

лопаны положительно усмирились, потому что, как только ввели здесь земского начальника (с 1 июля 1891 г.), так наш земский начальник, вследствие жалоб крестьян, стал сажать их под арест»⁴⁶³.

Административные функции земских начальников были весьма многообразны и охватывали собой решение практически всех насущных проблем крестьянского быта. Корреспондент И. Морозов из села Хотьково Карачаевского уезда Орловской губернии в марте 1898 г. сообщал: «Селения земский начальник посещает по мере необходимости, например, проверить подозрительный приговор, выявить общественные убытки, при спорах о земле, осмотреть хозяйства, нуждающиеся в продовольственной помощи. Земский начальник следит, чтобы общественные земли не пропивались. Виновные в селе подвергались штрафу в размере 50 к. со двора, а староста штрафовался на пять рублей»⁴⁶⁴.

Нередко земским начальникам приходилось решать вопросы, которые прямо не входили в круг их обязанностей. Например, они принимали активное участие в борьбе с голодом и холерой в 1891 – 1893 гг.⁴⁶⁵ В сводной записке «О положении крестьян Орловской губернии», один из ее авторов, житель с. Высокое Студенецкой волости Кромского уезда Тищенко, так охарактеризовал деятельность местного земского начальника: «Земский начальник в трудную годину голода ездил по селам и деревням, и сам лично составлял списки, нуждающихся в ссуде хлеба крестьян, проверял общественные списки, проходя по дворам, осматривал имущество. В холерный год тоже лично ходил по избам и учил, как беречь себя. Не замечалось, чтобы крестьяне боялись и избегали встречи с земским начальником, а напротив, крестьяне видели в нем своего начальника, руководителя, советника во всех делах, а потому все они обращались к нему без всякого страха»⁴⁶⁶. Помощник управляющего земским отделом МВД, действительный статский советник, К.Н. Стефанович в июне 1906 г. совершил инспекционную поездку по Орловской губернии. В своем отчете на имя министра он писал: «Земский начальник 3-го участка Дмитровского уезда статский советник В.А. Офросимов ... среди населения пользуется большим авторитетом, следит за всеми событиями современной политической жизни и здраво разъясняет народу все правовые распоряжения. В участке в течение 16 лет не было ни разу применено телесное наказание»⁴⁶⁷. Достаточно эффективная деятельность земских начальников подтверждалась и данными губернских ревизий. Так, в 1909 г. из Орловской губернии в земский отдел МВД докладывали: «Крестьянское дело в 5 участке Ливенского уезда ведется вполне успешно. Серьезное умственное развитие, солидные знания и служебный опыт были использованы в полной мере земским начальником для достижения такого положения в крестьянском деле»⁴⁶⁸. Исследователь О.Г. Вронский в своей диссертации, на основе широкого круга архивных источников, пришел к выводу о том, что большинство земских начальников исполняли свои обязанности не за страх, а за совесть искренне, стремясь облагодетельствовать селян их участка⁴⁶⁹. Мне остается только согласиться с выводами коллеги.

Отношение к земскому начальнику у крестьян формировалось на основе его действий и распоряжений, а также манеры его поведения. Земский начальник старался держать себя так, чтобы его боялись. Но так, как он в тоже время считал себя покровителем крестьян, то и допускал их до себя свободно. По приезду на сход земского начальника крестьяне встречали его, сняв шапки, вели себя тихо и смиренно, иногда просили советы⁴⁷⁰. Все приказания земского начальника исполнялись беспрекословно, так как мужики видели в нем лицо, уполномоченное Государем Императором. Идти против начальства и оказывать ему неуважение считалось в деревне не только преступлением, но и большим грехом. Правда, иногда были случаи, что до приезда земского по известному вопросу крестьяне приходили к одному решению, а при нем беспрекословно повиновались его воле. Описывая условия жизни крестьян деревни Саламакова Обоянского уезда Курской губернии, автор в декабре 1899 г. писал: «Приказание земского начальника имеют большое значение, но крестьяне не всегда подчиняются ему. Например, земский начальник настаивал на том, чтобы они отдали в аренду 14 десятин нови, находящейся около леса и только что освобожденной от пней. Большинство находило, что степь необходима им самим для косьбы, и долго не соглашались отдать ее в аренду, хотя деньги были нужны для уплаты строителям церкви. Крестьянам пришлось уступить, так как затягивалось освящение новой церкви, а старая – очень маленькая и тесная – готова была развалиться»⁴⁷¹. Как бы крестьяне не относились к земскому начальнику, именно он олицетворял в их глазах настоящую власть,

⁴⁶³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1161. Л. 14.

⁴⁶⁴ Там же. Д. 1102. Л. 6, 8.

⁴⁶⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 39. Д. 18. Л. 60б.

⁴⁶⁶ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 94, 95.

⁴⁶⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 122. Д. 61. Л. 43.

⁴⁶⁸ Там же. Оп. 31. 1909 г. Л. 148.

⁴⁶⁹ Вронский О. Г. Указ. соч. С. 46.

⁴⁷⁰ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 4. Л. 16.

⁴⁷¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 677. Л. 5.

только он своим появлением добивался посещения схода всеми домохозяевами, только он своим авторитетом пресекал пьянство на сходе – а поэтому воле его (доброй или злой) перечили редко.

Земский начальник выступал для крестьян и низшей судебной инстанцией. В ведении земских начальников находились гражданские дела по искам имущественного характера на сумму до 500 р., а также иски по договорам и обязательствам, о личных обидах и бесчестии, о восстановлении нарушенного владения. В сфере уголовного производства земским начальникам были подсудны проступки, предусмотренные в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Значительный контингент земских начальников состоял из бывших мировых судей, достаточно знакомых с законом и судебной практикой. Дела, подлежащие ведению земского начальника по большей части были просты, и для их правильного разрешения было не столько важны специальные юридические познания, сколько здравый смысл и близкое знакомство с житейской обстановкой окружающей среды. Правительственный чиновник МВД, по результатам анализа судебной деятельности земским начальников за 1894 г., докладывал своему начальству: «Все гражданские дела, рассмотренные 22 земскими начальниками, возникли на сельскохозяйственной и бытовой почве, с той только разницей, что в одних эта связь с деревенской жизнью очевидна, а в других она более или менее скрыта, ибо все земельные и прочие хозяйственные отношения легко переводятся на деньги»⁴⁷². В судебной деятельности земских начальников преобладали административные дела. Из донесения орловского губернатора земскому отделу МВД от 18 декабря 1894 г. следовало, что за 1893 г. земскими начальниками было рассмотрено административных дел – 8161, уголовных – 6135⁴⁷³. Среди уголовных дел, решаемых земскими начальниками, преобладали имущественные преступления. Не представляется основательным утверждение о том, что земские начальники были перегружены судебными делами. В донесении тамбовского губернатора министру внутренних дел от 13 ноября 1894 г. указывалось, что в среднем, на одного земского начальника, приходится до 100 судебных дел в год⁴⁷⁴.

В 1894 – 1895 гг. чиновник земского отдела МВД А.В. Кривошеев провел ревизию ряда центральных губерний с целью выяснения свойства и количества судебных дел, разрешенных земскими начальниками. В своем пространном отчете на имя министра внутренних дел он приходит к выводу о том, что «соединение судебных и административных функций в лице земского начальника очень удачно. Это позволяет быстро и верно реагировать на преступления – типа лесных порубок, беспатентной торговле вином, нарушения строительного устава»⁴⁷⁵. Иного мнения придерживался один из авторов сборника «Нужды деревни» (1904 г.). «Обилие лежащих на них (т.е. земских начальниках) административных обязанностей, плохая их юридическая подготовка, невольно приобретенная привычка к административным приемам, взгляд на тяжущихся как на своих подчиненных – делают из земского начальника плохого судью. Как бы не смотреть на институт земских начальников с точки зрения административной, как орган судебный он уронил доверие населения к суду и закону»⁴⁷⁶.

Решительность, с которой нередко земский начальник пресекал всяческие правонарушения, внушала крестьянам чувство страха и уважения. А Коротков, житель Знаменской волости Орловской губернии, сообщал: «Крестьяне данной местности очень боятся своего земского начальника и опасаются попасть к нему на суд. Он часто строго пробирает их за их проступки и, как говорят, «пощадит и потачки» виновному давать не любит. В виду строгости земского, крестьяне стараются избегать встречи с ним. Они говорят: «Нашего, земского не проведешь, и не упросишь, ен твою усю поднаготную узнает, только глянет на тебя»⁴⁷⁷.

Деятельность земских начальников не была лишена изъянов. Документы свидетельствуют о фактах злоупотребления властью некоторых земских начальников, которые были вскрыты в результате рассмотрения крестьянских жалоб. В этом отношении интересно прошение на имя министра внутренних дел от 29 апреля 1897 г. крестьянина с. Коптева Болховского уезда Орловской губернии Алексея Самсонова. «Мою жалобу на имя губернатора вернули земскому начальнику 3-го участка Н.И. Подымову. В апреле сего года он вызвал старосту, сотского и меня и еще пять крестьян и ругал меня, издевался надо мной. Он говорил, что, подав прошение, я забыл, что губернатор дворянин и он дворянин. Стали обсуждать, как меня наказать, староста предложил выпороть при всех, сотский тут же начал бить меня. Сошлись на том, что надо собрать сход и вынести приговор, чтоб выселить меня в дальнюю Азию. Но

⁴⁷² РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 115. Л. 22.

⁴⁷³ Там же. Ф. 1291. Оп. 39. Д. 18. Л. 1 – 3.

⁴⁷⁴ Там же. Д. 17. Л. 1об.

⁴⁷⁵ Там же. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 115. Л. 10 – 15.

⁴⁷⁶ Нужды деревни. Т. 1. М., 1904. С. 68 – 69.

⁴⁷⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1014. РЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 992. Л. 1.

сход моей вины не нашел и приговор об удалении из общества не вынес. Земский хочет заставить сход написать приговор, поэтому я прошу защитить меня»⁴⁷⁸.

Нарушение должностных инструкций, превышение властных полномочий вскрывались и в ходе губернских ревизий. В результате проверки крестьянских учреждений Воронежской губернии в 1909 г. выяснилось, что большинство дел рассматривались земским начальником без вызова сторон в нарушение 23 параграфа Наказа земским начальникам. Ревизией 1-го земского участка Орловского уезда обнаружено полное незнакомство земского начальника Т.Д. Матвеева с крестьянскими законоположениями вообще⁴⁷⁹.

Нарушение закона, а порой и произвол со стороны местного начальства, являлся не столько следствием деятельности отдельных земских «держиморд», сколько низким уровнем правой культуры русской деревни. В «Очерках крестьянской общественной жизни» Н.П. Дружинин признавал, что «население совершенно не развито юридически – весьма мало осведомлено по части действующих законов, своих прав и обязанностей. Представитель власти все еще является «барином», который приезжает и судит так, как «угодно его милости»⁴⁸⁰.

Явное неуважение к должностным лицам крестьяне выказывали очень редко. Оскорблять в глаза высшее начальство: земского, исправника, станового, исправника, старшину считалось невозможным. Старосту, сотского и иногда урядника крестьяне могли изругать матерными словами при исполнении ими служебных обязанностей. Если рассматривать престиж власти, как выражение меры согласия крестьян на подчинение, то представители земско-уездного уровня не встречали открытого неповиновения со стороны крестьян своим распоряжениям. Все приказания земского начальника, полицейского управления и других учреждений исполнялись беспрекословно, так как мужики видели в начальниках лицо, уполномоченное Государем Императором. И идти против начальства и оказывать ему неуважение считалось в деревне не только преступлением, но и большим грехом.⁴⁸¹ Крестьяне оправдывали существование высшей власти: «нельзя тоже без начальства», «не от нас оно, и в Писании вон есть, что властям повинуются».

ЦАРЬ-БАТЮШКА

Русский мужик по своим воззрениям являлся монархистом. Главную роль в этом играла православная вера. К. Леонтьев не без основания утверждал, что сила российского самодержавия в том, что православие всегда считало монархию наилучшей формой правления способной обеспечить осуществление Божьей воли на земле. Присущий крестьянству патернализм находил свое выражение в сыновней преданности своему государю, и ожидания от него покровительства, и отческой заботы. «Православный царь», «праведный государь» в народном представлении всегда отделялся от его «лукового» окружения. Верно, суть такого взгляда передал автор записки, обнаруженной в фонде Н.П. Игнатьева. «Царь в глазах народа никогда не может быть деспотом, а поэтому деспотическое управление над собой народ относит к своеволию окружающих его чиновников и к измышлениям высших бюрократических распорядителей и невольное чувство глубокого недовольства зарождается в нем против агентов власти»⁴⁸².

Вступление страны в этап модернизации, обострения аграрного вопроса, ломка привычного уклада – все это посеяло в душе мужика смятение. По мере аграрного перенаселения требования деревни о новой земельной прирезке звучали все громче и настойчивее. Крестьянство ждало вождельной земли, и свои надежды оно связывало только с царем. Отчаянная попытка народников подвигнуть крестьян на решения земельного вопроса собственными силами оказалась безуспешной. П.Б. Аксельрод в своих мемуарах, анализируя неудачу «хождения в народ» признавал, что царь являлся в сознании народа «какой-то священной личностью божественного происхождения, на которой крестьяне концентрируют все свои надежды и упования»⁴⁸³. «Царь-Батюшка» был в народном сознании носителем и верховной инстанцией эмпирически – общественного осуществления религиозной правды, единственным звеном, соединяющим религиозную веру с историческим строительством⁴⁸⁴.

Убийство «Царя-освободителя» стало сильнейшим потрясением для всего русского крестьянства. Волна истового негодования на тех, кто посмел поднять руку на «Помазанника Божьего», сопровожда-

⁴⁷⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 39. Д. 17. Л. 6, 7об.

⁴⁷⁹ Там же. Оп. 31. Д. 123. Л. 4, 81.

⁴⁸⁰ Дружинин Н.П. Очерки крестьянской общественной жизни. СПб., 1905. С. 6.

⁴⁸¹ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 101.

⁴⁸² Там же. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1495.

⁴⁸³ Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. Кн. 1. Берлин, 1923.

⁴⁸⁴ Кожевников В.П. Менталитет российской цивилизации: история и методология исследования. М., 1998. С. 67.

лась искренней демонстрацией верноподданнических чувств сельских жителей. Свидетельством тому содержание следующего мирского приговора: «1881 года марта 18 дня, собрались мы, нижеподписавшиеся крестьяне Моршанского уезда, Островской волости, Хлыстовского сельского общества постановили: первого марта в день мученической кончины нашего благодетеля Царя-освободителя Александра Николаевича, до конца жизни поститься, как в рождественский сочельник, ничего не есть до первой звезды, что каждому из нас на смертном одре завещать детям нашим, чтобы из рода в род чтить память Царя Великомученика»⁴⁸⁵.

Для выяснения отношения крестьян к царю и тех изменений, которые происходили в этом вопросе, были проанализированы материалы департамента полиции МВД начала 1880-х гг. и 1905 – 1907 гг. Общим в делах об оскорблениях этих периодов являлось то, что крамольные речи звучали чаще всего в трактире, а произносившие их были пьяны. Так, 6 августа 1881 г. крестьянин села Старая Березова Дмитрий Белов, по сообщению исправника Шацкого уезда, будучи в трактире, обращаясь к присутствующим, сказал: «Яко новый царь г... собачье!»⁴⁸⁶. Крестьянин села Петелина Хохловской волости Елатомского уезда Андрей Бузин, находясь в таком же месте, и в аналогичном состоянии произнес следующее: «С 1882 г. податей платить никто не должен и что для измерения земли будут посланы землемеры. При этом добавил, что не следовало бы Государю принимать корону»⁴⁸⁷. Источником информации о таких речах крестьян, как правило, являлись их же односельчане, что дает основание предполагать, что такие высказывания не находили поддержки и одобрения в деревенской среде.

Идея представительной власти была чужда русскому крестьянству. «В дарованных народу, в последнее время, самоуправлением право представления о своих пользах и нуждах высшему правительству, для народа непостижимо, ибо он знает только одну власть Царя. А идея правительства, в западном смысле, как отсюда заимствованная, несовместима с народным понятием», – писал уже упомянутый неизвестный корреспондент⁴⁸⁸. В вопросе о государственном устройстве крестьяне выступали за сохранение самодержавия. «Государственную Думу признаем только как совещательное учреждение», – говорилось в приговоре домовладельцев села Хрущевки Сырской волости Липецкого уезда⁴⁸⁹. В созданной Государственной думе мужики видели лишь канал, могущий донести до царя их беды и чаяния, некий ретранслятор способный передать отчаяние их положения и надежду на монаршую милость. Такие настроения нашли свое отражение в крестьянских наказах периода 1905 – 1907 гг. В селе Средняя Дорожная Старооскольского уезда Курской губернии общинники на сельском сходе приняли приговор, в котором были следующие слова: «Вся надежда теперь на Царя-Батюшки Душу. Неужели он, наш Царь-Отец, не услышит нас через наших представителей, неужели не даст нам обещанных земли и воли»⁴⁹⁰. Исследователь А.И. Буганова, который пишет: «Анализ паремиологических материалов, судебно-следственной документации и других источников показывает, что большинство россиян на рубеже веков воспринимали носителя власти позитивно, а государственное устройство мыслилось однозначно в форме монархии, причем абсолютной («Нельзя земле без царя стоять»)⁴⁹¹.

В начале XX в. крестьянство пришло в движение. Волнения доведенных голодом до отчаяния крестьян охватили в 1902 г. Полтавскую и Харьковскую губернии. С.М. Степняк-Кравчинский в своих мемуарах утверждал: «Традиционный монархизм русских крестьян, сильно ослабевший за последние 20 лет, представляется нам, тем не менее, существенным элементом в нравственной жизни наших крестьян. Однако было бы совершенно неверным считать его предохранительным средством против народных волнений, бунтов и даже революции»⁴⁹². Вслед за югом России аграрные беспорядки начались и в Центральном Черноземье. Главным требованием восставших крестьян было увеличение крестьянских наделов за счет помещичьих земель. Власть ответила жесточайшими репрессиями. Произвол казачьих отрядов в полтавских станицах не мог пройти бесследно. Предвосхищая эти последствия, Демчинский в своей записке Николаю II от 5 января 1903 г. писал: «С точки зрения логики совершенно непонятно ослепление, безусловно, умных и некогда талантливых людей, которые, однако, в XX столетии предпринимают массовую порку розгами. Неужели они не понимают, что на теле полтавского мужика рубцы заживут скоро, но что свист розги, как звук набатного колокола разнесся по всей России и оскорбил самые святые чувства ...»⁴⁹³.

⁴⁸⁵ ОР РГБ. Ф. 230. Карг. 4390. Ед. хр. 47. Л. 1.

⁴⁸⁶ ГАТО. Ф.4. Оп. 1. Д. 3099. Л. 1.

⁴⁸⁷ Там же. Д. 3091. Л. 1об.

⁴⁸⁸ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1495.

⁴⁸⁹ Тамбовские епархиальные ведомости. 1906. № 1. С. 38.

⁴⁹⁰ Сенчакова Л.Т. Указ. соч. Ч. 2. С. 210.

⁴⁹¹ Буганов А.В. Отношение к русским царям в народном сознании XIX – начала XX веков // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2002. С. 259.

⁴⁹² Степняк-Кравчинский С.М. В лондонской эмиграции М., 1968. С. 19.

⁴⁹³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 859. Л. 13об.

В период 1905 – 1907 гг. число дел, связанных с сопротивлением властям, значительно возросло, что являлось следствием ожесточенности и накала аграрного движения. Имя Государя звучало в контексте широко циркулирующих в деревне слухов о близком земельном переделе. В Стakanовской волости Курской губернии осенью 1905 г. ходили настойчивые разговоры, которые по содержанию отвечали затаенной мысли каждого хлебопашца: «Всю землю от господ сам царь приказал отобрать мужикам»⁴⁹⁴. В августе 1906 г. в имении Нарышкина крестьянин д. Образцовой Орловской Егора Макарова утверждал, что ему, как солдату, вернувшемуся с Дальнего Востока известна воля, данная царем, которая заключается в передаче барской земли крестьянам⁴⁹⁵. Г.В. Лобачева в монографии пишет: «Образ царя-благодетеля и заступника – глубоко внедрился в массовое сознание: «вполне уверен народ в том, что царский указ был, а вот губернатор их обманул». В представлении народа все, что во благо исходило от царя, все, что приносило зло и страдания, приписывалось слугам царя»⁴⁹⁶.

Нарастающий аграрный голод, волнения в деревне и невнятная политика властей привели к тому, что образ Николая II в глазах крестьян стал противоречить их представлению об идеальном монархе, способном привести порядки на земле в соответствие с Божественной правдой. В деревне увеличилось количество дел по обвинению крестьян в оскорбительных высказываниях в адрес Государя Императора. Вот выдержки из донесений в департамент полиции МВД, поступившие из Орловской губернии в 1906 г.: «15 августа в деревне Дорожевой Брянского уезда, в торговой лавке, крестьянин Федор Ильин Жабин, произносил бранные слова по адресу императора»; «21 сентября крестьяне Мценского уезда Евтихий Толкачев и крестьянин Болховского уезда Яков Федяков позволили оскорбить словами Его Императорское Величество Государя Императора»; «10 октября в деревне Ивановской Богородицкой волости Мценского уезда при взыскании недоимок старостой села, крестьянин Лукьян Анохин позволил себе выругать скверными словами императора»⁴⁹⁷.

В начале Первой мировой войны в 1914 г. имел место небывалый и, вероятно, последний искренний всплеск монархических настроений. Надежды крестьян на грядущее решение вопроса вновь породили волну слухов. В декабре 1914 г. тамбовский исправник сообщал, что общинники в разговорах выражали надежду, что после войны Император наделит крестьян помещичьей землей, а помещики получат в качестве компенсации владения в Сибири и на завоеванных землях⁴⁹⁸. Этим надеждам не суждено было сбыться. Но об их распространенности в сельской среде говорит тот факт, что они сохранились в крестьянской памяти. А.Л. Окнинский, проживший два года в тамбовской деревне в бурные годы гражданской войны, утверждал, что у крестьян Тамбовской губернии стойко сохранялась вера в добрую волю императора Николая II⁴⁹⁹.

Военные неудачи войны, нарастание революционной смуты и откровенная слабость верховной власти девальвировали в крестьянском сознании образ царя. Захват крестьянами «государевой» земли в ходе «черного передела» был причиной страха жителей села не столько перед реставрацией монархии, сколько перед возвращением бывших помещиков.

ФОРМЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРОТЕСТА

Обыденные формы крестьянского сопротивления, по меткому определению Дж. Скотта, – «оружие слабых», выступали действенным средством крестьянского протеста. Эти повседневные, скрытые от постороннего взгляда формы борьбы сельского мира включали в себя: воровство, браконьерство, саботаж, вредительство, поджоги и т.п.⁵⁰⁰ Они носили преимущественно индивидуальный характер и осуществлялись на фоне молчаливого одобрения односельчан. Все многообразие повседневного протеста села было направленно против главного врага крестьян – помещика. Аграрное перенаселение и, как следствие измельчание земельного надела, активизировали борьбу крестьян за воделенные помещичьи

⁴⁹⁴ Деревня в 1905 году / Сост. Г. Рыклин. М., 1930. С. 28.

⁴⁹⁵ ГАРФ. Ф. 102. (ДП ОО). Оп. 1906. Д. 700. Ч. 7. Л. 294.

⁴⁹⁶ Лобачева Г.В. Самодержавец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX вв.) Саратов, 1999. С. 165.

⁴⁹⁷ ГАРФ. Ф. 102. (ДП ОО). Оп. 1906. Д. 700. Ч. 7. Л. 245; Д. 9. Ч. 36. Л. 7 об, 12.

⁴⁹⁸ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1772. ЛЛ. 114 об, 115.

⁴⁹⁹ Окнинский А.Л. Два года среди крестьян: виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 до ноября 1919 года. М., 1998. С. 22.

⁵⁰⁰ См.: Скотт Дж. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. М., 1992. С. 285.

угодья. По мере роста социальной напряженности в деревне, менялись и формы крестьянского протеста, которые приобрели открытый и массовый характер.

Крестьянская революция, начало которой положили аграрные беспорядки 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях, явилась следствием бедственного положения российской деревни. Аграрное перенаселение, особо остро ошутимое в губерниях Центрального Черноземья, делало требование ликвидации помещичьего землевладения актуальным. В борьбе за землю, с целью вытеснения ненавистного помещика, крестьянство использовало весь арсенал традиционных средств. Стихийный характер крестьянского движения начала XX в. отнюдь не противоречил утверждению о ведущей роли сельской общины в аграрных выступлениях. В условиях социальной войны «мир» заявил о себе как о силе, способной мобилизовать крестьянские массы на упорную борьбу с помещиками и властью. И эту мощь ощутило как крестьянство, так и власть. Несмотря на титанические усилия правительства П.А. Столыпина уничтожить общину посредством аграрной реформой, та не только выстояла под административным нажимом, но и в 1917 г. совершила «черный передел» и ликвидировала частную земельную собственность.

Традиционной формой борьбы с помещиком в регионе являлась порубка барского леса. Для селян понятие частной собственности на лесные угодья не существовало. В обычно-правовом восприятии крестьян леса ничьи, «Божьи», так как к их посадке не был приложен труд. Самый добропорядочный крестьянин не считал грехом нарубить воз дров в господском лесу. Всякие попытки властей прекратить не санкционированную вырубку леса встречали яростное сопротивление со стороны местного населения. Так, крестьяне Хмелевской волости Воронежской губернии летом 1903 г. в количестве 80 человек противодействовали переписи порубщиков и осмотру порубленного леса⁵⁰¹. По мере роста крестьянского движения порубки барских лесов стали массовыми. В 1905 г. из Орловской губернии в департамент полиции МВД сообщали: «26 августа была обнаружена самовольная порубка в Чернавском имении Великого князя Михаила Александровича, произведенная крестьянами д. Власовки Круглинской волости Дмитровского уезда (20 человек) вместе с сельским старостой. Порубка производилась в течение полу-месяца группами по 5 – 10 человек»⁵⁰². «В августе 1905 г., – как следовало из донесения воронежского губернатора, – крестьянами Бирючанского уезда Воронежской губернии производились самовольные порубки в лесу землевладельца Шидловского. Беспорядки прекратились с прибытием военного отряда»⁵⁰³. Попытки владельцев защитить свою собственность от посягательства со стороны местных крестьян нередко приводили к вооруженным столкновениям. На основе изученных документов можно сделать вывод о том, что коллективные порубки были заранее спланированы и организованы, носили характер протеста, демонстрации силы крестьянской общины. Примером тому могут служить события в экономии графа Воронцова-Дашкова Павловского уезда Воронежской губернии. В донесении министру юстиции от 31 января 1906 г. говорилось, что «в ночь на 25 ноября 1905 г. в экономическом лесу графа Воронцова – Дашкова крестьянами хуторов Пирогова и Сторожева осуществлена крупная порубка леса. ... Толпа крестьян человек 60 прогнала лесного стражника и полицию, сожгла два кордона и разграбила имущество. В течение последующих двух суток 26 и 27 ноября крестьяне 60 – 100 человек днем и ночью рубили экономический лес. Всего вырублено до 700 деревьев. 27 ноября в 10 часов вечера к хутору Оселедкова двинулась толпа в 200 человек на 120 подводах. Они разгромили экономию, вскрыли амбары, вывезли хлеб, сожгли постройки. ... В результате применения казаками оружия один крестьянин убит, другой тяжело ранен. 200 крестьян, в том числе 20 зачинщиков, привлечены в качестве обвиняемых по 269 – 1009 ст. Уложения о наказаниях»⁵⁰⁴. Как причину произошедших аграрных беспорядков автор донесения называл малоземелье крестьян и недород 1905 г. К такому же выводу пришел и С. Прокопович, который в своем исследовании аграрного движения писал в 1905 г.: «Самоуправными действиями холодных и голодных людей руководила одна мысль. Одна цель, – достать дрова, чтобы обогреться, достать хлеба, чтобы поесть, достать сена – чтобы накормить скотину»⁵⁰⁵.

⁵⁰¹ ГАВО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 94. Л. 37.

⁵⁰² ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Оп. 1906. Д. 700. Ч. 7(3). Л. 240.

⁵⁰³ Там же. Д. 700 Ч. 46. Л. 26.

⁵⁰⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6384. Л. 2 – 4.

⁵⁰⁵ Прокопович С. Аграрный вопрос и аграрное движение. Ростов н/Д, 1905. С. 12.

Мне кажется, что исследователи советского периода недооценивали фактор голода в аграрном движении 1905 – 1906 гг. Уже во второй половине лета 1905 г. определился недород озимых и яровых хлебов в Воронежской, Тамбовской и Орловской губерниях. Все эти губернии в конце года были признаны в числе девяти, наиболее пострадавших от неурожая. В 1906 г. неурожай охватил 14 губерний России, а Воронежская, Тамбовская и Орловская губернии были отнесены к местностям, находящимся в критическом положении. Для примера, в Тамбовской губернии в 1906 г. было собрано менее половины среднегодового урожая⁵⁰⁶.

Угроза голодной смерти толкала крестьян на самые решительные действия. «Есть нечего, сеять нечего. Мы не грабили, а днем свозили то, что нам нужно» – приводилось высказывание крестьян в донесении тамбовского губернатора фон дер Лауница как причина побудившая их к противоправным действиям⁵⁰⁷. Не вызывает сомнения стихийный характер крестьянского движения, в том смысле, что оно не являлось результатом действия революционной пропаганды, а было следствием бедственного положения сельского населения. «Аграрное движение началось в тех местах, где крестьянам в буквальном смысле «житья не было», – утверждал в своем исследовании П. Маслов. – В этих районах не было никакой крестьянской организации, никакой агитации и пропаганды, и движение вылилось в стихийные формы»⁵⁰⁸. Главной проблемой для сельских жителей оставалась нехватка пашенных земель, и решение вопроса русский мужик видел в ликвидации помещичьего землевладения. Из донесения орловского губернатора следовало, что «ожидание получить землю соседних помещиков среди крестьян было поголовное и давнее»⁵⁰⁹. В рапорте министру юстиции от 9 марта 1905 г. сообщалось: «28 февраля 1905 г. разграблена и сожжена экономия великого князя Сергея Александровича в селах Долбенкине и Лобанова Дмитровского уезда Орловской губернии. Экономическое положение крестьян с. Лобанова плохое. Надел чуть более 2 дес. на душу. Хлеба до новин не хватает даже в урожайные годы, а некоторым его не хватает до Рождества. Общинные земли стеснены и окружены владениями великого князя. Остро стоят проблемы выгона и прогонов скота. Крестьянам было запрещено не только прогонять по экономической земле скот, но и проходить и проезжать не по назначенным для этого дорогам, ловить рыбу в озере, купаться, собирать грибы и ягоды в лесу»⁵¹⁰.

В ходе острого противостояния с помещиком крестьяне активно прибегали к таким традиционным приемам, как поправа лугов и посевов, самовольная запашка барских земель. И в этих формах борьбы четко прослеживалась роль сельской общины. Так, в Воронежском уезде весной 1906 г. начались самовольные запашки и выпасы церковных и помещичьих земель и лугов. «Крестьяне поселка Каширского Московской волости Воронежского уезда на основании единогласного решения сельского схода 25 мая числом в 400 человек распахали 25 десятин церковной земли. 27 мая в имении Панышина при д. Петропавловки Рождественской волости 60 крестьян выпустили лошадей и потравили 10 десятин луга. На увещевания полиции крестьяне заявляли: «Пусть лучше нас убьют или пристрелят, чем умирать с голоду или дать подохнуть лошадям – нашим кормильцам». Автор донесения в департамент полиции делал вывод о том, что такое настроение крестьян являлось результатом недорода прошлого года и голода, который охватил более половины сельских местностей губернии»⁵¹¹. «Потравы производились обыкновенно ночью», – сообщал острогожский исправник в рапорте воронежскому губернатору, – «Крестьяне являлись толпами, вооруженные дубинками и косами, с угрозами гнали прочь объездчиков и сторожей, и не только пасли свой скот на владельческих лугах, но даже косили и увозили к себе траву. Все эти действия они совершали скопом, как они говорили миром, и с ложным убеждением, что все творимое должно остаться безнаказанным»⁵¹². Последнее утверждение очень важно в выяснении мотивов крестьянского протеста. Прибегая к тем или иным формам протеста, крестьяне стремились санкционировать свои действия мирским приговором. Некий жандармский офицер из Пензенской губернии заметил, что «весьма замечательное значение приобретает у крестьян слово «мир». Они ссылаются на него как на

⁵⁰⁶ Ермолов А.С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. Т. 1. СПб., 1909. С. 273, 276, 316.

⁵⁰⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1905. Д. 2550. Ч. 34. Л. 70.

⁵⁰⁸ Маслов П. Крестьянское движение в России в эпоху первой русской революции (аграрный вопрос в России) Т. II. Кн. 2. М., 1924. С. 15.

⁵⁰⁹ ГАРФ. Ф. 106. Оп. 1906. Д. 700. Ч. 7. Л. 90.

⁵¹⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6811. Л. 9, 14.

⁵¹¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906 (II). Д. 700 Ч. 46. Л. 82.

⁵¹² Крестьянское движение в Воронежской губернии (1864 – 1904 гг.). Сб. док. Воронеж, 1964. С. 46, 48.

законную опору в противозаконных своих действиях». В народе живо непоколебимое убеждение, что «как скажут крестьяне, так царь и решит»⁵¹³.

Приговор сельского схода, который предвещал ту или иную форму крестьянского протеста, придавал противоправным действиям в глазах жителей села некую легитимность. Община, служившая средством подчинения села коронной властью, неожиданно стала выступать как организация крестьян в борьбе с помещичьим землевладением, способная не только конфисковать барские земли, но и распределить их, включив в производственный процесс. О ведущей роли сельской общины в аграрном движении свидетельствуют следующие примеры крестьянских выступлений в регионе летом 1906 г.: «Дмитровский уезд Орловской губернии 5 июня крестьяне во главе со старостой с. Упороя составили приговор косить экономические луга графа Гейдена исполу без всяких отработок. Когда управляющий имением Писаревич отказался выполнить требования крестьян, те стали снимать с луга рабочих, последние не хотели уходить, но, боясь быть оштрафованными на 25 р. по приговору схода, были вынуждены покинуть поле. В ходе дознания выяснено, что главным зачинщиком являлся староста»; «Крестьяне д. Хитровой Стегаловской волости Елецкого уезда скосили 23 десятины посевной травы, на что предварительно был составлен общественный приговор. Местный сельский староста сам принимал участие в косьбе травы»⁵¹⁴. Аналогичным образом ситуация развивалась и в соседних губерниях: «27 июля 1905 г. крестьянами села Прудки Коротоякского уезда Воронежской губернии составлен приговор о насильственном захвате частновладельческих земель и произведены потравы скотом и поломка сада в соседнем имении»; «22 июня 1906 г. общество крестьян с. Ковылки Кирсановского уезда Тамбовской губернии составило приговор о том, что никто из них не имел права наниматься на работу к помещику за плату ниже установленной общественным приговором. Управляющий имением кн. Баратынского нанял на работу крестьян другого села. Крестьяне с. Ковылки, собравшись
числом
500 человек, отправились в поле и согнали всех работавших»⁵¹⁵.

С мая по октябрь 1905 г. в регионе широкое распространение получило приговорное движение. Исследователь аграрного движения начала XX в. Б. Веселовский в своей работе отмечал, что в Воронежской и Тамбовской губерниях мирские приговоры на политические темы составлялись сельскими обществами в единичных случаях⁵¹⁶. С осени 1905 г. в деревне появилась легальная возможность донести до власти свои нужды и требования. Составление наказов депутатам, избираемым в Государственную Думу, потребовало от крестьян, прежде всего, осмыслить свое положение в обществе и сформулировать свои требования к власти. Крестьяне Ново-Щигровского общества Курской губернии в своем наказе записали: «...земли у нас приходится меньше, чем полдесятины на душу ... многие из нас уже не имеют у себя куска насущного хлеба». Жители ряда деревень Судженского уезда той же губернии сформулировали наказ своим избранникам кратко и четко: «Ведь земля это тот же воздух, земля должна принадлежать всем, кто желает и умеет ее обрабатывать. Требуйте перехода всей земли в руки крестьян»⁵¹⁷.

Пик аграрного движения пришелся на осень – зиму 1905 г., когда волнениями были охвачены все крупнейшие сельскохозяйственные регионы. Если с января по август 1905 г. в губерниях Центрального Черноземья произошло 243 выступления, то за период с сентября по декабрь – 725⁵¹⁸. Всего в 1905 – 1907 гг. в Европейской России было отмечено 21 513 крестьянских выступлений. При этом наиболее распространенной формой являлся разгром дворянских усадеб, удельный вес которого составил 33,8 %. На втором месте находились забастовки сельскохозяйственных рабочих и крестьян, составлявшие 22,1 % акций. Самовольная порубка частных лесов – 10 – 15 % случаев⁵¹⁹. Как видим, наиболее массовой формой крестьянского протеста в период наивысшего накала социальной войны в российской деревне были погромы барских имений.

⁵¹³ Цит. по: Крестьянское движение в революции 1905 года. В документах / Под. ред. Н. Карпова. Л., 1926. С. 11, 115.

⁵¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906 (II) Ч. 7. Д. 700. Л. 96, 97об.

⁵¹⁵ Там же. Оп. 255. Д. 40. Л. 149; Оп. 1906 (II). Д. 700. Ч. 56. (1). Л. 197.

⁵¹⁶ Веселовский Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902 – 1906 гг.) СПб., 1907. Л. 64.

⁵¹⁷ Сенчакова Л.Т. Указ. соч. Ч. 1. С. 122, 123.

⁵¹⁸ Степанин В.А. Крестьянство Черноземного Центра в революции 1905 – 1907 гг. Воронеж, 1991. С. 34, 69.

⁵¹⁹ Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство в период трех революций. М., 1987. С. 71, 88, 89.

Разгромы усадеб сопровождались сожжением построек и уничтожением хозяйского имущества. Так, в июне 1905 г. крестьяне Борисоглебского уезда Тамбовской губернии разгромили хутора Елизаветинский князей Волконских, Хозяйский и Мягкий помещиков Аносовых, подожгли имения Чернышова, Колобова и Хренникова.⁵²⁰ Вот характерные для осени 1905 г. сообщения: «Свыше ста усадеб ... разгромлено и сожжено; уничтожен весь инвентарь и скот» (Курская губерния), «Горизонт в многочисленных заревах ...» (Тамбовская губерния). Следует признать, что разгром и поджог барских имений не был для крестьян самоцелью, а скорее средством вытеснения ненавистного помещика. Крестьяне, по их собственным словам, сжигали жилые и хозяйственные строения для того, чтобы выдворить помещика из деревни хотя бы на два–три года, чтобы не допустить размещения там отряда карателей.⁵²¹

Даже погромам имений крестьяне пытались придать видимость «законных» действий. И ведущая роль сельской общины в этом процессе очевидна. Нередко во главе крестьянского протеста стояли должностные лица сельского самоуправления, чаще сельские старосты, реже волостные старшины. Причиной активного участия старост в аграрных беспорядках был страх перед однообщественниками, намного превосходящий страх перед начальством, перед государственной властью⁵²². Участники погрома воспринимали происходящее отнюдь не как беззаконие и самоуправство, а как торжество справедливости. М. Шаховской под впечатлением произошедших событий писал: «Крестьяне являлись в имение во главе со старостой, который с бляхой на груди следил за правильностью распределения хлеба. На первых порах крестьяне брали в имении только зерновые, пищевые и кормовые продукты, а, кроме того, не разрешали друг другу брать ничего, говоря: «Не по закону, нельзя».⁵²³ Крестьяне, прежде чем вывозить зерно, тщательно высчитывали, что нужно для трудового существования самому помещику, выделяли ему соответствующее количество хлеба, сена, скота и только после этого все забирали.⁵²⁴ Отличительной чертой погромного движения было отсутствие физического насилия. «Крестьяне заранее предупреждали владельцев, вскрывали амбары и увозили хлеб. В дом не заходили, денег не брали, насилия не чинили»⁵²⁵. В Воронежской и Тамбовской губерниях местные власти отмечали «полное отсутствие случаев насилия над личностью как самих землевладельцев, так и экономических служащих»⁵²⁶.

Для крестьянского движения в регионе было характерно сочетание всего многообразия форм крестьянского протеста. В справке от 28 ноября 1906 г., составленной в особом отделе департамента полиции говорилось: «В Тамбовской губернии аграрное движение выразилось в довольно резкой форме. Летом сего года на многих экономиях происходили забастовки и насильственное удаление с работы сельских рабочих. Крестьянские сообщества составляли приговоры, устанавливающие цену на рабочие руки и арендную плату за помещичью землю, а в нескольких случаях имели место поджоги и разграбление владельческих усадеб. За последние три месяца крестьянские беспорядки продолжали проявляться в Балашовском, Кирсановском, и особенно в Козловском уездах, и выразилось в порубке владельческого леса, угоне скота с монастырского хутора и сожжения двух усадеб 24 октября Ляпунова и Романова, причем во время пожаров был разграблен хлеб и угнан экономический скот».⁵²⁷ Другой особенностью аграрных беспорядков в регионе было то, что они носили поистине массовый характер. В погромах принимали участие все жители села, включая женщин и детей. Община пристально следила за тем, чтобы никто не остался в стороне, добиваясь поголовного участия односельчан.

Власть ответила на аграрные беспорядки репрессиями. В ряде мест пролилась кровь. Тысячи крестьян были привлечены к ответственности. Для многих рядовых участников сельских бунтов такой поворот событий был полной неожиданностью. В судебной хронике «Русского слова» приводился подробный отчет о суде над участниками аграрных беспорядков 19 февраля 1905 г. На вопрос прокурора: «Чем вы в таком случае объясните, что крестьяне, не имея вражды к экономии барона Мейндорфа, по-

⁵²⁰ Крестьянское движение 1905 – 1907 гг. в Тамбовской губернии: Сб. док. Тамбов, 1957. С. 34.

⁵²¹ Цит. по: Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902 – 1922 гг. // Крестьяне и власть. Материалы конф. М.-Тамбов, 1996. С. 11.

⁵²² Вронский О.Г. Указ. соч. С. 252.

⁵²³ Шаховской М. Указ. соч. С. 56.

⁵²⁴ Кретов Ф. Крестьянство в революции 1905 г. М.-Л., 1925. С. 46.

⁵²⁵ Веселовский Б. Указ. соч. С. 32.

⁵²⁶ Цит. по: Данилов В.П. Указ. соч. С. 12.

⁵²⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906 (II). Д. 700. Ч. 56. (2) Л. 323.

шли ее грабить?»). Свидетель показал, что кругом уже происходили грабежи, или, как он выразился: «Это безобразие, а безобразие всегда увлекает. Наши и соблазнились. И как это у них вышло – сами теперь не знают»⁵²⁸. Участники аграрных беспорядков вольно или невольно пытались растворить свою ответственность в действии сельского мира. По этому поводу исследователь М.А. Рахматуллин верно заметил, что «бунт всегда представлял собой мирское действие. Бунтовал «мир» в полном составе, и главным объяснительным мотивом крестьян было: куда «мир», туда и я, мне от «мира» нельзя»⁵²⁹.

В свое оправдание крестьяне указывали на действие неких злонамеренных людей, объясняя свои деяния массовым помешательством. И самое главное мне представляется, что они были искренни в этом и не лукавили. Приведу следующий пример, уже упомянутых беспорядков в имении Воронцовой-Дашковой. В прошении жителей хуторов Сторожова, Пирогова Семеновской волости Павловского уезда на имя управляющего Карла Владимировича Лангомера крестьяне писали: «Сознав свой незаконный поступок разгромом кордона и хуторов Оселедкова, минувшего 25 и 27 ноября, мы ныне объаты в великую скорбь за учиненный поступок, стыдно совестно и какими словами выразить вину перед Вами (...) и как случилось истинно мы не знаем и вину класть не на кого-либо. Сами виноваты, что послушались дьявольского совета злонамеренных и подлых людей». В сопроводительном письме от 8 февраля 1906 г. управляющего имением Лангомера графине Воронцовой-Дашковой он указывал, что крестьяне искренне раскаялись в содеянном и просят простить их, подтверждал, что семьи арестованных крестьян находятся в отчаянном положении и голодают. Далее он приводил вопрос казачьего сотника участникам сельского бунта и их ответ на него. «Как вы могли, добрые люди, пойти на такое глупое дело?», – «Се не мы, а общество!»⁵³⁰.

После того, как крестьянское движение было подавлено, преобладающей формой крестьянского протеста вновь стали традиционные формы скрытой борьбы. Целенаправленно и методично крестьяне продолжали бороться с помещичьим землевладением. Безродный М. в 1906 г. писал: «Бойкот частного землевладения выработался в народной среде стихийно и велся упорно и настойчиво. Его приметы: завязать камень в сноп, чтобы потом при молотье он попал в барабан и разбил его; изломать плуг, машину; поворовать; опоить скот, изуродовать его; выдергать посадки, разнести сад»⁵³¹. В с. Братках Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в течение 6 лет (1905 – 1911 гг.) производилась самовольная порубка леса при попустительстве сельского старосты и волостного старшины⁵³². Из Курской губернии сообщали: «В ночь с 8 на 9 ноября 1909 г. в имении землевладелицы Метляевой пожаром уничтожен скотный двор, 15 лошадей, 13 коров, 4 овцы. Причина поджога заключалась в отказе владелицы сдать местным крестьянам земли в аренду»⁵³³. В обращении землевладельца Бирючанского уезда Воронежской губернии К.М. Ташенко на имя губернатора указывалось на то, что крестьяне слободы Дмитриевки систематически расхищают в его саду фрукты и самоуправно ловят рыбу в пруду⁵³⁴.

Для крестьян было присуще локальное восприятие сельской власти, ограниченной деревенской околицей. На рубеже XIX – XX вв. носителем этой власти в глазах крестьян продолжал оставаться сельский сход, а его выборные лица полноправными выразителями «мирской воли». В условиях «прозрачности» сельского пространства личные качества представителей местной администрации выступали одним из критериев крестьянской оценки. Традиции крепостнической опеки деревни и христианское восприятие всякой власти как «Богом данной» находили свое отражение в отношении крестьян к представителям властных структур. В повседневной жизни крестьяне не проявляли явного неуважения к вышестоящим властям потому, что те были достаточно дистанцированы от насущных крестьянских проблем. Как убедительно свидетельствуют источники, случаи неповиновения,слушания имели место обычно тогда, когда затрагивались материальные интересы домохозяев. В условиях процесса модернизации страны, роста социальной напряженности в деревне происходит ломка патриархального уклада, а тра-

⁵²⁸ РГИА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.

⁵²⁹ Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826 – 1857 гг. М., 1990. С. 130.

⁵³⁰ РГИА. Ф. 919. Оп. 1. Д. 92. Л. 3об., 5.

⁵³¹ Безродный М. Частная земельная собственность. М., 1906. С. 77.

⁵³² ГАРФ. Ф.102. Д. 4. Оп. 1911. Д. 72. Ч. 1. Л. 18.

⁵³³ Там же. Оп. 1909. Д. 34 Ч. 1. Л. 11.

⁵³⁴ Там же. Оп. 1907. Д. 14. Ч. 1. Л. 50.

диционные крестьянские установки, в том числе и отношение к власти, подвергаются существенной эволюции.

Глава 3

ОБЫЧНОЕ ПРАВО РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

Споры о главном

ВЫЯСНЕНИЯ РОЛИ ОБЫЧНОГО ПРАВА В ЖИЗНИ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ СЛЕДУЕТ ПРЕДВАРИТЬ НЕКОТОРЫМИ ЗАМЕЧАНИЯМИ О САМОМ ПРЕДМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ УЖЕ ОТМЕЧАЛОСЬ, ЧТО ВОПРОС О СУЩНОСТИ ОБЫЧНОГО ПРАВА ВЫЗВАЛ В НАУКЕ ОСТРУЮ ПОЛЕМИКУ, КОТОРАЯ НЕ ПРЕКРАЩАЕТСЯ И ПО СЕЙ ДЕНЬ. ИНТЕРЕС К ЮРИДИЧЕСКИМ ОБЫЧАЯМ И ПРАВОВЫМ ВОЗЗРЕНИЯМ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ОТНЮДЬ НЕ ПРАЗДНЫЙ. ИЗУЧЕНИЕ ЛЮБОЙ ИЗ СТОРОН ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ СТАВИТ ПЕРЕД ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРОБЛЕМУ ВЫЯСНЕНИЯ МЕСТА И РОЛИ ОБЫЧНОГО ПРАВА. СУЩЕСТВОВАНИЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА МОЖНО ДОКАЗАТЬ ИЛИ ОПОВЕРГНУТЬ. ЭТО И ПЫТАЛАСЬ СДЕЛАТЬ ВЛАСТЬ В НАЧАЛЕ ХХ В. В ДОКЛАДЕ Г.А. ЕВРЕИНОВА «КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ТРУДАХ ОБРАЗОВАННОЙ В СОСТАВЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, КОМИССИИ ПО ПЕРЕСМОТРУ ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЙ О КРЕСТЬЯНСТВЕ» (1904 Г.) НАЛИЧИЕ ПРАВОВЫХ ОБЫЧАЕВ В РУССКОЙ ДЕРЕВНИ ФАКТИЧЕСКИ ОТРИЦАЛОСЬ. АВТОР В ЧАСТНОСТИ ПИСАЛ: «СЛЕДУЕТ ПРИЗНАТЬ СОВЕРШЕННО БЕССПОРНЫМ, ЧТО У РУССКИХ КРЕСТЬЯН НЕ СУЩЕСТВУЕТ НИКАКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ОБЫЧАЕВ, ОСНОВАННЫХ НА ПРЕДАНИИ, СООТВЕТСТВУЮЩИХ ОСОБЕННОСТЯМ ИХ ПРАВОВОГО МИРОСОЗЕРЦАНИЯ И СВОЙСТВЕННЫХ КАКОМУ-ЛИБО РАЙОНУ МЕСТНОСТИ, ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИЗВЕСТНЫХ СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ, – СЛЕДОВАТЕЛЬНО, НЕТ ОБЫЧАЕВ ОБЩИХ И ДЛЯ ТОЙ ГРУППЫ СЕЛЕНИЙ, КОТОРУЮ СОСТАВЛЯЕТ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЛОСТЬ»⁵³⁵. ПРОТИВОПОЛОЖНОГО МНЕНИЯ, ПРИДЕРЖИВАЛСЯ СЕНАТОР ХВОСТОВ, КОТОРЫЙ В 1905 Г. ЗАЯВЛЯЛ: «ВОПРОС О СУЩЕСТВОВАНИИ ОБЫЧАЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ МНЕ РАВНОСИЛЬНЫМ ВОПРОСУ О ТОМ, ЕСТЬ ЛИ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВОЗДУХ ИЛИ МЫ ЖИВЕМ В БЕЗВОЗДУШНОМ ПРОСТРАНСТВЕ. СОМНЕВАТЬСЯ В СУЩЕСТВОВАНИИ ОБЫЧНОГО ПРАВА МОГУТ ТОЛЬКО ТЕ, КТО В ДЕРЕВНИ ОСЕДЛО НЕ ЖИЛ, В МЕСТНЫХ ДОЛЖНОСТЯХ НЕ СЛУЖИЛ, А ЖИЛИ ПО ГОДАМ И НАРОДНУЮ ЖИЗНЬ ИЗУЧАЛИ ТОЛЬКО ПО КНИЖКАМ И ТО ПО КНИЖКАМ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ОДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ»⁵³⁶.

Сегодня, как и сотню лет назад, отдельные исследователи пытаются отрицать очевидное. Историк О.Г. Вронский в своей диссертации без обиняков и хлестко определяет юридические обычаи крестьян как «обычное бесправие». К такому выводу он приходит на основании материалов трудов местных комитетов, Особого совещания, «Записки разных лиц ...» из фонда Плеве. Что касается материалов местных комитетов, то они не отрицали существование в крестьянской среде норм обычного права в сельском судопроизводстве, порядке наследования и опеки. Проблема заключалась в трудности их унификации и противоречии норм обычного права действующему законодательству. Цель правительства была ясна: включить русское крестьянство в единое правовое поле, ликвидировать признание правовой самобытности сельского населения, содержащиеся в компромиссных статьях Общего положения 1861 г. Информация правительственных чиновников о бытовании правовых обычаев в крестьянской среде определялась поставленной задачей и поэтому носила тенденциозный характер. Нет, речь не идет о фальсификации собранного материала, проблема заключалась в методике сбора и подачи информации. Порой местные жители просто не понимали о чем идет речь, и что хотят от них добиться дотошливые господа. О каком выяснении истины могла идти речь, если заезжие господа и крестьяне говорили на разных языках? Свою роль сыграли стереотипы в оценке крестьян как людей умственно малоразвитых, лишенных творческого начала. Следует несколько слов сказать и о

⁵³⁵ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 431. Л. 5об.

⁵³⁶ ОР РГБ. Ф. 58/II/ Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 7об.

«Записке разных лиц о положении крестьян Орловской губернии (общественные установления, обычаи и законы)», отложившийся в фонде

В.К. Плеве (ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114). Историк О.Г. Вронский ошибочно считает, что материалы, содержащиеся в ней, собраны по плану, разработанному департаментом полиции. Данный документ есть компиляция материалов, присланных добровольными корреспондентами из Орловской губернии в Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1092). Автор щедро цитирует этот документ, в подтверждение своих выводов об «агонии» общинных порядков, правовом «беспределе», царящем в деревне. Исследователь знает, что в основе источника наблюдения сельских жителей (священников, землевладельцев, служащих по земству), но не самих крестьян. Обращение к первоисточнику позволяет преодолеть однобокость суждений, поскольку в нем содержатся примеры иного рода. Привлечения массовых источников, в частности решения волостных судов, дает возможность утверждать, что обычное право продолжало существовать и в конце XIX – начале XX в., а его нормы являлись определяющими в самых разных сферах жизни русского села.

Как и любая правовая система, область неписанных законов не оставалась неизменной и эволюционировала под влиянием условий общественного развития. В тоже время обычное право отличалось значительной устойчивостью, по причине преобладание в его источниках не формально-догматических и естественно-практических факторов, а нравственно-этических и духовно-религиозных явлений крестьянского бытия. Приверженность крестьян нормам обычного права определялась общинным укладом, традициями аграрного труда, самобытностью общественного устройства и сельским менталитетом. В практике народного права воплощалось крестьянское представление о правопорядке, находившее свое выражение в том, каким образом община, крестьянское хозяйство решали проблемы, связанные с наделами, с усадьбой, экономические и социальные конфликты, семейные вопросы.

На функционирование обычного права в изучаемый период оказывали воздействия те же факторы, которые влияли в целом на крестьянское сообщество. Модернизация российского общества и эмансипация крестьянства формировали в сельской повседневности новации, которые не укладывались в традиционные рамки народных правовых обычаев. Очутившись в круговороте разнообразных, вызываемых капиталистическим строем правоотношений в качестве участника в тех или иных сделках, покупая и продавая, нанимая и нанимаясь и т.д., крестьянин ощутил настоятельную потребность в законном ограждении своих интересов наравне с людьми других состояний⁵³⁷.

Грех и преступление

В КРЕСТЬЯНСКОМ СОЗНАНИИ ПОНЯТИЯ «ГРЕХА» И «ПРЕСТУПЛЕНИЯ» БЫЛИ СХОЖИ, НО НЕ ТОЖДЕСТВЕННЫ. ПОД ГРЕХОМ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ПОНИМАЛИ ВСЯКОЕ БОГОПРОТИВНОЕ ДЕЯНИЕ, ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ХРИСТИАНСКИХ ЗАПОВЕДЕЙ, НАРУШЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО УСТАВА. ГРЕХОВНЫМ СЧИТАЛОСЬ УПОТРЕБЛЕНИЕ СКОРОМНОЙ ПИЩИ В ПОСТ И ПОСТНЫЕ ДНИ, НЕДОСТОЙНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ХРАМЕ, РАБОТА В ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ. ЦЕРКОВНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ О ЗАПРЕТЕ НА РАБОТЫ В ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ САНКЦИОНИРОВАЛОСЬ РЕШЕНИЕМ СЕЛЬСКОГО СХОДА. НАКАНУНЕ НЕРАБОЧЕГО ДНЯ СТАРОСТА ОБХОДИЛ ДОМА ОДНОСЕЛЬЧАН С НАПОМИНАНИЕМ О ЗАПРЕТЕ. ПЕРЬКОВ В. ИЗ БОЛХОВСКОГО УЕЗДА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ТАК ОБЪЯСНЯЛ ОТЛИЧИЕ ГРЕХА ТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОМ ВОСПРИЯТИИ: «ПРЕСТУПЛЕНИЕ СОСТОИТ В УБИЙСТВЕ, ВОРОВСТВЕ, ГРАБЕЖЕ, ДРАКЕ. ГРЕХ СОСТОИТ В РУГАТЕЛЬСТВЕ, НАПРАСНОЙ БОЖБЕ, РАБОТЕ В ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ, В ПЕСНЕ ПОД ПРАЗДНИК, РОДИТЬ В ДЕВКАХ ИЛИ БЕЗ МУЖА, УКРАСТЬ ПО МЕЛОЧИ НА ОГОРОДЕ. ЕСЛИ КТО-ТО ТАЙНО ПРОДАЕТ ВОДКУ И ПОДЛИВАЕТ В НЕЕ ВОДЫ. ЭТО СЧИТАЕТСЯ ГРЕХОМ»⁵³⁸. ТАКЖЕ КАК ГРЕХ ВОСПРИНИМАЛОСЬ ПЬЯНСТВО, РАСПУТСТВО, НЕ ПОЧИТАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ, БРАК БЕЗ РОДИТЕЛЬСКОГО БЛАГОСЛОВЕНИЯ И Т.П.⁵³⁹

По понятиям и обычаям народа, власть преследовать, судить и называть виновных принадлежит суду и воли Божьей. В первом случае на неправильность суда говорят: «не боюсь я суда людского, а боюсь – Божьего». «Перед судом совершь, а перед Богом нет»⁵⁴⁰. В записке С.С. Кондрашова о положении крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии от 13 марта 1889 г.

⁵³⁷ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 431. Л. 7об.

⁵³⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1034. Л. 1.

⁵³⁹ Бунаков Н. Указ. соч. С. 57.

⁵⁴⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1034. Л. 1.

говорилось: «Кошунство и богохульство считается страшным грехом, но если они уж не особенно сильно оскорбляют религиозные чувства народа, то об этом стараются избегать доносить священнику или начальству. На нарушителей церковных правил народ смотрит равнодушно, зная, что Бог и без них за это накажет»⁵⁴¹. Крестьяне не считали своим делом наказывать грех (это дело Божие), но добивались исполнения нравственных норм силой общественного воздействия. Информатор из с. Хотьково Карачаевского уезда Орловщины сообщал: «В старину наказывался тот, кто посмел съесть в пост скоромную пищу. В настоящее время, если кто-либо съест скоромное, то подвергается только довольно сильному внушению со стороны старшего члена семьи. Старики считают грех важнее преступления, они говорят: «скоромятину нажраться, али душу загубить; Бог долго ждет, да больно бьет. Тут не накажет, за то на том свете у вечной кабале будешь»⁵⁴². Богохульство и кошунство сознавались крестьянами как тяжкий грех и преступление и, по народному обычаю, виновный подлежал строгой ответственности, «да и Бог не потерпит – долго ждать за евто не заставит»⁵⁴³.

Любой проступок в деревне получал, прежде всего, моральную оценку. Если с точки зрения формального права многое нравственное может быть преступным, и не все, что преступно должно быть безнравственным, с точки зрения жителей деревни, все преступное обязательно безнравственно, а все, что нравственно, не может быть преступным. Это противоречие между правовыми обычаями и писаным правом находило свое выражение в сельской повседневности. Крестьяне считали нормальным делом или своим святым правом: самогоноварение, битье жен, порубку барского леса и другое, считавшееся по закону преступлением. В то же время не все нарушения, которые, по мнению крестьян, совершать греховно, преследовались законом. Так в сельском быту греховным делом считалось: отказ от подачи милостыни, нарушение обещания участвовать в помочах, работа в праздничные дни⁵⁴⁴.

Многие преступления, весьма строго караемые общими уголовными законами, считались маловажными по обычному праву. Снохачество наказывалось у крестьян несколькими розгами, а по уложению подлежало весьма тяжелой каре. Нанесение обиды действием восходящему родственнику по уложению наказывалось очень строго, а по обычному праву драка между детьми и родителями, как явление обыденное в крестьянском быту, не считалось ничем особенным. С другой стороны, обычай относился к некоторым наказуемым деяниям строже, чем закон. Волостной суд налагал большой штраф за работу в воскресенье. Сельским старостой были подвергнуты аресту девки и парни, которые, разложив огонь близ деревни, прыгали через него и пускали в день народного праздника Ивана Купалы⁵⁴⁵.

Существенно расходились положения официального закона и нормы обычного права в трактовке имущественных преступлений. Если закон стоял на страже прав собственника и преследовал либо покушение на чужую собственность, то по обычному праву некоторые кражи вообще не считались преступлением, а в оценке других наблюдался дифференцированный подход. Жительница деревни Талызино Орловского уезда А. Михеева так описывала нравы своих односельчан: «Летом друг у друга воруют с поля намолоченный хлеб стока, насыпают в голенища сапог, карманы. В рабочую пору воруют с поля снопы, верхние с конца или нижние, чтобы не было заметно. Срывание плодов и овощей кражей не считают. «Кабы люди не крали яблок в чужих садах, может быть, и Бог не зарождал столько плодов»⁵⁴⁶. Наблюдения информатора из того же уезда аналогичны: «Мелкое воровство среди крестьян очень развито, крестьяне не считают особенным грехом зарезать чужую курицу, забраться в сад или на огород и украсть что-либо. У зажиточных крестьян бедные крадут без всякого смущения, и не считается грехом во время возки хлеба утащить с поля полкопны, но бедные у бедных крестьян редко воруют, разве в случае крайней нужды»⁵⁴⁷. В крестьянских суждениях присвоение чужого имущества, по причине голода, выступало обстоятельством, которое оправдывало вора и освобождало его от ответственности. В таких случаях крестьяне говорили: «Не умереть же ему с голоду, не есть же ему своих детей, ведь никто не назовется ему хлебом, быть и украсть»; «Ныне не евши, завтра не евши, тоже за живот возьмешься, пойдешь и украдешь и греха не побоишься»⁵⁴⁸. Е. Якушкин приводит пример, когда в голодный год свозили чужие копна, оставляя записку, что взято из крайней нужды. На следующий год то, что было взято, непременно

⁵⁴¹ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 7.

⁵⁴² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1104. Л. 1.

⁵⁴³ Там же. Л. 12.

⁵⁴⁴ Левин М. Указ. соч. С. 91; Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.И. Тенишева. М., 1983. С. 58.

⁵⁴⁵ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 6.

⁵⁴⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1316. Л. 10.

⁵⁴⁷ Там же. Д. 1215. Л. 10.

⁵⁴⁸ Там же. Д. 1316. Л. 12.

но, возвращалось на прежнее место⁵⁴⁹. Таким образом, в обыденном сознании крестьян кража по причине голода или как результат крайней необходимости преступлением не считалось.

Крестьянская ментальность проявлялась в двойном стандарте, в оценке правонарушений в системе «свой – чужой». К «чужим» относились все, кто не являлся членом крестьянского сообщества – помещики, чиновники, горожане, купцы и т.п. По отношению к ним нравственные принципы не действовали, они были представителями чуждого мира, и поэтому враждебного. Порой воровство воспринималось не как преступление, а как удаль – особенно, если оно совершено где-то на стороне и не по отношению к своему брату-крестьянину. Крестьяне-отходники из Тамбовской губернии, служившие на пароходах, подрезали кладь и крали мануфактурный товар женам на наряды. А по возвращению домой рассказывали о своих «подвигах» односельчанам, при явном сочувствии с их стороны⁵⁵⁰. Не считали крестьяне зазорным для себя покупать краденые вещи. В данном случае их дешевизна являлась для них достаточно весомым аргументом, чтобы не быть столь щепетильными и выяснять происхождение продаваемого товара.

Крестьяне не считали преступным украсть у помещика копну ржи или овса, вырубить десяток дубков в чужом лесу. Заповедь «не укради», по отношению к землевладельцу, не работала. По понятию крестьян, воровать у помещика – не грех, и он воровал при каждом удобном случае, вполне уверенный, что односельчане его не выдадут⁵⁵¹. В селе Волконское Дмитровского уезда Орловской губернии крестьяне, не скрываясь от односельчан, производили в экономиях помещиков кражи: дров, леса, корма⁵⁵². Не считали преступлением нарубить в барском лесу дров и жители села Шелковка Обоянского уезда Курской губернии, утверждая, что «это не людское, а Божье»⁵⁵³. По взглядам крестьян Рыльского уезда той же губернии лес, вода, земля, дикие звери, птицы и рыбы считались Божьими, созданными для всех людей на потребу и в равном количестве. Не было грехом сделать в чужом лесу порубку, наловить рыбу или дичи в чужих владениях⁵⁵⁴. В основе такого подхода лежало традиционное восприятие крестьянами природы собственности, восприятия труда как единственно справедливого ее источника. Исследователь обычного права И. Тютрюмов в 1879 г. писал: «Мне лично приходилось встречать солидных крестьян, которые ни за что не согласятся «положить грех на душу» – взять что-нибудь чужое, а между тем спокойно едут в чужую лесную дачу и хозяйничают там самым бесцеремонным образом»⁵⁵⁵. Крестьянская логика в данном случае просто и понятна – не может быть собственностью то к чему не приложен труд. Не являлось преступлением покос травы на чужом лугу, но жатва хлеба на чужой полосе, считалась кражей. О рыбе, пойманной в чужих реках, крестьяне рассуждали так: «он на нее овса и муки не истратил, поить не поил, ухаживать не ухаживал, а всеми делами управляет Бог, Его и рыба вся, знать, можно ловить каждому». О потраве лугов говорили примерно тоже: «Он не пахал, не сеял траву, стало быть, нет тут никакого греха, покормить лошадь»⁵⁵⁶. По наблюдению В. Бондаренко, изучавшего обычаи и нравы крестьян Кирсановского уезда Тамбовской губернии конце XIX в.: «Сбор грибов и орехов в чужом лесу считается вполне дозволенным: «Они общие, Бог их зародил для всех», – говорят крестьяне. Взгляд этот до того крепко установился, что запрещения владельца, встречаемые с изумлением и ропотом, никогда не имеют значения»⁵⁵⁷.

Мужик не признавал со своей стороны предосудительным, несправедливым делом кражу или обман по отношению ко всякому, кто не мужик. В этом следует видеть своеобразную месть крестьянина торговцам, перекупщикам, всем тем, кто не раз и не два обманывал мужика самым бессовестным образом. В отчете императору за 1891 г. воронежский губернатор сообщал: «Статистическими данными по губернии удостоверено, что при продаже хлеба перекупщикам на вес крестьяне теряют не менее 10 %, а при продаже на меру от 17 до 20 % или в среднем 15 %»⁵⁵⁸. Думаю, что крестьяне не были столь наивны, чтобы если не знали точно, то догадывались вполне определенно о таком обмане. Поэтому «объехать», «поднадуть», «объегорить», всякого «кто не мужик» в деревне считалось делом справедливым и разумным, а уж не как не преступным. Терпимо крестьяне относились к обмеру, обвесу, продаже некачественного товара. Мелкие торговые плутни также не считались преступлением, а расценивались скорее как ловкость. «Обвесы, обмеры, обсчеты, продажа плохо за хорошее – преступлением не считается,

⁵⁴⁹ Якушкин Е.И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Вып. 1. М., 1910. С. 21.

⁵⁵⁰ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 7.

⁵⁵¹ Безродный М. Указ. соч. С. 76.

⁵⁵² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1092. Л. 3.

⁵⁵³ Там же. Д. 680. Л. 1.

⁵⁵⁴ Архив ИЭА РАН. К. 14. (Коллекция ОЛЕАЭ). Д. 108. Л. 4.

⁵⁵⁵ Тютрюмов И. Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 4. С. 276.

⁵⁵⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1316. Л. 11.

⁵⁵⁷ Бондаренко В. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение 1890. № 6 – 7. С. 37.

⁵⁵⁸ Библиотека РГИА. Всеподанный отчет Воронежской губернии за 1891 г. Л. 20об.

– утверждали крестьяне Карачаевского уезда Орловской губернии, добавляя при этом. – Они видели, что покупали⁵⁵⁹.

В обыденных суждениях крестьян преступник – это «несчастный», «бедолага», жертва сложившихся обстоятельств. Причину преступления сельский люд усматривал, прежде всего, в греховной природе человека. В народе говорили: «Грех сладок, человек падок»; «Грех – воровать, да нельзя миновать» Преступные деяния могли быть результатом действий «от лукавого». Не случайно про человека, впервые совершившего преступление, говорили, что его «бес попутал», «нечистый подтолкнул» и т.п. Свою роль, по мнению крестьян, играл дурная наследственность («Благословляет отец деток до чужих клеток»). О детях из воровских семей, пошедших по стопам отцов, выносили суждение о том, что «яблоко от яблони далеко не падет»⁵⁶⁰.

В обыденном восприятии крестьян преступник вызывал сочувствие потому, что осужден людским судом, его уже постигла кара за совершенное злодеяние. Он лишен свободы и поэтому не опасен, и теперь он вызывает не страх, а жалость. Из Тамбовской губернии сообщали: «Арестанта народ всегда накормит с радушием. На преступника смотрят как на несчастного. Причина тут в том, что виновный уже получает возмездие за свои проступки. Искупив их через наказание, он является, как бы страдальцем: кандалы особенно действуют на чувства народа»⁵⁶¹. По мнению Е.И. Якушкина, для крестьян характерен был «взгляд на преступника, как на жертву обстоятельств, как на падшего брата, поэтому и преступление в некоторых местностях называют бедой»⁵⁶². Следуя призыву Спасителя о проявлении милосердия к «узникам, томящимся в темницах», крестьяне стремились, по возможности, облегчить их участь. Крестьяне Болховского уезда Орловской губернии преступникам, осужденным коронной властью, давали на дорогу денег, холста, хлеба, молоко, квас⁵⁶³. В Карачаевском уезде той же губернии при посещении арестованных или подвергнутых тюремному заключению старались принести в гостинец булку, чаю, сахару, баранок⁵⁶⁴.

Если цель уголовного закона состояла в том, чтобы карать, отомстить за содеянное преступление, то деревня в своем обычно – правовом мировоззрении считала, что главное в том, чтобы преступник раскаялся и исправился. Прощение, которое преступник испрашивал у потерпевшего и сельского схода, всегда выступало смягчающим обстоятельством⁵⁶⁵. В это следует видеть проявление христианского милосердия, выражением стремления крестьян следовать назиданию Спасителя «не судите, да не судимы будете».

В трактовке преступления и ответственности за него положения официального законодательства и нормы обычного права расходились и весьма значительно. Это являлось следствием сословной замкнутости крестьянского сословия, особенностей сельского менталитета, традиций хозяйственного уклада, соблюдения канонов православия, приоритетом правовых обычаев над формальным законом.

Сельское правосудие

До введения Общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г. российское сельское население формально не имело общего сословного суда. На практике основным органом для разрешения конфликтных ситуаций в деревне по-прежнему выступали общинные суды. Члены комиссии по преобразованию волостных судов пришли к выводу, что «начало обычая крестьян судиться своим домашним судом так же старо, как стар сам русский народ»⁵⁶⁶. Коллективное разбирательство дел при участии всех членов общины, утверждал И. Оршанский, «русский народ считал лучшей формой самоуправления и самосуда»⁵⁶⁷. По мнению С. Пахмана, народные суды существовали исстари, без каких-либо указаний закона⁵⁶⁸.

В пореформенный период в русской деревне продолжала функционировать система неформального сельского суда. Она была представлена сельским сходом, судом стариков, семейным судом, судом сельского старосты, судом соседей и самосудом. Их решения основывались исключительно на обычном праве.

⁵⁵⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1104. Л. 5.

⁵⁶⁰ Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: Опыт юридической антропометрии. Ростов н/Д, 2000. С. 75 – 76.

⁵⁶¹ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 7.

⁵⁶² Якушкин Е.И. Указ. соч. С. 19.

⁵⁶³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1034. Л. 7.

⁵⁶⁴ Там же. Д. 1104. Л. 11.

⁵⁶⁵ Громыко М.М. Указ. соч. С. 99.

⁵⁶⁶ Чернявский С.П. Народный суд. Каменец-Подольск, 1901. С. 32.

⁵⁶⁷ Оршанский И.Г. Исследование по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879. С. 12.

⁵⁶⁸ Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. СПб., 1877. Т. 1. С. 379.

Весь быт крестьянского населения, установившийся, сложившийся исторически, объяснял стремление отдельных крестьян подчиниться суду своих односельчан, часто не имеющего ничего общего с формальным судом, писанным законом, но вполне удовлетворяющий совести и экономическим понятиям сельского обывателя. М.И. Зарудный в своем исследовании отмечал, что «крестьянин во всех своих сомнениях и спорах обращался к миру, оберегающему хозяйственные интересы каждого общинника для собственной пользы. «Как мир решит, – говорил крестьянин, – я миру не противник»⁵⁶⁹. По информации из Елатомского уезда Тамбовской губернии, в конце XIX в. «оскорбление, потравы, лесные порубки и т.п. мелкие споры об имуществе на сельских сходах разбирают сплошь и рядом. Не подчиняются этому суду только самые упорные и при исключительных обстоятельствах»⁵⁷⁰.

Традиции патриархальной семьи наряду с родственными связями, которые объединяли иной раз до половины деревни, обусловили существование семейных судов или судов родственников. Они рассматривали исключительно проступки, совершенные членами семейства как в домашнем обиходе, так и вне его. Семейное правосудие осуществлял хозяин, прибегая к совету мужчин-домочадцев. При необходимости виновного тотчас же и наказывали. Случалось, что провинившийся член семьи пытался найти защиту у общественных судов. Но те, как правило, занимали сторону большака и утверждали его решение.⁵⁷¹

Одной из форм общинного суда в селах Центрального Черноземья был суд стариков. По данным К. Чепурного, он был распространен в русской деревне практически повсеместно, из 82 волостей его деятельность не была зафиксирована лишь в трех⁵⁷². Общественный суд выбирали тогда, когда всем сходом сразу нельзя решить дело, нередко он предшествовал сходу. Суд состоял из четырех крестьян с хорошей репутацией, не моложе 45 – 50 лет и старосты. Задача суда состояла в том, чтобы не допустить по возможности односельчан с жалобой друг на друга к начальству, рассудить спор своими силами, внутри общины. Суд стариков решал спорные случаи семейных разделов, драки, потравы, оскорбления, нарушение запрета работы в праздничные дни. При необходимости суд выносил и наказания. Так, в Тамбовской губернии, суд стариков Кулеватовской волости приговаривал к аресту на короткий срок, в Перкинской, Отъясовской, Питерской волостях – к небольшому штрафу⁵⁷³. Наиболее часто к суду стариков прибегали для разбора дел об обидах и оскорблениях. Крестьяне справедливо считали, что в таких рода дел старики более беспристрастные судьи на том основании, так как они в виду близости смерти не хотят брать греха на душу. Старики признавались более подходящими судьями, потому что от них не обидно было выслушивать выговор и даже брань⁵⁷⁴.

Приверженность крестьян неформальному сельскому суду, и в частности суду стариков, Н.В. Калачов объяснял их близостью крестьянским интересам. В своей работе «О волостных и сельских судах» крестьянское судопроизводство он описывал следующим образом. «Стоит послушать, особенно на сельских сходах, в которых подчас и доньше решаются стариками тяжёбые дела, хозяйственные споры и общественные распорядки, их полные практического смысла доводы, как взгляд на непригодность этих умных, сметливых стариков к делу суда совершенно изменяется. Это ясное понимание своих и общественных нужд, эти трезвые суждения, не поддающиеся житейской неприязни к подсудимым, ни страху перед сильными людьми, ни презрению к беспомощным и слабым – все это невольно располагает в пользу этих неграмотных, но крайне рассудительных стариков»⁵⁷⁵.

Суд старосты был одной из простых форм общинного суда. В повседневных спорах, а порой и ссорах, крестьяне охотно обращались к старосте, чтобы тот их «урезонил и примирил».⁵⁷⁶ Обыкновенно сельские старосты разбирали и решали маловажные дела: брань, драки, побои и пр., обыкновенно староста не судил единолично, а для разбора дел приглашал стариков или добросовестных. Обращение местных жителей к суду старосты было обусловлено и тем, что тот мог действовать по закону, применяя к виновным наказание. Например, к старосте деревни Саловка Валуйского уезда Воронежской губернии

15 марта 1881 г. обратился Иван Малов, который просил разобраться с его братом Федором. Они с братом разделили имущество, а надел остался общим, и Федор захватил весь участок и начал его пахать. Староста

⁵⁶⁹ Зарудный М.И. Законы и жизнь. Исследования крестьянских судов. СПб., 1874. С. 55.

⁵⁷⁰ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 10.

⁵⁷¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1708. Л. 48; Д. 831. Л. 21.

⁵⁷² Чепурный К.Ф. К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии. Киев, 1874. С. 2.

⁵⁷³ Березанский П. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев, 1880. С. 15.

⁵⁷⁴ Тенишев В.В. Правосудие в крестьянском быту. Брянск, 1907. С. 48.

⁵⁷⁵ Качалов Н.В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России // Сборник государственных знаний. Т. VIII. СПб., 1880. С. 144.

⁵⁷⁶ Птицын. В.В. Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии. СПб., 1886. С. 20.

воспретил это, но Федор продолжал распашку, за что и был арестован на сутки⁵⁷⁷. Наказания староста употреблял как крайнюю меру, а в большинстве случаев он стремился примирить односельчан, чтобы восстановить между ними добрые отношения и не доводить дела до суда.

Сельский сход как традиционная форма крестьянского самоуправления обладал и судебными функциями. Суд сельского схода по закону являлся судом для рассмотрения дел о семейных разделах, земельных спорах и разделе наследства. Наряду с этим он осуществлял и неофициальную функцию, выступая для однообщественников последней инстанцией для решения большинства незначительных дел. На сельский сход обращались также, если решения суда стариков, сельского старосты не удовлетворили тяжущиеся стороны, т.е. он неформально выполнял функции апелляционного органа. Приговор сельского схода носил для крестьян характер окончательное решение, которое, как правило, не обжаловалось. Охотное обращение крестьян к суду своих односельчан в разрешение возникающих жизненных коллизий яркое свидетельство доверия коллективному разуму схода. Вверяя решение тяжбы общинному суду, селяне, прежде всего, надеялись на справедливое (основанное на обычае) и быстрое (без излишних формальностей) решение вопроса.

В решении вопросов, касающихся взаимоотношений жителей села, сходка стремилась привести дело к тому, чтобы конфликт разрешился миром. По сведениям из Валуйского уезда Воронежской губернии, если сход разбирает случай мелкой кражи, побои или какой-либо другой обиды и виновный был уличен, то он должен был просить прощение у стариков и особенно у обиженного. После этого на виновного накладывался штраф. Обычай публичной просьбы о прощении у пострадавшего по решению схода описан в 70-х гг. XIX в. в Тамбовской губернии⁵⁷⁸. При определении меры ответственности за содеянное «мир» учитывал не только тяжесть проступка, но и личность виновного. Сельский сход обращал внимание на хозяйственную состоятельность, семейное положение, репутацию преступника, одним словом, «судили по человеку». И.Г. Оршанский в своем исследовании справедливо замечал: «Для народного суда личность обвиняемого имеет первенствующее значение, как члена «мира», как соседа, домохозяина и плательщика налогов. Все это имеет значение в выносимом решении. О личности выносят суждение на основе всестороннего знакомства «мира» с каждым членом, что возможно только в условиях крестьянского быта».⁵⁷⁹ Такая «прозрачность» сельских отношений позволяла не только выяснить мотивы совершенного преступления и определить степень его социальной опасности, но и вынести справедливый приговор с учетом всех смягчающих вину обстоятельств.

Крестьянский самосуд

Согласно нормам обычного права, самыми тяжкими преступлениями в деревне являлись: поджог, конокрадство, воровство. В крестьянском представлении кража считалась более опасным и вредным преступлением, чем преступления против веры, личности, семейного союза и чистоты нравов. Потерпевший рассматривал кражу его зерна или его коня как покушение на него самого, вопреки официальной трактовке такого рода преступлений уголовным кодексом. Из всех имущественных преступлений самым тяжким в селе считалось конокрадство. Конокрадство, по мнению крестьян, преступление более опасное, чем воровство, исключая кражи церковных денег и утвари. Стоит ли говорить о том, что потеря лошади вела к разорению крестьянского хозяйства. Крестьяне сознавали, что невозможно сидеть сложа руки, в виду грозящей опасности остаться без лошади. Мужик полагал, раз преступление направлено против него лично, то и наказание должно быть прямым и непосредственным. Он не мог быть уверен в том, что преступника вообще накажут – конокрады умело скрывались, и волостные власти чаще всего не могли своими силами справиться с этим бедствием⁵⁸⁰.

Факты самосуда над конокрадами были отмечены большинством дореволюционных исследователей русской деревни⁵⁸¹. Священник села Петрушково Карачевского уезда Орловской губернии Птицын в сообщении 25 мая 1897 г. так описывал местный самосуд: «С ворами и конокрадами крестьяне расправляются по-своему и могут убить совсем, если вовремя пойман, а увечья часто бывают таким людям»⁵⁸².

⁵⁷⁷ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. Л. 65.

⁵⁷⁸ Громыко М.М. Указ. соч. С. 99.

⁵⁷⁹ Оршанский И.Г. Указ. соч. С. 146 – 147.

⁵⁸⁰ Френк С. Народная юстиция, община и культура крестьянства 1870 – 1900 // История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 236.

⁵⁸¹ См.: Поликарпов Ф. Нижнедевицкий уезд. Этнографические характеристики // СПб., 1912. С. 142; Тенишев В. Указ. соч. С. 33, 47; Семенов С.П. Из истории одной деревни (записки волоколамского крестьянина) // Русская мысль. 1902. Кн. 7. С. 23; Пахман С.В. Очерк народных юридических обычаев Смоленской губернии // Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. СПб., 1878. С. 17.

⁵⁸² ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 6.

К конокрадам, застигнутым на месте преступления, крестьяне были безжалостны. Сельский обычай требовал немедленной и самочинной расправы над похитителями лошадей. Вот некоторые примеры таких самосудов. В д. Танеевке Обоянского уезда Курской губернии «крестьяне как то гнались за вором, укравшим лошадь и, поймав его в лесу, убили»⁵⁸³. Житель с. Казинки Орловского уезда той же губернии В. Булгаков 30 июня 1898 г. сообщал в этнографическое бюро: «Крестьяне с конокрадами поступают очень жестко, если поймают с лошадьми. Доносят начальству они редко, а большей частью расправляются самосудом, т.е. бьют его до тех пор, пока он упадет полумертвым»⁵⁸⁴. В малороссийских селениях Рыльского уезда Курской губернии пойманному конокраду в задний проход вставляли ключку (крючок, которым дергали сено из стога) или же, раздев донага, привязывали в лесу к дереву на съедение комарам⁵⁸⁵. Этнограф Е.Т. Соловьев в своей статье о преступлениях в крестьянской среде (1900 г.) приводит примеры, когда пойманным конокрадам вбивали в голову гвозди и загоняли деревянные шпильки под ногти⁵⁸⁶. Единственное, что могло спасти конокрада или поджигателя от смерти – это самооговор в убийстве. По юридическим обычаям, крестьяне считали себя не в праве судить за грех (т.е. убийство) и передавали задержанного в руки властей.

Не менее жестоко в деревне расправлялись и с поджигателями. Пожар для деревянных строений села был поистине страшным бедствием. Последствием огненной стихии являлось полное разорение крестьянского хозяйства. Поэтому жители села не церемонились с теми, кто пускал «красного петуха». Если поджигателя задерживали на месте преступления, то его жестоко избивали так, что он умирал⁵⁸⁷. По сообщению корреспондента «Тамбовских губернских ведомостей» (1884 г.) в селе Коровине Тамбовского уезда крестьянина, заподозренного в поджоге, привязали к хвосту лошади, которую затем несколько часов гоняли по полю⁵⁸⁸. В 1911 г. в с. Ростоши Борисоглебского уезда Тамбовской губернии был избит и брошен в огонь крестьянин Пастухов, задержанный местными жителями за поджог риги⁵⁸⁹.

Решительно крестьяне расправлялись и с ворами, застигнутыми на месте преступления. Автор обзора об обычаях крестьян Орловской губернии, в конце XIX в., писал, что «преступникам мстят, только захвативши на месте преступления, – бьют, иногда и убивают до смерти. Бьют все как хозяин, так и соседи»⁵⁹⁰. В декабре 1911 г. в департамент полиции МВД поступила информация о том, что «в с. Никольском Богучарского уезда Воронежской губернии совершен самосуд над тремя крестьянами за кражу со взломом из амбара. Один преступник убит, другой искалечен, третьему удалось бежать. За самосуд арестовано 6 крестьян»⁵⁹¹. Самосуд был не только результатом эмоционального всплеска, проявлением коллективной агрессии, т.е. непосредственной реакцией на произошедшее преступление, но и действием, отсроченным во времени, не спонтанным, а обдуманым. В с. Троицком Новохоперского уезда Воронежской губернии 13 апреля 1911 г. были задержаны крестьяне Митасов и Попов, укравшие на мельнице рожь и муку. При конвоировании задержанных толпа крестьян пыталась отбить их у стражников для учинения самосуда над ворами⁵⁹².

Самосуд являлся не просто личной расправой потерпевшего, в наказании участвовали и другие члены общины. В жестокой самочинной расправе соединялись воедино чувства мести, злобы и страха. Именно страх превращал деревню в коллективного убийцу. Объясняя этот феномен Н.М. Астырев в «Записках волостного писаря» утверждал, что крестьяне, воспитанные на страхе, сами прибегали к этому методу воздействия. «Отсюда и сцены дикого самоуправства, – писал автор, – когда при отсутствии улики за какое-либо деяние, наводящее страх (колдовство, поджог, конокрадство) доходят своими средствами, бьют, калечат, убивают и жгут»⁵⁹³. Чувство коллективного страха перед преступником, который разгуливал на свободе, а следовательно, мог и впредь учинить подобное, и толкало сельский мир на скорую расправу. В народе говорили: «Ничем вора не уймешь, коль до смерти не убьешь»⁵⁹⁴. Другой причиной было то, что крестьяне не верили в заслуженное возмездие преступника. Так, в селе Низовом Тамбовского уезда в 1884 г. участились случаи самоуправства с ворами. Местные жители говорили: «Поди, там, таскайся по судам, с каким-нибудь негодяем, вором, а лучше всего топором в голову, да и в

⁵⁸³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 685. Л. 6.

⁵⁸⁴ Там же. Д. 1215. Л. 13.

⁵⁸⁵ Архив ИЭА РАН. К. 14. (Коллекция ОЛЕАЭ). Д. 108. Л. 4.

⁵⁸⁶ См.: Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900. С. 281.

⁵⁸⁷ Семенова-Тянь-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 101.

⁵⁸⁸ Тамбовские губернские ведомости. 1884. № 27.

⁵⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1911. Д. 449. Л. 101 об.

⁵⁹⁰ Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 6.

⁵⁹¹ Там же. Ф. 102 Д-4. 1911. Д. 449. Л. 104об.

⁵⁹² Там же. Л. 52об.

⁵⁹³ Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1898. С. 263.

⁵⁹⁴ Всеволожская Е. Очерки крестьянского быта // Этнографическое обозрение. 1895. № 1. С. 31.

прорубь»⁵⁹⁵. Такие народные расправы в конце XIX в. заканчивались ежегодными убийствами. Приведем лишь один пример. В 1899 г. уездный исправник проводил расследование в селе Щучье Бобровского уезда Воронежской губернии по делу об убийстве трех крестьян. Выяснилось, что «крестьяне убиты всем обществом, по мнению которого они постоянно занимались кражами, сбытом краденых вещей и вообще были людьми небезопасными для окружающего населения»⁵⁹⁶.

Крестьяне были убеждены в своем праве вершить самосуд, и при таких расправах они не считали убийство грехом. Убитого самосудом общество тайком хоронило, зачисляя его в список без вести пропавших. Судебные власти пытались расследовать факты самосудов, ставшие им известными. Все усилия полиции выяснить обстоятельства произошедшего, найти преступника, как правило, были безрезультатны. Определить виновного было весьма затруднительно, по причине того, что на все вопросы следователя крестьяне неизменно отвечали, что «били всем миром» или говорили: «Да мы легонько его, только поучить хотели. Это он больше с испугу умер»⁵⁹⁷. Те немногие дела, которые доходили до суда, заканчивались оправдательным приговором, который выносили присяжные из крестьян⁵⁹⁸. Традиция самочинных расправ отличалась устойчивостью, что подтверждалось фактами крестьянских самосудов, отмеченных в советской деревне в 20-е гг. XX в.⁵⁹⁹.

Самосуду в деревне подвергали неверных жен и распутных девок. По народным понятиям разврат являлся грехом, так как он задевал честь семьи (отца, матери, мужа). Гулящим девкам отрезали косу, мазали ворота дегтем, завязывали рубаху на голове и по пояс голыми гнали по селу. Еще строже наказывали замужних женщин, уличенных в прелюбодеянии. Их жестоко избивали, затем голыми запрягали в оглоблю или привязывали к телеге, водили по улице, щелкая по спине кнутом.

Особой категорией сельских самосудов следует признать самочинные расправы, учиненные на почве суеверия. Во время деревенских бедствий, будь-то мор или эпидемия, на сельских колдунов и ворожеек указывали как на причину постигших несчастий. И они становились жертвой крестьянской мести. Как свидетельствуют документы самосудов над колдунами, завершавшихся убийствами, происходило много. Крестьяне хорошо понимали, что в этом вопросе они не могут надеяться на официальный закон, который не рассматривал колдовство как преступление. Неудовлетворенные таким положением вещей селяне брали инициативу в свои руки. В народных представлениях убить колдуна не считалось грехом⁶⁰⁰. Информатор из Орловского уезда А. Михеева сообщала: «Убить колдуна или сжечь его, мужики даже за грех не считают. Например, жила одна старуха, которую все считали за колдунью. Случился в деревне пожар, мужики приперли ее дверь колом, избу обложили хворостом и подожгли»⁶⁰¹.

За менее тяжкие преступления, такие как кража одежды, обуви, пищи, воров подвергали «посрамлению». Обычное право предусматривало наказания вовсе неизвестные официальному законодательству. Одно из таких – обычай срамить преступника, т.е. подвергать его публичной экзекуции, унижающей его честь и достоинство. Крестьяне объясняли существование этого обычая тем, что «сраму и огласки более всего бояться»⁶⁰². Такая форма самосуда носила, прежде всего, демонстрационный характер. Символикой и ритуалом «вождения» вора община показывала свою власть и предупреждала жителей деревни, что в случае воровства кары не избежит никто. По приговору сельского схода уличенного вора, порой нагишом, с украденной вещью или соломенным хомутом водили по селу, стуча в ведра и кастрюли. Во время такого шествия по селу каждый желающий мог ударить преступника⁶⁰³. Били по шее и в спину, чтобы истязаемый не мог определить, кто их наносит. После такого публичного наказания вора сажали в «холодную», а затем передавали в руки властей. С этой же целью, «для сраму», применялись общественные работы. Женщин заставляли мыть полы в волостном правлении или при народно мести улицы на базаре. В селе Новая слобода Острогожского уезда Воронежской губернии мать и дочь за дурное поведение очищали слободскую площадь от навоза. Мужики, в качестве наказания, исправляли дороги, чинили мосты, копали каналы⁶⁰⁴.

Коллективные расправы над преступником в ходе самосуда выступали действенным средством поддержания сельской солидарности. Община решительно пресекала споры, проявление вражды между

⁵⁹⁵ Тамбовские губернские ведомости. 1884. № 27.

⁵⁹⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП 2-е д-во. Д. 158. Ч. 15. Л. 90б.

⁵⁹⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 685. Л. 6.

⁵⁹⁸ Всеволожская Е. Указ. соч. С. 31.

⁵⁹⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 254. Л. 105, 106.

⁶⁰⁰ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 6.

⁶⁰¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1316. Л. 15.

⁶⁰² Оршанский И.Г. Указ. соч. С. 140.

⁶⁰³ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 6.

⁶⁰⁴ См. Зарудный М.И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874. С. 180; Соловьев Е.Т. Самосуды у крестьян Чистопольского уезда Казанской губернии // Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. СПб., 1878. С. 15 – 16; Якушкин Е.И. Указ. соч. С. 28.

односельчанами, т.е. все то, что могло разрушить социальные связи и общности действий. Участие селян в самосудах служило и возможностью выхода энергии агрессии, затаенной вражды. Мирской приговор, предшествующий самосуду, придавал, в глазах крестьян, самосуду законную силу и делал месть со стороны жертвы маловероятной. В этом следует видеть одно из проявлений коллективистских начал общинного сознания.

Не менее жестоким был семейный самосуд. Вот пример такой домашней расправы. Свекровь застала невестку в соитии с холостым братом мужа. На семейном совете порешили наказать «гулену». Муж, свекровь и старший брат попеременно избивали ее плетью. В результате истязания несчастная более месяца лежала при смерти⁶⁰⁵. В другом случае для расправы оказалось достаточным одного подозрения в супружеской неверности. Мать и сын в течение нескольких дней били беременную невестку. После очередного избиения она «выкинула» ребенка и сошла с ума⁶⁰⁶.

Главной причиной семейного самосуда являлся факт супружеской измены. Вот описания нескольких эпизодов расправ мужей с неверными женами, произведенных в селах Орловского уезда в конце XIX в. «Жену, захваченную на месте преступления один крестьянин с. Мешкова привязал вожжами к воротам, а косами за кольцо в воротах и начал бить. Он бил ее до посинения и иссечения тела. Затем несчастная три раза поклонилась, при всей родне, мужу в ноги и просила прощения. После этого ее принудили пойти по селу, и, заходя в каждый дом, заказывать женщинам не делать этого. В деревне Кривцовой мужья наказывали своих жен за прелюбодеяние, связав им назад руки, а сами брали жен за косы и секли ремненным кнутом (женщины при этом были в одних рубахах) объясняя, за что они их бьют. В деревне Суворовке муж на жене пачкал дегтем рубаху и запрягал в телегу без дуги, хомут надевал на голову. Волосы обязательно были распущены. Муж садился на телегу, брал в руки кнут и при огромном стечении народа ехал вдоль деревни, что не есть силы, подгоняя ее кнутом, приговаривая: «Ну, черная, не ленись, вези своего законного мужа». В Людском муж сначала бил жену ремнем, затем привязывал к столбу на улице, распустив волосы и обсыпав пухом. После этого он бил ее по щекам ладонями и плевал в лицо: «Больно и стыдно тебе от моего наказания, а мне еще было большее и стыднее, когда я узнал, что ты развратничала»⁶⁰⁷.

Этнографическими источниками отмечена еще одна интересная форма сельского самосуда – маргарыч. К нему сельское общество прибегало в случае нарушения своих имущественных интересов. Сход самовольным порядком взыскивал убытки при потравах скотом посевов, перекосах мирских лугов, нарушения мест ловли рыбы и т.п. Самосуд выражался в том, что с виновного взыскивали деньги или заставляли его выставить обществу известное количество вина. В случае отсутствия денег самочинно изымалось какое-либо имущество, которое закладывалось, а вырученная сумма пропивалась⁶⁰⁸. В деревне это называлось наказать «напоем».

Общинное землевладение

Землепользование крестьянских общин и их членов поддерживалось обычаем, который воплощался в целую систему норм неписаного права. Порядок землепользования определялся обычно правовым статусом отдельных видов угодий эксплуатируемых крестьянским двором. Земельно-правовые нормы в разные периоды истории крестьянства в свою очередь отражали этапы эволюции сельской общины⁶⁰⁹. Помещики и правительство старались не вмешиваться в поземельные отношения крестьян, которые регулировались обычным правом. «Право собственности на землю при общинном земледелии принадлежит общине и распоряжению землей всецело зависит от нее. Право общины от права общей собственности отличается тем, что община сама прав своих непосредственно не осуществляет, а делегирует их на определенных условиях членам, составляющим общину. Община не несет и обязанности, а распределяет обязанности, т.е. налоги и платежи в строгом соответствии с делегируемыми правами», – утверждал известный знаток крестьянского права А.А. Леонтьев⁶¹⁰.

В правовых воззрениях крестьян не существовали понятия частной собственности на землю. С точки зрения веры православный мужик считал землю «Божьей», данную Творцом людям на пропитание. Царь как «помазанник Божий» волен землей распоряжаться, наделяя ей своих поданных. Правом поль-

⁶⁰⁵ Тенишев В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907. С. 64.

⁶⁰⁶ Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900. С. 293.

⁶⁰⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1245. Л. 8, 9.

⁶⁰⁸ Пахман С.В. Указ. соч. Т. 1. С. 383.

⁶⁰⁹ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. М., 1984. С. 70.

⁶¹⁰ Леонтьев А.А. Крестьянское право. СПб., 1909. С. 114.

зования земель, по суждению селян, обладали те, кто на ней трудиться. В пределах общины земля считалась «мирской», т.е. принадлежащей обществу. Общинные угодья распределялись между крестьянскими дворами посредством земельной разверстки, о чем подробно говорилось выше. Крестьянская семья свободно пользовалась этим наделом, но распоряжаться им могла только с согласия сельского схода. При этом полевые надельные земли находились во владении крестьянского двора, ограниченном правом общины периодически осуществлять переделы земли в зависимости от конкретных обстоятельств. Собственно общинные земли представляли собой неделимые угодья, в том числе «уголки» и «отрезки» между наделами и использовались в интересах всего сельского общества (пастбища, выгоны, лес и др.) В отношении них крестьяне-общинники обладали правом пользования, связанном с институтом членства. Эти земли (в «мирских нуждах») община использовала в общих интересах и, в том числе, могла сдавать их в аренду, как своим членам, так и третьим лицам. Усадебные земли представляли собой земельные участки, на которых непосредственно размещался крестьянский двор с постройками, садом и огородом, находящиеся, как правило, в черте населенных пунктов. Крестьяне могли распоряжаться усадьбой на правах полной собственности.⁶¹¹ Право на усадьбу крестьянами можно было охарактеризовать как пожизненное владение без права отчуждения.⁶¹² В своих интересах община могла нарушить права хозяина на усадебную оседлость. Например, сельский сход мог потребовать от домохозяина переноса изгороди или забора, препятствующих прогону скота. В то же время при образовании нового хозяйства именно из общинных земель ему отводился земельный участок под усадьбу.

До 1917 г. на территории России можно выделить три важнейшие формы крестьянского землевладения – общинную, подворную и участковую (индивидуальную). Сочетание внутри общинного землевладения трех выше указанных категорий земель с различным правовым статусом объясняло противоречивость взглядов российских юристов на юридическую природу общинного землевладения. Однако вплоть до 1917 г. это понятие так и не было законодательно оформлено. В результате в течение всего пореформенного периода вплоть до октябрьской революции аграрный строй России сохранял всю пестроту местного колорита и норм обычного права в сфере поземельных отношений, что в свою очередь чрезвычайно осложняло задачу реформирования и правового регулирования аграрных отношений, включая разрешение основополагающего вопроса о субъектах права земельной собственности. То, что выступало проблемой для правоведов, не являлось таковой для крестьянства. Русская деревня продолжала регулировать поземельные отношения нормами обычного права.

Земельные иски

Потрава посевов, нарушение межи при косьбе («перекос»), ошибочный вывоз чужого стога сена, засев соседнего клина пахотной земли – эти спорные вопросы, сопровождали повседневную хозяйственную деятельность крестьян. Принцип решения земельных споров был определен традиционным жизненным укладом крестьян. Отличительной чертой обычно-правового регулирования было возмещение трудовых затрат при решении хозяйственных споров. После тщательного осмотра места происшествия старостой с «добросовестными», скрупулезного подсчета нанесенного ущерба, крестьянские судьи обязывали самого «пострадавшего» вернуть семена, которыми ошибочно засеян его пахотный клин, произвести запашку такого же по размеру клина или возместить затраты деньгами.

Споры, возникавшие вокруг права пользования земельным наделом, решались в деревне на сельском сходе на основе норм обычного права. В волостной суд обращались в том случае, если мирской приговор казался одной из сторон несправедливым. Анализ решений волостных судов дает основание сделать вывод о том, что в земельных вопросах они руководствовались не законом, а обычаем. В случае самовольного запахивания чужих полос, потерпевший обращался в волостной суд. Суд присуждает посеянный хлеб истцу, с вычетом в пользу ответчика за семена, если хлеб уже убран ответчиком, то денежное вознаграждение за убытки по существующим на хлеб ценам⁶¹³. С.В. Пахман приводит пример, когда волостной суд за самовольный засев урожаем озимой пшеницы распредели следующим образом,

⁶¹¹ См.: Попов В.А. Правовой статус крестьянского землевладения в России в начале XX в. // Власть и общество в России. XX век: Сб. науч. труд. М.-Тамбов, 1999. С. 223.

⁶¹² Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. СПб., 1894. С. 54.

⁶¹³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2.

восемь копен отдал хозяину, а 8,5 копен за работу. Допускалась и возможность компенсации: «ты посеял на моей полосе, я посею на твоей»⁶¹⁴.

В процессе семейных разделов сельский сход делил и земельный надел, который находился в пользовании всей семьи. Подобные решение нередко становились причиной исков, которые подавали те, кто считал себя незаконно обделенным. Так, в 1891 г. Темниковское уездное по крестьянским делам присутствие оставило без последствий жалобу Петра Степанова на приговор сельского схода села Бахтызино об утверждении раздела земельного надела между ним и братом. В решении было записано, что «по обычаю и правилам, принятым в крестьянском быту, сход имел полное право разделить и земельный надел»⁶¹⁵. Община зорко следила за соблюдением своих интересов. Иск сельского общества в волостной суд об изъятии земельных наделов из «незаконного» владения тем или иным односельчанином заканчивался, как правило, в пользу крестьянского мира. Салтыковский волостной суд Моршанского уезда своим решением удовлетворил иск общества об изъятии земельного надела на три души у Андрея Абрашкина⁶¹⁶. В марте 1913 г. волостной суд Питерской волости Моршанского уезда вернул в общинное пользование земельный надел на одну душу крестьянина Фрола Шишкина, сданного им в аренду. Несмотря на то, что, на суде была представлена копия договора аренды сроком на 10 лет, суд в иске отказал. Представитель ответчика заявил о том, что спорная земля более 50 лет принадлежит обществу, а Шишкин, как отсутствующий домохозяин, хозяйство на этой земле не вел и пользоваться ей не мог⁶¹⁷. Другое решение принял Рыбинский волостной суд, того же уезда в 1914 г. Крестьянин с. Давыдовки Николай Трубицын просил отобрать у отца земельный надел на две души, который полагался ему согласно условиям семейного раздела. Ответчик заявил, что данный надел находится у него в арендном пользовании до очередного передела (1922 г.) на основе словесного договора и деньги за аренду уплачены полностью. Суд удовлетворился таким объяснением, и требования истца признал необоснованными⁶¹⁸.

Одним из критериев разрешения земельных споров по обычному праву являлся принцип трудового участия. В качестве примера может служить дело, рассмотренное Воейковском волостном суде 10 июля 1873 г., по жалобе крестьянина Никиты Моисеева. Истец арендовал земельный надел под посев озимого хлеба у мещанина Ивана Немерова, который пользовался им по приговору сельского схода. После смерти Немерова общество д. Дубровка не допустило Моисеева убрать посеянный им хлеб. Волостной суд вынес решение: посеянную рожь Моисеевым на земле, находившейся в пользовании умершего Немерова, принадлежащей крестьянам д. Дубровка, убрать половину в свою пользу ему, Моисееву, а другую половину отдать в пользование общества.

Примером столкновения в поземельных отношениях закона и обычая может служить дело крестьянки Евгении Умрихиной с просьбой признать ее единственной наследницей на земельный надел ее отца Харитона Умрихина, умершего в 1901 г. Она вышла замуж в 1905 г. и приняла мужа в свой дом. В своем заявлении истица просила отобрать землю из владения обществом и взыскать арендную плату за три года с 1907 по 1909 гг. в размере 32 р. В копии волостного суда Градо-Стрелецкой волости Козловского уезда от 18 ноября 1911 г. сообщалось о том, что истица, как вышедшая замуж до закона от 9 ноября 1906 г. в другое общество, прав пользования на отцовский надел не имеет. Крестьянка Е. Умрихина подала жалобу на имя земского начальника 3-го участка Козловского уезда от 7 мая 1911 г. На заседании Козловского уездного суда 3 августа 1913 г. уполномоченный общества заявил, что по местному обычаю дочери, вышедшие замуж теряют право на землю отца. И не важно, осталась истица во дворе отца или нет. Однако уездный суд принял во внимание, что истица, по показанию свидетелей, из двора не выходила, и двор продолжал существовать. Решение сельского общества от 6 марта 1911 г. об упразднении двора он признал незаконным, а ссылку на местный обычай, лишаящий истицу права владения землей отца, голословной⁶¹⁹.

Семейное имущество

Нормы обычного права рассматривали семейное имущество как единое целое, игнорируя имущественные права отдельной личности.

⁶¹⁴ Пахман С.В. Указ. соч. Т. 1. С. 43.

⁶¹⁵ ГАТО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 647. Л. 5, 5об.

⁶¹⁶ Там же. Ф. 787. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

⁶¹⁷ Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 3, 4, 9об.

⁶¹⁸ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 30. Л. 1, 11.

⁶¹⁹ Там же. Ф. 327. Оп. 1 Д. 1. Л. 1, 20, 23, 29, 30, 31об.

В этом выразился исторически сложившийся государственный подход к крестьянской семье, как тягловой единице, где неделимая семейная собственность являлась главным условием благосостояния хозяйства и его платежеспособности. Государство стремилось закрепить семейный надел и необходимый сельскохозяйственный инвентарь в потомственной собственности всего крестьянского двора, лишая при этом права собственности как самого домохозяина, так и отдельных членов семьи. Заведование общесемейным имуществом признавалось правом домохозяина, который извлекал доходы из общесемейного имущества и производил расходы на нужды всей семьи. Но он не имел право отчуждать части имущества, не получив согласия других членов семьи. Ограничивая право главы семьи в распоряжении имуществом, мир преследовал одну цель – сохранить тяглоспособность крестьянского двора. С этой целью, в случае неплатежеспособности, сельское общество могло ограничить право главы дома по распоряжению имуществом двора⁶²⁰.

По утверждению Ф.Ф. Барыкова: «Крестьянское имущество есть общая принадлежность дома, семьи, находящиеся в заведовании домохозяина; отдельной личной собственности у членов семьи почти нет, и по тому по смерти их наследство не открывается»⁶²¹. Определить собственность крестьянского двора (семьи) как общую было бы не совсем верно, так как не один из ее членов не мог указать на свою долю в ней. Точнее определить ее как собственность артельного типа, ввиду того, что в нее были включены не только родственники, но другие работники (приемыши, зять – примак), ставшие членами семьи. В своей записке (1905 г.) по вопросу волостного суда сенатор Н.А. Хвостов так определял природу собственности крестьянской семьи. Он в частности писал: «В крестьянском самосознании имущество двора всегда понималось принадлежащее всей семье. Иначе быть не могло. Весь крестьянский семейный уклад, все порядки семейной жизни основаны на трудовом начале. Если дети будут знать, что у них нет никаких прав на общее имущество двора, то ни один из них не станет отдавать свой заработок отцу. Крестьянская семья – это рабочая артель, связанная кровными узами, мальчик с малых лет начинает зарабатывать для дома»⁶²². Глава крестьянского двора зорко следил за тем, чтобы все денежные средства, получаемые членами семьи, шли в общую казну. С сыновей-отходников отец, отправляя их на заработки, брал обещание, что они каждую полученную копейку будут отправлять домой. Если этого не происходило и сын не посылал семье заработанных денег, то отец мог лишить его доли наследства. В этом опять же проявлялся принцип трудового участия каждого члена семьи в формировании артельной собственности крестьянского двора.

Единственно, где мы можем говорить о собственности как таковой, в классическом ее понимании – это женская собственность. По крестьянской традиции собственностью бабы признавалось ее приданое. Оно, в сельском быту, рассматривалось как награждение члена семьи, вышедшего навсегда из ее состава. Его в деревне начинали готовить девушки с 12 лет. Содержание сундучка («коробьи») потенциальных невест было схожим. Это были платки, ситец, кружева, чулки и т.п. Приданое вкупе с «кладкой», т.е. вещами (реже деньгами), подаренными на свадьбе, считалось в деревне собственностью женщины и являлось для нее своеобразным страховым капиталом. Бывший земский начальник не понаслышке знавший сельский быт А. Новиков писал: «Почему у бабы страсть собирать холсты и поневы? – Деньги всякий муж при случае отнимет, т.е. выбьет кнутом или ремнем, а холстов в большинстве случаев не трогают»⁶²³. На женскую собственность крестьянской традицией было наложено табу, она была неприкосновенна. Сенатор Н.А. Хвостов, владевший имением в Орловской губернии, вспоминал: «Даже в самые лютые периоды выбивания податей, когда в соседнем Ливенском уезде, в начале 90-х гг., полиция продавала хлеб из запасных магазинов, последних лошадей и коров, и даже где-то захватывало и продавало муку, данную от Красного Креста, то и там, при всей этой оргии, не слышно было, чтобы становые и урядники где-нибудь покусились на сундучки девочек-подростков»⁶²⁴. А вот что сообщал крестьянин С. Булгаков в письме от апреля 1919 г. на имя секретаря ВЦИК Аванесова. Характеризуя действия в Абакумовской волости Тамбовского уезда местного комбеда, он в частности писал: «Отбирали под видом спекуляции вещи ничего общего с таковыми не имеющими: у невест-девушек скатерти и кроеные платья, как приданое»⁶²⁵. Это тоже отношение к сельской традиции, но только той части крестьян, для которых события предыдущих лет стали причиной «разрухи в головах».

Волостные суды, руководствуясь нормами обычного права, стояли на защите женской собственности. В качестве примера приведу запись из книги решений Ильинского волостного суда Орловской гу-

⁶²⁰ Милогорова И.Н. О праве собственности в пореформенной крестьянской семье. 1861 – 1900 гг. // Вестник МГУ. 1995. № 1. С. 24, 26.

⁶²¹ Барыков Ф.Ф. Обычаи наследования у государственных крестьян. СПб., 1862. С. 9.

⁶²² ОР РГБ. Ф. 58/II/ Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 10.

⁶²³ Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 17.

⁶²⁴ ОР РГБ. Ф. 58/II/ Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 10об.

⁶²⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 11. Д. 86. Л. 217.

бернии. «1896 года апреля 5 Ильинский волостной суд в составе председателя Алексея Волосатова, судей: Карпа Котлярова, Дмитрия Афонина и Петра Гусева разбирал уголовное дело по жалобе крестьянина села Ильинского Савелия Мишакина на невестку свою Дарью Мишакину об уводе самоуправно овцы, стоящей 5 р. и уноса иконы, стоящей 3 р. Просил взыскать с ответчицы за икону 3 р. и 3 р. за прокорм овцы в одну зиму. Ответчица объяснила, что проработала все лето у свекра, а осенью прошлого года он выгнал ее со двора, не давший никакого пропитания. Она взяла свою приданку (овцу) и благословение (икону). Суд предложил примирение, но стороны отказались. Постановил: истцу в иске отказать так как Дарья Мишакина взяла овцу и икону не Савелия Мишакина, а как свою собственность»⁶²⁶.

Согласно деревенской традиции, снохе, вступавшей в семью, разрешалось иметь «собенку» т.е. отдельное имущество. Оно могло состоять из скотины, 2 – 3 овец или телка, а также денег, собранных на свадьбе⁶²⁷. Это приданое не только обеспечивало ее необходимой одеждой, но и выступало источником хоть небольшого, но дохода. Средства, полученные от продажи шерсти с овцы и продажи приплода, шли на ее личные нужды. Личной собственностью снохи были также имущество и средства, полученные ею по наследству. В некоторых местах, например, в с. Осиновый Гай Кирсановского уезда Тамбовской губернии, многие жены имели даже свою недвижимую собственность – землю, от трех до 18 десятин и самолично расходовали получаемый с нее доход⁶²⁸. По обычаю снохам отводили полоску для посева льна, конопли или выделяли пай из семейного запаса шерсти, конопляного волокна. Из этих материалов они изготавливали себе, мужу и детям простыни, рубахи и т.п.⁶²⁹ Часть произведенного сукна могла быть продана. Домохозяин не имел права посягать на «бабьи заработки», т.е. средства, полученные от продажи грибов, ягод, яиц⁶³⁰. В деревне говорили: «У баб наших своя коммерция: первое – от коров, – кроме того что на столе подать, – остальное в их пользу, второе – от льна: лен в их пользу»⁶³¹. Заработок от поденной работы, произведенной в нерабочее время с согласия главы крестьянского двора, также оставался в распоряжении женщины. На свои средства сноха должна была удовлетворять все потребности и нужды своих детей, так как, по существовавшей традиции, из общесемейных средств, на сноху, кроме питания и снабжения ее верхней одеждой не тратилось ни копейки. Все остальное она должна была приобретать сама. На эти же средства в крестьянских семьях готовилось приданое⁶³². По обычному праву приданое, являясь отдельной собственностью женщины, после смерти переходило ее наследникам.

Особые имущественные отношения внутри семьи приводили к специфическим отношениям между родителями и детьми. Согласно народным воззрениям и православным нормам, родители должны были кормить и воспитывать своих детей. Родители были обязаны содержать детей до совершеннолетия, если они не делали это добровольно, то их принуждали через суд⁶³³. Согласно деревенской традиции, если отец не заботился о своем ребенке, то он терял права на его личность и поэтому должен был вознаграждать его за труд как наемного работника. У известного правоведа И. Оршанского находим примеры решения волостных судов, по которым определялось содержание детям от отца⁶³⁴. Община строго следила за этим. Бедные родители иногда отдавали своих детей в приемьши и с этим утрачивали права на них. Имущественные отношения между родителем и детьми прекращались, когда дети выделялись из семьи. Напротив, вхождение в крестьянскую семью нового члена влекло за собой возникновение обязательных отношений. В ряде мест отмечено составление договоров тестя с зятем-приемышем.

Право наследования у крестьян

Порядок наследования у крестьян определялся нормами обычного права⁶³⁵. Письменные завещания для деревни были редкостью. Если они и составлялись, то в присутствии священника или члена волостного правления при трех свидетелях. Чаще всего крестьяне отдавали распоряжения завещательного характера на словах. Словесные завещания в правовой практике русской деревни имели такую силу, что и письменные. «Это святой закон, чем отец перед смертью благословил, тем тому и владеть»⁶³⁶. Воля на-

⁶²⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1074. Л. 5 – 6.

⁶²⁷ Всеволожский Е. Очерки крестьянского быта Самарского уезда // Этнографическое обозрение. 1895. № 1. С. 3, 6.

⁶²⁸ Бондаренко В. Указ. соч. С. 41.

⁶²⁹ Архив ИЭА РАН. К. 14. (Коллекция ОЛЕАЭ). Д. 45. Л. 2об.

⁶³⁰ Тютрюмов И. Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 10. С. 311.

⁶³¹ Матвеев С. Из жизни современного крестьянского мира (в волостных старшинах) // Русское богатство. 1913. № 9. С. 139.

⁶³² Село Вирятино в прошлом и настоящем. М., 1958. С. 82.

⁶³³ Шейн В. Очерки народно-обычного права Вологодской губернии // Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. Т. 2. С.

⁶³⁴ Оршанский. И.Г. Указ. соч. С. 57.

⁶³⁵ См.: Мухин В. Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888.

⁶³⁶ Зарудный М.И. Указ. соч. С. 114.

следодателя не могла противоречить сложившимся в крестьянском быту общественным и нравственным нормам. Сельский сход зорко следил за тем, чтобы порядок наследования соответствовал сложившимся традициями. Он твердо стоял на защите общинных интересов и не утверждал те завещания, которые их нарушали. Так, не утверждались завещания в пользу дочери, если у завещателя оставался малолетний сын. Крестьяне говорили: «Нельзя обойти сына, этой неправды общество допустить не может». Не допускалось также завещание посторонним лицам⁶³⁷.

Порядок наследования у крестьян Центрального Черноземья был примерно одинаковым. Примером может служить описание традиционных норм наследования у крестьян села Костино – Отдельце Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. В 1900 г. П. Каверин в ответе на анкету Этнографического бюро в частности писал: «Отцовский дом и все хозяйство по смерти отца достается всем братьям поровну. Отделенные сыновья в наследстве не участвуют. Также не участвуют в наследстве замужние дочери, а также дочери-вдовы, хотя бы они после смерти мужей жили при отце. Жена после смерти мужа, при неимении детей, является по крестьянскому обычаю, единственной наследницей всего имущества мужа, в том числе и усадьбы. Для признания ее в правах на такое наследство не требуется письменных актов, жена просто владеет имуществом, как бы владела им всегда»⁶³⁸. По обычаю крестьян деревень Болховского уезда Орловской губернии при распределении наследства хата доставалась младшему брату, а старший должен был выстроить новую. За уступку избы и усадьбы младший брат доплачивал старшему лишней постройкой, скотиной или деньгами⁶³⁹.

Молодые незамужние дочери по общему правилу получали часть наследства по усмотрению братьев, жили с ними до замужества и получали от них приданое. В Борисоглебском уезде Тамбовской губернии встречался такой обычай в наследовании: если по смерти хозяина оставалась дочь-девица, в возрасте невесты (16 – 20 лет), то она получала от братьев 1/10 часть движимого имущества. Если же она перешагнула этот возраст, то она получала в наследство значительно больше – 1/5 – 1/6 часть⁶⁴⁰. Старые девы («вековуши») за большой трудовой вклад получали от братьев небольшой дом и пропитание. При отсутствии у умершего домохозяина сыновей его имущество обыкновенно переходило к незамужним дочерям, включая даже надельную землю, если женщины могли справиться с хозяйством и уплачивать налоги⁶⁴¹. Вдовец из имущества умершей жены получал только постель, а остальное имущество возвращалось ее родителям; если же после нее оставались дети, то все имущество переходило к ним⁶⁴². Вдова, если ее муж жил в семье своего отца, имущества не наследовала, и ей возвращалось только приданое.

В отличие от закона имущество крестьянского двора могли наследовать не только кровные родственники, но и все члены семьи – хозяйства, которыми считались все те, кто работал в хозяйстве и создавал его имущество, – усыновленные, приемыши и незаконнорожденные. На равных основаниях с родными сыновьями к наследованию допускался зять-примак, «влазень». Обычай допускал наследование в боковых линиях. В ряде мест имущество домохозяина, в том числе и усадьба, умершего бездетным не признается выморочным, а поступает братьям, дядьям, племянникам. Правда, в Козловском уезде Тамбовской губернии непременным условием принятия наследства этой категорией родственников было совместное жительство с умершим⁶⁴³. Обычное право в отличие от закона не устраняло вовсе восходящих родственников от наследства – имущество замужней дочери наследовалось либо ее матерью, либо отцом⁶⁴⁴. Н. Бржеский, исследователь начала XX в., писал, что «наследственное право родителей (на имущество умерших детей), супругов, незаконнорожденных детей и т.п. с точки зрения крестьянского обычного права представляется более обеспеченным, нежели в писанном законе ...»⁶⁴⁵.

Волостные суды

ВОЛОСТНОЙ СУД БЫЛ СОЗДАН ПО ПОЛОЖЕНИЮ ОТ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. В КАЖДОЙ ВОЛОСТИ. ЭТО БЫЛО ВЫЗВАНО ЛИКВИДАЦИЕЙ ПОМЕЩИЧЬЕГО ПРАВА ВОТЧИННОЙ ПОЛИЦИИ И НЕОБХОДИМОСТЬЮ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ. В ВЕДЕНИИ

⁶³⁷ Там же. С. 115.

⁶³⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2023. Л. 9, 11.

⁶³⁹ Там же. Д. 1007. Л. 1.

⁶⁴⁰ Обычай в приговорах сельских сходов Тамбовской губернии // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 85.

⁶⁴¹ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 2. СПб., 2000. С. 73.

⁶⁴² Обычай в приговорах сельских сходов Тамбовской губернии ... С. 85.

⁶⁴³ Там же.

⁶⁴⁴ Пахман С.В. Указ. соч. Т. 2. С. 209 – 290.

⁶⁴⁵ Бржеский Н. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902. С. 102.

СУДА ВХОДИЛИ ВСЕ СПОРЫ И ТЯЖБЫ ДО

100 Р. КАК ДВИЖИМОГО, ТАК И НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА, В ПРЕДЕЛАХ КРЕСТЬЯНСКОГО НАДЕЛА. СУД РАССМАТРИВАЛ ДЕЛА О НАСЛЕДСТВЕ, ОПЕКЕ, ЗАЙМАХ, ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ, А ТАКЖЕ МАЛОВАЖНЫЕ ПРОСТУПКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ.

В РЕШЕНИИ БОЛЬШИНСТВА ДЕЛ СУДУ РАЗРЕШАЛОСЬ РУКОВОДСТВОВАТЬ НЕ СУЩЕСТВУЮЩИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ, А МЕСТНЫМИ ОБЫЧАЯМИ. СОСЛОВНЫЙ ХАРАКТЕР СУДА ПОДЧЕРКИВАЛ ЮРИДИЧЕСКУЮ ОБОСОБЛЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА И САМОБЫТНОСТЬ ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ. НАРЯДУ С ОБЩИНСКИМИ СУДАМИ ВОЛОСТНОЙ СУД СЛЕДУЕТ РАССМАТРИВАТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩУЮ СЕЛЬСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ. СОГЛАСНО СТ. 95. ОБЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ ОН ВЕДАЛ «КАК СПОРАМИ И ТЯЖБЫ МЕЖДУ КРЕСТЬЯНАМИ, ТАК И ДЕЛА ПО МАЛОВАЖНЫХ ИХ ПРОСТУПКАМ». ОДНИМ СЛОВОМ, ИЗНАЧАЛЬНО В ПРЕДЕЛАХ ЮРИСДИКЦИИ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ ОКАЗАЛИСЬ ТЕ КОНФЛИКТЫ И ПРАВОНАРУШЕНИЯ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ПОРОЖДЕНЫ САМОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ И НАИБОЛЕЕ ЧАСТО ВОЗНИКАЛИ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ.

Суд имел право накладывать наказания в виде ареста до семи дней, общественных работ до шести дней, денежного штрафа до 3 р., порки розгами до 20 ударов. Решение суда считалось окончательным. Оно могло быть обжаловано в случаях: принятия к своему разбору неподсудного дела; определения наказания, превышающее предоставленную суду власть; решения суда без вызова сторон⁶⁴⁶. Состав судей, числом от четырех до 12, избирался на волостном сходе. Присутствие состояло не менее чем из трех судей. Вознаграждение судей устанавливалось по решению волостного схода, но в 60 – 70-е гг. XIX в., по мнению исследователя Л.И. Земцова, было редкостью⁶⁴⁷. Освобождение членов волостного суда от натуральных повинностей на практике осуществлялось не везде. Так, по данным комиссии Любошинского,

из 82 обследованных волостей освобождение от повинностей членов волостного суда встречалось в только в 21 волости, а жалованье – лишь в восьми волостях. В целом по стране жалованье получали примерно треть судей, и оно составляло в зависимости от местности от 5 до 60 р. в год⁶⁴⁸. Конечно, такое незначительное вознаграждение не стимулировало крестьян занимать судебные должности. В ряде мест крестьяне относились к судам как к новой повинности («берем в суды, как в солдаты»). Нежелание нажить себе врагов также являлось одной из причин уклонения крестьян от членства в волостном суде. По справедливому замечанию М. Зарудного, «судье нередко приходилось определять наказание, возбуждающее недовольство и злобу, а ссориться с односельчанином никому не хотелось»⁶⁴⁹.

Комиссия М.И. Любошинского, обследовавшая состояние волостных судов (1878 г.) в губерниях Европейской части России, выявила массу недостатков в их работе. Материалы комиссии полны примеров «питейного правосудия». Низким оставался и образовательный уровень судей. В 78 волостях Тамбовской губернии по данным за 1878 г. из 683 судей грамотных было только 62⁶⁵⁰. Сами крестьяне характеризовали волостные суды как «темные», «неумелые», которые «законов не знают». При формировании состава волостного суда грамотные и образованные крестьяне стремились избежать членства в нем. Исследование выявило зависимость судей от волостных старшин и писарей. «Да иначе и трудно, – заявляли сами судьи, – так как судьи неграмотные, а старшина первый голова»⁶⁵¹. Несмотря на недостатки, крестьянский суд пользовался доверием сельского населения. В трудах той же комиссии приводятся данные опроса об отношении крестьян к волостному суду. В 67 ответах (81,7 % всего числа) опрошенных отмечалось, что они довольны своим судом, в четырех это сделано с оговорками, резко отрицательные отзывы дали в двух случаях⁶⁵².

С целью улучшения деятельности волостных судов в июне 1889 г. были приняты «Временные правила о волостных судах». Кандидаты в волостные судьи определялись на сельском сходе. В каждой волости таких кандидатов должно было не менее восьми. Из их числа земский начальник утверждал четырех волостных судей сроком на три года, при чем один из судей назначался председателем. По гражданским делам суд вел все иски о недельном имуществе без ограничения суммы, прочие споры и тяжбы до 300 р., по наследственным делам до 500 р. Суд имел право приговаривать к аресту до 30 дней и де-

⁶⁴⁶ Леонтьев А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895. С. 58.

⁶⁴⁷ Земцов Л.И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002. С. 13.

⁶⁴⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 242. Л. 22.

⁶⁴⁹ Зарудный М.И. Указ. соч. С. 106.

⁶⁵⁰ Березанский П. Указ. соч. С. 52.

⁶⁵¹ Крестьянский строй: Сб. ст. Т. 1. СПб., 1904. С. 405.

⁶⁵² Земцов Л.И. Волостные суды Центрального Черноземья в начале 70-х гг. XIX в. // Исторические записки. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 81.

нежному штрафу до 30 р. Опека судов со стороны земских начальников выразилась в том, что многие решения выносились под его диктовку. Сами же земские начальники сетовали на то, что, несмотря на их старания, суд в своем составе, редко имел «грамотного» председателя, умеющего с грехом пополам написать свою фамилию.

Нарекание со стороны крестьян вызывала вольная трактовка волостными судами обычая, как основы выносимых решений. Твердых и определенных обычаев практика волостных судов установила мало. «В большинстве случаев имеются не обычаи, разумея под этим термином вполне определенное правосознание, а простое обихование, не обладающее свойством непреложного в народном представлении указания и ввиду этого соблюдаемого лишь, поскольку оно не нарушает, чьих-либо существенных интересов. Таким образом, решить, что есть обычай, и что нет – представляется часто задачей весьма трудной», – делал вывод в своем докладе сенатор Г.А. Евреинов⁶⁵³. С целью решения проблемы Сенат решениями 1891 и 1896 гг. дал право волостным судам подтверждать или опровергать существование у крестьян того или иного обычая. Волостной суд фактически получил право творить правовые нормы. Местные обычаи не всегда могли служить правовым руководством постоянных и одинаковых решений. Волостной суд просто не мог знать обычного права всех селений волости⁶⁵⁴.

К концу XIX в. положение волостных судов в деревне укрепилось. По мере развития крестьянского правосознания совершенствовалась система сельского правосудия. С ростом авторитета волостного суда возросла и привлекательность судебных должностей, а равно требовательность односельчан к кандидатам в волостные судьи. Заседания суда проводились в воскресные дни, поэтому исполнение судебных обязанностей не мешало хозяйственной деятельности. Судьи получили знаки отличия, а вместе с ними уважение со стороны односельцев, которые говорили, что «никто не знает, может, и нам придется судиться у него, не грех и уважить»⁶⁵⁵. Не последнюю роль играл и повышение денежного довольствия членам волостного суда. Из Орловской губернии в информационной записке в МВД сообщали: «В судьи предпочитают избирать грамотных, развитых, при том более или менее состоятельных. Судья назначают жалованье 60 р. в год, председателю – 100 р. Судья освобождается от натуральных повинностей»⁶⁵⁶.

Информатор

А. Петров из Шехманской волости Липецкого уезда Тамбовской губернии в письме от 8 февраля 1899 г. писал в Этнографическое бюро: «В волостные суды избираются преимущественно люди грамотные, из отставных нижних чинов, которых народ привык считать наиболее развитыми и добросовестными. Председатель волостного суда получает из волостных сумм 100 р. жалования, а остальные три судьи – по 60 р.»⁶⁵⁷.

При всех имеющихся недостатках волостной суд был близок и дорог крестьянам. Причина заключалась в однородности взглядов и понятий в тяжёлых делах судей и сторон⁶⁵⁸. Вся критика волостного суда, звучащая со стороны представителей образованного общества в начале XX в., основывалась на результатах комиссии Любоцинского тридцатилетней давности. Ратуя за ликвидацию волостных судов, авторы статей приводили все тот же набор аргументов о «царстве обычая», «пьяном правосудии», недоверии волостным судам» и т.п. В связи с этим интересным представляется свидетельство А.В. Кривошеина, в бытность его делопроизводителем земского отдела МВД. В своем рапорте министру внутренних дел, в 1895 г., по результатам своей поездки по губерниям Центральной России он докладывал: «Охотное обращение крестьян в волостной суд, несомненно, указывает на настоятельную потребность сельских местностей в суде близком, скором и простом, нестесненном громоздкими процессуальными формальностями»⁶⁵⁹. Необходимость сохранения волостных судов исходила, прежде всего, из объективной реальности. Критики сельского правосудия, верно подмечая его слабые стороны, однако не отвечали на главный вопрос, а чем могут быть заменены волостные суды? Давая ответ таким прожектерам, Н. А. Хвостов справедливо замечал: «Волостные суды неизбежно должны быть сохранены, так как ничем другим их заменить невозможно. Мы не можем в каждую волость дать мирового судью, уже я не говорю юриста, но хотя бы человека со средним образованием, как это и требовалось по закону о мировых судьях»⁶⁶⁰.

ПРИНЦИПЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА. НАКАЗАНИЯ

⁶⁵³ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 431. Л. 9.

⁶⁵⁴ Риттих А.А. Крестьянский правопорядок. СПб., 1904. С. 23, 30 – 31, 83.

⁶⁵⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 124. Л. 3; Д. 150. Л. 3; Д. 154. Л. 31.

⁶⁵⁶ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 45.

⁶⁵⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2.

⁶⁵⁸ Качалов Н.В. Указ. соч. С. 146.

⁶⁵⁹ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 115 Л. 43.

⁶⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 58/II/ Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 2об.

Волостные суды нельзя обвинить в формальном подходе в оценке преступления. Они тщательно подходили к выяснению мотивов и обстоятельств совершенного преступления. Так, если дети по приказу родителей шли на преступление, то они не отвечали. Отвечали за них родители. А если преступление совершала жена по наущению мужа, то они отвечали оба, но последней делалось снисхождение. Один крестьянин послал жену воровать пеньку в снопах, ее поймали, она призналась, что ее послал муж. Суд приговорил мужа к аресту на 15 суток, а жену на пять⁶⁶¹. Волостной суд, вынося приговор, учитывал все обстоятельства дела, обращая внимание на факторы смягчающие или напротив усиливающие вину обвиняемого. К причинам, которые усиливали наказание при вынесении приговора, следует отнести: повторность совершенного преступления, совершение кражи днем, дурное поведение, запирательство на суде. Напротив, болезненное состояние, физические недостатки, наличие грудного ребенка, беременность, чистосердечное признание, несовершеннолетие, отсутствие умысла, заслуги виновного – все это на суде выступало факторами, смягчающими наказание⁶⁶².

Главным в решении по обычаю было воззрение на личность тяжущихся и их положение в семье. Члены волостного суда говорили, что «решаем, глядя по человеку и по хозяйству». Да и сами крестьяне утверждали, что судьи руководствуются не столько обычаями, сколько справедливостью и обстоятельствами дела, соображаясь с человеком⁶⁶³. Субъективизм играл большую роль в принимаемых волостным судом решениях. Для судей была важна не только суть дела, но и репутация, поведение участвующих в деле. Если судьи не были знакомы с истцом и ответчиком, то необходимую информацию о них они получали от старосты. Дурная слава о человеке ужесточала выносимый приговор и, напротив, отзывы об участнике процесса как о трудолюбивом и рачительном хозяине выступали смягчающим вину обстоятельством. Уважение к трудовому успеху просматривалось в судейских решениях и являлось проявлением высшей справедливости. По утверждению Н.Н. Покровского, таким образом, давался «пример действенного функционирования общественного мнения, основанного в первую очередь на трудовой репутации человека ...»⁶⁶⁴.

Основываясь на народных традициях, юридических обычаях русской деревни, волостные суды видели свою главную задачу отнюдь не в том, чтобы покарать виновного, а в том, чтобы примирить стороны, сохранить внутреннюю солидарность сельского мира. Мировая сделка, по народным понятиям, являлась единственно справедливым исходом всякого дела. По наблюдениям писателя-демократа Н.А. Астырева, служившего волостным писарем в Воронежской губернии, до суда доходило не более 2/3 заявленных в волостное правление жалоб, одна треть заканчивалась миром без помощи правосудия⁶⁶⁵. Учет интересов другого, даже в случае его неправоты – лучший исход для того, чтобы продолжилось нормальное существование в том тесном коллективе, с которым крестьянин был связан всю жизнь. Большинство дел, рассмотренные волостным судом исчезали бесследно, так как дела заканчивались примирением сторон и поэтому в книгу решений не заносились⁶⁶⁶. В материалах волостных судов Тамбовской губернии часто встречается запись о том, что дело прекращено за неявкой сторон.⁶⁶⁷ Можно предположить, что это неявка истца и ответчика на суд была также следствием их примирения. Во всех волостях миром в судах кончалось более половины всех дел. Показательным в этом отношении данные Ильинского волостного суда Болховского уезда Орловской губернии за 1896 г. За год судом рассмотрено 411 дел из них гражданских 214. Примирением сторон закончено 139 гражданских дел⁶⁶⁸.

Желание решить дело так, «чтобы никому не было обидно» лежало в основе деятельности народных судей. В народе о таких решениях говорили «грех пополам». Сущность обычая заключалась в разделе суммы исков за убытки (грех) между истцом и ответчиком так, что потерпевшая сторона удовлетворялась лишь частью потерь. Этот вид решения часто встречался в практике волостных судов. Чаще всего к нему прибегали в случае недостатка улики или в случае причинения ущерба без умысла⁶⁶⁹.

Обычаем суд руководствовался и в процессе судопроизводства. Крестьяне, как правило, подавали иски и жалобы не непосредственно в суд, а волостному старшине. Большинство исков заявлялось ему устно при встрече с ним на сходе, в правлении или в ином месте. Жалобы крестьяне подавали лично, но

⁶⁶¹ Там же. Д. 1034. Л. 5.

⁶⁶² Березанский П. Указ. соч. С. 189 – 195.

⁶⁶³ Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873. Т. 1 – 8. С. 326, 364.

⁶⁶⁴ Покровский Н.Н. Труд и обычай // Новый мир. 1987. № 12. С. 248.

⁶⁶⁵ Астырев Н.М. Указ. соч. С. 244.

⁶⁶⁶ Там же. С. 152.

⁶⁶⁷ См.: ГАТО. Ф. 231. Оп. 1. Д. 7, 45, 102, 134, 201.

⁶⁶⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1074. Л. 2.

⁶⁶⁹ Березанский П. Указ. соч. С. 109; ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 47; Там же. Д. 120а. Л. 14.

за малолетних и больных могли заявлять иск их родственники. Дело рассматривалось в присутствии сторон. За неявку на заседание без уважительной причины суд мог приговорить к штрафу⁶⁷⁰. В гражданских делах муж мог участвовать за жену, отец за сына. Большак заменял в суде любого члена семьи, вызванного, как ответчика. Обычай вообще устранял от дачи показаний на суде только лиц, стяжавших, безусловно, дурную репутацию. Целые общины являлись ответчиками только в трех случаях: по лесным порубкам, потравам полей и растратам со стороны должностных лиц сельского управления⁶⁷¹. Сельскую общину на суде представлял староста или специально выбранный на сходе уполномоченный.

Обычно-правовое регулирование в крестьянской среде предусматривало решение всех спорных «на миру», при участии и опросе всех сведущих о существе дела. Традиционная гласность крестьянского суда была проявлением взаимного нормативного контроля, гарантом соответствия принимаемого решения неписаным нормам обычного права, одновременно такая гласность выступала залогом исполнения принятого решения. Большое значение придавали свидетельским показаниям, что было обусловлено не только низким уровнем грамотности, но и религиозно-нравственными нормами, особенностями юридических взглядов крестьян. Свидетели призывались на волостной суд для того, чтобы выяснить все обстоятельства дела, а следовательно, принять верное решение. Следует отметить, что крестьяне неохотно выступали свидетелями на суде, объясняя это нежеланием нажить себе врагов⁶⁷².

Признание ответчиком своей вины играло важную роль в крестьянском судопроизводстве. Волостные суды принимали массу решений, основанных только на одном добровольном сознании ответчика, на его «чистосердечном раскаянии», при полном отсутствии каких-либо доказательств со стороны истца⁶⁷³. Это еще одно подтверждение приоритета нравственного императива в правовых воззрениях русских крестьян. Православное сознание судей, помятую о греховной природе человека, принимало признание своей вины подсудимым как осознание им гнусности содеянного и желание впредь беречься от преступных деяний. Поэтому приговор суда диктовался не суровой буквой закона, а христианским милосердием.

Обычаем правового быта деревни являлась божба. Истинным правосудием русский народ считал суд Божий («Бог – судья», «Виноватого Бог сыщет», «Бог видит, кто кого обидит» и т.п.) Крестьяне прибегали к божбе, когда отсутствовали доказательства по делу и невозможно было узнать истину. В подтверждении своих слов на суде крестьянин творил крестное знамение и говорил: «ей Богу», «лопни глаза», «чтобы не видеть детей своих», «сквозь земли провалиться», «лопни утроба», «отсохни руки, ноги», «не дай Бог до вечера дожить», «вот – те крест» или «вот-те образ». Более 30 % волостных судов практиковали «божбу». Считалось, что лжесвидетельство ложилось грехом на душу человека и за это он будет держать ответ перед Богом⁶⁷⁴.

В ряде мест существовал обычай приносить присягу. У одних это было заклятие, у других – клятва через своих детей, третьи одевали саван на провинившихся и водили их по деревне со свечой в руках и т.д.⁶⁷⁵ В Орловской губернии такая присяга выглядела примерно так: «При целовании креста на икону говорилось: «не дойди я до двора»; «не взвидь я свои детей»; «покарай меня Бог на этом месте»; «умри я без покаяния»; «не доживи я до завтрашнего дня».⁶⁷⁶ Иногда присягой крестьяне кончали дело, не доводя его до суда. В с. Поляновский Майдан Елатомского уезда Тамбовской губернии у одной крестьянки была совершена кража. Потерпевшая подумала на сноху. Свекровь привела сноху в церковь и заставила ее при священнике принять присягу. Присяга была принята, и сноха стала свободна от подозрения⁶⁷⁷.

В статье 25 Временного правила о волостных судах (1889 г.) говорилось, что волостной суд решает дело по совести и на основании имеющихся в деле доказательств⁶⁷⁸. Волостной суд имел право применять четыре вида наказаний: розги, арест, денежный штраф и общественные работы. Из устава о наказаниях ведению волостного суда подлежали проступки, предусмотренные 86 статьями. Почти половина статей (42) предусматривали денежные штрафы, 13 – аресты, 31 статья – аресты и штрафы.

⁶⁷⁰ Тарабанова Т.Н. Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов) // Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993. С. 41, 42, 45.

⁶⁷¹ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 10.

⁶⁷² См.: Шатковская Т.В. Указ. соч. С. 176.

⁶⁷³ Паппе А. О доказательствах на волостном суде // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения. Вып. 1. М., 1889. С. 50.

⁶⁷⁴ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 8.

⁶⁷⁵ Шатковская Т.В. Указ. соч. С. 70.

⁶⁷⁶ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 45.

⁶⁷⁷ Астров П.И. Об участии сверхъестественных сил в народном судопроизводстве крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения. Вып. 1. М., 1889. С. 137.

⁶⁷⁸ Петражицкий Л.М. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 1. С. 638.

Самым традиционным видом наказания были розги. Крестьяне относились к телесному наказанию как самой радикальной мере воздействия на провинившегося. Приведем лишь некоторые крестьянские высказывания на сей счет: «Розог опасаются все», «кого слова не берут, с того шкуру дерут», «без розог обойтись нельзя»⁶⁷⁹. Они применялись за побои, пьянство, нерадение к хозяйству, недоимки, неповиновение властям, оскорбление начальства, непочитание родителей. В качестве примера можно привести решение волостного суда Больше-Грибановской волости Тамбовской губернии, который приговорил крестьянина С. за постоянное пьянство и нерадение к хозяйству к наказанию в виде 15 ударов розгами. Нередко розги назначались в качестве дополнительного наказания. Так, в 1891 г. Рождественский волостной суд той же губернии за учиненную драку взыскал с Петра Васильева в пользу потерпевшего 3 р. штрафа и еще назначил ему 19 ударов розгами⁶⁸⁰.

К концу XIX в. число приговоров волостных судов к наказанию розгами значительно сокращается. По данным Т.А. Тарабановой, волостные суды в 1871 г. наказали 80 % крестьян, из них розгами 72, 11,4 % посажены под арест, 14,2 % оштрафованы, 1,5 % приговорены к общественным работам, а 0,9 % составили другие виды наказания (выговор, внушение и т.п.)⁶⁸¹. К концу века картина меняется. Так, в Елецком уезде в 1893 г. было отмечено 119 случаев наказания розгами, что составляло 11,2 % к общему числу осужденных. В 1901 таких приговоров было лишь 27 или 1,4 %⁶⁸². Данная тенденция указывала на рост правовой культуры деревни и на общую эмансипацию сельского населения. Сохранение же телесных наказаний в русской деревне, несмотря на негативное отношение к этому варварскому обычаю со стороны просвещенной общественности, объяснялось особенностью крестьянского быта. Крестьяне часто сами предпочитали быть выпоротыми, нежели платить штраф, который затрагивал экономические интересы семьи в целом. Крестьяне говорили что «от розог нет убытку ни мужику, ни обществу». Боязнь денежного штрафа, которым волостной суд мог заменить розги, выразилась в народной пословице: «Не казни мужика дубьем, а казни мужика рублем»⁶⁸³.

Штраф, налагаемый волостным судом, выражался во взыскании в пользу «мирских» сумм и пеню пострадавшему. Размер штрафа колебался от 25 к. до 10 р., в исключительных случаях доходил до 25 р. При несостоятельности осужденного штраф могли заменить арестом (1 день ареста равнялся 1 – 2 р.)⁶⁸⁴. Крестьяне сетовали, что в отличие от общинных судов, волостные ничем не руководствовались при назначении суммы взыскания.

В первые два десятилетия действия волостных судов (60 – 70-е гг.) арест, как мера наказания, применялись волостными судами редко. Судьи учитывали тот факт, что даже краткосрочная изоляция виновного неизбежно ведет к отрыву от сельских работ. В литературе описан случай, когда жена крестьянина приговоренного к аресту просила судью дать ей возможность отсидеть в «холодной» вместо мужа. Ареста крестьяне старались избежать потому, что даже кратковременный арест считался в народе позором, ложился темным пятном на репутацию такого человека, которого теперь каждый мог назвать обидным словом «арестант». Так, орловские крестьяне «из-за боязни позора от соседней аресту предпочитали телесное наказание»⁶⁸⁵. К наказанию общественными работами волостные суды прибегали в случае, если обвиняемый был уличен в краже или распутном поведении. Инжавинский суд за воровство приговорил крестьянку к штрафу в 7 р. и обязал ее в течение 6 дней мести улицы⁶⁸⁶. В конце XIX – начале XX вв. наказание в виде лишения свободы стало применяться чаще. В ряде мест Тамбовской губернии волостные суды практиковали арест как меру наказания весьма широко. В период 1895 – 1897 гг. волостными судами Тамбовской губернии приговорено: Больше-Избердеевским: к выговорам – 7, к денежному взысканию – 22, к аресту – 165, к телесному наказанию – 3. Шехманским: к выговору – 4, к денежному взысканию – 57, к аресту – 143, к телесному наказанию – 5⁶⁸⁷.

К другим видам наказаний используемыми судами следует отнести оставление на замечании волостного суда и общества. Оно применялось при недостатке улик, в случаи обоюдной драки, если виновный не мог быть подвергнут телесному наказанию, так как ему было более 60 лет. Суд также мог сделать замечание, выговор. Выговоры, замечания и внушения применялись волостным судом, когда виновный отступился впервые, чистосердечно раскаялся и получил прощение от потерпевшего. Также они использовались в качестве дополнения к более строгим наказаниям. По решению суда выговор мог

⁶⁷⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 262. Л. 174; Д. 515. Л. 10.

⁶⁸⁰ Березанский П. Указ. соч. С. 165, 178, 231.

⁶⁸¹ Тарабанова Т.Н. Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов) // Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993. С. 50.

⁶⁸² Риттих А.А. Указ. соч. С. 78.

⁶⁸³ Оршанский И.Г. Указ. соч. С. 141.

⁶⁸⁴ АРЭМ. Ф. 7 Оп. 2. Д. 1021. Л. 5.

⁶⁸⁵ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 8.

⁶⁸⁶ Березанский П. Указ. соч. С. 165.

⁶⁸⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 3.

быть внесен в штрафную книгу. Так, решением Вишневого волостного суда крестьянин Б. за побои без всякой причины был подвергнут 20 ударам розгами с записью в штрафную книгу и штраф в сумме 3 р. за бесчестье⁶⁸⁸.

УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В практике народного права воплощалось крестьянское представление о правопорядке, находившее свое выражение в том, каким образом община крестьянского хозяйства решала проблемы, связанные с наделами, с усадьбой, экономические и социальные конфликты, семейные вопросы. Наиболее распространенным в сельской повседневности являлось преступление против личности. По подсчетам липецкого историка Л.И. Земцова, сделанным на основе материалов восьми волостных судов Данковского и Раненбургского уездов Рязанской губернии, за период 1861 – 1878 гг. побои, избиения, драки составляли 41,0 % всех рассмотренных дел, оскорбление словом, клевета, ложный донос, угрозы – 20,6 %⁶⁸⁹. Личные обиды, оскорбления словом или действием в крестьянском восприятии не считались особо опасными и в ряду правонарушений стояли ниже имущественных.

В деревенской среде оскорбления и драки были явлением обыденным и в большинстве случаев не становились предметом судебного разбирательства. Словесные перепалки, которые часто возникали в крестьянском быту, сопровождалась всем многообразием русской ненормативной лексики. К таким бранным оскорблениям крестьяне относились спокойно («Брань на вороту не виснет»), понимая, что ругательства произнесены с горяча, а все сказанное не по злобе («Собака лает – ветер носит»). Самым большим оскорблением у крестьян считалось ругательство, соединенное с укоризной в чем-либо позорном – воровстве, мошенничестве и т.п. Иногда, с целью выказать позор тому дома, членам которого питают какую-либо ненависть, прибегали к символическим действиям: по отношению к мужчине – отрезали хвост у лошадей, по отношению к женщине – мазали дегтем ворота дома⁶⁹⁰. Крестьяне считали, что оскорбления подрывали репутацию, бросали тень на доброе имя и приравнивались к клевете и доносам. Поэтому, в случае недоказанности обвинения, обидчик строго наказывался⁶⁹¹.

Отношения в крестьянской семье были далеки от идиллии, а ругань и брань между родными были делом обычным. В делах об оскорблении между родителями и детьми судьи всегда становились на сторону родителей. Вплоть до конца XIX в. никакой проверки справедливости возводимых на детей обвинений не проводилось, так как считали, что «ни один родитель не согласится оклеветать напрасно своих детей». Кроме того, по народным воззрениям, родитель «по своей воле» всегда вправе наказывать собственных детей⁶⁹².

В случае обращения крестьян в суд, тот в делах об оскорблениях словами чаще всего приговаривал виновного к штрафу в пользу потерпевшего. Так, Перкинский волостной суд Моршанского уезда Тамбовской губернии решением от 21 февраля 1872 г. приговорил взыскать с Аникея Гугучкина один рубль в пользу Федора Верташова за оскорбление того непристойными словами⁶⁹³. Оскорбления, высказанные прилюдно, оценивались более строго. В книге записей решения того же суда содержится прошение крестьянки села Черкина Агафьи Немытшевой об оскорблении ее Антоном Кудрявцевым на улице словами как-то «воровкою» и «блядью». Суд приговорил взыскать с обидчика штраф в размере 1 р. 50 к., а за пьянство наказать розгами – 5 ударов.⁶⁹⁴

Строго карали волостные суды оскорбление должностных лиц. Так, за оскорбление непристойными словами сельского старосты села Ивенья крестьянин был приговорен к 12 ударам розгами⁶⁹⁵. Спустя сорок лет в той же местности аналогичные преступления карались не менее сурово. Питерский волостной суд Моршанского уезда Тамбовской губернии в 1915 г. подверг крестьянку села Кершинских-Борков Наталью Пришкину аресту на 15 суток за то, что она «обзывала всяческими не-

⁶⁸⁸ Березанский П. Указ. соч. С. 177.

⁶⁸⁹ Земцов Л.И. Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60-е – 80-е гг. XIX в.) Автореф. ... д-ра ист. наук. Липецк, 2004. С. 29.

⁶⁹⁰ Бондаренко В. Указ. соч. С. 54.

⁶⁹¹ АРЭМ. Д. 653. Л. 3; Д. 1124. Л. 15.

⁶⁹² Шатковская Т.В. Указ. соч. С. 85.

⁶⁹³ ГАТО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 1. Л. 2об-3.

⁶⁹⁴ Там же Л. 39, 40.

⁶⁹⁵ Там же Л. 37.

приличными словами» сельского старосту, который производил опись имущества двора ее мужа⁶⁹⁶. Следует заметить, что сельское начальство своим обращением, иногда само провоцировало местных жителей на брань в свой адрес. По информации А.И. Михеевой из села Знаменское Орловской губернии: «Требуя подати, старшина обычно ругается всяческими неприличными словами, а иногда сажает под арест неисправных плательщиков. Грубости против своей личности ни старшина, ни писарь не потерпят»⁶⁹⁷.

Угроза воспринималась крестьянами как совершенное преступление («Лучше обиду делай, а не угрожай»). Угроза физической расправы («грозил меня убить», «грозил меня сжечь» и т.п.), в представлении народа, являлась крупным проступком. Они почти всегда вызывали обращения с жалобой в суд, и потерпевший просил наказать обидчика «по всей строгости»⁶⁹⁸. Корреспондент Этнографического бюро из Орловской губернии Ф. Костин указывал на случай, когда крестьянин пригрозил с божбой убить своего брата. Брат подал жалобу в волостной суд. Там сочли дело важным и себе не подсудным и порекомендовали обратиться в общие судебные учреждения⁶⁹⁹.

Грубость деревенских нравов, приверженность крестьян к насилию в быту являлись причиной преступлений против личности. Драки, которые вспыхивали в селе по поводу и без повода также следует признать обыденным явлением, по причине того, что редкий день обходился без них. По наблюдению информатора Кашина из с Архангельского Коротояжского уезда Воронежской губернии: «Драки между крестьянами происходят главным образом в кабаках, во время престольных праздников. Масса драк происходит во время свадеб и дележей»⁷⁰⁰. «Драки чаще всего происходят между пьяными возле кабаков. Зеваки с удовольствием собираются посмотреть на дерущихся, подбадривая их криками. Драки всегда кончаются миром, который скрепляется совместно выпитым магарычом», – сообщал корреспондент Этнографического бюро В. Булгакова из села Козинки Орловского уезда⁷⁰¹. Следует заметить, что происходившие в селе драки, не становились помехой в дальнейший отношениях между общинниками. Повседневный опыт указывал и на собственную предрасположенность к неконтролируемым способам поведения, поэтому забыть поведения соседа было нетрудно. Ссоры не рассматривались как нечто непреодолимое, общая солидарность сохранялась.

С введением волостных судов у сельских жителей, особенно у крестьянок, ставших жертвами насилия появилась возможность защитить свою честь и достоинство посредством обращения в суд. Как правило, суд вставал на защиту потерпевшего и обиженный мог получить денежную компенсацию. Так, за нанесение побоев солдатке Аграфене Конопкиной крестьянином Ф., тот был оштрафован волостным судом на 5 р.⁷⁰² Нередко наряду со штрафом к виновному применяли и телесные наказания. В 1891 г. волостной суд рассмотрел дело о бесчестии крестьянской девицы Елены Новиковой. Суд признал крестьянина Петра Васильева, жителя деревни Решетовка Рождественской волости Козловского уезда, виновным в оскорблении и нанесении побоев Новиковой. Он взыскал с него 3 р. в пользу потерпевшей и за драку подверг его телесному наказанию розгами 19 ударов. Жалоба Васильева на приговор волостного суда в Борисоглебское уездное по крестьянским делам присутствию оставлена без удовлетворения⁷⁰³. Почти во всех решениях волостных судов по делам о побоях женщин наблюдалась одна особенность: оскорбление замужней женщины каралось сильнее, нежели – вдовы или девицы. За побои замужней женщины обидчик наказывался или 15 – 20 ударами розог, или штрафом в 5 – 10 р., тогда как за побои девушки или вдовы крали штрафом от 60 к. до 2 р. или повергали трехдневному аресту⁷⁰⁴. Таким образом, за одно и тоже преступление волостной суд определял разную меру ответственности, так как общественный статус замужней женщины был выше, чем у незамужних девиц и вдов.

По мере роста крестьянского самосознания в целом и эмансипации женщин села к концу XIX в. в волостных судах заметно увеличилось число дел о семейных побоях. В ряде случаев суды вставали на защиту чести и достоинства женщины и наказывали семейных самодуров.

А.Х. Гольмстен приводит примеры, когда волостные суд за нанесение побоев женам приговаривали

⁶⁹⁶ Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 185. Л. 12, 13.

⁶⁹⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1026. Л. 2.

⁶⁹⁸ Там же. Д. 1097. Л. 3.

⁶⁹⁹ Там же. Д. 1128. Л. 16.

⁷⁰⁰ Там же. Д. 450. Л. 4.

⁷⁰¹ Там же. Д. 1215. Л. 2.

⁷⁰² ГАТО. Ф. 334. Оп. Д. 1. Л. 26.

⁷⁰³ Там же. Ф. 26. Оп. 2. Д. 704. Л. 2, 2об.

⁷⁰⁴ Красноперов И.М. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. СПб., 1893. Т. 1. С. 273.

их мужей к наказанию розгами от 10 до 20 ударов⁷⁰⁵. Более того, чтобы не допустить повторения рукоприкладства с мужей-дебоширов бралась подписка в том, что они будут обращаться с женой должным образом⁷⁰⁶.

Гражданские правоотношения. Договора

В своей повседневной жизни крестьяне практически постоянно вступали в имущественные отношения разного рода. Чаще всего это договора займа, найма, купли-продажи и т.п. Как свидетельствуют источники, в большинстве своем крестьяне выполняли взятые на себя обязательства. Всякое нарушение или неисполнение условий договора крестьянином неминуемо подрывало его репутацию. По мнению жители Болховского уезда Орловской губернии: «Не исполнить договор, обещание или данного слова считается большой грех и стыд, после этому человеку никогда не верят»⁷⁰⁷. В договорах, предусматривающих денежный расчет, стороны, как правило, устанавливали срок оплаты. Сроки платежа обыкновенно связывали с датами православного календаря: Никола (9 мая), Петров день, Казанскую (8 июня), Покров, Заговение (14 ноября), Введение, Святки, масленица. Если к назначенному сроку крестьянин не мог уплатить деньги, то за неделю до срока он должен был войти в соглашение со своим партнером о переносе срока. Если он этого не делал, то договаривающийся выводил его на сходку и объявлял о неисполнении договора⁷⁰⁸. Если условия сделки были нарушены, то потерпевшая сторона обращалась в волостной суд с требованием взыскания штрафа за «бесчестье». Данное понятие официальный закон не знал, но оно было распространено в крестьянском обиходе. Согласно народному обычаю волостной суд признавал обязанность вознаграждения за убытки, произошедшие от неисполнения соглашения вступить в брак⁷⁰⁹. В качестве примера приведем иск крестьянки Левиной к отставному рядовому Камышникову о взыскании в него убытков по случаю не выдачи его дочери Марфы за ее сына Ивана. В книге записей Перкинского волостного суда Тамбовской губернии за 1872 г. по этому делу внесен приговор, по которому с ответчика надлежало взыскать 1 рубль серебром⁷¹⁰.

Договора в деревне заключались преимущественно в устной форме, причиной тому – неграмотность сельского населения. По свидетельству этнографа Е.Т. Соловьева: «большая часть договоров по найму, покупки и продажи движимых вещей производится словесно, иногда при 2–3 свидетелях, а иной раз и без них»⁷¹¹. В письменную форму облекались договора, когда отдавали на посев землю или когда речь шла о договоре с обществом, когда контрагентом был крестьянин из другой деревни, которого знали недостаточно хорошо, или с человеком, который кого-нибудь обманул. Письменные договора заверялись сельским старостой⁷¹². По сообщению В. Кондрашова из Елатомского уезда Тамбовской губернии: «При сдаче земли или других угодий в аренду письменная форма договора обязательна. Акт без подписи силы не имеет. Договор без числа по понятиям народа не действителен»⁷¹³.

В крестьянских представлениях имели место обязательные требования, которые предъявлялись к участникам сделки, то есть то, что в юриспруденции обозначено как дееспособность. В обязательных отношениях за несовершеннолетних выступали их родители или опекуны. Не зависимо от возраста дееспособность ограничивалась имущественным положением: совершать акты, в коих выражалось право распоряжения имуществом, мог лишь домохозяин⁷¹⁴. Если детей отдавали в работники, то их родители оговаривали условия и получали оплату, а при необходимости несли материальную ответственность за причиненный материальный ущерб. Старший член семьи, в случае смерти, болезни или ухода нанятого, обязывается поставить на место его другого или возместить деньгами все причиненные хозяину убытки⁷¹⁵. Совершать акты, в которых выражалось право распоряжения имуществом двора, мог лишь домохозяин. В Орловской губернии требования к участникам обязательных отношений были следующие: «Лица, совершающие договор, должны имеет не менее 19 лет, не идиоты, а также могущие исполнить

⁷⁰⁵ Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. СПб., 1894. С. 87.

⁷⁰⁶ Пахман С.В. Очерк народных юридических обычаев Смоленской губернии // Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900. С. 68.

⁷⁰⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 998. Л. 9.

⁷⁰⁸ Там же.

⁷⁰⁹ Народные юридические обычаи по указаниям судебной практики // Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900. С. 305.

⁷¹⁰ ГАТО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 1 Л. 9об, 10.

⁷¹¹ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 272. Л. 35.

⁷¹² ГАТО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

⁷¹³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2033. Л. 8.

⁷¹⁴ Барыков Ф.Ф. Обычаи наследования у государственных крестьян. СПб., 1862. С. 58.

⁷¹⁵ Бондаренко В. Указ. соч. С. 38.

договор без препятствия на то со стороны домашних. Сын при отце тогда может делать договоры, когда отцу больше 60 лет, или он не в здравом уме, или своему сыну дает доверенность распорядиться по своему усмотрению. Если отец умер и хозяйствует сын, и жива мать, то сын хотя и может делать договоры, должен советоваться с матерью»⁷¹⁶.

Заключение сделки непременно сопровождалось определенным ритуалом, который включал в себя: рукобיתье, молитву, магарыч. Крестьяне свидетельствовали, что дел велись по неделе и более, обсуждались до мельчайших подробностей, не торопясь. По обычаю, закончив сделку, стороны ударяли по рукам и молились, произнося при этом «В добрый час! Дай Бог!». Существовал обычай «разнимания рук» третьим лицом, передача пода проданной лошади, коровы «из полы в полу». Все эти обряды завершались совместной выпивкой («Хоть в убыток продать, а магарыч пить», «Барыш барышом, а магарыч даром») ⁷¹⁷. Вот как описывал житель Болховского уезда Орловской губернии Ф. Костин местный обычай заключения сделки: «Когда держат договор, то в свидетели берут 2 – 3 человек. Дают друг другу руки, молятся богу и пьют магарыч. Руки друг другу дают обернутые полой шубы, один из присутствующих свидетелей должен их разбить» ⁷¹⁸. По мнению Н. Загоскина, таким образом, народ придавал твердость и внешние формы своим правовым представлениям ⁷¹⁹.

Обыденным явлением в селе были займы зерна до нового урожая. Зерно занимали как для посева, так и для пропитания. За исключением ростовщиков, крестьяне давали хлеб в долг без процентов. Возврат обыкновенно производился осенью, когда урожаем снят и обмолочен. Займ крестьянами денег друг у друга чаще всего производился без платежа процентов, а лишь за угощение водкой. Такие сделки старались заключать без свидетелей из-за страха того, что присутствие постороннего может иметь неблагоприятные последствия для сторон. По мере развития товарно-денежных отношений в конце XIX – начале XX вв. большее значение приобрели денежные займы, которые нередко удостоверялись расписками, преимущественно в тех случаях, когда заимодавцев выступал не член сельской общины. Значительным было количество дел о взыскании денег с должников, рассмотренных земскими начальниками. Так, у земского начальника 1-го участка Моршанского уезда Тамбовской губернии в период с августа 1890 по июль 1891 гг. таких дел было 43 или 24 % от всех дел, бывших в производстве. Это дает основание предположить, что не исполнение долговых обязательств жителями деревни было делом довольно распространенным ⁷²⁰.

Договор найма работника в деревне был распространен в деревне достаточно широко. К нему прибегали хозяйства, испытывавшие дефицит рабочих рук. По обычаю работника нанимали на год или на лето. Сроки летней службы определялись с Егорьева дня и по 1 октября, годовой с заговин, т.е. с 14 ноября. Обычный порядок найма работника был описан этнографом В. Бондаренко, изучавшим в конце XIX в. быт крестьян Кирсановского уезда Тамбовской губернии. «Когда обе стороны, сошедшись вместе, сговорятся в условиях, то бьют друг друга по рукам, затем снимают шапки, крестятся и идут к новому хозяину; там последний дает в задаток рубль или два и все пьют магарычи, причем за первой рюмкой говорит хозяин: «Ну, дай тебе Бог владеть моими деньгами, а мне – твоими трудами», а работник выражается наоборот. Водка покупается пополам хозяином и батраком, по пословице: «С одного вола двух шкур не дерут». С этого момента договор считается заключенным. Обыкновенно размер платы за год составлял при хозяйской одежде – 25 р., при своей 35 р.» ⁷²¹. Задаток за оговоренную работу брался как деньгами, так и съестными припасами. Нередко наемный рабочий выговаривал уплату за него податей и других повинностей, а также одежду на время найма ⁷²². При найме рабочего, согласно обычному праву, хозяин должен был обращаться с работником должным образом, т.е. не изнурять работой, не придирается, не оскорблять и не наказывать. В противном случае работник мог расторгнуть договор и не возвращать задаток. В свою очередь работник не имел права пьянствовать, лениться, грубить хозяину, отлучаться без его разрешения под страхом уголовной ответственности ⁷²³.

⁷¹⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 998. Л. 10.

⁷¹⁷ Там же. Д. 1461. Л. 44.

⁷¹⁸ Там же. Д. 998. Л. 10.

⁷¹⁹ Загоскин Н. Метод и средства сравнительного изучения древнейшего обычного права славян вообще и русских в особенности. Казань, 1877. С. 23.

⁷²⁰ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 – 46.

⁷²¹ Бондаренко В. Указ. соч. С. 35.

⁷²² РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 272. Л. 35.

⁷²³ Пахман С.В. Указ. соч. Т. 1. С. 190, 196 – 197.

В русской деревне законными способами приобретения считались: купля-продажа, находка, дарение, вырытые клады⁷²⁴. Наиболее распространенным способом являлась купля – продажа. В деревне говорили: «За что деньги отдал – силком не отнимут». Прежде чем купить ту или иную вещь крестьянин, как правило, присматривался, оценивал и долго торговался. Если продавец и покупатель приходили к соглашению о цене, то последний вносил задаток. В случае отказа покупателя от сделки задаток не возвращался. Если же продавец, получив задаток, отказывался продать вещь по договоренной цене, то с него взыскивался двойной задаток⁷²⁵.

Обмен недвижимого имущества встречался в селе довольно редко. Чаще всего крестьяне меняли лошадей. Это происходило на ярмарках, базарах, селениях. Такой обмен совершался как с доплатой деньгами, одной из сторон сделки, так и с «уха на ухо», т.е. без всякой придачи. При этом в некоторых случаях писали расписку, как при покупке лошадей⁷²⁶.

По народному обычаю найденная вещь становилось собственностью крестьянина, нашедшего ее. Если крестьянин, потерявший что-то, заявлял о потере вещи и указывал на того, кто ее нашел, то она возвращалась хозяину по суду или добровольно⁷²⁷. Собственностью в деревне называлось все, что приобретено или перешло по наследству и на что есть купчая или какая-либо бумага, заменяющая ее. Понятия «владения» и «пользования» крестьяне различали. По их убеждению, пользоваться можно в общественном лесу дровами, валежником, на выгоне травой, а владение этим принадлежит всему обществу⁷²⁸.

Крестьянство России на рубеже веков сохраняло юридические обычаи, выработанные веками. Об официальных законах деревня имела смутное представление и продолжала регулировать свои семейные и общественные отношения нормами обычного права. Стремление крестьян подчиняться суду своих односельчан, часто ничего общего, не имеющего с судом формальным, следует объяснить тем, что он вполне удовлетворял нормам народной морали. По мере развития товарно-денежных отношений в селе, возросшей мобильности крестьянского населения, роста грамотности и образованности традиционный уклад русской деревни разрушался. Влияние на функционирование обычного права оказывало то, что на арену мирской жизни с конца XIX в начало вступать новое поколение крестьян. В начале 80-х гг. в активную общественную жизнь села вошло поколение, не знавшее крепостнических порядков. К концу этого десятилетия они стали большинством на мирском сходе. И если в это время еще были сильны транслированные стереотипы поведения, то на протяжении 90-х гг. их бытование серьезно уменьшилось. Процесс модернизации, участившиеся связи города постепенно включали селян в цивилизованное правовое пространство, вытесняя из крестьянского обихода народные юридические обычаи. Суть произошедших перемен верно выразил Г.А. Евреинов в уже упомянутом выше докладе правительственной комиссии, он говорил: «Очувтившись в круговороте разнообразных, вызываемых капиталистическим строем, правоотношений в качестве участника в тех или иных сделках, покупая и продавая, нанимая и нанимаясь и т.д., крестьянин ощутил настоятельную потребность в законном ограждении своих интересов наравне с людьми других состояний. Он настойчиво добивается «закона» т.е. права для всех одинакового, и упорно стучится в двери общего регулярного суда, – если же временами и в случаях маловажных обращается к суду своих деревенских стариков, то только по тому, что в настоящий суд его не пускают, а волостному он не верит»⁷²⁹.

ГЛАВА 4. СЕМЕЙНЫЙ УКЛАД. ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Крестьянский двор

Наряду с общиной формой сельской повседневности выступал крестьянский двор. Он являлся основной производственной ячейкой сельской общины, на нём держались все хозяйственные связи в деревне. Традиционно крестьянский двор выполнял фискальные функции. Он же служил основой быто-

⁷²⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2033. Л. 2.

⁷²⁵ Там же. Д. 1114. Л. 6.

⁷²⁶ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 272. Л. 37.

⁷²⁷ Архив ИЭА РАН. К. 14 (Коллекция ОЛЕАЭ). Д. 108. Л. 4об.

⁷²⁸ Там же.

⁷²⁹ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 431. Л. 7.

вой морали сельчан. Таким образом, статус и положение крестьянского двора выстраивали этику соседских отношений в деревне. Крестьянский двор действовал как сплоченный элемент социальной организации с разделением труда, власти и престижа по традиционным предписанным семейным установлениям. Двор представлял собой основу производства, потребления, отношения собственности, социализации и общественных связей, моральной поддержки и взаимопомощи⁷³⁰.

В русской деревне было несколько типов дворов. Это - двор рабочий, возглавлявшийся домохозяином, основной держатель земельного надела. Далее шел вновь образованный двор, состоящий из малой семьи, и еще полностью не включившийся в общественную жизнь деревни. Особый тип составляли дворы отставных и запасных воинских чинов. На время службы право на земельный надел за солдатами сохранялся, а по возвращению с нее они оставались в составе семьи или посредством выдела создавали самостоятельное хозяйство. В селе существовала категория т. н. неполных дворов: вдовый или бобылей двор; выморочный двор, утративший хозяина, живых наследников; двор убылых душ, то есть опустевший по различным причинам. Вклад этих дворов в производственный процесс не был равнозначным. Соответственно каждая категория двора наделялась различной долей земельных ресурсов из общинного фонда.

Понятия «семья», «двор», «семейство», «хозяйство» применительно изучаемого периода были тождественными: они означали совокупность близких родственников, живущих вместе и ведущих одно хозяйство под управлением одного человека, который назывался хозяином (большаком). В один двор несколько брачных пар объединяла совместная трудовая деятельность при наличии неразделенного имущества, которым управлял домохозяин. В русской деревне конца XIX - начала XX в. преобладающими были два типа семей составная (преимущественно отцовская) и малая или нуклеарная семья. Патриархальная семья как явление традиционного общества в условиях модернизации претерпела значительные изменения.

До отмены крепостного права в деревне преобладала составная крестьянская семья. Сельские семьи были, как правило, многочисленны. Например, в 1857 г. семья включала в среднем в Воронежской губернии 9,6 человек обоего пола, Курской – 9,1, Тамбовской - 9,0⁷³¹. Во второй половине XIX в. численность сельской семьи уменьшается. Если в 1858 г. средняя численность крестьянской семьи в Воронежской губернии составляла 9,4 чел., то в 1884 г. – 6,8, а в 1897 г. – 6,6⁷³². Традиционный уклад, в том числе и семейный, в селах Центрального Черноземья отличался большей прочностью, чем в других регионах страны. Так, наибольшее количество больших семей, с численностью свыше 10 человек, было зарегистрировано по переписи 1897 г. в воронежских селах. Доля таких семей в губернии составляла 14,8 %⁷³³. Семья воронежского крестьянина Леона Измайлова насчитывала 54 человека. Она состояла из домохозяина с женой (76 и 74 года), 6 женатых сыновей (от 36 до 55 лет), 7 женатых внуков, 9 внуков неженатых, 10 внучек незамужних, 3 малолетних правнука и 4 правнучки. Всего 26 мужчин и 28 женщин. Такие большие семьи, объединенные властью домохозяина, составляли 47,5 % от числа семей с численностью более 20 чел.⁷³⁴ Крупная семья представляла собой своеобразную форму трудовой кооперации, половина ее численного состава были работниками. Поэтому такие семьи, чаще всего, являлись зажиточными. Многосемейность придавала крестьянскому хозяйству устойчивость и выступала залогом экономического благополучия. Так, по сведениям за 1889 г., глава многочисленного семейства, крестьянин д. Грязнуша Больше-Лазовской волости Тамбовского уезда И. Я. Золотухин обладал 703 дес. земли, владел 6 домами и 16 нежилыми постройками, держал лошадей – 40 голов, коров – 30, свиней – 90, имел 7 плугов, 30 железных боронок, 3 сеялки и 2 молотилки⁷³⁵.

Крестьяне видели четкую связь количества работников в семье с ее хозяйственной состоятельностью. Отмечая преимущества большой семьи, они говорили, что если в «семье мелкой умрет хозяин, то все пойдет прахом». Очевидно, в их глазах, многочисленность семьи выступала гарантом от ее разорения. Действительно, в малой семье смерть одного работника автоматически вела к расстройству хозяйственной жизни, в то время как в большой это не отражалось на благосостоянии крестьянского двора. Пытливый исследователь крестьянского быта, писатель Энгельгардт в известных письмах из деревни сообщал: «Крестьянский двор зажиточен, пока семья велика и состоит их значительного числа рабочих, пока существует какой-нибудь союз семейный, пока семья не разделена и работы производятся сообща.

⁷³⁰ См.: Кучумова Л. И. Крестьянский двор и семья в общине Европейской России второй половины XIX в. // Крестьянское хозяйство: история и современность. Мат-лы Всеросс. науч. конф. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 47.

⁷³¹ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 225.

⁷³² Федяевский К. К. Крестьянская семья Воронежской губернии по переписи 1897 г. СПб., 1905. С. 5.

⁷³³ Там же. С. 3.

⁷³⁴ Там же. С. 14.

⁷³⁵ ГАТО. Ф. 143. Оп. 3. Д. 46.

Обыкновенно это союз держится, пока жив старик, и распадается со смертью его. Чем суровее старик, чем деспотичнее, чем нравственно сильнее, чем большим уважением пользуется он от мира, тем больше хозяйственного порядка во дворе, тем зажиточнее двор»⁷³⁶.

Патриархальная семья представляла собой уменьшенную копию общины. В составной семье воспроизводились патриархальные отношения с присущим им авторитаризмом и общностью имущества двора. Здесь отношения строились на безоговорочном подчинении младших членов семьи старшим, а власть хозяина над домочадцами была абсолютной. В жизни неразделенных семей наглядно прослеживалась преемственность поколений, непосредственность в передаче опыта от отцов к детям. Глава двора стремился оградить семейную повседневность от всего, что могло бы нарушить привычный уклад, изменить традиции, ослабить его власть. Поэтому домохозяин в такой семье противился обучению своих детей, неохотно отпускал сыновей в дальний промысел, старался не допустить выдела. В силу развития товарно-денежных отношений в российской деревне, ослабления патриархальных устоев сельского быта, роста крестьянского индивидуализма происходил процесс численного роста малых семей, которые и стали к началу XX века главной формой семейной организации русского крестьянства. Глубинные изменения, связанные с модернизацией традиционного общества, вызвали к жизни тенденцию дробления крестьянских дворов. Деревню, образно говоря, захлестнула волна семейных разделов. Этот процесс, имевший объективную природу, продолжался с начала 1880-х по конец 1920-х гг. и привел к тому, что патриархальная семья уступила место семье нуклеарной. В контексте поставленной проблемы эти перемены в жизни русского села носили принципиальный характер.

Разделы

Семейные разделы, начавшиеся в дореформенный период, после отмены крепостного права, стали в русской деревне распространенным явлением. В период с 1861 по 1882 г. в 46 губерниях Европейской России разделилось 2371248 крестьянских семей⁷³⁷. За два пореформенных десятилетия, по подсчетам П. Н. Зырянова, в среднем ежегодно происходило 116 тыс. разделов⁷³⁸. Большая патриархальная семья постепенно уступала место семье нуклеарной. Благодичинный Щацкого округа в рапорте, направленном в Тамбовскую духовную консисторию (1894 г.), сообщал, что «теперь редко можно встретить семью из 3 - 4-х братьев»⁷³⁹. «Ныне перевелись семьи в 20 - 30 человек, состоящих из деда, его 3 - 4 сыновей, внучат и правнучат,» - с сожалением констатировал священник И. Покровский, автор монографического описания с. Раево Моршанского уезда Тамбовской губернии⁷⁴⁰. Корреспонденты Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева были единогласны в своих утверждениях о том, что «больших семей мало», «семьи преимущественно малые» и т. п.⁷⁴¹

Серьезным испытанием прочности патриархальной семьи являлось отходничество и, как следствие, возросшая мобильность сельского населения. В конце XIX века в 50 губерниях Европейской России побочные промысловые занятия имели 5029,9 тыс. чел, или 7,2 % общей численности сельского населения. Крестьянский отход в исследуемых черноземных губерниях был развит в меньшей мере, чем в промысловых губерниях. В 1888 г. в Тамбовской губернии крестьянам было выдано около 200 тыс. паспортов, в Орловской губернии около 150 тыс. Избыток рабочих рук, как следствие аграрного перенаселения, выразился в том, что все большее число крестьян Черноземного края были вынуждены искать заработок вне сельскохозяйственного труда. По данным за 1898 г. в Воронежской губернии отходники составляли 5,3 % всего сельского населения, в Тамбовской губернии этот показатель был несколько ниже - 4,8 %. В условиях модернизации отходничество выступало одним из каналов инкультурного влияния. С развитием масштабов отхожего промысла в конце XIX - начале XX вв. отход являлся фактором, который оказывал существенное влияние на самые различные сферы жизни российской деревни. Промысел членов семьи существенно подрывал позиции большака. Длительное отсутствие отходников вне пределов крестьянского мира ослабляло родительский контроль. Крестьяне в черноземных деревнях стремились не отпускать членов своих семей на слишком дальние расстояния, стараясь найти им работы вблизи дома. Если же отпускали, то брали клятву, что он будет жить честно и будет присылать денег. Холостых парней старались перед отходом женить. Не смотря на жесткое требование большака работать на «общий кошель» отходникам удавалось скрыть часть заработка, что в свою

⁷³⁶ Энгельгардт. А. Н. Из деревни. (Письмо седьмое) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 177.

⁷³⁷ Риттих А.А. Крестьянский правопорядок. СПб., 1904. С. 230

⁷³⁸ Зырянов П. Л. Крестьянская община Европейской России. 1907 - 1914 гг. М., 1992. С. 31

⁷³⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1835. Л. 576.

⁷⁴⁰ Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. № 50. С. 1357.

⁷⁴¹ Быт великорусских крестьян-землепашцев. ... С. 181.

очередь выступало первоначальным капиталом для самостоятельного хозяйствования. Утаивание отходниками части заработка на свои личные потребности и на нужды своей семьи, по свидетельству старожилов, было одной из причин семейных конфликтов и разделов. По наблюдению Н. Романова, автора монографического описания с. Каменка Тамбовской губернии, «большое количество молодых крестьян оставляют временно деревню и возвращаются с изменившимися понятиями и наклонностями, с ослабевшими родственными чувствами, в большинстве случаев заводят свое отдельное хозяйство»⁷⁴². Оценки влияния отходников на сельскую повседневность представителями разных слоев деревни на удивление схожи. Тамбовский помещик Н. В. Давыдов считал, что «возвращавшиеся домой крестьяне вносили в сельскую жизнь понятия, далеко не всегда желательные, радикально расходившиеся с прежними воззрениями»⁷⁴³. О пагубном влиянии на патриархальные устои крестьянской семьи отходников сообщали в своих рапортах сельские приходские священники Тамбовской епархии. Они в частности писали «Побывал паренек в Питере, стал другим человеком»; «Авторитет родителей над детьми ослабевает»; «Молодое поколение, возвратившись с заработков, стремится отделиться» и т. п.⁷⁴⁴

Приобщение маргиналов к городской культуре выражалось в обретение далеко не лучших ее черт. Всплеск деревенского хулиганства в начале XX в. следует отнести к результатам урбанизации. Американский исследователь Н. Вайсман причину быстрого распространения хулиганства усматривал «в разрушительном влиянии городских отношений, городского стиля поведения на деревенское общество». Следует согласиться с утверждением П. Н. Зырянова о том, что «политика разрушения общины в значительной мере расшатала устои крестьянского мира и ослабила контроль над поведением однообщественников»⁷⁴⁵.

Масло в огонь семейных конфликтов подливало возвращение со службы сыновей. Выяснение братских отношений строилось на основе словесной перепалки типа: «Мы за вас служили», а «мы за вас работали»⁷⁴⁶. Солдатская служба существенно меняла вчерашних сельских парней. Вырванные из привычной среды, они быстро усваивали новые взгляды, иные нормы поведения. Для многих, вернувшихся со службы, земледельческий труд утрачивал былую привлекательность, и они уходили в города на заработки. Сказывалась и длительная оторванность от приходской жизни. Местные священники в своих рапортах в епархию сообщали, что бывшие солдаты не соблюдают постов, уклоняются от исполнения религиозных треб, ведут непотребные речи⁷⁴⁷. Одним из явлений сельской повседневности конца XIX века стало хулиганство, ранее не характерное для русского села.

Другой весомой причиной семейных разделов являлся крестьянский быт. К распаду крестьянского двора вели семейные ссоры, неурядицы, дразги и т. п. «У нас все разделы от баб», - говорили старики в деревне⁷⁴⁸. Острое противостояние большухи и снох, борьба за ухват и квашню, сексуальные притязания со стороны свекра - все это являлось обыденностью. Сельские жители и сами прекрасно понимали все «минусы» составной семьи. Вот суждения крестьян по этому поводу: «Тесно жить молодым женам, да ведь три горшка в печь не влезут». «Две - три снохи могли устроить из семейного очага крошечный ад»⁷⁴⁹. По сообщению А. Петрова в Больше-Избердеевской и Шехманской волостях Липецкого уезда Тамбовской губернии причинами и поводами к семейным дележам являются по преимуществу бабьи дразги, ссоры между братьями, вследствие недобросовестного отношения некоторых членов семьи к труду, их пьянство и расточительство⁷⁵⁰. Не менее уважительными причинами разделов являлись снохачество, появление мачехи или отчима, эгоизм старшего брата⁷⁵¹. Хозяйственная деятельность большой семьи создавала множество причин для братских ссор, нередко доходивших до драки. Как правило, инициатива по разделу двора исходила со стороны младшего, малосемейного брата («чтоб не кормить чужих детей»). Пьянство, лень, мотовство главы семьи или одного из братьев также выступали весомой причиной для начала процесса имущественного раздела. Так, при выяснении волостным старшиной Барышниковым причин самовольных разделов в 2-ом Сосновском общества Тамбовского уезда, крестьянин Даниил Сизов в марте 1894 показал, что ушел от отца, потому что тот часто бывал нетрезвый и при этом производил бунт, нанося ему побои⁷⁵².

⁷⁴² Романов Н. Село Каменка и Каменская волость Тамбовского уезда. Тамбов, 1886. С. 161.

⁷⁴³ См.: Давыдов Н. В. Из прошлого. Ч. 2. М., 1917. С. 30.

⁷⁴⁴ См.: ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 25об, 30об, 69об.

⁷⁴⁵ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 244, 247.

⁷⁴⁶ См.: Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. № 50. С. 1359.

⁷⁴⁷ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 66, 69, 75.

⁷⁴⁸ Златовратский Н.Н. Деревенские будни (очерки крестьянской общины) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 283.

⁷⁴⁹ Зарудный М.И. Указ. соч. С.1, 18.

⁷⁵⁰ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2037. Л. 2.

⁷⁵¹ См.: Исаев А. Значение семейных разделов. По личным наблюдениям // Вестник Европы. Т. IV. 1883. С. 339.

⁷⁵² ГАТО. Ф. 706. Оп. Д. 1. Л. 5об.

Особых правил раздела в деревне не было. Он производился по уговору, а спорные вопросы решались на основе жребия. Земельный надел определялся по числу душ мужского пола, имущество между братьями делилось поровну. Доля отца при разделе оставалась тому сыну, с которым он оставался жить. Этот сын должен был кормить и одевать отца до смерти, в случае смерти похоронить и поминать его. Лишнюю долю в семейном имуществе брал себе и тот сын, который заплатил отцовские долги или за все семейство подати, повинности, недоимку и т. п.⁷⁵³ Все семейные разделы осуществлялись на основе обычного права. Согласие большака на раздел было обязательным, поэтому дробление двора чаще всего производилось после его смерти.

По положению от 19 февраля 1861 г. вопрос о семейных разделах находился в ведении сельского общества. Сельский сход, разрешая дележ, зорко следил за тем, чтобы вновь образованные хозяйства были платежеспособны. О разделах и выделах крестьянского имущества составляли письменный общественный приговор с подробным перечнем подлежащих разделу предметов крестьянского хозяйства и с точным указанием и оценкой имущества, определенному каждому из разделившихся семейств⁷⁵⁴. По нашим наблюдениям, сельские сходы весьма часто не допускали разделы из боязни, что разделившиеся не будут в состоянии платить податей в ущерб всему обществу. Исключение составляло пьянство и нерадение большака, ведущее к хозяйственному упадку двора. Как показывает анализ, крестьяне считали раздел своим семейным делом. Из 303149 разделов, произошедших за 20 пореформенных лет, сходами было разрешено только 12,8 %⁷⁵⁵.

Стремясь укрепить общину и упорядочить процесс дробления крестьянских хозяйств, правительство издало закон от 18 марта 1886 г., по которому для осуществления раздела требовалось согласие не менее 2/3 домохозяев. Этот закон заметных последствий не имел. Число санкционированных сходами разделов сократилось при увеличении количества разделов осуществленных самовольно. В материалах губернских совещаний за 1894 г. отмечалось, что семейные разделы совершаются по местным обычаям, без ведома схода. 5 октября 1906 г. закон был отменен.

Дробление крестьянских дворов подрывало их хозяйственную состоятельность. «Непременным результатом раздела должна была быть бедность. Почти все нажитое идет при разделе на постройку новых изб, новых дворов, амбаров, овинов, пунь, на покупку новых корыт, чашек, «ложек» и «плошек» - признавал писатель Энгельгардт⁷⁵⁶ - Разделились «богачи», и вот один «богачов» двор обыкновенно превращается в три бедные двора». В результате таких разделов крестьянская семья мельчала. Нормальные неразделенные семьи (с 3 - 4 работниками) к концу века составляли около 10 % в промышленных и 17 % земледельческих губерниях. Демографическая ситуация обострила до предела проблему аграрного перенаселения. Численность сельского населения Европейской России выросла с 50,3 млн. человек в 1860 г. до 86,1 млн. человек в 1900 г. Среднедушевой крестьянский надел за 40 лет сократился с 4,8 дес. до 2,6 дес. К началу XX в. средняя величина земельного надела в Центральном Черноземье колебалась от 2,4 дес. в Воронежской до 1,7 дес. в Курской губерниях⁷⁵⁷.

Темпы численного роста крестьянских дворов явно превосходили естественный прирост населения. Если в 1887 г. в Рязанской губернии было произведено 1224 семейных раздела, то в 1894 г. - 1861. В 12 уездах Воронежской губернии, согласно данным земской статистики, за 1875 - 1884 гг., разделилось 70404 семейства или 22,3 %, а за следующее десятилетие с 1885 по 1895 г. - 105882 семейства или 33,5 %⁷⁵⁸. К концу XIX в. данный процесс привел к уменьшению семейного состава дворов, переходу сельской семьи из рабочего союза в кровный.

Традиционно, именно, естественный рост семьи сопровождался повышением экономической состоятельности крестьянского двора. Нарушение этого сочетания вело к ликвидации или дроблению хозяйства. Увеличение числа крестьянских хозяйств было особенно значительным для периода гражданской войны. Если в 1912 - 1917 гг. прирост числа хозяйств в тамбовской деревне составлял 4 %, то в 1917 - 1920 гг. - 15 %⁷⁵⁹. По данным, приведенным М. А. Свищевым, в период нэпа ежегодно ликвидировали свои хозяйства 3 - 4% крестьянских семей. Это, в первую очередь, касалось беспосевных и мелкопосевных хозяйств. Так, 36 % существовавших в стране, в 1920 г. беспосевных хозяйств вынуждены были бросить земледелие и к 1922 г. перебраться в город.⁷⁶⁰ Активно шел процесс раздела крестьянских хозяйств, особенно в середняцкой и зажиточной части деревни. За год делилось порядка

⁷⁵³ Там же. Д. 1007. Л. 2.

⁷⁵⁴ Там же. Д. 2037. Л. 3.

⁷⁵⁵ См.: Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1880 - 1904. М., 1980. С. 24.

⁷⁵⁶ Энгельгардт. Указ. соч. С. 181.

⁷⁵⁷ Крестьянский строй. Сб. ст. Т. 1. СПб., 1904. С. 48, 49.

⁷⁵⁸ Риттих А. А. Указ. соч. С. 260; Щербина Ф. А. Семейные разделы у крестьян Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1897 г. Воронеж, 1897. С. 55.

⁷⁵⁹ ГАТО. Ф. Р. - 761. Оп. 2. Д. 304. Л. 2 - 3.

⁷⁶⁰ Свищев М.А. Мелкое производство в 20-е годы // НЭП: приобретения и потери. Сб. ст. М., 1994. С. 177.

хозяйств, особенно в середняцкой и зажиточной части деревни. За год делилось порядка 10 - 12% крестьянских дворов. Продолжала снижаться средняя численность крестьянской семьи. В Тамбовской губернии в 1920 г. она составляла 5,9 человек, а в 1924 г. - 4,6. Если в 1916 г. в Курской губернии средняя численность крестьянского двора составляла 5,36 душ, то в 1926 - 27 гг. - 5,26⁷⁶¹.

Семейная иерархия

Во главе крестьянской семьи стоял старший по возрасту и положению мужчина (большак). Большак обладал в семье неограниченной властью. Глава семьи судил поступки домашних и налагал на них наказания, представлял интересы двора на сельском сходе, уплачивал повинности.⁷⁶² Он управлял всем хозяйством, отвечал за благосостояние двора перед сельским обществом. В случаях пьянства, мотовства, нерадения хозяйства решением сельского схода он мог быть лишен доли. Община вмешивалась только тогда, когда действия большака вели к разорению двора, потери его тягоспособности. Утрата дееспособности также являлась основанием для передачи его полномочий другому члену семьи. В качестве примера можно привести решение Пичаевского волостного суда Тамбовской губернии. В 1914 г. он признал крестьянку Анну Шорину полной хозяйкой и утвердил ее в праве наследства. В заявлении истица указывала, что ее муж потерял рассудок и находится на излечении в психиатрической больнице⁷⁶³.

В семейной иерархии патернализм, как принцип присущий крестьянскому сообществу, проявлялся наиболее зримо. Большаком, как правило, становились по праву старшинства. Все решения он принимал самостоятельно, но мог узнать мнение отдельных членов семьи, преимущественно старших. Большак имел право, по представлению крестьян, выбрать за леность, за хозяйственное упущение или нравственные проступки. Хозяин обходился с домашними строго, повелительно, нередко начальственным тоном. В случае непослушания нередко прибегал к домашней расправе. Если конфликт выходил за пределы семьи и становился предметом обсуждения схода, то тот, как правило, занимал позицию отца - домохозяина, а сын мог быть наказан за необоснованную жалобу.

Большак выступал организатором и руководителем всего производственного процесса крестьянского двора⁷⁶⁴. С вечера он распределял работу на следующий день, и его распоряжения подлежали неукоснительному исполнению. Прерогативой большака являлось определение сроков и порядка проведения полевых работ, продажа урожая и покупка необходимого в хозяйстве. Только он мог выступать в качестве заимодавца или заемщика. Именно домохозяин был ответственен перед обществом за отбытие двором мирских повинностей. По сельским традициям отец был волен отдать своих детей в найм, не спрашивая на то их согласие. Отправляя сыновей в отхожий промысел, он внимательно следил за тем, чтобы те регулярно отправляли домой заработанные деньги.

Большак вел все дела хозяйства, свободно распоряжался его имуществом, заключал обязательные соглашения, но наряду со всем этим владельцем двора не являлся. Существовавший обычай воспрещал домохозяину предпринимать важнейшие распорядительные действия, например отчуждение, без согласия всех взрослых членов семьи⁷⁶⁵. Он не мог завещать имущество двора. После его смерти двор оставался в распоряжении семьи, а большаком становился его сын, брат, реже вдова. Если двор по смерти хозяина и делился, то это происходило не по гражданскому закону, а в рамках того же обычного права. После смерти домохозяина наследование выражалось собственно в распределении общего имущества между членами семьи, а не в переходе права собственности от домохозяина⁷⁶⁶. Большак не имел права завещать имущество помимо своих ближайших родственников или вопреки установившегося порядка распределения. Члены семьи и при жизни домохозяина имели право на общее имущество. Такое право реализовывалось при выделе сына. С. В. Пахмана считал, что в имущественном строе семьи, по обычному праву, наблюдалась двойственность, свидетельствующая о переходном характере народно-обычного права. Рядом с признаками общности семейного имущества существовали признаки сильной власти главы семьи, право, которого на имущество во многом было схоже с правом собственности⁷⁶⁷.

Всем домашним хозяйством безраздельно ведала «большуха». Она распределяла между невестками хозяйственные работы, устанавливала очередность приготовления пищи, ведала сохранностью и выдачей продуктов и главное – зорко следила за неукоснительным исполнением каждой своих обязанностей. Помимо работ по дому заботой хозяйки был огород, уход за скотом, выделка пряжи, изготовление оде-

⁷⁶¹ Проблемы хозяйственного развития Курского края. Контрольные цифры пятилетнего плана на 1927/28 - 1931/32 гг. Курск. 1928. С.10.

⁷⁶² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1048. Л. 2.

⁷⁶³ ГАТО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 111. Л. 5.

⁷⁶⁴ Мейендорф. Крестьянский двор в системе русского крестьянского законодательства и общинного права, и затруднительность его применения. СПб., 1909. С. 6 - 7.

⁷⁶⁵ Хауке О. А. Крестьянское земельное право. М., 1914. С. 196.

⁷⁶⁶ Левин М. Указ. соч. С. 120.

⁷⁶⁷ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Т. 2. СПб., 1877. С. 5, 6.

жды для домочадцев. Если в семье было несколько невесток, она следила за тем, чтобы шерсть, лен, конопля были распределены между ними соразмерно их трудового вклада. Все коллективные работы, требующие женских рук, осуществлялись при ее непосредственном контроле и участии. Не будет преувеличением сказать, что от нее во многом зависела слаженная работа механизма крестьянской экономики. Личные качества хозяйки играли определяющую роль в семейной атмосфере. Не случайно в народе говорили: «При хорошей большухе ангелы в семье живут, а при плохой семью нечистый обуяет». Семейная повседневность представляла собой острое женское противостояние. Все то, что исследователь М. Левин метко назвал «борьбой за ухват и квашню»⁷⁶⁸. В своем стремлении сохранить контроль над семейным очагом свекровь не останавливалась ни перед чем, включая и физическое насилие. Безграничная власть свекрови над снохами являлась отражением диктата большака по отношению к своим домочадцам.

Наибольшим авторитетом в семье после большака и большухи пользовался старший сын. Он первый выделялся среди других сыновей. К нему всегда обращались только по имени – отчеству. Он был первым помощником отцу в хозяйственных делах. Отец посылал его на ярмарку продавать хлеб и покупать необходимые для семьи товары. Жена старшего сына была первой помощницей свекрови и считалась главной среди снох – невесток. В самом низу семейной иерархии находилась «молодуха». Ее часто обижали старшие невестки. На любую работу она должна была просить благословление у родителей мужа. Молодуха не могла без разрешения выходить на улицу и ходить в гости⁷⁶⁹.

Таким образом, существо внутрисемейной иерархии определялось безропотным подчинением младших членов семьи старшим, жен – мужьям, детей родителям.

Крестьянские дети. Старики

Особенности семейного быта крестьян проявлялись в положении детей и стариков. Отношение к этим возрастным группам в русском селе было обусловлено спецификой аграрного труда, нормами обычного права, традициями семейного уклада, требованиями православной этики.

Суровые условия деревенской жизни наложили отпечаток на взаимоотношение поколений. Крестьяне были сдержаны в открытом проявлении родительских чувств. Однако демонстративная грубость не срывала искренней любви к детям и заботы о них. Крестьян в проявлении родительских чувств не были столь эмоциональны как представители просвещенного общества, но их отличала простота и естественность. Патриархальное начало в жизни крестьянской семьи и общины в целом выражалось в беспрекословном подчинении родительской воли и власти отца над детьми. Ежедневные домашние молитвы, регулярное участие в богослужениях, постижение евангельских истин в приходской школе – все это формировало у подрастающего поколения уважение и почитание своих родителей. Публичность действий жителей села, «прозрачность» деревенских отношений и сила общественного мнения обуславливали ответственность как родителей за поступки своих чад, так и обязанность детей по попечению престарелых родителей. Процесс модернизации, менявший традиционные устои жизни села, затронул и область семейных отношений. Вносили свои коррективы во взаимоотношения поколений такие явления этого периода как участвовавшие связи с городом, рост числа отходников, распространение грамотности и т. п. Демографическая ситуация в русском селе, аграрное перенаселение, объективно вела к конфликту отцов и детей на почве распределения земельных наделов.

Рождение и первый год жизни ребенка в крестьянской семье были самым трудным период. Более половины детей в этот период умирали. В жестоких условиях естественного отбора выживали наиболее физиологически сильные младенцы. Крестьяне интуитивно сознавали, что в таких условиях нормальное воспроизводства семьи может быть достигнуто посредством рождения максимально возможного числа детей.

Детство сельских детей трудно назвать счастливым. Тяготы крестьянского труда, отнимавшие у матери большую часть времени, не позволяли осуществлять должный уход за новорожденным. Свою роль в этом вопросе играли невежество крестьянских баб, отсутствие у них элементарных знаний гигиены. Доктор медицины Г. Попов писал: «Крестьянки считают, что ребенка достаточно перевернуть в сутки раза 2 - 3, для того, чтобы он не промок. С этой целью под младенца подкладывают кучу тряпок. Ребенка моют не чаще одного раза в неделю, а белье только высушивают»⁷⁷⁰. Болезни младенцев лечили народными способами. Грыжу «заговаривали», испуг «отливали», при «собачьей старости» «выпекали» в печи, от поноса поили церковным вином. Основу детского питания составляло материнское молоко. В перерывах между кормлениями ребенку сосал «жевку», тряпицу, в которую заворачивали жеваные ба-

⁷⁶⁸ Левин М. Указ. соч. С. 121.

⁷⁶⁹ Домников С. Д. Мать – земля и Царь – город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 166.

⁷⁷⁰ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. СПб., 1903. С. 4.

ранки. В случае отсутствия молока у матери находили кормилицу или отпаивали козьим молоком, используя вместо рожка коровье вымя. Месяца через два варили молочную кашу, через четыре начинали кормить ржаной соской. Около года ребенка приучали к похлебке⁷⁷¹.

Говорить о какой - то системе воспитания в крестьянской семье, как целенаправленного процесса, не приходится. Мудрость народной педагогики заключалась в том, что сельские дети росли в естественных условиях, окружающую среду познавали посредством эмпирического опыта, навыки обретали через подражания взрослым. Обычно, маленькие крестьянские дети большую часть дня проводили на улице с раннего утра до поздней ночи. Там они, как правило, бегали, играли, шалили, дрались и являлись домой только поесть, или сообщить отцу или матери о том, что его такой то поколотил. Дети были предоставлены сами себе, вот почему им часто приходилось вступать в смертельный бой с гусями, петухами, баранами, кошками, поросятами и попадать под ноги крупных домашних животных⁷⁷².

В своих играх сельские дети репродуцировали мир взрослых, воспроизводили их манеру поведения. Девочки в своих играх создавали подобие семейных отношений - стряпали пироги из глины и песка, играли в свадьбу, а зимой в куклы. Мальчики гуляли отдельно от девочек. Они играли в городки, деревянные шары. Изображая верховых урядников, ездили верхом на палке⁷⁷³. Зимой строили снежные крепости и играли в «казаков - разбойников». Повседневные игры мальчиков и девочек не в меньшей мере, чем серьезная помощь взрослым, формировали стереотипы будущих жизненных ролей. Мальчишечьи игры выковывали мужские эмоции и волевые качества – выносливость, упорство, умение постоять за себя и друга. Игры девочек были ориентированы на женский, материнский труд⁷⁷⁴.

Детей рано приучали к нелегкому крестьянскому труду. Не редки были случаи, когда 5 - 6 летних детей посылали за десятки верст отвести хлеба или воды работающей семье. В селах Бобровского уезда Воронежской мальчиков по достижению 6 летнего возраста отдавали в найм или отправляли пасти скот⁷⁷⁵. Традиционно сельские подростки гоняли овец, стерегли выводок гусей, гоняли коров на росу, для чего поднимались очень рано. Когда сажали огород, то детям наказывали охранять его от домашней птицы и скота. Любимым занятием деревенских мальчишек было гонять лошадей в ночное. Рано отцы начинали приучать сыновей к главному жизненному предназначению крестьянина – хлебопашеству. С десяти лет мальчики уже боронили, как говорили в деревне «скородили», под наблюдение взрослых, а с двенадцати пробовали пахать самостоятельно. В 14 – 15 лет сыновья выполняли наряду с отцом все полевые работы. Попутно, в процессе выполнения хозяйственных работ, парубки учились владеть топором, чинить инвентарь и упряжь, изготавливать предметы обихода и пр.

Социализация девочек определялась традиционными представлениями о месте и роли женщины в семье. Мать стремилась, прежде всего, передать дочери умение и навыки по ведению домашнего хозяйства. С детства крестьянская девочка была включена в напряженный трудовой ритм, а по мере взросления менялись и ее производственные функции. Девочек лет с пяти – шести отправляли в няньки или поручали полоть огород. Крестьянские бабы часто использовали дочерей в качестве помощниц в своих работах. Весной девочки занимались белением холстов, а с осени до весны они пряли. Родители всегда давали детям только ту работу, которая им была по силам. Трудовое обучение в селе осуществлялось, выражаясь современным языком, с учетом возрастных особенностей. Так крестьянскую девочку в лет одиннадцать сажали за прялку, на тринадцатом году обучали шитью и вышивке, в четырнадцать – вымачивать холсты. Одновременно учили доить коров, печь хлеб, грести сено. Одним словом, обучали всему тому, что было необходимо уметь в крестьянском быту. Трудлюбие высоко ценилось общественным мнением деревни. Оценка односельчанами девушки как работницы непременно учитывалась при выборе невесты.

Если семья была многодетной, то старшие дети были обязаны приглядывать за своими младшими братьями и сестрами. Заменя няnek, они должны были забавлять малюток, качать их в люльке, кормить кашей, поить молоком и давать соску⁷⁷⁶. Малых детей, годовалых уже оставляли под присмотром старшей сестры, даже если ей и было лет пять. Бывало, что такая «алёнушка» заиграется с подружками, а дитя оставалось без надзора. Поэтому не редки были в деревнях случаи смерти малолетних детей, когда «ребенка свинья съела, солома задавила, собака изуродовала»⁷⁷⁷. В большей мере присмотр за малыши

⁷⁷¹ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 9.

⁷⁷² Там же. Д. 2029. Л. 13, 14.

⁷⁷³ Быт великорусских крестьян-землепашцев ... С. 266.

⁷⁷⁴ См.: Пушкарева Н. Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVII I- XX вв. ... С. 77-78.

⁷⁷⁵ АРГО. Разр. 19. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 1об.

⁷⁷⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 15.

⁷⁷⁷ Там же. Д. 685. Л.2.

детьми отсутствовал в бедняцких семьях. В отчете в Синод за 1913 г. из Орловской епархии сообщали: «Дети бедняков, брошенные часто без присмотра, гибнут в раннем детстве по этой причине. Особенно это замечается в семьях малоземельных крестьян. Здесь отец и мать, занятые целый день добыванием куска хлеба, весь день проводят вне дома, а дети предоставлены сами себе. Теперь не редкость, что в доме нет ни одного старого человека, под надзором коего можно было оставить детей. Как правило, маленькие дети остаются вместе с такими же малыыми сестрами и братьями, поэтому без надлежащего присмотра они целый день голодные, холодные и в грязи»⁷⁷⁸.

Дети с раннего возраста были хорошо знакомы со всем репертуаром крестьянских бранных слов. Некоторые родители потехи ради обучали своих детей всяким скверным словам и ругательствам. Мальчики, а порой и девочки, 7 - 10 лет свободно использовали в общении друг с другом ненормативную лексику. Чаще всего употреблялось: «кобель, сука, сволочь, блядь»⁷⁷⁹. Подражая взрослым, дети рано пробовали курить. На сельских свадьбах подростки выпивали наряду с взрослыми. Согласно традициям крестьян Кирсановского уезда Тамбовской губернии пить водку считалось дозволительно для юношей с 15 лет, а девушкам с 12 лет⁷⁸⁰. Немало способствовал укоренению вредных привычек обычай, по которому на всех свадьбах, крестинах, похоронах, годовых и престольных праздниках выпивать был обязан каждый, достигший указанного возраста.

В русской деревне сложились традиционные представления о родительских обязанностях. Они включали в себя требования к родителям содержать, одевать и кормить своих детей, учить их страху Божьему и грамоте, приучать к работе по дому и в поле, женить или выдать замуж. Если отец не кормил и не одевал сына, то он должен был платить ему как наемному рабочему.

Крестьянские дети получали в семье основы духовного воспитания. Семью не случайно называли «малой церковью», здесь происходило приобщение ребенка к молитвенному общению, постижение им азов православной веры. Правда, в большинстве своем такое «обучение в вере» шло не через усвоение христианских догм, а через овладение обрядом. Представитель сельской интеллигенции из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии вот, что писал по этому поводу: «Научив ребенка креститься, родители оставляют его без дальнейшего духовного наставления, лишь по временам напоминая им помолиться перед и после приема пищи. Очень редкие дети 6 - 7 лет знали самые необходимые молитвы, большинство же просто машинально творили крестное знамение вслед за взрослыми членами семьи»⁷⁸¹. Родители старались внушить детям боязнь греха. Информатор из Орловской губернии сообщал, что он никогда не слышал нравоучения детям, исключая того, что есть мясо и пить молоко в постные дни нельзя. «Бог ухо отрежет!»⁷⁸². «Страх Божий» выступал действенным средством родительского контроля и воспитания у подрастающего поколения ответственности за свои поступки. «Красный» угол избы служил для детей зримым подтверждением постоянства Божественного присутствия. Регулярное участие в богослужениях, таинства исповеди и причастия поддерживали в юных душах огонь Божественной любви.

Традиционно в крестьянской семье большое значение придавали родительскому благословлению. Без него нельзя было жениться и выходить замуж, отходить на дальние заработки, продавать и покупать. В деревне считали, что «если отец не благословит, то не жди пути». Особенно боялись родительского проклятия. Крестьяне были уверены, что «если отец и мать проклянут своих детей, то те не будут счастливы. Они или умрут преждевременной смертью, а если и не умрут, то жизнь их будет горькой». Жители села считали, что проклятие обязательно сбудется, и поэтому прибегали к проклятию только в исключительных случаях⁷⁸³.

Суровые условия крестьянского быта и тяжелый труд пахаря накладывали свой отпечаток на характер внутрисемейных отношений. По отношению к детям крестьяне были сдержаны в проявлении своих эмоций. Чаще всего они вели себя нарочито грубо, считая, что доброта и ласка по отношению к детям может им навредить и они «забалуют». Родители в обращении с детьми особенно не достигшими совершеннолетия, почти всегда использовали приказной тон, только малолетние могли рассчитывать на более мягкое обращение. Матери более оказывали ласки детям, чем отцы. Детей крестьяне наказывали мало и редко. Секли детей в редких случаях, чаще ограничивались угрозами. Если приходилось сечь, то это делал отец⁷⁸⁴. В деревне существовала своеобразная система общественного воспитания. Крестьянский обычай признавал допустимым вразумлять, а при необходимости наказывать чужих детей. Это в

⁷⁷⁸ РГАИ. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2596. Л. 13.

⁷⁷⁹ Семенова-Гянь-Шанская О. П. Указ. соч. С. 19.

⁷⁸⁰ Бондаренко В. Указ. соч. С. 53.

⁷⁸¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2029. Л. 15.

⁷⁸² Там же. Д. 1088. Л. 5.

⁷⁸³ Там же. Д. 1048. Л. 6 - 7.

⁷⁸⁴ Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. II. М., 1890. С. 56.

первую очередь касалось соседей, которые могли оперативно пресекать шалости малолетних сорванцов. «Тетка Арина, я седни (т. е. сегодня) твоего Ванютку крапивой отстегала, все огурцы у меня на огороде помял» - «И спасибо на этом. Вот ужо придет, так я ему еще прибавлю»⁷⁸⁵.

К мерам общественного воздействия родители прибегали тогда, когда они в силу своей немощи или возраста нерадивого отпрыска уже не могли наказать его сами. В этом случае родители жаловались сельскому старосте, и если он не принимал никаких мер, то волостному старшине. Тот вызывал непослушное чадо в волостное правление и делал ему внушение. При повторной жалобе волостной старшина сажал ослушника под арест на 2 суток⁷⁸⁶. Как крайняя мера наказания, сын - грубиян и дебошир мог быть лишен пая при дележе семейного имущества⁷⁸⁷.

Народный взгляд на власть отца таков, что до совершеннолетия он вполне «может распорядок иметь над сыном». Власть отца над сыном заканчивалась после его хозяйственного выдела или после женитьбы, если он покидал отеческий дом. В ином случае большак продолжал командовать взрослым сыном, даже если тот сам имел детей. Такое положение не редко становилось причиной семейных конфликтов. В большинстве своем они заканчивались признанием отцовского авторитета. Отношение детей к родителям резко менялось, как только они в силу старости переставали работать, как прежде. Сыновья тот час вступали в свои права и говорили старому отцу: «Не твое дело, ты теперь не работаешь, значит, тебе и нечего везде совать свой нос». К матери в старости проявляли пренебрежительное отношение, могли попрекнуть куском хлеба, отказывали в новой одежде⁷⁸⁸. Пренебрежительное отношение к родителям стало следствием разрушения патриархальных устоев деревни, падения авторитета главы семьи.

Христианская нравственность, все нормы поведения жителей села требовали безусловного уважения родителей на протяжении всей их жизни. «Дети обязаны родителей во всем слушать, покоить и кормить во время болезни и старости», - сообщал о преданиях крестьян житель Орловской губернии в конце XIX в.⁷⁸⁹ Наступало время детям отдавать «долги» своим родителям. «Богатство» в детях воплощалось в гарантии обеспеченной старости. Стариков – родителей сыновья поочередно брали к себе на жительство, а если те оставались доживать свой век с одним из них, то другие должны были обеспечить их всем необходимым. К тем, кто не радел попечением своих родителей, применяли меры общественного воздействия. Известны случаи, когда волостной суд принуждал непутевых детей к исполнению своих обязанностей, определяя приговором годовую норму натурального довольствия для прокормления стариков.

Нравственная эрозия патриархального уклада деревни на рубеже веков затронула и сферу внутрисемейных отношений. Сельское духовенство одним из первых почувствовало проявление этих негативных явлений. Священник И. Покровский из села Раева Моршанского уезда Тамбовской губернии в 1898 г. году говорил о том, что по его наблюдениям в последнее время утрачивается былое уважение к старикам. Он в частности писал: «Старики в прошлом пользовались почетом и уважением. Они выполняли посильную работу: плели лапти, глядели скотину, собирали ребят на работу и т. п. На старухах лежала обязанность кормить кур, вести счет поросят, овец, хранить шерсть, лен и т. п. За немощными ухаживали, их кормили, мыли. Ныне забылся этот святой обычай. Старики не почитаются, им желают скорейшей смерти. Сын не стесняется бранить, а порой и бить отца. Мне часто приходилось слышать выражения типа – «когда ты сдохнешь, старый пес?». Слепой матери - старухе не укажут, где стоит вода»⁷⁹⁰. По сведениям этнографов старикам и старухам оказывали уважение, если они были еще в силах работать, но в голодное время к ним относились грубо, кормили плохо и почти не ухаживали. Крестьяне смотрели на это снисходительно, говоря: «Хотя – бы уж самим – то животы не подвело, а старикам все равно помирать пора»⁷⁹¹. Не будем искать в этом жестокосердия и забвения сыновнего долга. Голод, извечный спутник русского крестьянства, нередко ставил семью на грань вымирания. Стремясь сохранить потенциал хозяйственного возрождения двора, крестьянин вынужден был воспринимать стариков как лишние рты. С точки зрения физического выживания семьи их немощь являлась балластом.

Социальные потрясения начала XX в., возросшая мобильность сельского населения, падения авторитета царской власти ломали иерархию привычных ценностей крестьянского мира. Разлагающий дух нигилизма проник в оплот общественного консерватизма – русскую деревню. Вполне закономерно, что

⁷⁸⁵ Тенишев В. В. Правосудие в крестьянском быту. Брянск, 1907. С. 35.

⁷⁸⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1048. Л. 5.

⁷⁸⁷ Там же. Д. 447. Л. 7.

⁷⁸⁸ Там же. Д. 1087. Л. 2.

⁷⁸⁹ Цит. по: Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. 143.

⁷⁹⁰ Покровский И. Историко-археологическая записка. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. №. 50. С. 1357 - 1358.

⁷⁹¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1048. Л. 7.

веяния модерна в первую голову захватили сельскую молодежь. За чисто внешними проявлениями: показным безбожием, щегольством, критикой власти угадывалось большее, возникший нравственный изъян. То, что еще вчера было исключением, становилось явлением повседневной жизни села. В отчете Воронежской епархии Синоду за 1907 г. признавалось, что «неуважительное отношение детей и младших к своим родителям и старшим становится обычным явлением»⁷⁹².

Распределение обязанностей

В крестьянской семье существовала половозрастное разделение труда. Вся хозяйственная деятельность двора традиционно подразделялась на «мужскую» и «женскую» работы. Такая градация производственных операций позволяла наиболее эффективно использовать особенности и возможности организма мужика, бабы, подростка. «Все полевые работы на мужчине, он также готовит весь необходимый сельхозинвентарь и осуществляет уход за лошадью», - сообщала в конце XIX в. А. Михеева, информатор из Орловского уезда той же губернии, - «Женщины на сенокосе и в уборке помогают мужчинам в поле. Работа в огороде и уход за скотом лежит на женщине. Муж обязан доставить семье прокормление и одежду и обувь. Муж заботится, чтобы все было куплено, а жена, чтобы все приготовлено»⁷⁹³. Основные трудовые усилия сельской семьи были направлены на получение урожая, поэтому земледельческие операции носили приоритетный характер. Мужики выполняли все полевые работы, требующие физической силы, будь – то пахота, боронование, сев и заделка семян, косьба и уборка сена, жатва хлебов, молотьба, вывоз навоза и т. п. Страдная пора требовала максимальной мобилизации сил крестьянской семьи. В покосе и жатве принимали участие все члены семьи за исключением стариков и младенцев. Обычный распорядок дня в страдную пору привел в своей корреспонденции П. Фомин, житель Брянского уезда Орловской губернии. Он в частности писал: «В 4 часа крестьянин встает и идет косить, работает до 9 часов, завтракает и снова работает до обеда. Пообедав в 12 часов, отдохнув час, крестьянин спешит ворошить и убирать сено. В то время как мужики косят луг, бабы жнут рожь»⁷⁹⁴. Помимо своего главного занятия - хлебопашество деревенский мужик занимался рубкой и возкой дров, строительством или починкой избы, хозяйственных построек, изгороди, изготовлением колес, саней, ремонтом конской упряжи и сельскохозяйственных орудий⁷⁹⁵. Каждый мужик в селе обладал навыками плотницкого, слесарного, гончарного, скорняжного ремесел. И только для изготовления сложных деталей и приспособлений, осуществления работ, требующих профессионального мастерства, он обращался к сельским умельцам: кузницу, печнику и т. п.

Нелегким был труд крестьянки. Помимо упомянутых полевых работ, на ее плечах лежали обязанности по уходу и содержанию скота, приготовление пищи, уборка избы и стирка одежды. В тех местах, где имелись конопляники или посеы льна, в их обязанности входили уборка, вымочка, сушка и другие операции, необходимые для производства пеньки и сукна⁷⁹⁶. Каждая баба в селе должна была не только держать огород, но и по уборке овощей, произвести рубку капусты, выборку картофеля. Сельские женщины производили все необходимые для семьи заготовки на зиму: солили огурцы, квасили капусту, сушили грибы и пр. В период с поздней осени до ранней весны деревенские бабы были заняты прядением льна, шерсти, конопли. В селах Павловского уезда Воронежской губернии в зимнюю пору женщины вязали шерстяные чулки, ткали кушаки, которые потом сбывали на ярмарках Войска Донского по цене от 80 копеек до 2 рублей⁷⁹⁷. Вплоть до начала XX в. крестьянская одежда в большинстве своем изготавливалась из домотканого сукна. Хозяйка должна была следить за тем, чтобы все домочадцы имели необходимую одежду, а в случае необходимости занималась ее починкой. В круг обязанностей женщины входило также приготовление пищи для всей семьи.

В сюжете о крестьянских детях уже говорилось о том, что они с раннего детства оказывали родителям посильную помощь в работе по дому и в поле. Совсем не было редкостью, если шестилетний мальчуган уже помогал отцу или матери загонять коров или лошадей, сопутствовал им в лес для сбора грибов и ягод, и вообще оказывал постоянную пользу в домашнем хозяйстве. Вовлечение детей в трудовой ритм семьи, позволяло подрастающему поколению овладеть необходимыми хозяйственными навыками, формировало в нем трудолюбие - основу жизненного успеха.

В селе существовало четкое разделение работ на «мужскую» и «женскую». Выполнять мужчине, даже мальчику, работу по дому считалось зазорным. Жители села в повседневной жизни старались придерживаться этих неписаных правил из-за боязни осуждения и насмешек со стороны односельчан. На-

⁷⁹² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2202. Л. 18.

⁷⁹³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 13 - 14.

⁷⁹⁴ Там же. Д. 1088. Л. 9.

⁷⁹⁵ Там же. Д. 439. Л. 1; Д. 446. Л. 1.

⁷⁹⁶ Там же. Д. 1088. Л. 12.

⁷⁹⁷ Там же. Д. 451. Л. 3.

рушение этих правил допускалась для холостяков, вдовцов. Женщине под час приходилось выполнять мужские работы в силу объективной необходимости. В случаях если муж (сыновья) находился в отхожем промысле, был призван на действительную службу или мобилизован на войну, все хозяйственные работы были исполняемы женщиной. Такая эмансипация в производственном процессе была явлением вынужденным и сопровождалась ростом общественной активности женщин – селянок. Самоирония сельской поговорки 30 – х гг. XX в. - «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик» верно, отражала произошедшее стирание границ в привычном распределении деревенских работ.

Брак

Важнейшим этапом в жизни крестьян являлся брак. Посредством него достигалась полноценность сельского бытия. В глазах крестьян женитьба выступала непременным условием обретения статуса полноправного члена общины. Холостого мужчину в селе, даже зрелого возраста, называли «малым» и к его голосу не прислушивались. Супружеский союз являлся основой материального благосостояния хозяйства. В деревне говорили: «В нашем быту без бабы невозможно; хозяйство порядком не заведешь, дом пойдет прахом»⁷⁹⁸. Нормальное функционирование двора не могло быть достигнуто по причине упомянутого выше семейного разделения труда. Поэтому при выборе невест внимание в первую очередь обращали на ее физические качества, а уже потом на все остальное. Брак для крестьян был необходим с хозяйственной точки зрения. В средней полосе России, в черноземных губерниях экономические возможности семьи во многом завесили от величины ее земельного надела, полагавшегося лишь женатым мужчинам. Такой порядок, побуждал родителей стремиться к скорейшей женитьбе сына, чтобы расширить семейный надел и приобрести в дом дополнительную работницу. Родители невесты в свою очередь спешили «спихнуть девку с хлеба».

При выборе невесты учитывали ее репутацию («Не баловалась, а то слушок пойдет»), особенно ценилось трудолюбие и умение работать. При выборе невесты из другого села имело значение не только оценка семьи, но и деревни в целом. Так, жители тамбовского села Носины предпочитали не брать пару из соседнего барского села Новотомниково. По воспоминаниям Л. Ф. Маркиной (1910 г.р.) отец не разрешил сыну взять невесту из этого села, сказав: «Она из легкобрюшников, они на работу не спешат, их граф избаловал»⁷⁹⁹.

После того как потенциальная невеста определена, а по сведениям сельской свахи препятствий для заключения брака нет, родители жениха засылали сватов. Приход сватов сопровождался обрядовыми действиями, традиционным словесным набором и символическим торгом. Согласие завершалось молитвой и обильной трапезой. В крестьянском быту заключение условий сделки сопровождалось взаимным ударением правых рук: от того законченное сватовство называлось «рукобитье». После совершения взаимного целования сватов, с обеих сторон давались торжественные обещания. Это означало, что стороны пришли к соглашению о сроке свадьбы и о величине предстоящих расходов. Нарушение данного слова влекло за собой, на основе норм обычного права, юридические последствия. Оскорбленная сторона могла потребовать возмещение понесенных затрат и компенсацию за «бесчестье», поскольку отказ жениха от заключения брака оскорблял девичью честь и бросал тень на ее репутацию⁸⁰⁰.

Выбор невесты был уделом родителей, а точнее решением главы семейства. Мнение жениха спрашивали редко, личные симпатии не имели решающего значения, а брак являлся, прежде всего, хозяйственной сделкой. По мере ослабления патриархальных устоев, роста самостоятельности сельской молодежи положение в этом вопросе постепенно менялось, и брачный выбор перестал быть исключительной прерогативой родителей. Увеличилось число браков, заключенных без родительского благословения.

Браки в селе традиционно были ранними. Этнограф Г. Звонков на примере Елатомского уезда Тамбовской губернии отмечал их заключение в возрасте 13 - 16 лет, упоминая о случаях женитьбе 12 - 13 летних парней на 16 - 17 летних девушках. По данным статистики на конец 60-х гг. XIX в. в Европейской России возраст 57 % невест и около 38 % женихов не превышал 20 лет⁸⁰¹. В работе Ф. Ильинского «Русская свадьба в Белгородском уезде Курской губернии», выполненной по программе исследования Русского географического общества, указывалось, что «молодые люди женятся в 18 - 19 лет, девушки выходят замуж 16 - 17 лет. Двадцатилетний неженатый парень уже редкое явление среди крестьян. А 20 летняя девушка считается засидевшейся невестой, и выходит замуж за парней отбывших воинскую службу»⁸⁰². К аналогичным выводам пришли современные тамбовские исследователи, изучавшие брач-

⁷⁹⁸ Цит. по: Миронов Б. Вокруг свадьбы // Знание – сила. 1976. № 10. С. 43

⁷⁹⁹ Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчет Т. А. Листовой. Л. 2, 3.

⁸⁰⁰ Спасский И. Обычаи, приметы и поверья в приходе с. Александровки-на-Свале Тамбовского уезда // Тамбовские епархиальные ведомости. 1880. № 17. С. 452.

⁸⁰¹ Данные по: Комарова О. Д. Демографические аспекты изучения семьи // Семья: традиции и современность. М. 1990. С. 245.

⁸⁰² АРГО. Разр. 19. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1.

ное поведение крестьян на основе метрических книг сельских приходов. Наиболее распространенным возрастом вступления в брак мужчин в Алексеевском приходе (Моршанский уезд Тамбовской губернии) был промежуток 18 - 19 лет (59 % всех брачных пар), а возрастная группа 17 - 20 лет вообще составляла 73 %. У женщин возрастная группа от 17 - 20 лет составляла 90 % всех брачующихся⁸⁰³.

Сельские невесты спешили к венцу от страха «засидеться в девках». Женитьба на девушке возрастом более 20 лет считалась для деревенских парней делом малопривлекательным. Для девушек не вышедших замуж в срок возникала угроза остаться «вековушей». Следует помнить и о том, что без мужа женщина в селе не имела самостоятельного значения, поэтому девичеству она предпочитала самую плохую партию. Положение замужних женщин, согласно нормам обычного права, было выше, чем иных в браке не состоящих. Так в решениях волостных судов оскорбление замужней бабы наказывалось строже, нежели вдовы или девицы⁸⁰⁴.

Идеальная, с точки зрения крестьян, разница в возрасте новобрачных составляла 2 - 3 года в пользу жениха. Для невесты считалось бесчестьем выйти замуж за «старика», т. е. мужчину старше ее более чем на 3 года. Исходя из демографической ситуации, это было вполне оправданно. Средняя продолжительность жизни мужчин в селе была на 2 - 3 года меньше, чем у женщин. С увеличением возрастной разницы брачующихся для крестьянки возрастала вероятность раннего вдовства⁸⁰⁵.

Браки в русской деревне были не только ранними, но и всеобщими. По данным демографической статистики конца XIX в. вне брака оставалось не более 4 % жителей села. Оправданием безбрачия в глазах крестьян служили только физические или умственные недостатки. С пониманием относились сельские жители к монашествующим, тем, кто решили посвятить свою жизнь Богу и давали обет безбрачия. Существовала в деревне и категория женщин, которые не вступили в брак по тем или иным причинам, их называли «черничками». К мужчинам и женщинам брачного возраста не создавшим семью общественное мнение села относилось крайне неодобрительно. В глазах крестьян такое поведение воспринималось как не исполнение заповедей Божьих и поругание народных традиций.

В крестьянской среде конца XIX – начала XX в. сохранялось понятие святости венца. Жители села осуждали незаконное сожителство, считая это преступлением, поруганием религии и чистоты брачного очага. Невенчаный брак в деревне был явлением редким. Крестьяне с подозрением относились к таким гражданским бракам. Больше признание в таких случаях падало на женщину – полюбовницу. Ее ставили в один ряд с гулящими и подвергали всяческим оскорблениям. Осуждая женщину за незаконную связь, общество обращало внимание на хозяйственную способность крестьянки. Умелое ведение хозяйства, в данном случае, выступало важным условием, смягчавшем оценку ее нравственного облика⁸⁰⁶.

Осень традиционно являлась временем крестьянских свадеб, это объяснялось окончанием сельскохозяйственных работ, появлением у крестьян денежных средств, для того, чтобы «сыграть свадьбу». На осень – зиму в селе приходилось большинство престольных праздников, к которым крестьяне стремились, с целью экономии, приурочить свадебные торжества. По данным А. И. Шингарева в селах Ново-Животинном и Моховатке Подгоренской волости Воронежского уезда 81,7 % от всего годового количества свадеб приходилось на период октября – февраля⁸⁰⁷. В Тамбовском уезде (1885 г.) только на октябрь - ноябрь падало 64 % всех браков за год. Браки отсутствовали в марте (Великий пост) и декабре (Рождественский пост) по причине того, что в эти периоды венчание воспрещалось. На период Великого поста, по подсчетам Никольского, приходилось и минимальное количество зачатий, что составляло 5,5 %⁸⁰⁸. Если принять, что в среднем в месяц приходилось 8,3 % от годового числа зачатий, то следует признать, что даже в такой, трудно поддающейся контролю сфере, как половые отношения крестьяне, в большинстве своем, придерживались установлений Православной церкви.

Другой максимум деревенских свадеб приходился на зиму, январь - февраль. Традиция заключать в этот период браки была глубоко оправданной: по наблюдениям врачей и священников зимние свадьбы давали самых здоровых детей осеннего рождения. По расчетам Б. Н. Миронова доля зимних свадеб сре-

⁸⁰³ См.: Канишев В. В., Мизис, Ю. А. Брачное поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Мат-лы VII рег. конф. по ист. демографии и истор. географии. Воронеж, 2000. С. 29.

⁸⁰⁴ См.: Красноперов И. М. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 1. СПб., 1893. С. 273.

⁸⁰⁵ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 164.

⁸⁰⁶ Милогорова И. Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. 1998. № 2. С. 19.

⁸⁰⁷ Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежской губернии. СПб., 1907. С. 188.

⁸⁰⁸ Никольский В. И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Тамбов, 1885. С. 98 - 99.

ди населения Европейской России в период 1906 – 1910 гг. составляла 42,2 %⁸⁰⁹. Сезонность сельских браков являлась результатом взаимодействия церковных установлений и особенностей аграрного труда.

С замужеством для русской крестьянки начинался новый этап в ее жизни. Изменение общественного статуса влекло за собой обретение ею функций, обусловленных традициями семейного быта

Чадородие. Сельское родоуспоможение

По народным представлениям главное предназначение женщины заключалась в продолжение рода. Само соитие между мужчиной и женщиной по православным канонам было оправдано лишь как средство зачатия детей. Рождение ребенка воспринималась как милость Божья, а отсутствие детей у супругов считалось наказанием за их грехи.

У русской крестьянки на рубеже XIX – XX вв. половая зрелость наступала в 15 - 17 лет. По расчетам доктора В. С. Гроздева (1894 г.) средний возраст появления первой менструации для крестьянок средней полосы России составлял 16,1 лет. У крестьянок Тамбовской губернии, по данным Н. М. Какушкина, он был меньшим 15,3 лет.⁸¹⁰ Первый ребенок у тамбовских крестьянок в среднем рождался в 18 лет и 4 месяца. Наступление физической стерильности наступало к 40 годам, т. е. за 5 - 7 лет до наступления менопаузы. К этому времени детородная функция крестьянской женщины, как правило, заканчивалась: тяжелые условия труда и быта и огромные физические нагрузки преждевременно лишали женщину способности к деторождению.⁸¹¹ Таким образом, фертильный период у сельской женщины конца XIX в. составлял 20 – 22 года. По подсчетам демографов, русская крестьянка этого периода рожала в среднем 7 - 9 раз. Среднее число родов у крестьянок в Тамбовской губернии составляло – 6,8 раза, а максимум 17. Вот, некоторые выписки из отчета гинекологического отделения тамбовской губернской земской больницы за 1897, 1901 гг.: «Евдокия Мошакова, крестьянка, 40 лет, замужем 27 лет, рожала 14 раз»; «Акулина Манухина, крестьянка, 45 лет, замужем 25 лет, рожала 16 раз»⁸¹². В условиях отсутствия искусственного регулирования рождаемости количество детей в семье зависело исключительно от репродуктивных возможностей женщины.

Высокая младенческая смертность играла роль стихийного регулятора воспроизводства сельского населения. По данным обследований (1887 - 1896 гг.) удельный вес умерших детей до пяти лет в среднем по России составлял 43,2 %, а в ряде губерний свыше 50 %. Наибольшее число младенцев, примерно каждый четвертый, умирало в летние месяцы. Причиной тому служили кишечные инфекции, характерные для этого времени года. От поноса в 90-е гг., по данным доктора медицины Г. И. Попова гибло от 17 до 30 % грудных детей⁸¹³. Мало ситуации изменилась и в начале XX века. По данным «Врачебно - санитарных хроник» за 1908 – 1909 гг. младенческая смертность в Тамбовской губернии составляла от 16 до 27,3 %⁸¹⁴.

К смерти младенцев в деревне относились спокойно, говоря «Бог дал – Бог взял». «Если ртов много, а хлебушка мало, тот по неволе скажешь: «Лучше бы не родился, а если умрет, то и, слава Богу, что прибрал, а то все равно голодать пришлось»⁸¹⁵. Появление лишнего рта, особенно в маломощных семьях, воспринималось с плохо скрываемым раздражением со стороны домочадцев. При появлении очередного ребенка свекровь в сердцах упрекала сноху: «Ишь ты, плодливая, облакалась детьми, как зайчиха. Хоть бы подошли твои щенки».⁸¹⁶ В воронежских селах бабы о смерти младенцев говорили так: «Да если бы дети не мерли, что с ними и делать, так и самим есть нечего, скоро и избы новой негде будет поставить»⁸¹⁷. Осуждая аборт, рассматривая его как преступление перед Богом, деревенские бабы не считали большим грехом молиться о смерти нежелательного ребенка.

Для предотвращения беременности в деревне некоторые девицы глотали ртуть, пили разведенный в воде порошок, настой неродихи, медвежьей лапы. Широко использовали менструальные выделения. Месячные смешивали с мочой, и пили. С этой же целью в бане бросали в жар сорочку с первой ночи, вырезали из рубахи пятна от месячных, сжигали их, а пепел разводили водой и пили⁸¹⁸. Существовала в селе примета о том, что при половом сношении сразу же после месячных очищений, беременность исключе-

⁸⁰⁹ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 170.

⁸¹⁰ Данные по: ГАТО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

⁸¹¹ Морозов С. Д. Брачность и рождаемость крестьян Европейской России (конец XIX – начало XX в.) // Крестьяноведение. Вып. 3. М., 1999. С. 104.

⁸¹² Отчет гинекологического и родильного отделения тамбовской губернской земской больницы за 1897 г. Тамбов. 1899. С. 40; То же за 1901 г. Тамбов, 1902. С. 28.

⁸¹³ Федоров В. А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) // Вестник МГУ. 1994. № 4. С. 19.

⁸¹⁴ Подсчитано по: Врачебно – санитарная хроника Тамбовской губернии за 1908 – 1909 гг. Тамбов, 1909.

⁸¹⁵ Цит. по.: Федоров В. А. Указ. соч. С. 16.

⁸¹⁶ Семенова-Тянь-Шанская О. П. Указ. соч. С. 8.

⁸¹⁷ Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежской губернии. СПб., 1907. С. 139.

⁸¹⁸ Попов Г. С. Указ. соч. С. 237.

на. С целью предотвращения повторной беременности затягивали период грудного вскармливания. Продление лактации широко практиковалось в ряде сел до 1920 –х гг. «Если последующая беременность долго не наступает, - отмечалось в одной инструкции 1920-х гг., - кормят, пока ребенок не застыдится до 3, 4, 7 лет». Этот метод до некоторой степени защищал женщин от новых беременностей, т. к. по данным русских врачей, около 80 % женщин не имели менструации при кормлении грудью⁸¹⁹.

Главную роль в сельском родовспоможении играла повитуха. Повивальные бабки были в каждой деревне. Как правило, это были пожилые вдовы (уже не имевшие месячных очищений), добропорядочного поведения. Современники расходились во взглядах применительно оценки повивального искусства. Одни, подобно земскому врачу В. И. Никольскому считали их квалификацию крайне низкой, а действия, приносящие более вред, чем пользу. «А повивальное искусство! Здесь делается все, чтобы исковеркать женщину. Никакой язык не в силах описать того варварства, с которым фактически мучают каждую роженицу» - сетовал упомянутый доктор в своей диссертации за 1885 г.⁸²⁰ Другие исследователи, напротив, высоко оценивали профессиональные навыки повитух. По их мнению, повивальные бабки при родах действовали достаточно грамотно и обладали умением принимать самые сложные роды. Как бы там не было, при наступлении родов крестьяне считали необходимым пригласить бабу-повитуху и очень редко обращались к акушерской помощи. При трудных родах крестьяне скорее шли к священнику просить, чтобы он открыл царские врата и оставил их открытыми до благополучного разрешения от бремени, чем обращались за медицинской помощью⁸²¹.

Все усилия сельской повитухи были направлены на благополучное разрешение от бремени. Они включали в себя как испытанные приемы, стимулирующие родовые потуги, так и ритуальные действия, направленные на защиты роженицы и младенца от влияния бесовских сил. В Тамбовской губернии при родах повитуха заставляла «арженицу», так здесь называли роженицу, снимать всю одежду и даже крест. По суеверным воззрениям считалось будто бы каждую вещь, носимую во время родов, женщина должна выстрадать, помучиться⁸²². Для стимуляции родовых потуг давали пить деревянное масло, засовывали в рот косы, заставляли дуть в бутылку.

Подавляющее большинство родов в селе принимали повитухи. К акушеркам крестьяне обращались крайне редко. В 1888 г., по наблюдению земского врача П. Богданова, из 14500 зарегистрированных родов в Кирсановском уезде Тамбовской губернии акушерками было принято только 100 - 130, т. е. менее 1 %. Главной причиной являлась бедность населения, отсутствие лошади с подводой, чтобы отправить роженицу в больницу за 30, а порой и за 50 верст⁸²³. Спустя 20 лет положение в этом вопросе практически не изменилось. Доктор А. С. Сергеевский в «Обзоре родовспомогательной деятельности по Моршанскому уезду за 1904 - 1909 гг.» признавал: «Сама жизнь крестьянки, вероятно, создала поговорку о том, что «баба где стоит, там и родит». Горькая, обидная поговорка, но правды в ней много: поле, хлев, лес, луга, выгон, железная дорога и тюрьма – где застанут русскую женщину роды, там она и разрешается от бремени. В Моршанском уезде большинство родов, а точнее 66,9 % проведено в избах. Медицинский персонал оказывал помощь лишь в 1,4 %»⁸²⁴. «Лишь немногие женщины села знали о существовании докторов – акушеров, и никто из них не пользовался помощью этих специалистов, – писал в своих воспоминаниях воронежский крестьянин Ив. Столяров, – «Дети рождались с помощью «бабок – повивалок» без всяких дипломов, научившихся путем практики. Когда же роды проходили в поле (и это случалось частенько) бабу – повивалку заменяла одна из женщин, уже имевшая детей. Если роженица была в поле одна с мужем, то обязанности «бабки» выполнял муж!»⁸²⁵. По отчету Сеславинского участка Козловского уезда Тамбовской губернии за 1912 г. родов на дому было принято 237, а в больнице – 34⁸²⁶.

Недоверие к акушеркам, по мнению этнографа Д. К. Зеленина, проистекала из взгляда крестьян на них как на «барышней», т. е. существ беспомощных, слабых. В восприятии акушерки сельской женщиной существовало определенное предубеждение, ведь она была представителем иного сословия, ей не были ведомы порядки и нравы крестьянского мира. Повитуха же была своей бабой, крестьянкой. От нее роженица ждала не только специальной помощи, но и замены ее в семейном хозяйстве. Бабка топила печь, варила обед, кормила детей, ходила за скотиной и т. п. Одним словом, повитуха делала все, чтобы временная нетрудоспособность женщины не отразилась на привычном домашнем укладе. Но сельская

⁸¹⁹ Цит. по. : Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 185.

⁸²⁰ ГАТО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1 Л. 42.

⁸²¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2029. Л. 4.

⁸²² То же.

⁸²³ Богданов П. К статистике и казуистике болезней половых органов у крестьянок Кирсановского уезда. Тамбов, 1889. С. 3.

⁸²⁴ ГАТО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1. Л. 42об.

⁸²⁵ Столяров Ив. Записки русского крестьянина // Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 338.

⁸²⁶ Там же. Д. 11. Л. 6.

баба была не только домохозяйкой, но и работницей. Суровая проза крестьянской жизни требовала скорейшего ее возвращения к активному труду, особенно в страдную пору. Бывший земский начальник из Тамбовской губернии А. Новиков, хорошо знавший крестьянский быт и положение в нем женщины, в своих воспоминаниях с досадой сетовал по этому поводу: «Ни болезни, ни роды – ничто бабу не спасает. Если родила в рабочую пору, то на третий день иди вязать снопы. Можно после этого удивляться, что все они больны женскими болезнями»⁸²⁷. Деревенская повитуха, только ей одной известными способами, делали все, чтобы по быстрее поставить женщину на ноги. После родов роженице устраивали баню, где бабка правила ей «живот». Для того, чтобы вернуть «золотник» (т. е. матку) на место бабка заставляла родильницу вставить на четвереньки и опереться руками, затем сильно встряхивала ее за лодыжки. При этом в некоторых местах употребляли интересный приговор: «Срастайся п ...душка, сустав в сустав, только х ..ю место оставь»⁸²⁸. Трудно судить насколько эффективны были все эти манипуляции. Очевидно одно, что все действия повивальной бабки были подчинены одной цели – быстрее вернуть роженицу к исполнению ей своих повседневных функций.

Женское здравие

Детородные функции и состояния здоровья крестьянки в целом зависели, прежде всего, от условий труда и быта. В деревне говорили: «Борода кажет мужа, а женщину нужа». Непосильные повседневные работы, плохое питание изнашивали женский организм, вели к раннему старению. Большинство работ, выполняемых крестьянкой, по дому или в поле было связано с поднятием тяжестей. Земский врач В. И. Никольский, обследовавший состояния половой сферы крестьянок Тамбовского уезда в 1885 г., писал: «У нас женщина несет тяжелую полевую работу, она вредна для нее, т. к. связана с усиленной механической работой. Особенно вредна прополка, когда целый день приходится ходить, согнувшись в тазобедренных сочленениях под острым углом». По данным автора изменения формы и положения матки давали 16,6% всех заболеваний половой сферы у сельских женщин⁸²⁹. Для предупреждения выпадения матки, как говорили в деревне «золотника» бабки засовывали больным во влагалище картофелины, свеклу, репу, иногда деревянные шары⁸³⁰. На состояние женского здоровья влияла и демографическая ситуация в деревне, если нарушалось традиционное соотношение мужского и женского труда. Доктор В. Ф. Вамберский проследил динамику числа больных с опущением и выпадением матки за период с 1903 по 1927 г.г. При среднем значении за каждое пятилетие в 6,54 % больных, в период 1913 – 1917 гг. доля таких больных составила 7,8%.⁸³¹ В период Первой мировой войны, по причине мобилизации мужского населения, во многих крестьянских семьях женщины были вынуждены выполнять мужские работы.

«Немало женских заболеваний – изгибов и загибов матки, ее воспаление с последующим бесплодием – или рождение «истомленных детей» обязаны происхождением своим непосильным работам» - констатировал саратовский земский врач С. П. Миронов⁸³². В результате такой «надрывной» работы у крестьянок часто случались выкидыши. Из 1059, опрошенных врачом П. Богдановым, рожавших женщин у 195 в общей сложности было 294 выкидыша. В Тамбовском уезде в 1897 - 1899 гг. на 2164 родовспоможений, произведенных и учтенных медиками, приходилось 267 мертворожденных, 142 мнимоумерших и 187 выкидышей, что составило 35 % от числа детей, родившихся живыми⁸³³. В объяснении того, что женщина «скинула» ребенка жители села были далеки от выяснения объективных причин. По народным поверьям выкидыши приписывались таким прегрешениям матери, как несоблюдение постов, нердивость в молитве, неверность мужу, совокупление с ним под праздник. Деревне не хватало элементарных медицинских знаний. Жители села упорно придерживались взглядов далеких от научной трактовки. В 1924 г. читательница журнала «Крестьянка» писала в редакцию: «В то время, когда мать почувствовала ребенка, в деревне считают, что «выкинуть» женщина уже не может. Поэтому ее не щадят в работе, злоупотребляют ее трудом, Во время жатвы случаются от этого кровотечения, а иногда и смерть»⁸³⁴.

Традиционно женским занятием в селе считалась вымочка конопли. Во время этих работ, обычно начало – середина октября, крестьянки часами простаивали по колено в студеной воде. Следствием про-

⁸²⁷ Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899. С 16.

⁸²⁸ Попов Г. Указ. соч. С. 354.

⁸²⁹ ГАТО. Ф. 182. Оп.1. Д. 1. Л. 42об, 43.

⁸³⁰ Богданов П. Указ. соч. С. 8 -10.

⁸³¹ ГАТО. Ф. 182. Оп.1. Д. 1. Л. 47.

⁸³² Цит. по: Федоров В. А. Указ. соч. С. 8.

⁸³³ Дьячков В. Л. Труд, хлеб, любовь и космос, или о факторах формирования крестьянской семьи во второй половине XIX - начале XX в.

// Социально – демографическая история России XIX – XX вв. Современные методы исследования. Мат-лы науч. конф. Тамбов, 1999. С.

73.

⁸³⁴ ГАРФ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 29. Л. 1.

студы ног и живота был эндометрит, или, как говорили в деревне «застудилась». Определенную роль в возникновении гинекологических заболеваний играли венерические болезни. Триппер, приносимый в деревне мужьями – отходниками, не редко становился причиной вульвита и эндометрита. Большинство заболеваний половой сферы являлось следствием несоблюдения женщинами гигиены половых органов. По наблюдениям земских врачей количество гинекологических больных в селе резко возрастала в жаркую летнюю погоду⁸³⁵. Причина тому - отсутствие гигиены в страдную пору по причине постоянного присутствия мужчин. Необходимой чистоплотности не было и зимой. В тесных избах мужчины и женщины проводили большую часть времени вместе и бабы опять же не имели возможности приводить себя в надлежащий порядок. Да и само состояние крестьянского жилища создавало благоприятную атмосферу для развития различных патогенных микробов.

Современного исследователя не может не поражать то безразличие, с которым сельские бабы относились к своему здоровью. Женские хвори обнаруживали, как правило, на стадии обострения или в хронической форме. Крестьянки порой просто не замечали выделений (белей) по причине грязного платья. Свою роль играло и невежество селянки. Некоторые бабы в Орловской губернии лечиться у докторов от женских болезней считали за великий конфуз: «бабе свое нутро перед людьми выворачивать зазорно». Когда такой пациентке доктор предлагал осмотреть ее, та стремительно убегала из больницы, и старалась скрыть от всех слова доктора, чтобы потом не заслужить упрека от баб: «тебя давно все оглядели»⁸³⁶. По мере развития сети земской медицины, роста образованности жителей села и санитарного просвещения крестьянского населения эти взгляды постепенно уходили в прошлое.

Власть мужа

Выяснение сути «бабьей доли» невозможно характеристики положения замужней женщины. Горькие причитания невесты накануне свадьбы были не только данью традиции. Это слезы прощания с «девичьей волюшке» и страха перед грядущей «бабьей долей». Ее уделом становился повседневный изнурительный труд и безропотное подчинение супругу. Власть мужа, его отношение к жене определялись традиционными взглядами и стереотипами поведения. В селе существовали неписанные правила, регламентирующие поведение замужней бабы. Предосудительным считалось ходить на посиделки, разговаривать на улице с холостым мужчиной и т. п. В селе Раеве Моршанского уезда Тамбовской губернии считалось позором ходить супругам парой. По местному обычаю жена должна была идти позади мужа саженой в пяти⁸³⁷. Бабы не имели права вмешиваться в мужицкие разговоры, высказывать свое мнение по вопросам их не касающихся.

Патриархальные традиции требовали безусловного подчинения жены мужу. Эта зависимость сложилась исторически и была обусловлена причинами религиозного, социального и экономического порядка. Характер аграрного производства, общинный уклад и подушное обложение фактически исключали самостоятельное значение женщины. Объективно крестьянское бытие не предполагало равноправие полов, отводило женщине второстепенную, а, следовательно, подчиненную роль. Современники, представители образованного общества, много, и не без основания, писали о семейном гнете. Они возмущались и справедливо грубостью нравов царивших в крестьянской семье. Но, так ли оценивали свое положение сами крестьянки? Есть основания утверждать, что всевластие мужа воспринималось ими как должное. С детства девушка видела обращение отца к матери, помнила ее неоднократные наставления о покорности в грядущем замужестве. Была свидетелем, возможно не единожды, сцен публичной расправы над строптивыми женами. Сельская баба воспринимала свой удел как жизненный крест, который должна была смиренно нести.

Безотчетная власть мужа над своей женой отражена в народных поговорках: «Бью не чужую, а свою»; «хоть веревки из нее выю»; «жалей как шубу, а бей, как душу»⁸³⁸. Этот варварский обычай, шокировавший просвещенную публику, в деревне являлся делом обыденным. С точки зрения норм обычного права побои жены не считались преступлением в отличие от официального права. Рукоприкладство в деревне было, чуть ли не нормой семейных отношений. «Бить их надо – бабу да не бить, да это и жить будет нельзя». Мужик бил свою жену беспощадно, с большей жестокостью, чем собаку или лошадь. Били обычно в пьяном виде за то, что жена скажет поперек, или били из-за ревности. Били палкой и рогачём, и сапогами, ведром и чем попало⁸³⁹. Порой такие расправы заканчивались трагически. В местных газетах того времени периодически появлялись сообщения о скорбном финале семейных расправ.

⁸³⁵ Богданов П. Указ. соч. С. 8, 9, 19.

⁸³⁶ Попов Г. Указ. С. 107.

⁸³⁷ Покровский И. Указ. соч. С. 1361.

⁸³⁸ Бунаков Н. Указ. соч. С. 50, 51; Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской области // Сборник для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2. М., 1890. С. 54.

⁸³⁹ Семенова-Тянь-Шанская О. П. Указ. соч. С. 5.

Приведем лишь одно из них. «Тамбовские губернские ведомости» в номере 22 за 1884 год писали, что в деревне Александровке Моршанского уезда 21 февраля крестьянка, 30 лет от роду, умерла от побоев, нанесенных ей мужем.

В сельской повседневности поводов для семейного рукоприкладства всегда было более чем достаточно. «Горе той бабе, которая не осень ловко прядет, не успела мужу изготовить портянки. Да и ловкую бабу бьют, надо же ее учить»⁸⁴⁰. Такая «учеба» в селе воспринималась не только как право, но и как обязанность мужа. Крестьяне говорили, что если «бабу не учить – толку не видать». О живучести таких взглядов в селе свидетельствуют данные по Больше – Верейской волости Воронежской губернии, собранные краеведом Ф. Железновым. В своем исследовании за 1926 г. он приводил результаты ответа крестьян на вопрос «Надо ли бить жену?» Около 60 % опрошенных крестьян ответили утвердительно, считая это «учебой». И только 40 % сельских мужчин считали, что делать этого не следует⁸⁴¹.

Насилие порождало насилие, создавало примеры для подражания. И то, что шокировало стороннего наблюдателя, воспринималось в деревне как обыденное явление. Интересное суждение о сельских нравах приводил в своих мемуарах А. Новиков, прослуживший семь лет в должности участкового земского начальника Козловского уезда Тамбовской губернии. Он писал: «В крестьянской семье, чем где-либо проявляется победа грубой физической силы; уже молодой муж начинает бить свою жену; подрастают дети, отец и мать берутся их пороть; стариться мужик, вырастает сын и он начинает бить старика. Впрочем, бить на крестьянском языке называется учить: муж учат жену, родители учат детей, да и сын учит старика – отца, потому что тот выжил из ума. Нигде вы не усидите такого царства насилия, как в крестьянской семье»⁸⁴².

Проблема, на мой взгляд, заключалась не в особой жестокости русского мужика, а в необходимости ему следовать традиции, соответствовать образу «грозного мужа». «Крестьянин сознает, что он глава жены, что жена должна бояться своего мужа, вот он и выражает свое превосходство перед нею, внушает ей боязнь, уважение к себе кулаком, да вожжами» - делился своими наблюдениями о деревенских нравах священник из Курской губернии⁸⁴³. Корреспондент В. Перьков из Болховского уезда Орловской губернии сообщал: «Власть мужа состояла в том, что он мог от нее требовать работы и полнейшего повиновения во всем. Он мог ее бить, и соседи относятся к этому хладнокровно. «Сама себе раба, коль не чисто жнет» - говорят они»⁸⁴⁴. Общественное мнение села в таких ситуациях всегда было на стороне мужа. Соседи, не говоря уже о посторонних людях, в семейные ссоры не вмешивались. «Свои собаки дерутся, чужая не приставай» - говорили в селе. Иногда крестьяне колотили своих жен до полусмерти, особенно в пьяном виде, но жаловались бабы посторонним очень редко. «Муж больно бьет, за то потом медом отольется»⁸⁴⁵. То есть и сама женщина относилась к побоям как к чему-то неизбежному, явлению обыденному, своеобразному проявлению мужниной любви. Не отсюда ли пословица: «Бьет - значит любит!»?

Русская баба, являясь объектом насилия, репродуцировала его. Сама, терпя побои, воспринимая их как должное, она культивировала эту «традицию» у подрастающего поколения. Приведу описание сцены семейной расправы, произошедшей в селе Александровке. Этот документ обнаружен мной в архиве редакции «Красный пахарь» и датирован 1920 годом. «На расправу сбежалась вся деревня и любовалась избиением как бесплатным зрелищем. Кто-то послал за милиционером, тот не спешил, говоря: «Ничего, бабы живучи!». «Марья Трифоновна, - обратилась одна из баб к свекрови, – За что вы человека убиваете?». Та ответила: «За дело. Нас еще не так били». Другая баба, глядя на это избиение, сказала своему сыну: «Сашка, ты, что ж не поучишь жену?». И Сашка, совсем парнишка, дает тычок своей жене, на что мать замечет: «Разве так бьют?». По ее мнению так бить нельзя – надо бить сильнее, чтобы искалечить женщину. Неудивительно, что маленькие дети, привыкнув к таким расправам, кричат избиваемой отцом матери: «Дура ты, дура, мало еще тебе!»⁸⁴⁶.

В объяснение этого явления есть и психологический фактор. Побои жены выступали для мужика компенсатором за унижение, которое он испытывал в повседневной жизни со стороны помещика, чиновника, земского начальника, урядника. Сталкиваясь с произволом «сильных мира сего», испытывая состояние зависимости, крестьянин искал выход негативным эмоциям. Это рождало желание продемонстрировать свою власть, пусть даже в пределах семейного круга. Такое стремление к самоутверждению

⁸⁴⁰ Новиков А. Указ. соч. С. 16.

⁸⁴¹ См.: Железнов Ф. Воронежская деревня. Больше – Верейская волость. Вып. II. Воронеж, 1926. С. 28.

⁸⁴² Новиков А. Указ. соч. С. 9 - 10.

⁸⁴³ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 686. Л. 23.

⁸⁴⁴ Там же. Д. 1011. Л. 2, 3.

⁸⁴⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1215. Л. 3.

⁸⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 254. Л. 113.

принимало порой самые неожиданные формы. Информатор из Орловской губернии в своем сообщении в этнографическое бюро приводил следующий случай. «Муж поспорил, что жена его не посмеет отказать при всех лечь с ним. Была призвана жена и беспрекословно исполнила требуемое, муж выиграл пари, а мужики даже поднесли и бабе водки «за храбрость»⁸⁴⁷.

Была ли сельской женщины возможность оградить себя рукоприкладства самодура-мужа, защитить свою честь и достоинство? Некоторые женщины пытались найти управу на мужей в волостных судах. Исследователи конца XIX в. расходились в оценке эффективности таких обращений. Юрист И. М. Красноперов считал, что волостные суды не спешили встать на защиту чести и достоинства женщин, считая это дело семейным. Из 118 случаев побоев мужьями своих жен, зарегистрированных в волостных книгах, суды приговорили к наказаниям только четырех виновных, да и то, не столько за побои, сколько за дебоширство и пьянство⁸⁴⁸. По мнению же специалиста в области обычного права С. В. Пахмана, волостные суды не только не уклонялись от разбора дела о личных обидах между супругами, но весьма энергично защищали жен от деспотизма мужей. На основе изученных материалов волостных судов Рязанской губернии аналогичное суждение высказывает современный исследователь Л. И. Земцов. Он считает, что «крестьянки активно пытались найти защиту в волостном суде», и «абсолютное большинство проступков по отношению к женщине волостным судом наказано»⁸⁴⁹. По моим наблюдениям, волостные суды, в отличие от общинных судов, не оставались безучастными к искам потерпевших женщин. Так, Горельский волостной суд 5 марта 1872 г. рассматривал жалобу крестьянки. В ней говорилось о том, что ее муж Сергей Антонов Бетин ни за что избил ее, изорвал на ней рубаху и юбку и вырвал много волос. А затем связав ей руки водил по селу. Суд приговорил виновного аресту на 7 дней. Иногда инициатором обращения в волостной суд с жалобой на жестокое обращение с женой выступали должностные лица села. П. Березанский, в своем исследовании обычного права крестьян Тамбовской губернии, приводит в качестве примера решение Стрельниковского волостного суда. В этом суде слушали жалобу сельского старосты на крестьянина Ф., который часто бил свою жену до полусмерти. Суд определил наказать семейного дебошира 20 ударами розгами, и объявил ему, чтобы тот оставил все свои дурные поступки и жил в своем семействе смиренно⁸⁵⁰.

Другой формой женского протеста против семейной тирании являлось бегство. К концу XIX в. выросло количество обращений крестьянок с просьбой выдать им паспорт. Для того, чтобы его получить требовалось согласие мужа, а он, как правило, такого согласия не давал. Те, женщины, которые находили прибежище в родительском доме, возвращались мужьями насильно. Иные, покинутые мужья обращались в волостной суд. Тот предписывал женщине вернуться к мужу, так как надо работать в поле, а в целях предотвращения издевательств в будущем грозил привлечь мужа к суровому наказанию.

Развод

Развод в русской деревне был явлением крайне редким. В своих воспоминаниях о детстве в тамбовской деревне митрополит Вениамин (Федченков) писал, что на пятьдесят верст кругом он не слышал ни об одном случае развода. В 1912 г. почти на 115 млн. человек православных всех возрастов было расторгнуто всего 3532 брака, в 1913 г. на 98,5 млн. человек православных – 3791 брак, при чем подавляющая часть разводов приходилась на город⁸⁵¹. Народные традиции и номы церковного права делали добровольное расторжение брака практически невозможным. Исследователь С. С. Крюкова на основе изучения брачных традиций второй половины XIX в. установила причины разводов у крестьян в повседневной жизни. Это несогласие в семейной жизни; уход одного из супругов в секту; неспособность мужа выполнять супружеские обязанности; бесплодие жены; длительная отлучка одного из супругов⁸⁵². К этим причинам следует добавить и неспособность одного из супругов выполнять хозяйственные работы. Жесткие требования к разводу были продиктованы не только церковным уставом, но и экономическими условиями жизни крестьянской семьи. Ведь при разводе или смерти супруги в крестьянском хозяйстве нарушалось традиционное соотношение мужских и женских рук, необходимое для нормальной производственной деятельности. Нередко на другой день после похорон мужик толковал о новой бабе. «Без бабы в доме никак невозможно, - говорил он, - надо невесту искать»⁸⁵³. В этом не было ни жестокосердия, ни пренебрежения к умершей супруге, а только суровые реалии крестьянского быта.

⁸⁴⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 2, 3.

⁸⁴⁸ См.: Красноперов И. М. Указ. соч. С. 279.

⁸⁴⁹ Земцов Л. И. Крестьянки в волостном суде // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв. Мат.-лы. междунар. конф. Тамбов, 2002. С. 328.

⁸⁵⁰ Березанский П. Указ. соч. С. 217, 218.

⁸⁵¹ Данные по: Морозов С. Д. Указ. соч. С. 103.

⁸⁵² См.: Крюкова С. С. Брачные традиции южнорусских губерний во II пол. XIX в. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 48.

⁸⁵³ Бунаков Н. Указ. соч. С. 51.

Прелюбодеяние в обычном праве не признавалось основанием для расторжения брака. В этом случае от обманутого мужа ожидали вразумления неверной жены, а не развода. Жен уличенных в измене жестоко избивали. На такие расправы в селе смотрели как на полезное дело, по понятиям крестьян с женой всегда нужно обращаться строго – чтобы она не забаловалась. «Жену не бить – толку не быть!»⁸⁵⁴

Для официального расторжения брака, церковного развода, требовалось решение правящего архиерея, поэтому в русской деревне второй половины XIX – начала XX в. существовали «самовольные разводы». Дать количественную оценку этому явлению невозможно, по причине того, что такие «расходки» не регистрировались. Этнографические источники свидетельствуют о том, что иногда в селе супруги расходились добровольно, т. е. прекращали совместное проживание, но к формальному расторжению брака не прибегали. По наблюдениям Ф. Костина из Орловского уезда: «Рассорившиеся супруги часто расходятся. Большею частью со двора уходит жена, а муж остается дома. Иногда муж заявляет в волости, чтобы жене не давали паспорт. И тогда жена обыкновенно живет у кого-либо из родственников. Супруги иногда расходятся добровольно и живут врозь, но только те, у кого нет детей»⁸⁵⁵. Отсутствие детей в семье после нескольких лет совместной жизни в глазах крестьян являлось веской причиной для прекращения супружества. «У кого детей нет – во грехе живет», – говорила народная пословица.

Гражданский развод в селе санкционировался негласно общиной и общественным мнением. Упомянутый информатор из Орловского уезда по этому поводу писал следующее: «В нашей местности разводы бывают при вмешательстве сельского схода и народного суда. При таких разводах вторично жениться супругам конечно нельзя, но они имеют полное право, по народному мнению, жить раздельно, не притесняя один другого. Когда желают разойтись и просят об этом общество. То должны указать причины. Когда есть дети, то их оставляют с отцом, будь они девочка или мальчик. Но если мать пожелает взять с собой девочку, то этой ей позволено. Если муж и жена разводятся, не имея детей, то ей разрешается взять свое имущество и приданое. Если, разводятся супруги, имея детей, то жене не все выдается, а часть холстов, детских рубашек оставляется. После развода муж не обязан выдавать жене ни месячины, ни других пособий и она должна жить, как хочет. Когда после развода у крестьян от любовниц рождаются дети, то они были обязаны кормить до совершеннолетия, и если девочка то выдать замуж, если мальчик определить его куда – то в зятя или в усыновление. Но большей частью таких детей определяют в воспитательные дома или подкидывают»⁸⁵⁶.

Наиболее частой из причин разводов являлась смерть одного супругов. Вдовство, в народных представлениях, воспринималось как Божье наказание. Второй брак в деревне не осуждался, но вызывал определенный суеверный страх из-за боязни того, что он будет недолговечным и несчастным. Третий брак по народным понятиям считался недопустимым. Крестьяне считали, что такой мужик берет на себя страшный грех, идя против Божественной воли. В деревне говорили: «Первая жена от Бога, вторая – от человека, третья – от черта». Второй брак был необходим, по мнению крестьян, только в том случае, если у вдовца были малолетние дети, а в семье не было женщины, способной к уходу за ними. В этом случае вдова самая подходящая невеста для вдовца, как опытная женщина. К бракам вдовцов на девушках относились неодобрительно. И поэтому чаще всего вдовые супруги вступали в новый брак друг с другом. Из 100 браков вдовцов (1875 – 1886 гг.) в Тамбовской губернии – 56 приходилось на браки вдовцов на вдовах⁸⁵⁷. Для совместного проживания порой сходились пожилые (мужчины старше 60 лет, женщины – 50 лет), одинокие крестьяне. Такой союз в селе считали неприличным, памятуя о том, что Бог создал брак «для умножения рода человеческого»⁸⁵⁸.

Советская власть существенно упростила процедуру развода. По закону о браке, семье и опеке 1926 г. было достаточно заявление одного из супругов, при чем «представления какого-либо объяснения о том, почему сторона желает развода, не требовалось». Число разводов по стране на 1 тыс. чел. увеличилось с 1,9 в 1920 г. до 11,3 в 1929 г.⁸⁵⁹ В середине 1920-х гг. разводы в Тамбовской губернии составляли 8 – 12 % от числа заключенных браков. Большинство их приходилось на город. Для русской деревни возможность расторжения брака в большей мере имело эффект психологического воздействия. У крестьянки появился выбор, теперь она могла, оформив развод, уйти от мужа. По этому поводу в орловских деревнях в середине 20-х гг. XX в. распевали такую частушку:

⁸⁵⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 13.

⁸⁵⁵ Там же. Д. 1245. Л. 7.

⁸⁵⁶ Там же. Л. 11, 12.

⁸⁵⁷ Якушкин Е. И. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия // Этнографическое обозрение. Кн. IX. М., 1891. № 2. С. 6.

⁸⁵⁸ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 165.

⁸⁵⁹ Черных А. становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 175.

От волости до двора
Вся зеленая трава;
Давай милый разводится,
Теперь новые права⁸⁶⁰.

В первое советское десятилетие взгляд крестьян на возможность расторжения брака оставался в целом традиционным. Это утверждение относится к церковному браку, а не к государственной регистрации с гражданского состояния. Разводы в сельской среде не получили широкого распространения. Житель Болховского района Орловской области Н. А. Польшов (1918 г. р.), вспоминая о нравах деревни своего детства, говорил: «Сейчас вот женятся 2 - 3 раза и ничего. А раньше если ты женился и через год развелся, тебя засмеют. Не имеешь права даже это делать»⁸⁶¹. Таким образом, стереотипы семейных отношений в сознании жителей села под воздействием правовых новаций не претерпели особых изменений.

Пища

Крестьянин кормился от трудов своих. Народная пословица гласит: «Что потопаешь, то и полопаешь». Состав крестьянской пищи определялся натуральным характером его хозяйства, покупные яства были редкостью. Она отличалась простотой, еще ее называли грубой, так как требовала минимум времени на приготовление. Огромный объем работы по хозяйству не оставлял стряпухе времени на готовку разносолов и обыденная пища отличалась однообразием. Только в праздничные дни, когда у хозяйки было достаточно времени, на столе появлялись иные блюда. Вообще, сельские женщины были консервативны в компонентах и приемах приготовления пищи. Отсутствие кулинарных экспериментов тоже являлось одной из черт бытовой традиции. Селяне были не притязательны в еде, поэтому все рецепты для ее разнообразия воспринимали как баловство. Интересно в этом отношении свидетельство Хлебниковой, работавшей в середине 20-х гг. XX в. сельским учителем в с. Сурава Тамбовского уезда. Она вспоминала: «Ели щи из одной капусты и суп из одной картошки. Пироги и блины пекли один - два раза в год по большим праздникам ... При этом крестьянки гордились своей бытовой неграмотностью. Предложение добавлять что-то в щи для «скусу», они с презрением отвергали: «Неча! Мои и так жрут, да похваляют. А, эдак совсем разбалуешь»⁸⁶².

На основе изученных этнографических источников можно с высокой долей вероятности реконструировать повседневный рацион русского крестьянина. Сельская пища не отличалась большим разнообразием. Известная поговорка «Щи да каша - пища наша» верно отражала обыденного содержания еды жителей деревни. В Орловской губернии повседневную пищу как богатых так и бедных крестьян составляло «варево» (щи) или суп. По скоромным дням эти кушанья приправлялись свиным салом или «затолокой» (внутренним свиным жиром), по постным дням - конопляным маслом. В Петровский пост орловские крестьяне ели «муру» или тюрю из хлеба, воды и масла. Праздничная пища отличалась тем, что ее лучше приправляли, то же самое «варево» готовили с мясом, кашу на молоке, а в самые торжественные дни жарили картофель с мясом. В большие храмовые праздники крестьяне варили студень, холодец из ног и потрохов⁸⁶³.

Мясо не являлось постоянным компонентом крестьянского рациона. По наблюдениям Н. Бржевского пища крестьян, в количественном и качественном отношении не удовлетворяла основные потребности организма. «Молоко, коровье масло, творог, мясо, - писал он, - словом все продукты, богатые белковыми веществами, появляются на крестьянском столе в исключительных случаях - на свадьбах при разговении, в престольные праздники. Хроническое недоедание - обычное явление в крестьянской семье»⁸⁶⁴. Бедный мужик вволю ел мясо исключительно только на «загвины» т. е. в день заговения. К этому дню крестьянин, как бы не был беден, обязательно готовил себе мясного и наедался, так что на следующий день лежал с расстройством желудка. Редко крестьяне позволяли себе пшеничные блины с салом или коровьим маслом⁸⁶⁵.

Другой редкостью на крестьянском столе был пшеничный хлеб. В «Статистическом очерке хозяйственного положения крестьян Орловской и Тульской губерний» (1902) М. Кашкаров отмечал, что «пшеничная мука никогда не встречается в обиходе крестьянина, разве лишь в привозимых из города гостинцах, в виде булок и т. п. На все вопросы о культуре пшеницы не раз слышал в ответ поговорку:

⁸⁶⁰ Бюллетень Орловского губернского бюро краеведения. 1927. № 2. С. 24.

⁸⁶¹ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122. Л. 21.

⁸⁶² Город на Цне. 1997. 9 января.

⁸⁶³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1088. Л. 1.

⁸⁶⁴ Бржевский Н. Очерки аграрного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскудение. СПб., 1908. С. 4, 5.

⁸⁶⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1087. Л.2,3.

«Белый хлеб - для белого тела»⁸⁶⁶. В начале XX века в селах Тамбовской губернии состав потребляемых хлебов распределялся следующим образом: мука ржаная – 81,2 %, мука пшеничная – 2,3 %, крупы – 16,3 %.

Из круп, употребляемых в пищу в Тамбовской губернии, наиболее распространено было просо. Из нее варили кашу «сливуху» или кулеш, когда в кашу добавляли свиное сало. Постные щи заправляли растительным маслом, а скоромные щи забеливали молоком или сметаной. Основными овощами, употребляемыми в пищу, здесь являлись капуста и картофель. Морковь, свеклу и другие корнеплоды до революции в селе выращивали мало. Огурцы появились на огородах тамбовских крестьян лишь в советское время. Еще позже, в предвоенные годы, на огородах стали выращивать помидоры. Традиционно в деревнях культивировали и употребляли в пищу бобовые: горох, фасоль, чечевицу⁸⁶⁷.

Из этнографического описания Обоянского уезда Курской губернии следовало, что в зимние посты местные крестьяне ели кислую капусту с квасом, луком, соленые огурцы с картофелем. Щи варили из кислой капусты и квашеных бураков. На завтрак обычно был кулеш или галушки из гречневого теста. Рыбу употребляли в разрешенные церковным уставом дни. В скоромные дни на столе появлялись щи с мясом, творог с молоком. Зажиточные крестьяне в праздничные дни могли позволить себе крошку с мясом и яйцами, молочную кашу или лапшу, пшеничные блинцы и коржики из сдобного теста⁸⁶⁸.

Рацион воронежских крестьян мало чем отличался от питания сельского населения соседних черноземных губерний. Ежедневно употреблялась, преимущественно, пища постная. А именно: ржаной хлеб, соль, щи из капусты, каша, горох и также овощи: редька, огурцы, картофель. Пища в скоромные дни состояла из щей с салом, молока и яиц. В праздничные дни ели солонину, ветчину, кур, гусей, овсяный кисель, ситный пирог⁸⁶⁹.

Повседневным напитком у крестьян была вода, в летнюю пору готовили квас. В конце XIX в. в селах черноземного края чаепитие распространено не было, если чай и употребляли, то во время болезни, заваривая его в глиняном горшке в печи. Но уже в начале XX в. из деревни сообщали, что «крестьяне полюбили чай, который они пьют по праздникам и после обеда. Более состоятельные начали приобретать самовары и чайную посуду. Для интеллигентных гостей кладут вилки к обеду, сами мясо едят руками»⁸⁷⁰.

Обыкновенно порядок еды у крестьян был таков: утром, когда все вставали то подкрепляются кто чем: хлебом с водой, печеным картофелем, вчерашними остатками. В девять - десять утра садились за стол и завтракали варевом и картошкой. Часов в 12, но не позже 2 дня все обедали, в полдник ели хлеб с солью. Ужинали в деревне часов в девять вечера, а зимой и раньше⁸⁷¹. Полевые работы требовали значительных физических усилий и крестьяне, в меру возможностей, старались употреблять более калорийную пищу. Священник В. Емельнов, на основе своих наблюдений за жизнью крестьян Бобровского уезда Воронежской губернии, сообщал в Русское географическое общество: «В страдную летнюю пору едят четыре раза. В завтрак в постные дни едят кулеш с одним ржаным хлебом, когда вырастает лук то с ним. В обед хлебают квас, добавляя в него огурцы, потом едят щи (шты), наконец крутую пшеничную кашу. Если работают в поле, то весь день едят кулеш, запивая его квасом. В скоромные дни к обычному рациону добавляют сало или молоко. В праздник - студень, яйца, баранина в щах, курятина в лапше»⁸⁷².

Семейная трапеза в селе производилась по раз заведенному порядку. Вот как описывал П. Фомин, житель Брянского уезда Орловской губернии заведенный порядок прием пищи в крестьянской семье: «Когда садятся обедать и ужинать, то все по начину хозяина начинают молиться Богу, за тем уж садятся за стол. Вперед хозяина никто ни одно кушанье не может начинать. Иначе попадет ложкой по лбу, хотя это был и взрослый. Если семья большая, детей отсаживают на полку и там кормят. После еды опять все встают и молятся Богу»⁸⁷³.

Во второй половине XIX века наблюдалась довольно устойчивая традиция соблюдения пищевых ограничений в крестьянской среде. Обязательным элементом массового сознания были представления о чистой и нечистой пище. Корова, по мнению крестьян Орловской губернии, считалась чистым животным, а лошадь нечистым, непригодной в пищу⁸⁷⁴. В крестьянских поверьях Тамбовской губернии со-

⁸⁶⁶ Кашкаров М. Указ. соч. С. 69.

⁸⁶⁷ Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчет В. Липинской. С. 5, 6.

⁸⁶⁸ Машкин Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник. Вып. V. СПб., 1862. С. 14, 16, 17.

⁸⁶⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 442. Л. 2.

⁸⁷⁰ Там же. Д. 2271. Л. 2.

⁸⁷¹ Там же. Д. 1088. Л. 3.

⁸⁷² АРГО. Раз. 19. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 9об.

⁸⁷³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1087. Л. 1.

⁸⁷⁴ Трунов А. И. Понятие крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т.2. 1869. С. 19.

держалось представление о нечистой пище: рыбы, плывущие по течению, считали чистой, а против течения нечистой.

Обо всех этих запретах забывали, когда деревню посещал голод. В условиях отсутствия в крестьянских семьях какого-либо значительного запаса продовольствия каждый неурожай влек за собой сами тяжкие последствия. В голодное время потребление продуктов сельской семьей сокращалось до минимума. С целью физического выживания в селе резали скот, пускали в пищу семенной материал, распродавали инвентарь. В голодное время крестьяне употребляли в пищу хлеб из гречихи, ячменя или ржаной муки с мякиной. К. К. Арсеньев после поездки в голодные села Моршанского уезда Тамбовской губернии (1892 г.) так описывал свои впечатления в «Вестнике Европы»: «Во время голода семьи крестьян Сеничкина и Моргунова кормились щами из негодных листьев серой капусты, сильно приправленных солью. Это вызывало ужасную жажду, дети выпивали массу воды, пухли и умирали»⁸⁷⁵. Спустя четверть века в деревне все те же страшные картины. В 1925 г. (голодный год!?) крестьянин из с. Екатериново Ярославской волости Тамбовской губернии А. Ф. Барцев писал в «Крестьянскую газету»: «Люди рвут на лугах коневой щавель, парят его и эти питаются. ... Крестьянские семьи начинают заболеть от голода. Особенно дети, которые пухлые, зеленые, лежат без движения и просят хлеба»⁸⁷⁶. Периодический голод выработал в русской деревне традицию выживания. Вот зарисовки этой голодной повседневности. «В селе Московское Воронежского уезда в голодные годы (1919 - 1921 гг.) существующие пищевые запреты (не есть голубей, лошадей, зайцев) мало имели значение. Местное население употребляло в пищу мало – мальское подходящее растение, подорожник, не гнушались варить суп из лошадины, ели «сорочину и варянтину». Ни кошек, ни собак в пищу не употребляли. Горячие кушанья делали без картофеля, засыпали тертой свеклой, поджаренной рожью, добавляли лебеду. В голодные годы не ели хлеба без примесей, в качестве которых употребляли траву, лебеду, мякину, картофельную и свекольную ботву и другие суррогаты. К ним добавляли муки (просяной, овсяной, ячменной) в зависимости от достатка»⁸⁷⁷.

Конечно, все описанное выше это ситуации экстремальные. Но и в благополучные годы недоедание, полуголодное существование было обыденным явлением. За период с 1883 по 1890 г. потребление хлеба в стране уменьшилось на 4,4. % или на 51 млн. пуд в год. Потребление пищевых продуктов в год (в переводе на зерно) на душу населения составляло в 1893 г.: Орловская губернии – 10,6 - 12,7 пуд., Курская – 13 - 15 пуд., Воронежская и Тамбовская – 16 - 19 пуд.⁸⁷⁸. В начале XX в. по Европейской России среди крестьянского населения на одного едока в день приходилось 4500 кал., при чем 84,7 % из них были растительного происхождения, в т. ч. 62,9 % хлебных и только 15,3 % калорий получали с пищей животного происхождения⁸⁷⁹. При этом калорийность дневного потребления продуктов крестьянами в Тамбовской губернии составляла – 3277, а в Воронежской – 3247. Бюджетные исследования, проведенные в довоенные годы, зафиксировали очень низкий уровень потребления российского крестьянства. Для примера, потребление сахара сельскими жителями составляло менее фунта в месяц, а растительного масла – полфунта⁸⁸⁰.

Если говорить не об абстрактных цифрах, а внутридеревенском потреблении продуктов, то следует признать, что качество пищи прямо зависело от хозяйственного достатка семьи. Так, по данным корреспондента Этнографического бюро потребление мяса в конце XIX в. бедной семьей составляло 20 фунтов, зажиточной – 1,5 пуда. На приобретение мяса в зажиточных семьях тратилось в 5 раз больше средств, чем в семьях бедняков⁸⁸¹. В результате обследования бюджетов 67 хозяйств Воронежской губернии (1893 г.) было установлено, что расходы на приобретение пищи, в группе зажиточных хозяйств, составляли в год 343 руб., или 30,5 % всех расходов. В семьях среднего достатка соответственно 198 руб. или 46,3 %. Эти семьи, в год на человека, потребляла 50 фунтов мяса, в то время как зажиточные в два раза больше – 101 фунт⁸⁸².

Дополнительные данные о культуре быта крестьянства дают данные о потреблении селянами основных продуктов питания в 1920 - е гг. Для примера взяты показатели тамбовской демографической статистики. Основой рациона сельской семьи по-прежнему являлись овощи и продукты растительного происхождения. В период 1921 - 1927 гг., они составляли в деревенском меню 90 - 95%. Потребление

⁸⁷⁵ Арсеньев К.К. Из недавней поездки в Тамбовскую губернию // Вестник Европы. Кн. 2. 1892. С. 837.

⁸⁷⁶ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 619. Л. 1 - 1об.

⁸⁷⁷ Народный быт. Материалы и исследования по этнографии Воронежского края. Воронеж, 1927. С. 28, 31, 36.

⁸⁷⁸ Сборник правоведения и общественных знаний. Труды юрид. общ-тва. Москов. ун-та. Т. 3. СПб., 1894. С. 144.

⁸⁷⁹ Привалова Т. В. Быт русской деревни (медико – санитарное состояние деревни Европейской России) 60 –е гг. XIX - 20-е гг. XX в. М., 2000. С. 44.

⁸⁸⁰ См.: Анфимов. А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 73.

⁸⁸¹ См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев. ... С. 230.

⁸⁸² См.: Сборник правоведения и общественных знаний. ... Т. 3. С. 162, 163.

мяса было незначительным: от 10 до 20 фунтов в год. Это объясняется традиционным для деревни самоограничением в потреблении продуктов животноводства и соблюдением религиозных постов. С экономическим укреплением крестьянских хозяйств возросла калорийность потребляемой пищи. Если в 1922 г. в дневном рационе тамбовского крестьянина она составляла 2250 единиц, то к 1926 г. увеличилась почти вдвое и исчислялась 4250 калориями. В том же году калорийность дневного потребления воронежского крестьянина составляла 4410 единиц⁸⁸³. Качественного отличия в потреблении продуктов питания различными категориями деревни не наблюдалось. Калорийность дневного потребления зажиточного крестьянина превосходила показатель других групп деревни незначительно.

Из вышеприведенного обзора пищи крестьян черноземных губерний видно, что основу рациона сельского жителя составляли продукты натурального производства, в нем преобладали продукты растительного происхождения. Достаток пищи носил сезонный характер. Относительно сытый период от Покрова до святок сменялся полуголодным существованием в весенне – летнюю пору. Состав употребляемой пищи находился в прямой зависимости от церковного календаря. Питание крестьянской семьи выступало отражением хозяйственной состоятельности двора. Отличие в пище зажиточных и бедных крестьян заключалось не ее в качестве, а в количестве.

Жилище

Изба являлась традиционным жилищем русского крестьянина. Постройка дома для крестьянина это важный этап в его жизни, непреходящий атрибут обретения им статуса домохозяина. Усадьба под новостройку отводилась решением сельского схода. Заготовка бревен и возведение сруба обычно осуществлялась посредством мирской или соседской помочи. В селах региона основным строительным материалом выступала древесина. Исключение составляли степные районы южных уездов Курской и Воронежской губерний. Здесь преобладали мазаные малороссийские хаты.

Состояние крестьянских жилищ, в полной мере, отражало материальное достаток их владельцев. Сенатор С. Мордвинов, посетивший Воронежскую губернию с ревизией в начале 1880-х гг., в своем отчете сообщал: «Крестьянские избы пришли в упадок, и поражают своим убогим видом. Каменных строений у крестьян губернии отмечено: у бывших помещичьих – 1,4 %, у государственных – 2,4 %⁸⁸⁴. В конце XIX века зажиточные крестьяне в деревнях все чаще стали строить каменные дома. Дома крыли соломой, реже дранкой. По наблюдениям исследователей, в начале XX века в воронежских селах строили «хаты» из кирпича и под «жесть» - вместо прежних «рубленных», крытых соломой на «глину». Воронежский краевед Ф. Железнов, обследовавший условия жизни крестьян в начале 1920-х гг., дал следующую группировку крестьянских изб (по материалам стен): кирпичные строения составили 57 %, на деревянные приходилось 40 % и на смешанные 3 %. Состояние построек выглядело так: ветхие – 45 %, новые – 7 %, посредственные – 52 %⁸⁸⁵.

Состояние крестьянской избы и надворных построек выступало верным показателем хозяйственного состояния крестьянской семьи. «Плохая изба и развалившийся двор – первый признак бедности, о том же свидетельствуют отсутствие скотины и мебели». По убранству жилища можно было безошибочно определить материальное положение жильцов. Корреспонденты Этнографического бюро так описывали внутреннюю обстановку домов бедных и зажиточных семей: «Обстановка семьи бедного крестьянина – это тесная ветхая лачужка вместо дома, да хлевик, в котором есть одна лишь коровенка и три – четыре овцы. Бани, амбара и овина нет. У зажиточного всегда новая просторная изба, несколько теплых хлевов, в которых помещаются 2-3 лошади, три - четыре коровы, два – три теленка, два десятка овец, свиньи и куры. Есть баня и амбар»⁸⁸⁶.

Русские крестьяне были весьма непритязательными в домашнем обиходе. Постороннего человека, прежде всего, поражал аскетизм внутреннего убранства. Крестьянская изба конца XIX в. мало, чем отличалась от сельского жилища века предыдущего. Большую часть комнаты занимала печь, служащая, как для обогрева, так и для приготовления пищи. Во многих семьях они заменяли баню. Большинство крестьянских изб топились «по-черному». В 1892 г. в с. Кобельке Богоявленской волости Тамбовской губернии из 533 дворов 442 отапливались «по-черному» и 91 «по белому»⁸⁸⁷. В каждой избе был стол и лавки вдоль стен. Иная мебель практически отсутствовала. Не во всех семьях имелись скамейки и табуретки. Спали обычно зимой на печках, летом на полатках. Чтобы было не так жестко, стелили солому, которую накрывали дерюгой. Как здесь не вспомнить слова воронежского поэта И. С. Никитина.

⁸⁸³ См.: Статистический справочник по Тамбовской губернии за 1926 год. Тамбов, 1926. С. 149, 152; Население и хозяйство Воронежской губернии. Вып. 2. Стат. свод. сб. Воронеж, 1927. С. 383.

⁸⁸⁴ Мордвинов С. Указ. соч. С. 20.

⁸⁸⁵ Железнов Ф. Указ. соч. С. 23.

⁸⁸⁶ Быт великорусских крестьян-землепашцев. ... 1993. С. 229.

⁸⁸⁷ Корнилов А. А. Семь месяцев среди голодающих крестьян. М., 1893. С. 71.

Невестка за свежей соломкой сходила,
На нарах в сторонке ее постлала, -
К стене в изголовье зипун положила.

Солома служили универсальным покрытием для пола в крестьянской избе. На нее члены семьи отправляли свои естественные надобности, и ее, по мере загрязнения, периодически меняли. О гигиене русские крестьяне имели смутное представление. По сведениям А. И. Шингарева, в начале XX в., бань в с. Моховатке имелось всего две на 36 семейств, а в соседнем Ново - Животинном одна на 10 семейств. Большинство крестьян мылись раз - два в месяц в избе, в лотках или просто на соломе⁸⁸⁸. Традиция мытья в печи сохранялась в деревне вплоть до В. О. В. Орловская крестьянка, жительница села Ильинское М. П. Семкина (1919 г. р.) вспоминала: «Раньше купались дома, из ведерки, никакой бани не было. А старики в печку залезали. Мать выметет печь, соломку туда настелет, старики залезают, косточки греют»⁸⁸⁹.

Постоянные работы по хозяйству и в поле практически не оставляли крестьянкам времени для поддержания чистоты в домах. В лучшем случае раз в день из избы выметали сор. Полы в домах мыли не чаще 2 - 3 в год, обычно к престольному празднику, Пасхе и Рождеству. Пасха в деревне традиционно являлся праздником, к которому сельские жители приводили свое жилище в порядок. «Почти каждый крестьянин, даже бедный, - писал сельский учитель, - перед Пасхой непременно зайдет в лавку купит 2 - 3 куса дешевеньких обоев и несколько картин. Перед этим тщательно вымывают потолок, и стены дома с мылом»⁸⁹⁰.

Участившие связи с городом, подъем материального состояния крестьян в период нэпа благотворно отразились на состоянии крестьянского жилища. По сведениям авторов сборника «Русские» во второй половине 20-х гг. XX в. во многих селениях было построено и отремонтировано около 20 - 30 % имеющихся домов. Новые дома составляли около трети всех построек в Никольской волости Курской губернии⁸⁹¹. В период нэпа дома зажиточных крестьян были перекрыты железными крышами, под ним подводился каменный фундамент. В богатых домах появлялась мебель, хорошая посуда. Входили в быт занавески на окнах, парадную комнату украшали живыми и искусственными цветами, фотографиями, на стены клеили обои. Однако эти изменения не коснулись бедняцких изб. Вот как описывал дом бедняка крестьянин В. Я. Сафронов, житель с. Краснополье Козловского уезда Тамбовской губернии. В своей корреспонденции за 1926 г. он писал: «Изба деревянная, гнилая. Окна на половину заткнуты соломой или тряпками. В избе темно и грязно ...»⁸⁹².

Одежда

По сведения из Обоянского уезда Курской губернии в 1860 —е гг. мужчины в деревне носили посконное белье домашнего изготовления, рубаху с косым воротом, длиною до колен и порты. Рубаха подпоясывалась тканым или сученым пояском. В праздничные дни надевали льняные рубахи. Зажиточные крестьяне щеголяли в рубахах из красного ситца. Верхнюю одежду летом составляли зипуны или свиты. По праздникам носили домотканые балахоны. А крестьяне побогаче – кафтаны тонкого сукна⁸⁹³. Основу обыденной одежды тамбовских крестьянок составлял традиционный южнорусский костюм, испытывавший в конце XIX века значительное влияние городской моды. Девушки и замужние бабы в Моршанском уезде Тамбовской губернии носили сарафаны. В ряде мест у селянок сохранилась клетчатая или полосатая «панёва», на головах «кокошники» и волосники с возвышениями или даже рогами. Привычная женская обувь «коты» (чоботы) уступили место башмакам или полусапожкам «со скрипом»⁸⁹⁴.

Этнограф Ф. Поликарпов, исследовавший в начале XX в. быт крестьян Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии, отмечал: «Появляются щеголи, надевшие «гасподские» рубахи – косоворотки из ситца, легкие сапоги, перестают носить на поясе «гаманы». Даже в пределах одного уезда этнографы обнаруживали разнообразие сельской одежды. «В одних местах носят «панёвы» - черные клетчатые юбки, в других «юпки» красных цветов, с широкой обшивкой у подола – из лент и позумента. Девушки носят преимущественно сарафаны. Из верхней одежды на юго-востоке Нижнедевицкого уезда носят «зипуники», а на северо-востоке уезда «шушпаны». Везде обувью являются лапти с «анучами» и «пар-

⁸⁸⁸ Шингарев А. И. Указ. соч. С. 50 - 55.

⁸⁸⁹ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 121. Л. 82.

⁸⁹⁰ Цит. по: Тульцева Л. А. Община и аграрная обрядность рязанских крестьян на рубеже XIX – XX в. // Русские: семейный и общественный быт. Сб. ст. М., 1989. С. 47.

⁸⁹¹ Русские. Сб. ст. М., 1997. С. 286.

⁸⁹² РГАЭ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1. Л. 294.

⁸⁹³ Машкин. Указ. соч. С. 8.

⁸⁹⁴ Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. № 22. С. 594.

тянками». В праздничные дни одевают тяжелые и широкие сапоги с подковами. Крестьянские рубахи скроены неаккуратно – широкие и длинные, пояс подвязывали «пот пуза», цепляя на него «гаман»⁸⁹⁵.

Новшеством в сельском моде являлся и материала, из которого было сделано платье. Ткань фабричного производства (шелк, сатин) практически вытеснила домотканое сукно. Под влиянием городской моды изменился крой крестьянского платья. Крестьянин С. Т. Семенов об изменениях в одежде крестьян начала XX в. писал, что «самотканки вытеснялись ситцем. Зипуны и кафтаны заменились кофтами и пиджаками»⁸⁹⁶. Мужчины надевали поддевки, пиджаки, штаны не «набойчатые», а суконные и бумажные. Молодые люди ходили в пиджаках, подпоясывая брюки ремнями с пряжками. В прошлое уходили традиционные женские головные уборы. Сельские девушки ходили с непокрытой головой, украшая ее искусственными цветами, накидывая платок на плечи. Деревенские модницы носили приталенные кофточки, «польты», шубки. Обзавелись зонтиками и калошами. Последние стали «писком» деревенской моды. Их носили больше для украшения, т. к. надевали в тридцатиградусную жару, идя в церковь⁸⁹⁷.

Традиционно в деревне большое внимание уделялось показной стороне жизни семьи. В деревне хорошо помнили, что «встречают по одежке». С этой целью зажиточные хозяева и в будние дни носили высокие сапоги с бесчисленными сборками («в гармошку»), и в теплую погоду накидывали на плечи синие тонкого фабричного сукна кафтаны⁸⁹⁸. А, что не могли показать, о том говорили, что «дома у них на столе самовар и часы на стене, и едят они на тарелках мельхиоровыми ложками, запивая чаем из стеклянных стаканов». Крестьянин всегда стремился к тому, чтобы у него было все не хуже чем у соседа. Даже при небольших средствах свободные денежные средства вкладывались в строительство дома, покупку хорошей одежды, иногда мебели, в устройства праздника «на широкую ногу», чтобы в деревне создавалось впечатление о зажиточности хозяйства. Семейный достаток необходимо было демонстрировать повседневно, как подтверждение хозяйственного благополучия.

Глава 4

СЕМЕЙНЫЙ УКЛАД. ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР

Наряду с общиной формой сельской повседневности выступал крестьянский двор. Он являлся основной производственной ячейкой сельской общины, на нем держались все хозяйственные связи в деревне. Традиционно крестьянский двор выполнял фискальные функции. Он же служил основой бытовой морали сельчан. Таким образом, статус и положение крестьянского двора выстраивали этику соседских отношений в деревне. Крестьянский двор действовал как сплоченный элемент социальной организации с разделением труда, власти и престижа по традиционным предписанным семейным установлениям. Двор представлял собой основу производства, потребления, отношения собственности, социализации и общественных связей, моральной поддержки и взаимопомощи⁸⁹⁹.

В русской деревне было несколько типов дворов. Это – двор рабочий, возглавлявшийся домохозяином, основной держатель земельного надела. Далее шел вновь образованный двор, состоящий из малой семьи и еще полностью не включившийся в общественную жизнь деревни. Особый тип составляли дворы отставных и запасных воинских чинов. На время службы право на земельный надел за солдатами сохранялся, а по возвращению с нее они оставались в составе семьи или посредством выдела создавали самостоятельное хозяйство. В селе существовала категория так называемых неполных дворов: вдовый или бобылей двор; выморочный двор, утративший хозяина, живых наследников; двор убылых душ, то есть опустевший по различным причинам. Вклад этих дворов в производственный процесс не был равнозначным. Соответственно каждая категория двора наделялась различной долей земельных ресурсов из общинного фонда.

⁸⁹⁵ Поликарпов Ф. Нижнедевицкий уезд. Этнографические характеристики. СПб., 1912. С. 142.

⁸⁹⁶ Семенов С. Т. Из истории одной деревни // Русская мысль. Кн. I. 1902. С. 32.

⁸⁹⁷ Там же. С. 145, 146, 149.

⁸⁹⁸ См.: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. III. М., 1891. С. 10.

⁸⁹⁹ См.: Кучумова Л.И. Крестьянский двор и семья в общине Европейской России второй половины XIX в. // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы Всеросс. науч. конф. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 47.

Понятия «семья», «двор», «семейство», «хозяйство» применительно изучаемого периода были тождественными: они означали совокупность близких родственников, живущих вместе и ведших одно хозяйство под управлением одного человека, который назывался хозяином (большаком). В один двор несколько брачных пар объединяла совместная трудовая деятельность при наличии неразделенного имущества, которым управлял домохозяин. В русской деревне конца XIX – начала XX в. преобладающими были два типа семей: составная (преимущественно отцовская) и малая или нуклеарная семья. Патриархальная семья как явление традиционного общества в условиях модернизации претерпела значительные изменения.

До отмены крепостного права в деревне преобладала составная крестьянская семья. Сельские семьи были, как правило, многочисленны. Например, в 1857 г. семья включала в среднем в Воронежской губернии 9,6 человек обоего пола, Курской – 9,1, Тамбовской – 9,0⁹⁰⁰. Во второй половине XIX в. численность сельской семьи уменьшается. Если в 1858 г. средняя численность крестьянской семьи в Воронежской губернии составляла 9,4 чел., то в 1884 г. – 6,8, а в 1897 г. – 6,6⁹⁰¹. Традиционный уклад, в том числе и семейный, в селах Центрального Черноземья отличался большей прочностью, чем в других регионах страны. Так, наибольшее количество больших семей, с численностью свыше 10 человек, было зарегистрировано по переписи 1897 г. в воронежских селах. Доля таких семей в губернии составляла 14,8 %⁹⁰². Семья воронежского крестьянина Леона Измайлова насчитывала 54 человека. Она состояла из домохозяина с женой (76 и 74 года), шесть женатых сыновей (от 36 до 55 лет), семь женатых внуков, девять внуков неженатых, 10 внуков незамужних, три малолетних правнука и четыре правнучки. Всего 26 мужчин и 28 женщин. Такие большие семьи, объединенные властью домохозяина, составляли 47,5 % от числа семей с численностью более 20 челрвек.⁹⁰³ Крупная семья представляла собой своеобразную форму трудовой кооперации, половина ее численного состава были работниками. Поэтому такие семьи, чаще всего, являлись зажиточными. Многосемейность придавала крестьянскому хозяйству устойчивость и выступала залогом экономического благополучия. Так, по сведениям за 1889 г., глава многочисленного семейства, крестьянин д. Грязнуша Больше-Лазовской волости Тамбовского уезда И.Я. Золотухин обладал 703 дес. земли, владел шестью домами и 16 нежилыми постройками, держал лошадей – 40 голов, коров – 30, свиней – 90, имел семь плугов, 30 железных боронок, три сеялки и две молотилки⁹⁰⁴.

Крестьяне видели четкую связь количества работников в семье с ее хозяйственной состоятельностью. Отмечая преимущества большой семьи, они говорили, что если в «семье мелкой умрет хозяин, то все пойдет прахом». Очевидно, в их глазах многочисленность семьи выступала гарантом от ее разорения. Действительно, в малой семье смерть одного работника автоматически вела к расстройству хозяйственной жизни, в то время как в большой это не отражалось на благосостоянии крестьянского двора. Пытливый исследователь крестьянского быта, писатель Энгельгардт, в известных письмах из деревни сообщал: «Крестьянский двор зажиточен, пока семья велика и состоит их значительного числа рабочих, пока существует какой-нибудь союз семейный, пока семья не разделена и работы производятся сообща. Обыкновенно это союз держится, пока жив старик, и распадается со смертью его. Чем суровее старик, чем деспотичнее, чем нравственно сильнее, чем большим уважением пользуется он от мира, тем больше хозяйственного порядка во дворе, тем зажиточнее двор»⁹⁰⁵.

Патриархальная семья представляла собой уменьшенную копию общины. В составной семье воспроизводились патриархальные отношения с присущим им авторитаризмом и общностью имущества двора. Здесь отношения строились на безоговорочном подчинении младших членов семьи старшим, а власть хозяина над домочадцами была абсолютной. В жизни неразделенных семей наглядно прослеживалась преемственность поколений, непосредственность в передаче опыта от отцов к детям. Глава двора стремился оградить семейную повседневность от всего, что могло бы нарушить привычный уклад, изменить традиции, ослабить его власть. Поэтому домохозяин в такой семье противился обучению своих детей, неохотно отпускал сыновей в дальний промысел, старался не допустить выдела. В силу развития товарно-денежных отношений в российской деревне, ослабления патриархальных устоев сельского быта, роста крестьянского индивидуализма происходил процесс численного роста малых семей, которые и стали к началу XX в. главной формой семейной организации русского крестьянства. Глубинные

⁹⁰⁰ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 225.

⁹⁰¹ Федяевский К.К. Крестьянская семья Воронежской губернии по переписи 1897 г. СПб., 1905. С. 5.

⁹⁰² Там же. С.3.

⁹⁰³ Там же. С. 14.

⁹⁰⁴ ГАТО. Ф. 143. Оп. 3. Д. 46.

⁹⁰⁵ Энгельгардт А.Н. Из деревни (Письмо седьмое) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 177.

изменения, связанные с модернизацией традиционного общества, вызвали к жизни тенденцию дробления крестьянских дворов. Деревню, образно говоря, захлестнула волна семейных разделов. Этот процесс, имевший объективную природу, продолжался с начала 1880-х по конец 1920-х гг. и привел к тому, что патриархальная семья уступила место семье нуклеарной. В контексте поставленной проблемы эти перемены в жизни русского села носили принципиальный характер.

Разделы

Семейные разделы, начавшиеся в дореформенный период, после отмены крепостного права, стали в русской деревне распространенным явлением. В период с 1861 по 1882 гг. в 46 губерниях Европейской России разделилось 2 371 248 крестьянских семей⁹⁰⁶. За два пореформенных десятилетия, по подсчетам П.Н. Зырянова, в среднем ежегодно происходило 116 тыс. разделов⁹⁰⁷. Большая патриархальная семья постепенно уступала место семье нуклеарной. Благодичинный Щацкого округа в рапорте, направленном в Тамбовскую духовную консисторию (1894 г.), сообщал, что «теперь редко можно встретить семью из 3 – 4-х братьев»⁹⁰⁸. «Ныне перевелись семьи в 20 – 30 человек, состоящих из деда, его 3 – 4 сыновей, внучат и правнучат», – с сожалением констатировал священник И. Покровский, автор монографического описания с. Раево Моршанского уезда Тамбовской губернии⁹⁰⁹. Корреспонденты Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева были единогласны в своих утверждениях о том, что «больших семей мало», «семьи преимущественно малые» и т.п.⁹¹⁰

Серьезным испытанием прочности патриархальной семьи являлось отходничество и, как следствие, возросшая мобильность сельского населения. В конце XIX в. в 50 губерниях Европейской России побочные промысловые занятия имели 5029,9 тыс. человек, или 7,2 % общей численности сельского населения. Крестьянский отход в исследуемых черноземных губерниях был развит в меньшей мере, чем в промысловых губерниях. В 1888 г. в Тамбовской губернии крестьянам было выдано около 200 тыс. паспортов, в Орловской губернии около 150 тыс. Избыток рабочих рук, как следствие аграрного перенаселения, выразился в том, что все большее число крестьян Черноземного края были вынуждены искать заработок вне сельскохозяйственного труда. По данным за 1898 г. в Воронежской губернии отходники составляли

5,3 % всего сельского населения, в Тамбовской губернии этот показатель был несколько ниже – 4,8 %. В условиях модернизации отходничество выступало одним из каналов инокультурного влияния. С развитием масштабов отхожего промысла в конце XIX – начале XX в. отход являлся фактором, который оказывал существенное влияние на самые различные сферы жизни российского села.

Отхожий промысел членов семьи существенно подрывал позиции большака. Длительное отсутствие отходников вне пределов крестьянского мира ослабляло родительский контроль. Крестьяне в черноземных деревнях стремились не отпускать членов своих семей на слишком дальние расстояния, стараясь найти им работы вблизи дома. Если же отпускали, то брали клятву, что он будет жить честно и будет присылать денег. Холостых парней старались перед отходом женить. Не смотря на жесткое требование большака работать на «общий кошель», отходникам удавалось скрыть часть заработка, что в свою очередь выступало первоначальным капиталом для самостоятельного хозяйствования. Утаивание отходниками части заработка на свои личные потребности и на нужды своей семьи, по свидетельству старожилов, было одной из причин семейных конфликтов и разделов. По наблюдению Н. Романова, автора монографического описания с. Каменка Тамбовской губернии, «большое количество молодых крестьян оставляют временно деревню и возвращаются с изменившимися понятиями и наклонностями, с ослабевшими родственными чувствами, в большинстве случаев заводят свое отдельное хозяйство»⁹¹¹. Оценки влияния отходников на сельскую повседневность представителями разных слоев деревни на удивление схожи. Тамбовский помещик Н.В. Давыдов считал, что «возвращавшиеся домой крестьяне вносили в сельскую жизнь понятия, далеко не всегда желательные, радикально расходившиеся с прежними воззрениями»⁹¹². О пагубном влиянии на патриархальные устои крестьянской семьи отходников сообщали в своих рапортах сельские приходские священники Тамбовской епархии. Они, в частности, писали: «Побывал паренек в Питере, стал другим человеком»; «Авторитет родителей над деть-

⁹⁰⁶ Риттих А.А. Крестьянский правопорядок. СПб., 1904. С. 230.

⁹⁰⁷ Зырянов П.Л. Крестьянская община Европейской России. 1907 – 1914 гг. М., 1992. С. 31.

⁹⁰⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1835. Л. 576.

⁹⁰⁹ Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. № 50. С. 1357.

⁹¹⁰ Быт великорусских крестьян-землепашцев ... С. 181.

⁹¹¹ Романов Н. Село Каменка и Каменская волость Тамбовского уезда. Тамбов, 1886. С. 161.

⁹¹² См.: Давыдов Н.В. Из прошлого. Ч. 2. М., 1917. С. 30.

ми ослабевают»; «Молодое поколение, возвратившись с заработков, стремиться отделиться» и т.п.⁹¹³

Приобщение маргиналов к городской культуре выражалось в обретении далеко не лучших ее черт. Всплеск деревенского хулиганства в начале XX в. следует отнести к результатам урбанизации. Американский исследователь Н. Вайсман причину быстрого распространения хулиганства усматривал «в разрушительном влиянии городских отношений, городского стиля поведения на деревенское общество». Следует согласиться с утверждением П.Н. Зырянова о том, что «политика разрушения общины в значительной мере расшатала устои крестьянского мира и ослабила контроль над поведением однообщественников»⁹¹⁴.

Масло в огонь семейных конфликтов подливало возвращение со службы сыновей. Выяснение братских отношений строилось на основе словесной перепалки типа: «Мы за вас служили», а «мы за вас работали»⁹¹⁵. Солдатская служба существенно меняла вчерашних сельских парней. Вырванные из привычной среды, они быстро усваивали новые взгляды, иные нормы поведения. Для многих, вернувшихся со службы, земледельческий труд утрачивал былую привлекательность, и они уходили в города на заработки. Сказывалась и длительная оторванность от приходской жизни. Местные священники в своих рапортах в епархию сообщали, что бывшие солдаты не соблюдают постов, уклоняются от исполнения религиозных треб, ведут непотребные речи⁹¹⁶. Одним из явлений сельской повседневности конца XIX в. стало хулиганство, ранее не характерное для русского села.

Другой весомой причиной семейных разделов являлся крестьянский быт. К распаду крестьянского двора вели семейные ссоры, неурядицы, дразги и т.п. «У нас все разделы от баб», – говорили старики в деревне⁹¹⁷. Острое противостояние большухи и снох, борьба за ухват и квашню, сексуальные притязания со стороны свекра – все это являлось обыденностью. Сельские жители и сами прекрасно понимали все «минусы» составной семьи. Вот суждения крестьян по этому поводу: «Тесно жить молодым женам, да ведь три горшка в печь не влезут». «Две – три снохи могли устроить из семейного очага крошечный ад»⁹¹⁸. По сообщению А. Петрова в Больше-Избердеевской и Шехманской волостях Липецкого уезда Тамбовской губернии причинами и поводами к семейным дележам являются по преимуществу бабьи дразги, ссоры между братьями, вследствие недобросовестного отношения некоторых членов семьи к труду, их пьянство и расточительство⁹¹⁹. Не менее уважительными причинами разделов являлись снохачество, появление мачехи или отчима, эгоизм старшего брата⁹²⁰. Хозяйственная деятельность большой семьи создавала множество причин для братских ссор, нередко доходивших до драки. Как правило, инициатива по разделу двора исходила со стороны младшего, малосемейного брата («чтоб не кормить чужих детей»). Пьянство, леность, мотовство главы семьи или одного из братьев также выступали весомой причиной для начала процесса имущественного раздела. Так, при выяснении волостным старшиной Барышниковым причин самовольных разделов в 2-ом Сосновском общества Тамбовского уезда, крестьянин Даниил Сизов в марте 1894 показал, что ушел от отца, потому что тот часто бывал нетрезвый и при этом производил бунт, нанося ему побои⁹²¹.

Особых правил раздела в деревне не было. Он производился по уговору, а спорные вопросы решались на основе жребия. Земельный надел определялся по числу душ мужского пола, имущество между братьями делилось поровну. Доля отца при разделе оставалась тому сыну, с которым он оставался жить. Этот сын должен был кормить и одевать отца до смерти, в случае смерти похоронить и поминать его. Лишнюю долю в семейном имуществе брал себе и тот сын, который заплатил отцовские долги или за все семейство подати, повинности, недоимку и т.п.⁹²² Все семейные разделы осуществлялись на основе обычного права. Согласие большака на раздел было обязательным, поэтому дробление двора чаще всего производилось после его смерти.

По положению от 19 февраля 1861 г. вопрос о семейных разделах находился в ведении сельского общества. Сельский сход, разрешая дележ, зорко следил за тем, чтобы вновь образованные хозяйства были платежеспособны. О разделах и выделах крестьянского имущества составляли письменный общественный приговор с подробным перечнем подлежащих разделу предметов крестьянского хозяйства и с

⁹¹³ См.: ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 25об, 30об, 69об.

⁹¹⁴ Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 244, 247.

⁹¹⁵ См.: Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. № 50. С. 1359.

⁹¹⁶ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 66, 69, 75.

⁹¹⁷ Златовратский Н.Н. Деревенские будни (очерки крестьянской общины) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 283.

⁹¹⁸ Зарудный М.И. Указ. соч. С.1, 18.

⁹¹⁹ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2037. Л. 2.

⁹²⁰ См.: Исаев А. Значение семейных разделов. По личным наблюдениям // Вестник Европы. Т. IV. 1883. С. 339.

⁹²¹ ГАТО. Ф. 706. Оп. Д. 1. Л. 5об.

⁹²² Там же. Д. 1007. Л. 2.

точным указанием и оценкой имущества, определенному каждому из разделившихся семейств⁹²³. По нашим наблюдениям, сельские сходы весьма часто не допускали разделы из боязни, что разделившиеся не будут в состоянии платить податей в ущерб всему обществу. Исключение составляло пьянство и нерадение большака, ведущее к хозяйственному упадку двора. Как показывает анализ, крестьяне считали раздел своим семейным делом. Из 303 149 разделов, произошедших за 20 пореформенных лет, сходами было разрешено только 12,8 %⁹²⁴.

Стремясь укрепить общину и упорядочить процесс дробления крестьянских хозяйств, правительство издало закон от 18 марта 1886 г., по которому для осуществления раздела требовалось согласие не менее 2/3 домохозяев. Этот закон заметных последствий не имел. Число санкционированных сходами разделов сократилось при увеличении количества разделов осуществленных самовольно. В материалах губернских совещаний за 1894 г. отмечалось, что семейные разделы совершаются по местным обычаям, без ведома схода. 5 октября 1906 г. закон был отменен.

Дробление крестьянских дворов подрывало их хозяйственную состоятельность. «Непременным результатом раздела должна была быть бедность. Почти все нажитое идет при разделе на постройку новых изб, новых дворов, амбаров, овинов, пунь, на покупку новых корыт, чашек, «ложек» и «плошек», – признавал писатель Энгельгардт.⁹²⁵ – Разделились «богачи», и вот один «богачов» двор обыкновенно превращается в три бедные двора». В результате таких разделов крестьянская семья мельчала. Нормальные неразделенные семьи (с 3 – 4 работниками) к концу века составляли около 10 % в промышленных и 17 земледельческих губерниях. Демографическая ситуация обострила до предела проблему аграрного перенаселения. Численность сельского населения Европейской России выросла с 50,3 млн. человек в 1860 г. до 86,1 млн. человек в 1900 г. Среднедушевой крестьянский надел за 40 лет сократился с 4,8 до 2,6 дес. К началу XX в. средняя величина земельного надела в Центральном Черноземье колебалась от 2,4 в Воронежской до 1,7 дес. в Курской губерниях⁹²⁶.

Темпы численного роста крестьянских дворов явно превосходили естественный прирост населения. Если в 1887 г. в Рязанской губернии было произведено 1224 семейных раздела, то в 1894 г. – 1861. В 12 уездах Воронежской губернии, согласно данным земской статистики, за 1875 – 1884 гг., разделилось 70 404 семейства или 22,3 %, а за следующее десятилетие с 1885 по 1895 г. – 105 882 семейства или 33,5 %⁹²⁷.

К концу XIX в. данный процесс привел к уменьшению семейного состава дворов, переходу сельской семьи из рабочего союза в кровный.

Традиционно, именно, естественный рост семьи сопровождался повышением экономической состоятельности крестьянского двора. Нарушение этого сочетания вело к ликвидации или дроблению хозяйства. Увеличение числа крестьянских хозяйств было особенно значительным для периода гражданской войны. Если в 1912 – 1917 гг. прирост числа хозяйств в тамбовской деревне составлял 4 %, то в 1917 – 1920 гг. – 15 %⁹²⁸. По данным, приведенным М.А. Свищевым, в период нэпа ежегодно ликвидировали свои хозяйства 3 – 4 % крестьянских семей. Это, в первую очередь, касалось беспосевных и мелкопосевных хозяйств. Так, 36 % существовавших в стране в 1920 г. беспосевных хозяйств вынуждены были бросить земледелие и к 1922 г. перебраться в город.⁹²⁹ Активно шел процесс раздела крестьянских хозяйств, особенно в середняцкой и зажиточной части деревни. За год делилось порядка 10 – 12 % крестьянских дворов. Продолжала снижаться средняя численность крестьянской семьи. В Тамбовской губернии в 1920 г. она составляла 5,9 человек, а в 1924 г. – 4,6. Если в 1916 г. в Курской губернии средняя численность крестьянского двора составляла 5,36 душ, то в 1926 – 27 гг. – 5,26⁹³⁰.

Семейная иерархия

Во главе крестьянской семьи стоял старший по возрасту и положению мужчина (большак). Большак обладал в семье неограниченной властью. Глава семьи судил поступки домашних и налагал на них на-

⁹²³ Там же. Д. 2037. Л. 3.

⁹²⁴ См.: Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1880 – 1904. М., 1980. С. 24.

⁹²⁵ Энгельгардт. Указ. соч. С. 181.

⁹²⁶ Крестьянский строй. Сб. ст. Т. 1. СПб., 1904. С. 48, 49.

⁹²⁷ Риттих А.А. Указ. соч. С. 260; Щербина Ф.А. Семейные разделы у крестьян Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1897 г. Воронеж, 1897. С. 55.

⁹²⁸ ГАТО. Ф. Р. – 761. Оп. 2. Д. 304. Л. 2 – 3.

⁹²⁹ Свищев М.А. Мелкое производство в 20-е годы // НЭП: приобретения и потери: Сб. ст. М., 1994. С. 177.

⁹³⁰ Проблемы хозяйственного развития Курского края. Контрольные цифры пятилетнего плана на 1927/28 – 1931/32 гг. Курск, 1928. С. 10.

казания, представлял интересы двора на сельском сходе, уплачивал повинности⁹³¹. Он управлял всем хозяйством, отвечал за благосостояние двора перед сельским обществом. В случаях пьянства, мотовства, нерадения хозяйства решением сельского схода он мог быть лишен доли. Община вмешивалась только тогда, когда действия большака вели к разорению двора, потери его тягоспособности. Утрата дееспособности также являлась основанием для передачи его полномочий другому члену семьи. В качестве примера можно привести решение Пичаевского волостного суда Тамбовской губернии. В 1914 г. он признал крестьянку Анну Шорину полной хозяйкой и утвердил ее в праве наследства. В заявлении истица указывала, что ее муж потерял рассудок и находится на излечении в психиатрической больнице⁹³².

В семейной иерархии патернализм, как принцип присущий крестьянскому сообществу, проявлялся наиболее зримо. Большаком, как правило, становились по праву старшинства. Все решения он принимал самостоятельно, но мог узнать мнение отдельных членов семьи, преимущественно старших. Большак имел право, по представлениям крестьян, выбрать за леность, за хозяйственное упущение или нравственные проступки. Хозяин обходился с домашними строго, повелительно, нередко начальственным тоном. В случае непослушания нередко прибегал к домашней расправе. Если конфликт выходил за пределы семьи и становился предметом обсуждения схода, то тот, как правило, занимал позицию отцодохозяина, а сын мог быть наказан за необоснованную жалобу.

Большак выступал организатором и руководителем всего производственного процесса крестьянского двора⁹³³. С вечера он распределял работу на следующий день, и его распоряжения подлежали неукоснительному исполнению. Прерогативой большака являлось определение сроков и порядка проведения полевых работ, продажа урожая и покупка необходимого в хозяйстве. Только он мог выступать в качестве заимодавца или заемщика. Именно домохозяин был ответственен перед обществом за отбытие двором мирских повинностей. По сельским традициям отец был волен отдать своих детей в найм, не спрашивая на то их согласие. Отправляя сыновей в отхожий промысел, он внимательно следил за тем, чтобы те регулярно отправляли домой заработанные деньги.

Большак вел все дела хозяйства, свободно распоряжался его имуществом, заключал обязательные соглашения, но наряду со всем этим владельцем двора не являлся. Существовавший обычай воспрещал домохозяину предпринимать важнейшие распорядительные действия, например, отчуждение, без согласия всех взрослых членов семьи⁹³⁴. Он не мог завещать имущество двора. После его смерти двор оставался в распоряжении семьи, а большаком становился его сын, брат, реже вдова. Если двор по смерти хозяина и делился, то это происходило не по гражданскому закону, а в рамках того же обычного права. После смерти домохозяина наследование выражалось собственно в распределении общего имущества между членами семьи, а не в переходе права собственности от домохозяина⁹³⁵. Большак не имел права завещать имущество помимо своих ближайших родственников или вопреки установившегося порядка распределения. Члены семьи и при жизни домохозяина имели право на общее имущество. Такое право реализовывалось при выделе сына. С.В. Пахмана считал, что в имущественном строе семьи, по обычному праву, наблюдалась двойственность, свидетельствующая о переходном характере народно-обычного права. Рядом с признаками общности семейного имущества существовали признаки сильной власти главы семьи, право которого на имущество во многом было схоже с правом собственности⁹³⁶.

Всем домашним хозяйством безраздельно ведала «большуха». Она распределяла между невестками хозяйственные работы, устанавливала очередность приготовления пищи, ведала сохранностью и выдачей продуктов и главное – зорко следила за неукоснительным исполнением каждой своих обязанностей. Помимо работ по дому заботой хозяйки был огород, уход за скотом, выделка пряжи, изготовление одежды для домочадцев. Если в семье было несколько невесток, она следила за тем, чтобы шерсть, лен, конопля были распределены между ними соразмерно их трудового вклада. Все коллективные работы, требующие женских рук, осуществлялись при ее непосредственном контроле и участии. Не будет преувеличением сказать, что от нее во многом зависела слаженная работа механизма крестьянской экономики. Личные качества хозяйки играли определяющую роль в семейной атмосфере. Не случайно в народе говорили: «При хорошей большухе ангелы в семье живут, а при плохой семью нечистый обует». Семейная повседневность представляла собой острое женское противостояние. Все то, что исследователь М.

⁹³¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1048. Л. 2.

⁹³² ГАТО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 111. Л. 5.

⁹³³ Мейендорф. Крестьянский двор в системе русского крестьянского законодательства и общинного права, и затруднительность его применения. СПб., 1909. С. 6 – 7.

⁹³⁴ Хауке О.А. Крестьянское земельное право. М., 1914. С. 196.

⁹³⁵ Левин М. Указ. соч. С. 120.

⁹³⁶ Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Т. 2. СПб., 1877.

Левин метко назвал «борьбой за ухват и квашню»⁹³⁷. В своем стремлении сохранить контроль над семейным очагом свекровь не останавливалась ни перед чем, включая и физическое насилие. Безграничная власть свекрови над снохами являлась отражением диктата большака по отношению к своим домоладцам.

Наибольшим авторитетом в семье после большака и большухи пользовался старший сын. Он первый выделялся среди других сыновей. К нему всегда обращались только по имени – отчеству. Он был первым помощником отцу в хозяйственных делах. Отец посылал его на ярмарку продавать хлеб и покупать необходимые для семьи товары. Жена старшего сына была первой помощницей свекрови и считалась главной среди снох-невесток. В самом низу семейной иерархии находилась «молодуха». Ее часто обижали старшие невестки. На любую работу она должна была просить благословление у родителей мужа. Молодуха не могла без разрешения выходить на улицу и ходить в гости⁹³⁸.

Таким образом, существо внутрисемейной иерархии определялось безропотным подчинением младших членов семьи старшим, жен – мужьям, детей – родителям.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ. СТАРИКИ

Особенности семейного быта крестьян проявлялись в положении детей и стариков. Отношение к этим возрастным группам в русском селе было обусловлено спецификой аграрного труда, нормами обычного права, традициями семейного уклада, требованиями православной этики.

Суровые условия деревенской жизни наложили отпечаток на взаимоотношение поколений. Крестьяне были сдержаны в открытом проявлении родительских чувств. Однако демонстративная грубость не срывала искренней любви к детям и заботы о них. Крестьян в проявлении родительских чувств не были столь эмоциональны как представители просвещенного общества, но их отличала простота и естественность. Патриархальное начало в жизни крестьянской семьи и общины в целом выражалось в беспрекословном подчинении родительской воли и власти отца над детьми. Ежедневные домашние молитвы, регулярное участие в богослужениях, постижение евангельских истин в приходской школе – все это формировало у подрастающего поколения уважение и почитание своих родителей. Публичность действий жителей села, «прозрачность» деревенских отношений и сила общественного мнения обуславливали ответственность как родителей за поступки своих чад, так и обязанность детей по попечению престарелых родителей. Процесс модернизации, менявший традиционные устои жизни села, затронул и область семейных отношений. Вносили свои коррективы во взаимоотношения поколений такие явления этого периода как участвовавшие связи с городом, рост числа отходников, распространение грамотности и т.п. Демографическая ситуация в русском селе, аграрное перенаселение объективно вели к конфликту отцов и детей на почве распределения земельных наделов.

Рождение и первый год жизни ребенка в крестьянской семье были самым трудным период. Более половины детей в этот период умирали. В жестоких условиях естественного отбора выживали наиболее физиологически сильные младенцы. Крестьяне интуитивно сознавали, что в таких условиях нормальное воспроизводства семьи может быть достигнуто посредством рождения максимально возможного числа детей.

Детство сельских детей трудно назвать счастливым. Тяготы крестьянского труда, отнимавшие у матери большую часть времени, не позволяли осуществлять должный уход за новорожденным. Свою роль в этом вопросе играли невежество крестьянских баб, отсутствие у них элементарных знаний гигиены. Доктор медицины Г. Попов писал: «Крестьянки считают, что ребенка достаточно перевернуть в сутки раза 2 – 3, для того, чтобы он не промок. С этой целью под младенца подкладывают кучу тряпок. Ребенка моют не чаще одного раза в неделю, а белье только высушивают»⁹³⁹. Болезни младенцев лечили народными способами. Грыжу «заговаривали», испуг «отливали», при «собачьей старости» «выпекали» в печи, от поноса поили церковным вином. Основу детского питания составляло материнское молоко. В перерывах между кормлениями ребенку сосал «жевку», тряпицу, в которую заворачивали жеваные баранки. В случае отсутствия молока у матери находили кормилицу или отпаивали козьим молоком, используя вместо рожка коровье вымя. Месяца через два варили молочную кашу, через четыре начинали кормить ржаной соской. Около года ребенка приучали к похлебке⁹⁴⁰.

Говорить о какой-то системе воспитания в крестьянской семье, как целенаправленного процесса, не приходится. Мудрость народной педагогики заключалась в том, что сельские дети росли в естественных

⁹³⁷ Левин М. Указ. соч. С. 121.

⁹³⁸ Домников С.Д. Мать – земля и Царь – город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 166.

⁹³⁹ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина / По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб., 1903. С. 4.

⁹⁴⁰ См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 9.

условиях, окружающую среду познавали посредством эмпирического опыта, навыки обретали через подражания взрослым. Обыкновенно, маленькие крестьянские дети большую часть дня проводили на улице с раннего утра до поздней ночи. Там они, как правило, бегали, играли, шалили, дрались и являлись домой только поесть, или сообщить отцу или матери о том, что его такой-то поколотил. Дети были предоставлены сами себе, вот почему им часто приходилось вступать в смертельный бой с гусями, петухами, баранами, кошками, поросятами и попадать под ноги крупных домашних животных⁹⁴¹.

В своих играх сельские дети репродуцировали мир взрослых, воспроизводили их манеру поведения. Девочки в своих играх создавали подобие семейных отношений – стряпали пироги из глины и песка, играли в свадьбу, а зимой в куклы. Мальчики гуляли отдельно от девочек. Они играли в городки, деревянные шары. Изображая верховых урядников, ездили верхом на палке⁹⁴². Зимой строили снежные крепости и играли в «казаков-разбойников». Повседневные игры мальчиков и девочек не в меньшей мере, чем серьезная помощь взрослым, формировали стереотипы будущих жизненных ролей. Мальчишечьи игры выковывали мужские эмоции и волевые качества – выносливость, упорство, умение постоять за себя и друга. Игры девочек были ориентированы на женский, материнский труд⁹⁴³.

Детей рано приучали к нелегкому крестьянскому труду. Нередки были случаи, когда 5 – 6 летних детей посылали за десятки верст отвести хлеба или воды работающей семье. В селах Бобровского уезда Воронежской мальчиков по достижению шестилетнего возраста отдавали в найм или отправляли пасти скот⁹⁴⁴. Традиционно сельские подростки гоняли овец, стерегли выводок гусей, гоняли коров на росу, для чего поднимались очень рано. Когда сажали огород, то детям наказывали охранять его от домашней птицы и скота. Любимым занятием деревенских мальчишек было гонять лошадей в ночное. Рано отцы начинали приучать сыновей к главному жизненному предназначению крестьянина – хлебопашеству. С десяти лет мальчики уже боронили, как говорили в деревне «скородили», под наблюдение взрослых, а с двенадцати пробовали пахать самостоятельно. В 14 – 15 лет сыновья выполняли наряду с отцом все полевые работы. Попутно, в процессе выполнения хозяйственных работ, парубки учились владеть топором, чинить инвентарь и упряжь, изготавливать предметы обихода и пр.

Социализация девочек определялась традиционными представлениями о месте и роли женщины в семье. Мать стремилась, прежде всего, передать дочери умение и навыки по ведению домашнего хозяйства. С детства крестьянская девочка была включена в напряженный трудовой ритм, а по мере взросления менялись и ее производственные функции. Девочек лет с пяти – шести отправляли в няньки или поручали полоть огород. Крестьянские бабы часто использовали дочерей в качестве помощниц в своих работах. Весной девочки занимались белением холстов, а с осени до весны они пряли. Родители всегда давали детям только ту работу, которая им была по силам. Трудовое обучение в селе осуществлялось, выражаясь современным языком, с учетом возрастных особенностей. Так крестьянскую девочку в лет одиннадцать сажали за прялку, на тринадцатом году обучали шитью и вышивке, в четырнадцать – вымачивать холсты. Одновременно учили доить коров, печь хлеб, грести сено. Одним словом, обучали всему тому, что было необходимо уметь в крестьянском быту. Трудолюбие высоко ценилось общественным мнением деревни. Оценка односельчанами девушки как работницы непременно учитывалась при выборе невесты.

Если семья была многодетной, то старшие дети были обязаны приглядывать за своими младшими братьями и сестрами. Заменяя няnek, они должны были забавлять малюток, качать их в люльке, кормить кашей, поить молоком и давать соску⁹⁴⁵. Малых детей, годовалых уже оставляли под присмотром старшей сестры, даже если ей и было лет пять. Бывало, что такая «аленушка» заиграется с подружками, а дитя оставалось без надзора. Поэтому нередки были в деревнях случаи смерти малолетних детей, когда «ребенка свинья съела, солома задавила, собака изуродовала»⁹⁴⁶. В большей мере присмотр за малыми детьми отсутствовал в бедняцких семьях. В отчете в Синод за 1913 г. из Орловской епархии сообщали: «Дети бедняков, брошенные, часто без присмотра, гибнут в раннем детстве по этой причине. Особенно это замечается в семьях малоземельных крестьян. Здесь отец и мать, занятые целый день добыванием куска хлеба, весь день проводят вне дома, а дети предоставлены сами себе. Теперь не редкость, что в доме нет ни одного старого человека, под надзором коего можно было оставить детей. Как правило, ма-

⁹⁴¹ Там же. Д. 2029. Л. 13, 14.

⁹⁴² Быт великорусских крестьян-землепашцев ... С. 266.

⁹⁴³ См.: Пушкарева Н.Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв. ... С. 77–78.

⁹⁴⁴ АРГО. Разр. 19. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 1об.

⁹⁴⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 15.

⁹⁴⁶ Там же. Д. 685. Л. 2.

ленькие дети остаются вместе с такими же малыми сестрами и братьями, поэтому без надлежащего присмотра они целый день голодные, холодные и в грязи»⁹⁴⁷.

Дети с раннего возраста были хорошо знакомы со всем репертуаром крестьянских бранных слов. Некоторые родители потехи ради обучали своих детей всяким скверным словам и ругательствам. Мальчики, а порой и девочки, 7 – 10 лет свободно использовали в общении друг с другом ненормативную лексику. Чаще всего употреблялось: «кобель, сука, сволочь, блядь»⁹⁴⁸. Подражая взрослым, дети рано пробовали курить. На сельских свадьбах подростки выпивали наряду с взрослыми. Согласно традициям крестьян Кирсановского уезда Тамбовской губернии, пить водку считалось дозволительно для юношей с 15 лет, а девушкам с 12 лет⁹⁴⁹. Немало способствовал укоренению вредных привычек обычай, по которому на всех свадьбах, крестинах, похоронах, годовых и престольных праздниках выпивать был обязан каждый, достигший указанного возраста.

В русской деревне сложились традиционные представления о родительских обязанностях. Они включали в себя требования к родителям содержать, одевать и кормить своих детей, учить их страху Божьему и грамоте, приучать к работе по дому и в поле, женить или выдать замуж. Если отец не кормил и не одевал сына, то он должен был платить ему как наемному рабочему.

Крестьянские дети получали в семье основы духовного воспитания. Семью не случайно называли «малой церковью», здесь происходило приобщение ребенка к молитвенному общению, постижение им азов православной веры. Правда, в большинстве своем такое «обучение в вере» шло не через усвоение христианских догм, а через овладение обрядом. Представитель сельской интеллигенции из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии вот что писал по этому поводу: «Научив ребенка креститься, родители оставляют его без дальнейшего духовного наставления, лишь по временам напоминая им помолиться перед и после приема пищи. Очень редкие дети 6 – 7 лет знали самые необходимые молитвы, большинство же просто машинально творили крестное знамение вслед за взрослыми членами семьи»⁹⁵⁰. Родители старались внушить детям боязнь греха. Информатор из Орловской губернии сообщал, что он никогда не слышал нравоучения детям, исключая того, что есть мясо и пить молоко в постные дни нельзя. «Бог ухо отрежет!»⁹⁵¹. «Страх Божий» выступал действенным средством родительского контроля и воспитания у подрастающего поколения ответственности за свои поступки. «Красный» угол избы служил для детей зримым подтверждением постоянства Божественного присутствия. Регулярное участие в богослужениях, таинства исповеди и причастия поддерживали в юных душах огонь Божественной любви.

Традиционно в крестьянской семье большое значение придавали родительскому благословлению. Без него нельзя было жениться и выходить замуж, отходить на дальние заработки, продавать и покупать.

В деревне считали, что «если отец не благословит, то не жди пути». Особенно боялись родительского проклятия. Крестьяне были уверены, что «если отец и мать проклянут своих детей, то те не будут счастливы. Они или умрут преждевременной смертью, а если и не умрут, то жизнь их будет горькой». Жители села считали, что проклятие обязательно сбудется, и поэтому прибегали к проклятию только в исключительных случаях⁹⁵².

Суровые условия крестьянского быта и тяжелый труд пахаря накладывали свой отпечаток на характер внутрисемейных отношений. По отношению к детям крестьяне были сдержаны в проявлении своих эмоций. Чаще всего они вели себя нарочито грубо, считая, что доброта и ласка по отношению к детям может им навредить и они «забалуют». Родители в обращении с детьми, особенно не достигшими совершеннолетия, почти всегда использовали приказной тон, только малолетние могли рассчитывать на более мягкое обращение. Матери более оказывали ласки детям, чем отцы. Детей крестьяне наказывали мало и редко. Сekli детей в редких случаях, чаще ограничивались угрозами. Если приходилось сечь, то это делал отец⁹⁵³. В деревне существовала своеобразная система общественного воспитания. Крестьянский обычай признавал допустимым вразумлять, а при необходимости наказывать чужих детей. Это в первую очередь касалось соседей, которые могли оперативно пресекать шалости малолетних сорванцов. «Тетка Арина, я седни (т.е. сегодня) твоего Ванютку крапивой отстегала, все огурцы у меня на огороде помял» – «И спасибо на этом. Вот ужo придет, так я ему еще прибавлю»⁹⁵⁴.

К мерам общественного воздействия родители прибегали тогда, когда они в силу своей немощи или возраста нерадивого отпрыска уже не могли наказать его сами. В этом случае родители жаловались

⁹⁴⁷ РГАИ. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2596. Л. 13.

⁹⁴⁸ Семенова-Тянь-Шанская О.П. Указ. соч. С. 19.

⁹⁴⁹ Бондаренко В. Указ. соч. С. 53.

⁹⁵⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2029. Л. 15.

⁹⁵¹ Там же. Д. 1088. Л. 5.

⁹⁵² Там же. Д. 1048. Л. 6 – 7.

⁹⁵³ Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. II. М., 1890. С. 56.

⁹⁵⁴ Тенишев В.В. Правосудие в крестьянском быту. Брянск, 1907. С. 35.

сельскому старосте, и если он не принимал никаких мер, то волостному старшине. Тот вызывал непослушное чадо в волостное правление и делал ему внушение. При повторной жалобе волостной старшина сажал ослушника под арест на двое суток⁹⁵⁵. Как крайняя мера наказания, сын – грубиян и дебошир, мог быть лишен пая при дележе семейного имущества⁹⁵⁶.

Народный взгляд на власть отца таков, что до совершеннолетия он вполне «может распорядок иметь над сыном». Власть отца над сыном заканчивалась после его хозяйственного выдела или после женитьбы, если он покидал отеческий дом. В ином случае большак продолжал командовать взрослым сыном, даже если тот сам имел детей. Такое положение нередко становилось причиной семейных конфликтов.

В большинстве своем они заканчивались признанием отцовского авторитета. Отношение детей к родителям резко менялось, как только они в силу старости переставали работать, как прежде. Сыновья тот час вступали в свои права и говорили старому отцу: «Не твое дело, ты теперь не работаешь, значит, тебе и нечего везде совать свой нос». К матери в старости проявляли пренебрежительное отношение, могли попрекнуть куском хлеба, отказывали в новой одежде⁹⁵⁷. Пренебрежительное отношение к родителям стало следствием разрушения патриархальных устоев деревни, падения авторитета главы семьи.

Христианская нравственность, все нормы поведения жителей села требовали безусловного уважения родителей на протяжении всей их жизни. «Дети обязаны родителей во всем слушать, покоить и кормить во время болезни и старости», – сообщал о преданиях крестьян житель Орловской губернии в конце XIX в.⁹⁵⁸ Наступало время детям отдавать «долги» своим родителям. «Богатство» в детях воплощалось в гарантии обеспеченной старости. Стариков-родителей сыновья поочередно брали к себе на жительство, и если те оставались доживать свой век с одним из них, то другие должны были обеспечить их всем необходимым. К тем, кто не радел попечением своих родителей, применяли меры общественного воздействия. Известны случаи, когда волостной суд принуждал непутевых детей к исполнению своих обязанностей, определяя приговором годовую норму натурального довольствия для прокормления стариков.

Нравственная эрозия патриархального уклада деревни на рубеже веков затронула и сферу внутрисемейных отношений. Сельское духовенство одним из первых почувствовало проявление этих негативных явлений. Священник И. Покровский из села Раева Моршанского уезда Тамбовской губернии в 1898 г. году говорил о том, что по его наблюдениям в последнее время утрачивается былое уважение к старикам. Он в частности писал: «Старики в прошлом пользовались почетом и уважением. Они выполняли посильную работу: плели лапти, глядели скотину, собирали ребят на работу и т. п. На старухах лежала обязанность кормить кур, вести счет поросят, овец, хранить шерсть, лен и т. п. За немощными ухаживали, их кормили, мыли. Ныне забылся этот святой обычай. Старики не почитаются, им желают скорейшей смерти. Сын не стесняется бранить, а порой и бить отца. Мне часто приходилось слышать выражения типа – «когда ты сдохнешь, старый пес?». Слепой матери-старухе не укажут, где стоит вода»⁹⁵⁹. По сведениям этнографов старикам и старухам оказывали уважение, если они были еще в силах работать, но в голодное время к ним относились грубо, кормили плохо и почти не ухаживали. Крестьяне смотрели на это снисходительно, говоря: «Хотя-бы уж самим-то животы не подвело, а старикам все равно помирать пора»⁹⁶⁰. Не будем искать в этом жестокосердия и забвения сыновнего долга. Голод, извечный спутник русского крестьянства, нередко ставил семью на грань вымирания. Стремясь сохранить потенциал хозяйственного возрождения двора, крестьянин вынужден был воспринимать стариков как лишние рты. С точки зрения физического выживания семьи, их немощь являлась балластом.

Социальные потрясения начала XX в., возросшая мобильность сельского населения, падения авторитета царской власти ломали иерархию привычных ценностей крестьянского мира. Разлагающий дух нигилизма проник в оплот общественного консерватизма – русскую деревню. Вполне закономерно, что веяния модерна в первую голову захватили сельскую молодежь. За чисто внешними проявлениями: показным безбожием, щегольством, критикой власти угадывалось большее, возникший нравственный изъян. То, что еще вчера было исключением, становилось явлением повседневной жизни села. В отчете Воронежской епархии Синоду за 1907 г. признавалось, что «неуважительное отношение детей и младших к своим родителям и старшим становится обычным явлением»⁹⁶¹.

⁹⁵⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1048. Л. 5.

⁹⁵⁶ Там же. Д. 447. Л. 7.

⁹⁵⁷ Там же. Д. 1087. Л. 2.

⁹⁵⁸ Цит. по: Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. 143.

⁹⁵⁹ Покровский И. Историко-археологическая записка // Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. №. 50. С. 1357 – 1358.

⁹⁶⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1048. Л. 7.

⁹⁶¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2202. Л. 18.

В крестьянской семье существовала половозрастное разделение труда. Вся хозяйственная деятельность двора традиционно подразделялась на «мужскую» и «женскую» работы. Такая градация производственных операций позволяла наиболее эффективно использовать особенности и возможности организма мужика, бабы, подростка. «Все полевые работы на мужчине, он также готовит весь необходимый сельхозинвентарь и осуществляет уход за лошастью», – сообщила в конце XIX в. А. Михеева, информатор из Орловского уезда той же губернии, – «Женщины на сенокосе и в уборке помогают мужчинам в поле. Работа в огороде и уход за скотом лежит на женщине. Муж обязан доставить семье прокормление и одежду, и обувь. Муж заботится, чтобы все было куплено, а жена, чтобы все приготовлено»⁹⁶². Основные трудовые усилия сельской семьи были направлены на получение урожая, поэтому земледельческие операции носили приоритетный характер. Мужики выполняли все полевые работы, требующие физической силы, будь то пахота, боронование, сев и заделка семян, косьба и уборка сена, жатва хлебов, молотьба, вывоз навоза и т.п. Страдная пора требовала максимальной мобилизации сил крестьянской семьи. В покосе и жатве принимали участие все члены семьи за исключением стариков и младенцев. Обычный распорядок дня в страдную пору привел в своей корреспонденции П. Фомин, житель Брянского уезда Орловской губернии. Он в частности писал: «В 4 часа крестьянин встает и идет косить, работает до 9 часов, завтракает и снова работает до обеда. Пообедав в 12 часов, отдохнув час, крестьянин спешит ворошить и убирать сено. В то время как мужики косят луг, бабы жнут рожь»⁹⁶³. Помимо своего главного занятия – хлебопашество деревенский мужик занимался рубкой и возкой дров, строительством или починкой избы, хозяйственных построек, изгороди, изготовлением колес, саней, ремонтом конской упряжи и сельскохозяйственных орудий⁹⁶⁴. Каждый мужик в селе обладал навыками плотницкого, слесарного, гончарного, скорняжного ремесел. И только для изготовления сложных деталей и приспособлений, осуществления работ, требующих профессионального мастерства, он обращался к сельским умельцам: кузницу, печнику и т.п.

Нелегким был труд крестьянки. Помимо упомянутых полевых работ, на ее плечах лежали обязанности по уходу и содержанию скота, приготовление пищи, уборка избы и стирка одежды. В тех местах, где имелись конопляники или посеы льна, в их обязанности входили уборка, вымочка, сушка и другие операции, необходимые для производства пеньки и сукна⁹⁶⁵. Каждая баба в селе должна была не только держать огород, но и по уборке овощей, произвести рубку капусты, выборку картофеля. Сельские женщины производили все необходимые для семьи заготовки на зиму: солили огурцы, квасили капусту, сушили грибы и пр. В период с поздней осени до ранней весны деревенские бабы были заняты прядением льна, шерсти, конопли. В селах Павловского уезда Воронежской губернии в зимнюю пору женщины вязали шерстяные чулки, ткали кушаки, которые потом сбывали на ярмарках Войска Донского по цене от 80 копеек до 2 рублей⁹⁶⁶. Вплоть до начала XX в. крестьянская одежда в большинстве своем изготавливалась из домотканого сукна. Хозяйка должна была следить за тем, чтобы все домочадцы имели необходимую одежду, а в случае необходимости занималась ее починкой. В круг обязанностей женщины входило также приготовление пищи для всей семьи.

В сюжете о крестьянских детях уже говорилось о том, что они с раннего детства оказывали родителям посильную помощь в работе по дому и в поле. Совсем не было редкостью, если шестилетний мальчуган уже помогал отцу или матери загонять коров или лошадей, сопровождал им в лес для сбора грибов и ягод, и, вообще, оказывал постоянную пользу в домашнем хозяйстве. Вовлечение детей в трудовой ритм семьи, позволяло подрастающему поколению овладеть необходимыми хозяйственными навыками, формировало в нем трудолюбие – основу жизненного успеха.

В селе существовало четкое разделение работ на «мужскую» и «женскую». Выполнять мужчине, даже мальчику, работу по дому считалось зазорным. Жители села в повседневной жизни старались придерживаться этих неписаных правил из-за боязни осуждения и насмешек со стороны односельчан. Нарушение этих правил допускалась для холостяков, вдовцов. Женщине подчас приходилось выполнять мужские работы в силу объективной необходимости. В случаях, если муж (сыновья) находился в отхожем промысле, был призван на действительную службу или мобилизован на войну, все хозяйственные

⁹⁶² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1276. Л. 13 – 14.

⁹⁶³ Там же. Д. 1088. Л. 9.

⁹⁶⁴ Там же. Д. 439. Л. 1; Д. 446. Л. 1.

⁹⁶⁵ Там же. Д. 1088. Л. 12.

⁹⁶⁶ Там же. Д. 451. Л. 3.

работы были исполняемы женщиной. Такая эмансипация в производственном процессе была явлением вынужденным и сопровождалась ростом общественной активности женщин – селянок. Самоирония сельской поговорки 30-х гг. XX в. – «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик» верно, отражала произошедшее стирание границ в привычном распределении деревенских работ.

Брак

Важнейшим этапом в жизни крестьян являлся брак. Посредством него достигалась полноценность сельского бытия. В глазах крестьян женитьба выступала непременным условием обретения статуса полноправного члена общины. Холостого мужчину в селе, даже зрелого возраста, называли «малым», и к его голосу не прислушивались. Супружеский союз являлся основой материального благосостояния хозяйства.

В деревне говорили: «В нашем быту без бабы невозможно; хозяйство порядком не заведешь, дом пойдет прахом»⁹⁶⁷. Нормальное функционирование двора не могло быть достигнуто по причине упомянутого выше семейного разделения труда. Поэтому при выборе невест внимание в первую очередь обращали на ее физические качества, а уже потом на все остальное. Брак для крестьян был необходим с хозяйственной точки зрения. В средней полосе России, в черноземных губерниях, экономические возможности семьи во многом зависели от величины ее земельного надела, полагавшегося лишь женатым мужчинам. Такой порядок побуждал родителей стремиться к скорейшей женитьбе сына, чтобы расширить семейный надел и приобрести в дом дополнительную работницу. Родители невесты в свою очередь спешили «спихнуть девку с хлеба».

При выборе невесты учитывали ее репутацию («Не баловалась, а то слушок пойдет»), особенно ценилось трудолюбие и умение работать. При выборе невесты из другого села имело значение не только оценка семьи, но и деревни в целом. Так, жители тамбовского села Носины предпочитали не брать пару из соседнего барского села Новотомниково. По воспоминаниям Л.Ф. Маркиной (1910 г.р.), отец не разрешил сыну взять невесту из этого села, сказав: «Она из легкобрюшников, они на работу не спешат, их граф избаловал»⁹⁶⁸.

После того как потенциальная невеста определена, а по сведениям сельской свахи препятствий для заключения брака нет, родители жениха посылали сватов. Приход сватов сопровождался обрядовыми действиями, традиционным словесным набором и символическим торгом. Согласие завершалось молитвой и обильной трапезой. В крестьянском быту заключение условий сделки сопровождалось взаимным ударением правых рук: от того законченное сватовство называлось «рукобитье». После совершения взаимного целования сватов, с обеих сторон давались торжественные обещания. Это означало, что стороны пришли к соглашению о сроке свадьбы и о величине предстоящих расходов. Нарушение данного слова влекло за собой, на основе норм обычного права, юридические последствия. Оскорбленная сторона могла потребовать возмещение понесенных затрат и компенсацию за «бесчестье», поскольку отказ жениха от заключения брака оскорблял девичью честь и бросал тень на ее репутацию⁹⁶⁹.

Выбор невесты был уделом родителей, а точнее решением главы семейства. Мнение жениха спрашивали редко, личные симпатии не имели решающего значения, а брак являлся, прежде всего, хозяйственной сделкой. По мере ослабления патриархальных устоев, роста самостоятельности сельской молодежи положение в этом вопросе постепенно менялось, и брачный выбор перестал быть исключительной прерогативой родителей. Увеличилось число браков, заключенных без родительского благословения.

Браки в селе традиционно были ранними. Этнограф Г. Звонков на примере Елатомского уезда Тамбовской губернии отмечал их заключение в возрасте 13 – 16 лет, упоминая о случаях женитьбы 12 – 13 летних парней на 16 – 17 летних девушках. По данным статистики на конец 60-х гг. XIX в. в Европейской России возраст 57 % невест и около 38 % женихов не превышал 20 лет⁹⁷⁰. В работе Ф. Ильинского «Русская свадьба в Белгородском уезде Курской губернии», выполненной по программе исследования Русского географического общества, указывалось, что «молодые люди женятся в 18 – 19 лет, девушки выходят замуж 16 – 17 лет. Двадцатилетний неженатый парень уже редкое явление среди крестьян. А 20 летняя девушка считается засидевшейся невестой и выходит замуж за парней, отбывших воинскую службу»⁹⁷¹.

⁹⁶⁷ Цит. по: Миронов Б. Вокруг свадьбы // Знание – сила. 1976. № 10. С. 43.

⁹⁶⁸ Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчет Т.А. Листовой. Л. 2, 3.

⁹⁶⁹ Спасский И. Обычай, приметы и поверья в приходе с. Александровки-на-Свале Тамбовского уезда // Тамбовские епархиальные ведомости. 1880. № 17. С. 452.

⁹⁷⁰ Данные по: Комарова О.Д. Демографические аспекты изучения семьи // Семья: традиции и современность. М., 1990. С. 245.

⁹⁷¹ АРГО. Разр. 19. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1.

К аналогичным выводам пришли современные тамбовские исследователи, изучавшие брачное поведение крестьян на основе метрических книг сельских приходов. Наиболее распространенным возрастом вступления в брак мужчин в Алексеевском приходе (Моршанский уезд Тамбовской губернии) был промежуток 18 – 19 лет (59 % всех брачных пар), а возрастная группа 17 – 20 лет вообще составляла 73 %. У женщин возрастная группа от 17 – 20 лет составляла 90 % всех брачующихся⁹⁷².

Сельские невесты спешили к венцу от страха «засидеться в девках». Женитьба на девушке возрастом более 20 лет считалась для деревенских парней делом малопривлекательным. Для девушек не вышедших замуж в срок возникала угроза остаться «вековухой». Следует помнить и о том, что без мужа женщина в селе не имела самостоятельного значения, поэтому девичеству она предпочитала самую плохую партию. Положение замужних женщин, согласно нормам обычного права, было выше, чем иных в браке не состоящих. Так в решениях волостных судов оскорбление замужней бабы наказывалось строже, нежели вдовы или девицы⁹⁷³.

Идеальная, с точки зрения крестьян, разница в возрасте новобрачных составляла 2 – 3 года в пользу жениха. Для невесты считалось бесчестьем выйти замуж за «старика», т.е. мужчину старше ее более чем на 3 года. Исходя из демографической ситуации, это было вполне оправданно. Средняя продолжительность жизни мужчин в селе была на 2 – 3 года меньше, чем у женщин. С увеличением возрастной разницы брачующихся для крестьянки возрастала вероятность раннего вдовства⁹⁷⁴.

Браки в русской деревне были не только ранними, но и всеобщими. По данным демографической статистики конца XIX в. вне брака оставалось не более 4 % жителей села. Оправданием безбрачия в глазах крестьян служили только физические или умственные недостатки. С пониманием относились сельские жители к монашествующим, тем, кто решили посвятить свою жизнь Богу и давали обет безбрачия. Существовала в деревне и категория женщин, которые не вступили в брак по тем или иным причинам, их называли «черничками». К мужчинам и женщинам брачного возраста, не создавшим семью, общественное мнение села относилось крайне неодобрительно. В глазах крестьян такое поведение воспринималось как не исполнение заповедей Божьих и поругание народных традиций.

В крестьянской среде конца XIX – начала XX в. сохранялось понятие святости венца. Жители села осуждали незаконное сожителство, считая это преступлением, поруганием религии и чистоты брачного очага. Невенчаный брак в деревне был явлением редким. Крестьяне с подозрением относились к таким гражданским бракам. Больше признание в таких случаях падало на женщину – полюбовницу. Ее ставили в один ряд с гулящими и подвергали всяческим оскорблениям. Осуждая женщину за незаконную связь, общество обращало внимание на хозяйственную способность крестьянки. Умелое ведение хозяйства, в данном случае, выступало важным условием, смягчавшем оценку ее нравственного облика⁹⁷⁵.

Осень традиционно являлась временем крестьянских свадеб, это объяснялось окончанием сельскохозяйственных работ, появлением у крестьян денежных средств для того, чтобы «сыграть свадьбу». На осень – зиму в селе приходилось большинство престольных праздников, к которым крестьяне стремились, с целью экономии, приурочить свадебные торжества. По данным А.И. Шингарева в селах Ново-Животинном и Моховатке Подгоренской волости Воронежского уезда 81,7 % от всего годового количества свадеб приходилось на период октября – февраля⁹⁷⁶. В Тамбовском уезде (1885 г.) только на октябрь – ноябрь падало 64 % всех браков за год. Браки отсутствовали в марте (Великий пост) и декабре (Рождественский пост) по причине того, что в эти периоды венчание воспрещалось. На период Великого поста, по подсчетам Никольского, приходилось и минимальное количество зачатий, что составляло 5,5 %⁹⁷⁷. Если принять, что в среднем в месяц приходилось 8,3 % от годового числа зачатий, то следует признать, что даже в такой, трудно поддающейся контролю сфере, как половые отношения крестьяне, в большинстве своем, придерживались установлений Православной церкви.

⁹⁷² См.: Канищев В.В., Мизис Ю.А. Брачное поведение крестьян в XIX – начале XX вв. // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Материалы VII рег. конф. по ист. демографии и ист. географии. Воронеж, 2000. С. 29.

⁹⁷³ См.: Красноперов И.М. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 1. СПб., 1893. С. 273.

⁹⁷⁴ См.: Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 164.

⁹⁷⁵ Милоглова И.Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МГУ. 1998. № 2. С. 19.

⁹⁷⁶ Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежской губернии. СПб., 1907. С. 188.

⁹⁷⁷ Никольский В.И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Тамбов, 1885. С. 98 – 99.

Другой максимум деревенских свадеб приходился на зиму, январь – февраль. Традиция заключать в этот период браки была глубоко оправданной: по наблюдениям врачей и священников зимние свадьбы давали самых здоровых детей осеннего рождения. По расчетам Б.Н. Миронова доля зимних свадеб среди населения Европейской России в период 1906 – 1910 гг. составляла 42,2 %⁹⁷⁸. Сезонность сельских браков являлась результатом взаимодействия церковных установлений и особенностей аграрного труда.

С замужеством для русской крестьянки начинался новый этап в ее жизни. Изменение общественного статуса влекло за собой обретение ею функций, обусловленных традициями семейного быта.

ЧАДОРОДИЕ. СЕЛЬСКОЕ РОДОВСПОМОЖЕНИЕ

По народным представлениям главное предназначение женщины заключалась в продолжение рода. Само соитие между мужчиной и женщиной по православным канонам было оправдано лишь как средство зачатия детей. Рождение ребенка воспринималась как милость Божья, а отсутствие детей у супругов считалось наказанием за их грехи.

У русской крестьянки на рубеже XIX – XX вв. половая зрелость наступала в 15 – 17 лет. По расчетам доктора В.С. Гроздева (1894 г.), средний возраст появления первой менструации для крестьянок средней полосы России составлял 16,1 лет. У крестьянок Тамбовской губернии, по данным Н.М. Какушкина, он был меньшим 15,3 лет.⁹⁷⁹ Первый ребенок у тамбовских крестьянок в среднем рождался в 18 лет и 4 месяца. Наступление физической стерильности наступало к 40 годам, т.е. за 5 – 7 лет до наступления менопаузы. К этому времени детородная функция крестьянской женщины, как правило, заканчивалась: тяжелые условия труда и быта и огромные физические нагрузки преждевременно лишали женщину способности к деторождению.⁹⁸⁰ Таким образом, фертильный период у сельской женщины конца XIX в. составлял 20 – 22 года. По подсчетам демографов, русская крестьянка этого периода рожала в среднем 7 – 9 раз. Среднее число родов у крестьянок в Тамбовской губернии составляло – 6,8 раза, а максимум 17. Вот, некоторые выписки из отчета гинекологического отделения тамбовской губернской земской больницы за 1897, 1901 гг.: «Евдокия Мошакова, крестьянка, 40 лет, замужем 27 лет, рожала 14 раз»; «Акулина Манухина, крестьянка, 45 лет, замужем 25 лет, рожала 16 раз»⁹⁸¹. В условиях отсутствия искусственного регулирования рождаемости количество детей в семье зависело исключительно от репродуктивных возможностей женщины.

Высокая младенческая смертность играла роль стихийного регулятора воспроизводства сельского населения. По данным обследований (1887 – 1896 гг.) удельный вес умерших детей до пяти лет в среднем по России составлял 43,2 %, а в ряде губерний свыше 50 %. Наибольшее число младенцев, примерно каждый четвертый, умирало в летние месяцы. Причиной тому служили кишечные инфекции, характерные для этого времени года. От поноса в 90-е гг., по данным доктора медицины Г.И. Попова, гибло от 17 до 30 % грудных детей⁹⁸². Мало ситуация изменилась и в начале XX века. По данным «Врачебно-санитарных хроник» за 1908 – 1909 гг. младенческая смертность в Тамбовской губернии составляла от 16 до 27,3 %⁹⁸³.

К смерти младенцев в деревне относились спокойно, говоря «Бог дал – Бог взял». «Если ртов много, а хлебушка мало, то по неволе скажешь: «Лучше бы не родился, а если умрет, то и, слава Богу, что прибрал, а то все равно голодать пришлось»⁹⁸⁴. Появление лишнего рта, особенно в маломощных семьях, воспринималось с плохо скрываемым раздражением со стороны домочадцев. При появлении очередного ребенка свекровь в сердцах упрекала сноху: «Ишь ты, плодливая, облакалась детьми, как зайчиха. Хоть бы подошли твои щенки».⁹⁸⁵ В воронежских селах бабы о смерти младенцев говорили так: «Да если бы дети не мерли, что с ними и делать, так и самим есть нечего, скоро и избы новой негде будет по-

⁹⁷⁸ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 170.

⁹⁷⁹ Данные по: ГАТО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

⁹⁸⁰ Морозов С.Д. Брачность и рождаемость крестьян Европейской России (конец XIX – начало XX в.) // Крестьяноведение. Вып. 3. М., 1999. С. 104.

⁹⁸¹ Отчет гинекологического и родильного отделения тамбовской губернской земской больницы за 1897 г. Тамбов. 1899. С. 40; То же за 1901 г. Тамбов, 1902. С. 28.

⁹⁸² Федоров В.А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник МГУ. 1994. № 4. С. 19.

⁹⁸³ Подсчитано по: Врачебно-санитарная хроника Тамбовской губернии за 1908 – 1909 гг. Тамбов, 1909.

⁹⁸⁴ Цит. по.: Федоров В.А. Указ. соч. С. 16.

⁹⁸⁵ Семенова-Тянь-Шанская О.П. Указ. соч. С. 8.

ставить»⁹⁸⁶. Осуждая аборт, рассматривая его как преступление перед Богом, деревенские бабы не считали большим грехом молиться о смерти нежелательного ребенка.

Для предотвращения беременности в деревне некоторые девицы глотали ртуть, пили разведенный в воде порошок, настой неродихи, медвежьей лапы. Широко использовали менструальные выделения. Месячные смешивали с мочой и пили. С этой же целью в бане бросали в жар сорочку с первой ночи, вырезали из рубахи пятна от месячных, сжигали их, а пепел разводили водой и пили⁹⁸⁷. Существовала в селе примета о том, что при половом сношении сразу же после месячных очищений, беременность исключена. С целью предотвращения повторной беременности затягивали период грудного вскармливания. Продление лактации широко практиковалось в ряде сел до 1920-х гг. «Если последующая беременность долго не наступает, – отмечалось в одной инструкции 1920-х гг., – кормят, пока ребенок не застыдится до 3, 4, 7 лет». Этот метод до некоторой степени защищал женщин от новых беременностей, так как, по данным русских врачей, около 80 % женщин не имели менструации при кормлении грудью⁹⁸⁸.

Главную роль в сельском родовспоможении играла повитуха. Повивальные бабки были в каждой деревне. Как правило, это были пожилые вдовы (уже не имевшие месячных очищений), добропорядочного поведения. Современники расходились во взглядах применительно оценки повивального искусства. Одни, подобно земскому врачу В.И. Никольскому, считали их квалификацию крайне низкой, а действия, приносящие более вред, чем пользу. «А повивальное искусство! Здесь делается все, чтобы исковеркать женщину. Никакой язык не в силах описать того варварства, с которым фактически мучают каждую роженицу» – сетовал упомянутый доктор в своей диссертации за 1885 г.⁹⁸⁹ Другие исследователи, напротив, высоко оценивали профессиональные навыки повитух. По их мнению, повивальные бабки при родах действовали достаточно грамотно и обладали умением принимать самые сложные роды. Как бы там не было, при наступлении родов крестьяне считали необходимым пригласить бабку-повитуху и очень редко обращались к акушерской помощи. При трудных родах крестьяне скорее шли к священнику просить, чтобы он открыл царские врата и оставил их открытыми до благополучного разрешения от бремени, чем обращались за медицинской помощью⁹⁹⁰.

Все усилия сельской повитухи были направлены на благополучное разрешение от бремени. Они включали в себя как испытанные приемы, стимулирующие родовые потуги, так и ритуальные действия, направленные на защиты роженицы и младенца от влияния бесовских сил. В Тамбовской губернии при родах повитуха заставляла «арженицу», так здесь называли роженицу, снимать всю одежду и даже крест. По суеверным воззрениям считалось, будто бы каждую вещь, носимую во время родов, женщина должна выстрадать, помучиться⁹⁹¹. Для стимуляции родовых потуг давали пить деревянное масло, засовывали в рот косы, заставляли дуть в бутылку.

подавляющее большинство родов в селе принимали повитухи. К акушеркам крестьяне обращались крайне редко. В 1888 г., по наблюдению земского врача П. Богданова, из 14500 зарегистрированных родов в Кирсановском уезде Тамбовской губернии акушерками было принято только 100 – 130, т.е. менее 1 %. Главной причиной являлась бедность населения, отсутствие лошади с подводой, чтобы отправить роженицу в больницу за 30, а порой и за 50 верст⁹⁹². Спустя 20 лет, положение в этом вопросе, практически, не изменилось. Доктор А.С. Сергеевский в «Обзоре родовспомогательной деятельности по Моршанскому уезду за 1904 – 1909 гг.» признавал: «Сама жизнь крестьянки, вероятно, создала поговорку о том, что «баба где стоит, там и родит». Горькая, обидная поговорка, но правды в ней много: поле, хлев, лес, луга, выгон, железная дорога и тюрьма – где застанут русскую женщину роды, там она и разрешается от бремени. В Моршанском уезде большинство родов, а точнее 66,9 %, проведено в избах. Медицинский персонал оказывал помощь лишь в 1,4 %»⁹⁹³. «Лишь немногие женщины села знали о существовании докторов-акушеров, и никто из них не пользовался помощью этих специалистов, – писал в своих воспоминаниях воронежский крестьянин Ив. Столяров. – Дети рождались с помощью «бабок-повивалок» без всяких дипломов, научившихся путем практики. Когда же роды проходили в поле (и это случалось частенько), бабку-повивалку заменяла одна из жен-

⁹⁸⁶ Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежской губернии. СПб., 1907. С. 139.

⁹⁸⁷ Попов Г.С. Указ. соч. С. 237.

⁹⁸⁸ Цит. по.: Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 185.

⁹⁸⁹ ГАТО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1 Л. 42.

⁹⁹⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2029. Л. 4.

⁹⁹¹ То же.

⁹⁹² Богданов П. К статистике и казуистике болезней половых органов у крестьянок Кирсановского уезда. Тамбов, 1889. С. 3.

⁹⁹³ ГАТО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1. Л. 42об.

щин, уже имевшая детей. Если роженица была в поле одна с мужем, то обязанности «бабки» выполнял муж!»⁹⁹⁴. По отчету Сеславинского участка Козловского уезда Тамбовской губернии за 1912 г. родов на дому было принято 237, а в больнице – 34⁹⁹⁵.

Недоверие к акушеркам, по мнению этнографа Д.К. Зеленина, проистекала из взгляда крестьян на них как на «барышней», т.е. существ беспомощных, слабых. В восприятии акушерки сельской женщиной существовало определенное предубеждение, ведь она была представителем иного сословия, ей не были ведомы порядки и нравы крестьянского мира. Повитуха же была своей бабой, крестьянкой. От нее роженица ждала не только специальной помощи, но и замены ее в семейном хозяйстве. Бабка топила печь, варила обед, кормила детей, ходила за скотиной и т.п. Одним словом, повитуха делала все, чтобы временная нетрудоспособность женщины не отразилась на привычном домашнем укладе. Но сельская баба была не только домохозяйкой, но и работницей. Суровая проза крестьянской жизни требовала скорейшего ее возвращения к активному труду, особенно в страдную пору. Бывший земский начальник из Тамбовской губернии А. Новиков, хорошо знавший крестьянский быт и положение в нем женщины, в своих воспоминаниях с досадой сетовал по этому поводу: «Ни болезни, ни роды – ничто бабу не спасает. Если родила в рабочую пору, то на третий день иди вязать снопы. Можно после этого удивляться, что все они больны женскими болезнями»⁹⁹⁶. Деревенская повитуха, только ей одной известными способами, делала все, чтобы побыстрее поставить женщину на ноги. После родов роженице устраивали баню, где бабка правила ей «живот». Для того, чтобы вернуть «золотник» (т.е. матку) на место, бабка заставляла родильницу вставить на четвереньки и опереться руками, затем сильно встряхивала ее за лодыжки. При этом в некоторых местах употребляли интересный приговор: «Срастайся п...душка, сустав в сустав, только х...ю место оставь»⁹⁹⁷. Трудно судить насколько эффективны были все эти манипуляции. Очевидно одно, что все действия повивальной бабки были подчинены одной цели – быстрее вернуть роженицу к исполнению ей своих повседневных функций.

ЖЕНСКОЕ ЗДРАВЬЕ

Детородные функции и состояния здоровья крестьянки в целом зависели, прежде всего, от условий труда и быта. В деревне говорили: «Борода кажет мужа, а женщину нужа». Непосильные повседневные работы, плохое питание изнашивали женский организм, вели к раннему старению. Большинство работ, выполняемых крестьянкой, по дому или в поле было связано с поднятием тяжестей. Земский врач В.И. Никольский, обследовавший состояния половой сферы крестьянок Тамбовского уезда в 1885 г., писал: «У нас женщина несет тяжелую полевую работу, она вредна для нее, так как связана с усиленной механической работой. Особенно вредна прополка, когда целый день приходится ходить, согнувшись в тазобедренных сочленениях под острым углом». По данным автора изменения формы и положения матки давали 16,6 % всех заболеваний половой сферы у сельских женщин⁹⁹⁸. Для предупреждения выпадения матки, как говорили в деревне «золотника», бабки засовывали больным во влагалище картофелины, свеклу, репу, иногда деревянные шары⁹⁹⁹. На состояние женского здоровья влияла и демографическая ситуация в деревне, если нарушалось традиционное соотношение мужского и женского труда. Доктор В.Ф. Вамберский проследил динамику числа больных с опущением и выпадением матки за период с 1903 по 1927 гг. При среднем значении за каждое пятилетие в 6,54 % больных, в период 1913 – 1917 гг. доля таких больных составила 7,8 %.¹⁰⁰⁰ В период Первой мировой войны, по причине мобилизации мужского населения, во многих крестьянских семьях женщины были вынуждены выполнять мужские работы.

«Немало женских заболеваний – изгибов и загибов матки, ее воспаление с последующим бесплодием – или рождение «истомленных детей» обязаны происхождением своим непосильным работам» – констатировал саратовский земский врач С.П. Миронов¹⁰⁰¹. В результате такой «надрывной» работы у крестьянок часто случались выкидыши. Из 1059, опрошенных врачом П. Богдановым, рожавших женщин

у

⁹⁹⁴ Столяров Ив. Записки русского крестьянина // Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 338.

⁹⁹⁵ Там же. Д. 11. Л. 6.

⁹⁹⁶ Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 16.

⁹⁹⁷ Попов Г. Указ. соч. С. 354.

⁹⁹⁸ ГАТО. Ф. 182. Оп.1. Д. 1. Л. 42об, 43.

⁹⁹⁹ Богданов П. Указ. соч. С. 8 – 10.

¹⁰⁰⁰ ГАТО. Ф. 182. Оп.1. Д. 1. Л. 47.

¹⁰⁰¹ Цит. по: Федоров В.А. Указ. соч. С. 8.

195 в общей сложности было 294 выкидыша. В Тамбовском уезде в 1897 – 1899 гг. на 2164 родовспоможений, произведенных и учтенных медиками, приходилось 267 мертворожденных, 142 мнимоумерших и 187 выкидышей, что составило 35 % от числа детей, родившихся живыми¹⁰⁰². В объяснении того, что женщина «скинула» ребенка жители села были далеки от выяснения объективных причин. По народным поверьям выкидыши приписывались таким прегрешениям матери, как несоблюдение постов, нерадивость в молитве, неверность мужу, совокупление с ним под праздник. Деревне не хватало элементарных медицинских знаний. Жители села упорно придерживались взглядов далеких от научной трактовки. В 1924 г. читательница журнала «Крестьянка» писала в редакцию: «В то время, когда мать почувствовала ребенка, в деревне считают, что «выкинуть» женщина уже не может. Поэтому ее не щадят в работе, злоупотребляют ее трудом, Во время жатвы случаются от этого кровотечения, а иногда и смерть»¹⁰⁰³.

Традиционно женским занятием в селе считалась вымочка конопли. Во время этих работ, обычно начало – середина октября, крестьянки часами простаивали по колено в студеной воде. Следствием простуды ног и живота был эндометрит или, как говорили в деревне «застудилась». Определенную роль в возникновении гинекологических заболеваний играли венерические болезни. Триппер, приносимый в деревне мужьями-отходниками, нередко становился причиной вульвита и эндометрита. Большинство заболеваний половой сферы являлось следствием несоблюдения женщинами гигиены половых органов. По наблюдениям земских врачей количество гинекологических больных в селе резко возрастала в жаркую летнюю погоду¹⁰⁰⁴. Причина тому – отсутствие гигиены в страдную пору, по причине постоянного присутствия мужчин. Необходимой чистоплотности не было и зимой. В тесных избах мужчины и женщины проводили большую часть времени вместе и бабы опять же не имели возможности приводить себя в надлежащий порядок. Да и само состояние крестьянского жилища создавало благоприятную атмосферу для развития различных патогенных микробов.

Современного исследователя не может не поражать то безразличие, с которым сельские бабы относились к своему здоровью. Женские хвори обнаруживали, как правило, на стадии обострения или в хронической форме. Крестьянки порой просто не замечали выделений (белей) по причине грязного платья. Свою роль играло и невежество селянки. Некоторые бабы в Орловской губернии лечиться у докторов от женских болезней считали за великий конфуз: «бабе свое нутро перед людьми выворачивать зазорно». Когда такой пациентке доктор предлагал осмотреть ее, та стремительно убегала из больницы, и старалась скрыть от всех слова доктора, чтобы потом не заслужить упрека от баб: «тебя давно все оглядели»¹⁰⁰⁵. По мере развития сети земской медицины, роста образованности жителей села и санитарного просвещения крестьянского населения, эти взгляды постепенно уходили в прошлое.

ВЛАСТЬ МУЖА

Выяснение сути «бабьей доли» невозможно характеристики положения замужней женщины. Горькие причитания невесты накануне свадьбы были не только данью традиции. Это слезы прощания с «девичьей волюшке» и страха перед грядущей «бабьей долей». Ее уделом становился повседневный изнурительный труд и безропотное подчинение супругу. Власть мужа, его отношение к жене определялись традиционными взглядами и стереотипами поведения. В селе существовали неписанные правила, регламентирующие поведение замужней бабы. Предосудительным считалось ходить на посиделки, разговаривать на улице с холостым мужчиной и т.п. В селе Раеве Моршанского уезда Тамбовской губернии считалось позором ходить супругам парой. По местному обычаю, жена должна была идти позади мужа саженой в пяти¹⁰⁰⁶. Бабы не имели права вмешиваться в мужицкие разговоры, высказывать свое мнение по вопросам, их не касающимся.

Патриархальные традиции требовали безусловного подчинения жены мужу. Эта зависимость сложилась исторически и была обусловлена причинами религиозного, социального и экономического порядка. Характер аграрного производства, общинный уклад и подушное обложение фактически исключали самостоятельное значение женщины. Объективно крестьянское бытие не предполагало равноправие полов, отводило женщине второстепенную, а следовательно, подчиненную роль. Современники,

¹⁰⁰² Дьячков В.Л. Труд, хлеб, любовь и космос, или о факторах формирования крестьянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Социально-демографическая история России XIX – XX вв. Современные методы исследования. Материалы науч. конф. Тамбов, 1999. С. 73.

¹⁰⁰³ ГАРФ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 29. Л. 1.

¹⁰⁰⁴ Богданов П. Указ. соч. С. 8, 9, 19.

¹⁰⁰⁵ Попов Г. Указ. С. 107.

¹⁰⁰⁶ Покровский И. Указ. соч. С. 1361.

представители образованного общества много, и не без основания, писали о семейном гнете. Они возмущались, и справедливо, грубостью нравов, царивших в крестьянской семье. Но так ли оценивали свое положение сами крестьянки? Есть основания утверждать, что всевластие мужа воспринималось ими как должное. С детства девушка видела обращение отца к матери, помнила ее неоднократные наставления о покорности в грядущем замужестве. Была свидетелем, возможно не единожды, сцен публичной расправы над строптивыми женами. Сельская баба воспринимала свой удел как жизненный крест, который должна была смиренно нести.

Безотчетная власть мужа над своей женой отражена в народных поговорках: «Бью не чужую, а свою»; «хоть веревки из нее вью»; «жалей как шубу, а бей, как душу»¹⁰⁰⁷. Этот варварский обычай, шокировавший просвещенную публику, в деревне являлся делом обыденным. С точки зрения норм обычного права побои жены не считались преступлением в отличие от официального права. Рукоприкладство в деревне было, чуть ли не нормой семейных отношений. «Бить их надо – бабу да не бить, да это и жить будет нельзя». Мужик бил свою жену беспощадно, с большей жестокостью, чем собаку или лошадь. Били обычно в пьяном виде за то, что жена скажет поперек или били из-за ревности. Били палкой и рогачем, и сапогами, ведром, и чем попало¹⁰⁰⁸. Порой такие расправы заканчивались трагически. В местных газетах того времени периодически появлялись сообщения о скорбном финале семейных расправ. Приведем лишь одно из них. «Тамбовские губернские ведомости» в номере 22 за 1884 год писали, что в деревне Александровке Моршанского уезда 21 февраля крестьянка, 30 лет от роду, умерла от побоев, нанесенных ей мужем.

В сельской повседневности поводов для семейного рукоприкладства всегда было более чем достаточно. «Горе той бабе, которая не очень ловко прядет, не успела мужу изготовить портянки. Да и ловкую бабу бьют, надо же ее учить»¹⁰⁰⁹. Такая «учеба» в селе воспринималась не только как право, но и как обязанность мужа. Крестьяне говорили, что если «бабу не учить – толку не видать». О живучести таких взглядов в селе свидетельствуют данные по Больше – Верейской волости Воронежской губернии, собранные краеведом Ф. Железновым. В своем исследовании за 1926 г. он приводил результаты ответа крестьян на вопрос «Надо ли бить жену?» Около 60 % опрошенных крестьян ответили утвердительно, считая это «учебой». И только 40 % сельских мужчин считали, что делать этого не следует¹⁰¹⁰.

Насилие порождало насилие, создавало примеры для подражания. И то, что шокировало стороннего наблюдателя, воспринималось в деревне как обыденное явление. Интересное суждение о сельских нравах приводит в своих мемуарах А. Новиков, прослуживший семь лет в должности участкового земского начальника Козловского уезда Тамбовской губернии. Он писал: «В крестьянской семье, чем где-либо проявляется победа грубой физической силы; уже молодой муж начинает бить свою жену; подрастают дети, отец и мать берутся их пороть; стариться мужик, вырастает сын и он начинает бить старика. Впрочем, бить на крестьянском языке называется учить: муж учат жену, родители учат детей, да и сын учит старика – отца, потому что тот выжил из ума. Нигде вы не увидите такого царства насилия, как в крестьянской семье»¹⁰¹¹.

Проблема, на мой взгляд, заключалась не в особой жестокости русского мужика, а в необходимости ему следовать традиции, соответствовать образу «грозного мужа». «Крестьянин сознает, что он глава жены, что жена должна бояться своего мужа, вот он и выражает свое превосходство перед нею, внушает ей боязнь, уважение к себе кулаком, да вожжами», – делился своими наблюдениями о деревенских нравах священник из Курской губернии¹⁰¹². Корреспондент В. Перьков из Болховского уезда Орловской губернии сообщал: «Власть мужа состояла в том, что он мог от нее требовать работы и полнейшего повиновения во всем. Он мог ее бить, и соседи относятся к этому хладнокровно. «Сама себе раба, коль не чисто жнет», – говорят они¹⁰¹³. Общественное мнение села в таких ситуациях всегда было на стороне мужа. Соседи, не говоря уже о посторонних людях, в семейные ссоры не вмешивались. «Свои собаки дерутся, чужая не приставай», – говорили в селе. Иногда крестьяне колотили своих жен до полусмерти, особенно в пьяном виде, но жаловались бабы посторонним очень редко. «Муж больно бьет, зато потом медом отольется»¹⁰¹⁴. То есть и сама женщина относилась к побоям как к чему-то неизбежному, явля-

¹⁰⁰⁷ Бунаков Н. Указ. соч. С. 50, 51; Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской области // Сборник для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2. М., 1890. С. 54.

¹⁰⁰⁸ Семенова-Тянь-Шанская О.П. Указ. соч. С. 5.

¹⁰⁰⁹ Новиков А. Указ. соч. С. 16.

¹⁰¹⁰ См.: Железнов Ф. Воронежская деревня. Больше-Верейская волость. Вып. II. Воронеж, 1926. С. 28.

¹⁰¹¹ Новиков А. Указ. соч. С. 9 – 10.

¹⁰¹² См.: АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 686. Л. 23.

¹⁰¹³ Там же. Д. 1011. Л. 2, 3.

¹⁰¹⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1215. Л. 3.

нию обыденному, своеобразному проявлению мужниной любви. Не отсюда ли пословица: «Бьет – значит любит!»?

Русская баба, являясь объектом насилия, репродуцировала его. Сама, терпя побои, воспринимая их как должное, она культивировала эту «традицию» у подрастающего поколения. Приведу описание сцены семейной расправы, произошедшей в селе Александровке. Этот документ обнаружен мной в архиве редакции «Красный пахарь» и датирован 1920 г. «На расправу сбежалась вся деревня и любовалась избиением как бесплатным зрелищем. Кто-то послал за милиционером, тот не спешил, говоря: «Ничего, бабы живучи!». «Марья Трифоновна, – обратилась одна из баб к свекрови, – За что вы человека убиваете?». Та ответила: «За дело. Нас еще не так били». Другая баба, глядя на это избиение, сказала своему сыну: «Сашка, ты что ж не поучишь жену?». И Сашка, совсем парнишка, дает тычок своей жене, на что мать замечет: «Разве так бьют?». По ее мнению, так бить нельзя – надо бить сильнее, чтобы искалечить женщину. Неудивительно, что маленькие дети, привыкнув к таким расправам, кричат избиваемой отцом матери: «Дура ты, дура, мало еще тебе!»¹⁰¹⁵.

В объяснение этого явления есть и психологический фактор. Побои жены выступали для мужика компенсатором за унижение, которое он испытывал в повседневной жизни со стороны помещика, чиновника, земского начальника, урядника. Сталкиваясь с произволом «сильных мира сего», испытывая состояние зависимости, крестьянин искал выход негативным эмоциям. Это рождало желание продемонстрировать свою власть, пусть даже в пределах семейного круга. Такое стремление к самоутверждению принимало порой самые неожиданные формы. Информатор из Орловской губернии в своем сообщении в этнографическое бюро приводил следующий случай. «Муж поспорил, что жена его не посмеет отказать при всех лечь с ним. Была призвана жена и беспрекословно исполнила требуемое, муж выиграл пари, а мужики даже поднесли и бабе водки «за храбрость»¹⁰¹⁶.

Была ли сельской женщины возможность оградить себя рукоприкладства самодура-мужа, защитить свою честь и достоинство? Некоторые женщины пытались найти управу на мужей в волостных судах. Исследователи конца XIX в. расходились в оценке эффективности таких обращений. Юрист И.М. Красноперов считал, что волостные суды не спешили встать на защиту чести и достоинства женщин, считая это дело семейным. Из 118 случаев побоев мужьями своих жен, зарегистрированных в волостных книгах, суды приговорили к наказаниям только четырех виновных да и то, не столько за побои, сколько за дебоширство и пьянство¹⁰¹⁷. По мнению же специалиста в области обычного права С.В. Пахмана, волостные суды не только не уклонялись от разбора дела о личных обидах между супругами, но весьма энергично защищали жен от деспотизма мужей. На основе изученных материалов волостных судов Рязанской губернии, аналогичное суждение высказывает современный исследователь Л.И. Земцов. Он считает, что «крестьянки активно пытались найти защиту в волостном суде» и «абсолютное большинство проступков по отношению к женщине волостным судом наказано»¹⁰¹⁸. По моим наблюдениям, волостные суды, в отличие от общинных судов, не оставались безучастными к искам потерпевших женщин. Так, Горельский волостной суд 5 марта 1872 г. рассматривал жалобу крестьянки. В ней говорилось о том, что ее муж Сергей Антонов Бетин ни за что избил ее, изорвал на ней рубаху и юбку и вырвал много волос. А затем связав ей руки, водил по селу. Суд приговорил виновного аресту на 7 дней. Иногда инициатором обращения в волостной суд с жалобой на жестокое обращение с женой выступали должностные лица села. П. Березанский, в своем исследовании обычного права крестьян Тамбовской губернии, приводит в качестве примера решение Стрельниковского волостного суда. В этом суде слушали жалобу сельского старосты на крестьянина Ф., который часто бил свою жену до полусмерти. Суд определил наказать семейного дебошира 20 ударами розгами и объявил ему, чтобы тот оставил все свои дурные поступки и жил в своем семействе смиренно¹⁰¹⁹.

Другой формой женского протеста против семейной тирании являлось бегство. К концу XIX в. выросло количество обращений крестьянок с просьбой выдать им паспорт. Для того, чтобы его получить, требовалось согласие мужа, а он, как правило, такого согласия не давал. Те женщины, которые находили прибежище в родительском доме, возвращались мужьями насильно. Иные покинутые мужья обращались в волостной суд. Тот предписывал женщине вернуться к мужу, так как надо работать в поле, а в целях предотвращения издевательств в будущем грозил привлечь мужа к суровому наказанию.

¹⁰¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 254. Л. 113.

¹⁰¹⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 2, 3.

¹⁰¹⁷ См.: Красноперов И.М. Указ. соч. С. 279.

¹⁰¹⁸ Земцов Л.И. Крестьянки в волостном суде // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв. Материалы междунар. конф. Тамбов, 2002. С. 328.

¹⁰¹⁹ Березанский П. Указ. соч. С. 217, 218.

Развод в русской деревне был явлением крайне редким. В своих воспоминаниях о детстве в тамбовской деревне митрополит Вениамин (Федченков) писал, что на пятьдесят верст кругом он не слышал ни об одном случае развода. В 1912 г. почти на 115 млн. человек православных всех возрастов было расторгнуто всего 3532 брака, в 1913 г. на 98,5 млн. человек православных – 3791 брак, при чем подавляющая часть разводов приходилась на город¹⁰²⁰. Народные традиции и номы церковного права делали добровольное расторжение брака практически невозможным. Исследователь С.С. Крюкова, на основе изучения брачных традиций второй половины XIX в., установила причины разводов у крестьян в повседневной жизни. Это несогласие в семейной жизни; уход одного из супругов в секту; неспособность мужа выполнять супружеские обязанности; бесплодие жены; длительная отлучка одного из супругов¹⁰²¹. К этим причинам следует добавить и неспособность одного из супругов выполнять хозяйственные работы. Жесткие требования к разводу были продиктованы не только церковным уставом, но и экономическими условиями жизни крестьянской семьи. Ведь при разводе или смерти супруги в крестьянском хозяйстве нарушалось традиционное соотношение мужских и женских рук, необходимое для нормальной производственной деятельности. Нередко на другой день после похорон мужик толковал о новой бабе. «Без бабы в доме никак невозможно, – говорил он, – надо невесту искать»¹⁰²². В этом не было ни жестокосердия, ни пренебрежения к умершей супруге, а только суровые реалии крестьянского быта.

Прелюбодеяние в обычном праве не признавалось основанием для расторжения брака. В этом случае от обманутого мужа ожидали вразумления неверной жены, а не развода. Жен уличенных в измене жестоко избивали. На такие расправы в селе смотрели как на полезное дело, по понятиям крестьян с женой всегда нужно обращаться строго – чтобы она не забаловалась. «Жену не бить – толку не быть!»¹⁰²³

Для официального расторжения брака, церковного развода, требовалось решение правящего архиерея, поэтому в русской деревне второй половины XIX – начала XX в. существовали «самовольные разводы». Дать количественную оценку этому явлению невозможно, по причине того, что такие «расходки» не регистрировались. Этнографические источники свидетельствуют о том, что иногда в селе супруги расходились добровольно, т.е. прекращали совместное проживание, но к формальному расторжению брака не прибегали. По наблюдениям Ф. Костина из Орловского уезда: «Рассорившиеся супруги часто расходятся. Большею часть со двора уходит жена, а муж остается дома. Иногда муж заявляет в волости, чтобы жене не давали паспорт. И тогда жена обыкновенно живет у кого-либо из родственников. Супруги иногда расходятся добровольно и живут врозь, но только те, у кого нет детей»¹⁰²⁴. Отсутствие детей в семье после нескольких лет совместной жизни в глазах крестьян являлось веской причиной для прекращения супружества. «У кого детей нет – во грехе живет», – говорила народная пословица.

Гражданский развод в селе санкционировался негласно общиной и общественным мнением. Упомянутый информатор из Орловского уезда по этому поводу писал следующее: «В нашей местности разводы бывают при вмешательстве сельского схода и народного суда. При таких разводах вторично жениться супругам конечно нельзя, но они имеют полное право, по народному мнению, жить раздельно, не притесняя один другого. Когда желают разойтись и просят об этом общество, то должны указать причины. Когда есть дети, то их оставляют с отцом, будь они девочка или мальчик. Но если мать пожелает взять с собой девочку, то этой ей позволено. Если муж и жена разводятся, не имея детей, то ей разрешается взять свое имущество и приданое. Если, разводятся супруги, имея детей, то жене не все выдается, а часть холстов, детских рубашек оставляется. После развода муж не обязан выдавать жене ни месячины, ни других пособий, и она должна жить, как хочет. Когда после развода у крестьян от любовниц рождаются дети, то они были обязаны кормить до совершеннолетия, и если девочка то выдать замуж, если мальчик – определить его куда-то в зятя или в усыновление. Но большей частью таких детей определяют в воспитательные дома или подкидывают»¹⁰²⁵.

¹⁰²⁰ Данные по: Морозов С.Д. Указ. соч. С. 103.

¹⁰²¹ См.: Крюкова С.С. Брачные традиции южнорусских губерний во II пол. XIX в. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 48.

¹⁰²² Бунаков Н. Указ. соч. С. 51.

¹⁰²³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 13.

¹⁰²⁴ Там же. Д. 1245. Л. 7.

¹⁰²⁵ Там же. Л. 11, 12.

Наиболее частой из причин разводов являлась смерть одного супругов. Вдовство, в народных представлениях, воспринималось как Божье наказание. Второй брак в деревне не осуждался, но вызывал определенный суеверный страх из-за боязни того, что он будет недолговечным и несчастным. Третий брак по народным понятиям считался недопустимым. Крестьяне считали, что такой мужик берет на себя страшный грех, идя против Божественной воли. В деревне говорили: «Первая жена от Бога, вторая – от человека, третья – от черта». Второй брак был необходим, по мнению крестьян, только в том случае, если у вдовца были малолетние дети, а в семье не было женщины, способной к уходу за ними. В этом случае вдова самая подходящая невеста для вдовца как опытная женщина. К бракам вдовцов на девушках относились неодобрительно. И поэтому чаще всего вдовые супруги вступали в новый брак друг с другом. Из 100 браков вдовцов (1875 – 1886 гг.) в Тамбовской губернии – 56 приходилось на браки вдовцов на вдовах¹⁰²⁶. Для совместного проживания порой сходились пожилые (мужчины старше 60 лет, женщины – 50 лет), одинокие крестьяне. Такой союз в селе считали неприличным, памятуя о том, что Бог создал брак «для умножения рода человеческого»¹⁰²⁷.

Советская власть существенно упростила процедуру развода. По закону о браке, семье и опеке 1926 г. было достаточно заявление одного из супругов, при чем «представления какого-либо объяснения о том, почему сторона желает развода, не требовалось». Число разводов по стране на 1 тыс. чел. увеличилось с 1,9 в 1920 г. до 11,3 в 1929 г.¹⁰²⁸ В середине 1920-х гг. разводы в Тамбовской губернии составляли 8 – 12 % от числа заключенных браков. Большинство их приходилось на город. Для русской деревни возможность расторжения брака в большей мере имело эффект психологического воздействия. У крестьянки появился выбор, теперь она могла, оформив развод, уйти от мужа. По этому поводу в орловских деревнях в середине 20-х гг. XX в. распевали такую частушку:

*От волости до двора
Вся зеленая трава;
Давай милый разводиться,
Теперь новые права*¹⁰²⁹.

В первое советское десятилетие взгляд крестьян на возможность расторжения брака оставался в целом традиционным. Это утверждение относится к церковному браку, а не к государственной регистрации с гражданского состояния. Разводы в сельской среде не получили широкого распространения. Житель Болховского района Орловской области Н.А. Польнов (1918 г.р.), вспоминая о нравах деревни своего детства, говорил: «Сейчас вот женятся 2 – 3 раза и ничего. А раньше если ты женился и через год развелся, тебя засмеют. Не имеешь права даже это делать»¹⁰³⁰. Таким образом, стереотипы семейных отношений в сознании жителей села под воздействием правовых новаций не претерпели особых изменений.

Пища

Крестьянин кормился от трудов своих. Народная пословица гласит: «Что потопаешь, то и полопаешь». Состав крестьянской пищи определялся натуральным характером его хозяйства, покупные яства были редкостью. Она отличалась простотой, еще ее называли грубой, так как требовала минимум времени на приготовление. Огромный объем работы по хозяйству не оставлял стряпухе времени на готовку разносолов и обыденная пища отличалась однообразием. Только в праздничные дни, когда у хозяйки было достаточно времени, на столе появлялись иные блюда. Вообще, сельская женщина была консервативна в компонентах и приемах приготовления пищи. Отсутствие кулинарных экспериментов тоже являлось одной из черт бытовой традиции. Селяне были не притязательны в еде, поэтому все рецепты для ее разнообразия воспринимали как баловство. Интересно в этом отношении свидетельство Хлебниковой, работавшей в середине 20-х гг. XX в. сельским учителем в с. Сурава Тамбовского уезда. Она вспоминала: «Ели щи из одной капусты и суп из одной картошки. Пирог и блины пекли один – два раза в год по большим праздникам... При этом крестьянки гордились своей бытовой неграмотностью. Предло-

¹⁰²⁶ Якушкин Е.И. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия // Этнографическое обозрение. Кн. IX. М., 1891. № 2. С. 6.

¹⁰²⁷ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 165.

¹⁰²⁸ Черных А. становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 175.

¹⁰²⁹ Бюллетень Орловского губернского бюро краеведения. 1927. № 2. С. 24.

¹⁰³⁰ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 122. Л. 21.

жение добавлять что-то в щи для «скусу», они с презрением отвергали: «Неча! Мои и так жрут, да похваляют. А эдак, совсем разбалуешь»¹⁰³¹.

На основе изученных этнографических источников, можно с высокой долей вероятности реконструировать повседневный рацион русского крестьянина. Сельская пища не отличалась большим разнообразием. Известная поговорка «Щи да каша – пища наша» верно отражала обыденное содержание еды жителей деревни. В Орловской губернии повседневную пищу как богатых так и бедных крестьян составляло «варево» (щи) или суп. По скоромным дням эти кушанья приправлялись свиным салом или «затолокой» (внутренним свиным жиром), по постным дням – конопляным маслом. В Петровский пост орловские крестьяне ели «муру» или тюрю из хлеба, воды и масла. Праздничная пища отличалась тем, что ее лучше приправляли, то же самое «варево» готовили с мясом, кашу на молоке, а в самые торжественные дни жарили картофель с мясом. В большие храмовые праздники крестьяне варили студень, холодец из ног и потрохов¹⁰³².

Мясо не являлось постоянным компонентом крестьянского рациона. По наблюдениям Н. Бржевского, пища крестьян, в количественном и качественном отношении, не удовлетворяла основные потребности организма. «Молоко, коровье масло, творог, мясо, – писал он, – словом все продукты, богатые белковыми веществами, появляются на крестьянском столе в исключительных случаях – на свадьбах при разговении, в престольные праздники. Хроническое недоедание – обычное явление в крестьянской семье»¹⁰³³. Бедный мужик вволю ел мясо исключительно только на «загвины» т.е. в день заговения. К этому дню крестьянин, как бы не был беден, обязательно готовил себе мясного и наедался, так что на следующий день лежал с расстройством желудка. Редко крестьяне позволяли себе пшеничные блины с салом или коровьим маслом¹⁰³⁴.

Другой редкостью на крестьянском столе был пшеничный хлеб. В «Статистическом очерке хозяйственного положения крестьян Орловской и Тульской губерний» (1902) М. Кашкаров отмечал, что «пшеничная мука никогда не встречается в обиходе крестьянина, разве лишь в привозимых из города гостинцах, в виде булок и т.п. На все вопросы о культуре пшеницы не раз слышал в ответ поговорку: «Белый хлеб – для белого тела»¹⁰³⁵. В начале XX в. в селах Тамбовской губернии состав потребляемых хлебов распределялся следующим образом: мука ржаная – 81,2, мука пшеничная – 2,3, крупы – 16,3 %.

Из круп, употребляемых в пищу в Тамбовской губернии, наиболее распространено было просо. Из нее варили кашу «сливуху» или кулеш, когда в кашу добавляли свиное сало. Постные щи заправляли растительным маслом, а скоромные щи забеливали молоком или сметаной. Основными овощами, употребляемыми в пищу, здесь являлись капуста и картофель. Морковь, свеклу и другие корнеплоды до революции в селе выращивали мало. Огурцы появились на огородах тамбовских крестьян лишь в советское время. Еще позже, в предвоенные годы, на огородах стали выращивать помидоры. Традиционно в деревнях культивировали и употребляли в пищу бобовые: горох, фасоль, чечевицу¹⁰³⁶.

Из этнографического описания Обоянского уезда Курской губернии следовало, что в зимние посты местные крестьяне ели кислую капусту с квасом, луком, соленые огурцы с картофелем. Щи варили из кислой капусты и квашеных бураков. На завтрак обычно был кулеш или галушки из гречневого теста. Рыбу употребляли в разрешенные церковным уставом дни. В скоромные дни на столе появлялись щи с мясом, творог с молоком. Зажиточные крестьяне в праздничные дни могли позволить себе крошку с мясом и яйцами, молочную кашу или лапшу, пшеничные блинцы и коржики из сдобного теста¹⁰³⁷.

Рацион воронежских крестьян мало чем отличался от питания сельского населения соседних черноземных губерний. Ежедневно употреблялась, преимущественно, пища постная. А именно: ржаной хлеб, соль, щи из капусты, каша, горох и также овощи: редька, огурцы, картофель. Пища в скоромные дни состояла из щей с салом, молока и яиц. В праздничные дни ели солонину, ветчину, кур, гусей, овсяный кисель, ситный пирог¹⁰³⁸.

Повседневным напитком у крестьян была вода, в летнюю пору готовили квас. В конце XIX в. в селах черноземного края чаепитие распространено не было, если чай и употребляли, то во время болезни, заваривая его в глиняном горшке в печи. Но уже в начале XX в. из деревни сообщали, что «крестьяне полюбили чай, который они пьют по праздникам и после обеда. Более состоятельные начали приобре-

¹⁰³¹ Город на Цне. 1997. 9 января.

¹⁰³² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1088. Л. 1.

¹⁰³³ Бржецкий Н. Очерки аграрного быта крестьян. Земледельческий центр России и его оскудение. СПб., 1908. С. 4, 5.

¹⁰³⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1087. Л. 2, 3.

¹⁰³⁵ Кашкаров М. Указ. соч. С. 69.

¹⁰³⁶ Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчет В. Липинской. С. 5, 6.

¹⁰³⁷ Машкин. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник. Вып. V. СПб., 1862. С. 14, 16, 17.

¹⁰³⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 442. Л. 2.

тать самовары и чайную посуду. Для интеллигентных гостей кладут вилки к обеду, сами мясо едят руками»¹⁰³⁹.

Обыкновенно порядок еды у крестьян был таков: утром, когда все вставали, то подкрепляются кто чем: хлебом с водой, печеным картофелем, вчерашними остатками. В девять – десять утра садились за стол и завтракали варевом и картошкой. Часов в 12, но не позже 2 дня все обедали, в полдник ели хлеб с солью. Ужинали в деревне часов в девять вечера, а зимой и раньше¹⁰⁴⁰. Полевые работы требовали значительных физических усилий и крестьяне, в меру возможностей, старались употреблять более калорийную пищу. Священник В. Емельнов, на основе своих наблюдений за жизнью крестьян Бобровского уезда Воронежской губернии, сообщал в Русское географическое общество: «В страдную летнюю пору едят четыре раза. В завтрак в постные дни едят кулеш с одним ржаным хлебом, когда вырастает лук то с ним. В обед хлебают квас, добавляя в него огурцы, потом едят щи (шты), наконец крутую пшеничную кашу. Если работают в поле, то весь день едят кулеш, запивая его квасом. В скоромные дни к обычному рациону добавляют сало или молоко. В праздник – студень, яйца, баранина в щах, курятина в лапше»¹⁰⁴¹.

Семейная трапеза в селе производилась по раз заведенному порядку. Вот как описывал П. Фомин, житель Брянского уезда Орловской губернии заведенный порядок прием пищи в крестьянской семье: «Когда садятся обедать и ужинать, то все по начину хозяина начинают молиться Богу, затем уж садятся за стол. Вперед хозяина никто ни одно кушанье не может начинать. Иначе попадет ложкой по лбу, хотя это был и взрослый. Если семья большая, детей отсаживают на полку и там кормят. После еды опять все встают и молятся Богу»¹⁰⁴².

Во второй половине XIX в. наблюдалась довольно устойчивая традиция соблюдения пищевых ограничений в крестьянской среде. Обязательным элементом массового сознания были представления о чистой и нечистой пище. Корова, по мнению крестьян Орловской губернии, считалась чистым животным, а лошадь нечистым, непригодной в пищу¹⁰⁴³. В крестьянских поверьях Тамбовской губернии сохранилось представление о нечистой пище: рыбы, плывущие по течению, считали чистой, а против течения нечистой.

Обо всех этих запретах забывали, когда деревню посещал голод. В условиях отсутствия в крестьянских семьях какого-либо значительного запаса продовольствия, каждый неурожай влек за собой сами тяжкие последствия. В голодное время потребление продуктов сельской семьей сокращалось до минимума. С целью физического выживания в селе резали скот, пускали в пищу семенной материал, распродавали инвентарь. В голодное время крестьяне употребляли в пищу хлеб из гречихи, ячменя или ржаной муки с мякиной. К.К. Арсеньев после поездки в голодные села Моршанского уезда Тамбовской губернии (1892 г.) так описывал свои впечатления в «Вестнике Европы»: «Во время голода семьи крестьян Сеничкина и Моргунова кормились щами из негодных листьев серой капусты, сильно приправленных солью. Это вызывало ужасную жажду, дети выпивали массу воды, пухли и умирали»¹⁰⁴⁴. Спустя четверть века в деревне все те же страшные картины. В 1925 г. (голодный год!?) крестьянин из с. Екатериново Ярославской волости Тамбовской губернии А.Ф. Барцев писал в «Крестьянскую газету»: «Люди рвут на лугах коневой щавель, парят его и этим питают»

ся. ... Крестьянские семьи начинают заболеть от голода. Особенно дети, которые пухлые, зеленые, лежат без движения и просят хлеба»¹⁰⁴⁵. Периодический голод выработал в русской деревне традицию выживания. Вот зарисовки этой голодной повседневности. «В селе Московское Воронежского уезда в голодные годы (1919 – 1921 гг.) существующие пищевые запреты (не есть голубей, лошадей, зайцев) мало имели значение. Местное население употребляло в пищу мало-мальское подходящее растение, подорожник, не гнушались варить суп из лошадины, ели «сорочину и варянтину». Ни кошек, ни собак в пищу не употребляли. Горячие кушанья делали без картофеля, засыпали тертой свеклой, поджаренной

¹⁰³⁹ Там же. Д. 2271. Л. 2.

¹⁰⁴⁰ Там же. Д. 1088. Л. 3.

¹⁰⁴¹ АРГО. Раз. 19. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 9об.

¹⁰⁴² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1087. Л. 1.

¹⁰⁴³ Трунов А.И. Понятие крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 2. 1869. С. 19.

¹⁰⁴⁴ Арсеньев К.К. Из недавней поездки в Тамбовскую губернию // Вестник Европы. Кн. 2. 1892. С. 837.

¹⁰⁴⁵ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 619. Л. 1 – 1об.

рожью, добавляли лебеду. В голодные годы не ели хлеба без примесей, в качестве которых употребляли траву, лебеду, мякину, картофельную и свекольную ботву и другие суррогаты. К ним добавляли муки (просяной, овсяной, ячменной) в зависимости от достатка»¹⁰⁴⁶.

Конечно все, описанное выше, это ситуации экстремальные. Но и в благополучные годы недоедание, полуголодное существование было обыденным явлением. За период с 1883 по 1890 г. потребление хлеба в стране уменьшилось на 4,4 % или на 51 млн. пуд в год. Потребление пищевых продуктов в год (в переводе на зерно) на душу населения составляло в 1893 г.: Орловская губернии – 10,6 – 12,7 пуд., Курская – 13 – 15, Воронежская и Тамбовская – 16 – 19.¹⁰⁴⁷ В начале XX в. по Европейской России среди крестьянского населения на одного едока в день приходилось 4500 кал., причем 84,7 % из них были растительного происхождения, в том числе 62,9 % хлебных и только 15,3 % калорий получали с пищей животного происхождения¹⁰⁴⁸. При этом калорийность дневного потребления продуктов крестьянами в Тамбовской губернии составляла – 3277, а в Воронежской – 3247. Бюджетные исследования, проведенные в довоенные годы, зафиксировали очень низкий уровень потребления российского крестьянства. Для примера, потребление сахара сельскими жителями составляло менее фунта в месяц, а растительного масла – полфунта¹⁰⁴⁹.

Если говорить не об абстрактных цифрах, а внутридеревенском потреблении продуктов, то следует признать, что качество пищи прямо зависело от хозяйственного достатка семьи. Так, по данным корреспондента Этнографического бюро потребление мяса в конце XIX в. бедной семьей составляло 20 фунтов, зажиточной – 1,5 пуда. На приобретение мяса в зажиточных семьях тратилось в 5 раз больше средств, чем в семьях бедняков¹⁰⁵⁰. В результате обследования бюджетов 67 хозяйств Воронежской губернии (1893 г.) было установлено, что расходы на приобретение пищи, в группе зажиточных хозяйств, составляли в год 343 р., или 30,5 % всех расходов. В семьях среднего достатка соответственно 198 р. или 46,3 %. Эти семьи, в год на человека, потребляла 50 фунтов мяса, в то время как зажиточные в два раза больше – 101 фунт¹⁰⁵¹.

Дополнительные данные о культуре быта крестьянства дают данные о потреблении селянами основных продуктов питания в 1920-е гг. Для примера взяты показатели тамбовской демографической статистики. Основой рациона сельской семьи по-прежнему являлись овощи и продукты растительного происхождения. В период 1921 – 1927 гг. они составляли в деревенском меню 90 – 95 %. Потребление мяса было незначительным: от 10 до 20 фунтов в год. Это объясняется традиционным для деревни самоограничением в потреблении продуктов животноводства и соблюдением религиозных постов. С экономическим укреплением крестьянских хозяйств возросла калорийность потребляемой пищи. Если в 1922 г. в дневном рационе тамбовского крестьянина она составляла 2250 единиц, то к 1926 г. увеличилась почти вдвое и исчислялась 4250 калориями. В том же году калорийность дневного потребления воронежского крестьянина составляла 4410 единиц¹⁰⁵². Качественного отличия в потреблении продуктов питания различными категориями деревни не наблюдалось. Калорийность дневного потребления зажиточного крестьянина превосходила показатель других групп деревни незначительно.

Из вышеприведенного обзора пищи крестьян черноземных губерний видно, что основу рациона сельского жителя составляли продукты натурального производства, в нем преобладали продукты растительного происхождения. Достаток пищи носил сезонный характер. Относительно сытый период от Покрова до святок сменялся полуголодным существованием в весенне-летнюю пору. Состав употребляемой пищи находился в прямой зависимости от церковного календаря. Питание крестьянской семьи выступало отражением хозяйственной состоятельности двора. Отличие в пище зажиточных и бедных крестьян заключалось не ее в качестве, а в количестве.

¹⁰⁴⁶ Народный быт. Материалы и исследования по этнографии Воронежского края. Воронеж, 1927. С. 28, 31, 36.

¹⁰⁴⁷ Сборник правопедения и общественных знаний / Труды юрид. общества. Москов. ун-та. Т. 3. СПб., 1894. С. 144.

¹⁰⁴⁸ Привалова Т.В. Быт русской деревни (медико-санитарное состояние деревни Европейской России) 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX в. М., 2000. С. 44.

¹⁰⁴⁹ См.: Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 73.

¹⁰⁵⁰ См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев... С. 230.

¹⁰⁵¹ См.: Сборник правопедения и общественных знаний... Т. 3. С. 162, 163.

¹⁰⁵² См.: Статистический справочник по Тамбовской губернии за 1926 год. Тамбов, 1926. С. 149, 152; Население и хозяйство Воронежской губернии.

Изба являлась традиционным жилищем русского крестьянина. Постройка дома для крестьянина – это важный этап в его жизни, непереносимый атрибут обретения им статуса домохозяина. Усадьба под новостройку отводилась решением сельского схода. Заготовка бревен и возведение сруба обычно осуществлялась посредством мирской или соседской помочи. В селах региона основным строительным материалом выступала древесина. Исключение составляли степные районы южных уездов Курской и Воронежской губерний. Здесь преобладали мазанные малороссийские хаты.

Состояние крестьянских жилищ, в полной мере, отражало материальный достаток их владельцев. Сенатор С. Мордвинов, посетивший Воронежскую губернию с ревизией в начале 1880-х гг., в своем отчете сообщал: «Крестьянские избы пришли в упадок и поражают своим убогим видом. Каменных строений у крестьян губернии отмечено: у бывших помещичьих – 1,4 %, у государственных – 2,4 %¹⁰⁵³. В конце XIX в. зажиточные крестьяне в деревнях все чаще стали строить каменные дома. Дома крыли соломой, реже дранкой. По наблюдениям исследователей, в начале XX в. в воронежских селах строили «хаты» из кирпича и под «жесть» – вместо прежних «рубленных», крытых соломой на «глину». Воронежский краевед Ф. Железнов, обследовавший условия жизни крестьян в начале 1920-х гг., дал следующую группировку крестьянских изб (по материалам стен): кирпичные строения составили 57 %, на деревянные приходилось 40 и на смешанные 3. Состояние построек выглядело так: ветхие – 45 %, новые – 7, посредственные – 52¹⁰⁵⁴.

Состояние крестьянской избы и надворных построек выступало верным показателем хозяйственного состояния крестьянской семьи. «Плохая изба и развалившийся двор – первый признак бедности, о том же свидетельствуют отсутствие скотины и мебели». По убранству жилища можно было безошибочно определить материальное положение жильцов. Корреспонденты Этнографического бюро так описывали внутреннюю обстановку домов бедных и зажиточных семей: «Обстановка семьи бедного крестьянина – это тесная ветхая лачужка вместо дома, да хлевишко, в котором есть одна лишь коровенка и три – четыре овцы. Бани, амбара и овина нет. У зажиточного всегда новая просторная изба, несколько теплых хлевов, в которых помещаются две – три лошади, три – четыре коровы, два – три теленка, два десятка овец, свиньи и куры. Есть баня и амбар»¹⁰⁵⁵.

Русские крестьяне были весьма непритязательными в домашнем обиходе. Постороннего человека, прежде всего, поражал аскетизм внутреннего убранства. Крестьянская изба конца XIX в. мало чем отличалась от сельского жилища века предыдущего. Большую часть комнаты занимала печь, служащая как для обогрева, так и для приготовления пищи. Во многих семьях они заменяли баню. Большинство крестьянских изб топились «по-черному». В 1892 г. в с. Кобельке Богоявленской волости Тамбовской губернии из 533 дворов 442 отапливались «по-черному» и 91 «по-белому»¹⁰⁵⁶. В каждой избе был стол и лавки вдоль стен. Иная мебель практически отсутствовала. Не во всех семьях имелись скамейки и табуретки. Спали обычно зимой на печках, летом на полатях. Чтобы было не так жестко, стелили солому, которую накрывали дерюгой. Как здесь не вспомнить слова воронежского поэта И.С. Никитина:

Невестка за свежей соломкой сходила,

НА НАРАХ В СТОРОНКЕ ЕЕ ПОСТЛАЛА, –

К стене в изголовье зипун положила.

Солома служила универсальным покрытием для пола в крестьянской избе. На нее члены семьи отправляли свои естественные надобности и ее, по мере загрязнения, периодически меняли. О гигиене русские крестьяне имели смутное представление. По сведениям А.И. Шингарева, в начале XX в. бань в с. Моховатке имелось всего две на 36 семейств, а в соседнем Ново-Животинном одна на 10 семейств. Большинство крестьян мылись раз – два в месяц в избе, в лотках или просто на соломе¹⁰⁵⁷. Традиция

¹⁰⁵³ Мордвинов С. Указ. соч. С. 20.

¹⁰⁵⁴ Железнов Ф. Указ. соч. С. 23.

¹⁰⁵⁵ Быт великорусских крестьян-землепашцев ... 1993. С. 229.

¹⁰⁵⁶ Корнилов А.А. Семь месяцев среди голодающих крестьян. М., 1893. С. 71.

¹⁰⁵⁷ Шингарев А.И. Указ. соч. С. 50 – 55.

мытья в печи сохранялась в деревне вплоть до Великой отечественной войны. Орловская крестьянка, жительница села Ильинское М.П. Семкина (1919 г.р.) вспоминала: «Раньше купались дома, из ведерки, никакой бани не было. А старики в печку залезали. Мать выметет печь, соломку туда настелет, старики залезают, косточки греют»¹⁰⁵⁸.

Постоянные работы по хозяйству и в поле практически не оставляли крестьянкам времени для поддержания чистоты в домах. В лучшем случае раз в день из избы выметали сор. Полы в домах мыли не чаще 2 – 3 в год, обычно к престольному празднику, Пасхе и Рождеству. Пасха в деревне традиционно являлся праздником, к которому сельские жители приводили свое жилище в порядок. «Почти каждый крестьянин, даже бедный, – писал сельский учитель, – перед Пасхой непременно зайдет в лавку купит 2 – 3 куса дешевеньких обоев и несколько картин. Перед этим тщательно вымывают потолок, и стены дома с мылом»¹⁰⁵⁹.

Участившие связи с городом, подъем материального состояния крестьян в период нэпа благотворно отразились на состоянии крестьянского жилища. По сведениям авторов сборника «Русские» во второй половине 20-х гг. XX в. во многих селениях было построено и отремонтировано около 20 – 30 % имеющихся домов. Новые дома составляли около трети всех построек в Никольской волости Курской губернии¹⁰⁶⁰. В период нэпа дома зажиточных крестьян были перекрыты железными крышами, под ним подводился каменный фундамент. В богатых домах появлялась мебель, хорошая посуда. Входили в быт занавески на окнах, парадную комнату украшали живыми и искусственными цветами, фотографиями, на стены клеили обои. Однако эти изменения не коснулись бедняцких изб. Вот как описывал дом бедняка крестьянин В.Я. Сафронов, житель с. Краснополье Козловского уезда Тамбовской губернии. В своей корреспонденции за 1926 г. он писал: «Изба деревянная, гнилая. Окна на половину заткнуты соломой или тряпками. В избе темно и грязно ...»¹⁰⁶¹.

Одежда

По сведениям из Обоянского уезда Курской губернии, в 1860-е гг. мужчины в деревне носили посконное белье домашнего изготовления, рубаху с косым воротом, длиною до колен и порты. Рубаха подпоясывалась тканым или сученым пояском. В праздничные дни надевали льняные рубахи. Зажиточные крестьяне щеголяли в рубахах из красного ситца. Верхнюю одежду летом составляли зипуны или свиты. По праздникам носили домотканые балахоны. А крестьяне побогаче – кафтаны тонкого сукна¹⁰⁶². Основу обыденной одежды тамбовских крестьянок составлял традиционный южнорусский костюм, испытывавший в конце XIX в. значительное влияние городской моды. Девушки и замужние бабы в Моршанском уезде Тамбовской губернии носили сарафаны. В ряде мест у селянок сохранилась клетчатая или полосатая «панева», на головах «кокошники» и волосники с возвышениями или даже рогами. Привычная женская обувь «коты» (чоботы) уступили место башмакам или полусапожкам «со скрипом»¹⁰⁶³.

Этнограф Ф. Поликарпов, исследовавший в начале XX в. быт крестьян Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии, отмечал: «Появляются щеголи, надевшие «гасподские» рубахи-косоворотки из ситца, легкие сапоги, перестают носить на поясе «гаманы». Даже в пределах одного уезда этнографы обнаруживали разнообразие сельской одежды. «В одних местах носят «паневы» – черные клетчатые юбки, в других «юпки» красных цветов, с широкой обшивкой у подола – из лент и позумента. Девушки носят преимущественно сарафаны. Из верхней одежды на юго-востоке Нижнедевицкого уезда носят «зипуники», а на северо-востоке уезда «шушпаны». Везде обувью являются лапти с «анучами» и «партянками». В праздничные дни одевают тяжелые и широкие сапоги с подковами. Крестьянские рубахи скроены неаккуратно – широкие и длинные, пояс подвязывали «пот пуза», цепляя на него «гаман»¹⁰⁶⁴.

¹⁰⁵⁸ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 121. Л. 82.

¹⁰⁵⁹ Цит. по: Тульцева Л.А. Община и аграрная обрядность рязанских крестьян на рубеже XIX – XX в. // Русские: семейный и общественный быт: Сб. ст. М., 1989. С. 47.

¹⁰⁶⁰ Русские: Сб. ст. М., 1997. С. 286.

¹⁰⁶¹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1. Л. 294.

¹⁰⁶² Машкин. Указ. соч. С. 8.

¹⁰⁶³ Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. № 22. С. 594.

¹⁰⁶⁴ Поликарпов Ф. Нижнедевицкий уезд. Этнографические характеристики. СПб., 1912. С. 142.

Новшеством в сельской моде являлся и материал из которого было сделано платье. Ткань фабричного производства (шелк, сатин) практически вытеснила домотканое сукно. Под влиянием городской моды изменился крой крестьянского платья. Крестьянин С.Т. Семенов об изменениях в одежде крестьян начала XX в. писал, что «самотканки вытеснялись ситцем. Зипуны и кафтаны заменились кофтами и пиджаками»¹⁰⁶⁵. Мужчины надевали поддевки, пиджаки, штаны не «набойчатые», а суконные и бумажные. Молодые люди ходили в пиджаках, подпоясывая брюки ремнями с пряжками. В прошлое уходили традиционные женские головные уборы. Сельские девушки ходили с непокрытой головой, украшая ее искусственными цветами, накидывая платок на плечи. Деревенские модницы носили приталенные кофточки, «польты», шубки. Обзавелись зонтиками и калошами. Последние стали «писком» деревенской моды. Их носили больше для украшения, так как надевали в тридцатиградусную жару, идя в церковь¹⁰⁶⁶.

Традиционно в деревне большое внимание уделялось показной стороне жизни семьи. В деревне хорошо помнили, что «встречают по одежке». С этой целью зажиточные хозяева и в будние дни носили высокие сапоги с бесчисленными сборками («в гармошку»), и в теплую погоду накидывали на плечи синие тонкого фабричного сукна кафтаны¹⁰⁶⁷. А что не могли показать, о том говорили, что «дома у них на столе самовар и часы на стене и едят они на тарелках мельхиоровыми ложками, запивая чаем из стеклянных стаканов». Крестьянин всегда стремился к тому, чтобы у него было все не хуже чем у соседа. Даже при небольших средствах свободные денежные средства вкладывались в строительство дома, покупку хорошей одежды, иногда мебели, в устройства праздника «на широкую ногу», чтобы в деревне создавалось впечатление о зажиточности хозяйства. Семейный достаток необходимо было демонстрировать повседневно, как подтверждение хозяйственного благополучия.

Глава 5

ВЕРА, СУЕВЕРИЯ, ОБРЯД

ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВИЯ

Изучение массовых явлений веры крестьян приводит к выводу об ошибочности противопоставления православия народного и церковного. Современное состояние науки со всей очевидностью убеждает во всей искусственности и ошибочности теорий «двоеверия», «бытового православия», «обрядоведения» и пр. В религиозных представлениях русских крестьян наследие языческого прошлого было значительным, но не равноценным православию. На протяжении всей истории процесс взаимодействия официальной церкви и крестьянства был основан на компромиссе. Это взаимное приспособление произошло путем принятия крестьянским миром канонов православия и приспособлением церковью народных обычаев христианской догматике. Еще в XIX в. отмечалось, что русский крестьянин воспринял православие не как свод догм, а как обращенную к каждому истину, формирующую жизненные устои и отношения. Г.П. Федотов на основе изучения духовных русских стихов сделал вывод о том, что «русский мужик всегда мистик, если даже отходит от официального православия»¹⁰⁶⁸. Глубина веры определяется уровнем духовности, а не уровнем знаний о религии. Не ведая многих канонов и церковных установлений, коверкая некоторые молитвы, придавая, порой, большее значение внешней стороне обряда, крестьяне верили в Бога, как говорили в селе, «всем сердцем». Ощущение Иисуса Христа, по выражению Н.С. Лескова, у себя «за пазухой» воплотилось в простом и доверчивом восприятии Божественности силы и благодати, искренней любви к Богу, ощущении Его близости человеческой душе. По справедливому утверждению обер-прокурора Святейшего Синода

---

¹⁰⁶⁵ Семенов С.Т. Из истории одной деревни // Русская мысль. Кн. I. 1902. С. 32.

¹⁰⁶⁶ Там же. С. 145, 146, 149.

¹⁰⁶⁷ См.: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. III. М., 1891. С. 10.

¹⁰⁶⁸ Цит. по: Емелях Л.И. Крестьяне и церковь накануне Октября. М., 1976. С. 6.

К.П. Победоносцева, крестьянин стремится к высшим идеалам жизни, убежденный в том, что цель его земного существования находится по ту сторону гроба, и он живет для вечности¹⁰⁶⁹.

Православие – не просто составная часть культуры русского народа. Влияние его на жизнь народа было воистину всеобъемлющим. Семейно-брачные отношения, этические нормы поведения, формы проведения досуга, различные виды взаимопомощи формировались и приобрели присущие им черты под воздействием православия¹⁰⁷⁰. В XIX в., как и в предыдущие столетия, крестьяне четко осознавали свою принадлежность к православной вере. Это выразалось в общепринятом обращении на сельских сходах – «Православные!».

Православные традиции были органически вплетены в канву повседневной крестьянской жизни. Вера Христова зримо и незримо сопровождала крестьянина от рождения до смерти. Рубежные события в его жизни определялись христианскими таинствами – крещения, венчания, отпевания. Ощущение церковной соборности достигалось посредством участия в воскресной литургии и приобщения Святых Христовым Тайн (причастия). Азы православной веры постигались в сельской семье через регулярные действия – исполнения утреннего и вечернего правила, молитв перед едой, чтением слова Божьего (Евангелия) и зримые образы – креста, икон, священных предметов. Цикл крестьянской жизни был неразрывно связан с церковным календарем. Церковные праздники являлись ориентирами, с которыми крестьяне соотносили все наиболее значимые события своей жизни. В повседневности они считали следующим образом: такое событие произошло на Покров, а не 1 октября; на заговенье осеннее, а не 15 октября; на Казанскую, а не 22 октября и т.д. Аналогичным образом крестьяне вели учет семейных событий: рождения, крещения, свадьбы и др. Говорили, что такому-то исполнилось, столько-то лет на Святого Илью-пророка (20 июля)¹⁰⁷¹.

К помощи Божьей, заступничеству Богородицы и «близким» молитвам святых угодников крестьяне традиционно прибегали во время болезней. Орловский владыка в 1907 г. со ссылкой на наблюдения благочинных сообщал в Синод, что «при заболевании простой народ, прежде всего, спешит исповедаться и причаститься»¹⁰⁷². В случае хронических и опасных болезней крестьяне давали обеты (отслужить молебен, пожертвовать на храм, совершить паломничество и т.п.) Данные обеты непременно исполнялись. Жители села искренне верили в целительную силу мощей угодников Божьих. «Нет, думает мужик, не может быть того, чтобы бессмертная душа этих угодников прошла мимо моих страданий и не пришла мне на помощь»¹⁰⁷³. Предметом почитания и поклонения были могилы подвижников, юродивых, блаженных. Так могила блаженной Ксении Петербургской еще до канонизации стала местом паломничества и чудесного исцеления. С целью избавления от недуга крестьяне часто прибегали к постам. Брали обет держать пост в понедельник, помимо среды и пятницы или же говели целый год. Над больными людьми и не только пожилыми совершали таинство соборования.

Не только в скорбях, но и в радости селяне обращались к Богу. Заказывали молебны перед началом и по окончанию того или иного важного дела. Перед новосельем служили «вхожую». Периодически приглашали сельского священника, чтобы тот совершил чин освящения жилища. После выгодной сделки, удачного приобретения, благополучных родов и т.п. спешили в храм, чтобы соборно совершить благодарственный молебен. Не забывали поминать о здравии родных и близких на Божественной литургии.

Наглядным проявлением усердия прихожан являлась постройка новых храмов и подновление существующих. Не имея возможности по каким-либо причинам посещать свои приходские храмы или же вовсе, лишившись таковых по причине пожара, жители даже небольших деревень и сел считали своим долгом сооружать новые храмы¹⁰⁷⁴. Сельский храм был для деревни центром духовной жизни. В народе говорили, что «не стоит село без праведника». В 1884 г. правящий архиерей Курской епархии писал: «Народ привержен своим приходским храмам. В дни воскресные и праздничные с видимым усердием посещает храм Божий, а в Святую Четыредесятницу долг исповеди и причастия Св. Тайн исполняет охотно. К признакам благочестивого настроения следует отнести заботливое попе-

¹⁰⁶⁹ Всеподданийший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного вероисповедания за 1888 – 1889 г. СПб., 1891. С. 74.

¹⁰⁷⁰ Кузнецов С.В. Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России. XIX – XX вв. М., 1995. С. 293.

¹⁰⁷¹ Столяров И. Записки русского крестьянина // Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 395.

¹⁰⁷² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2227. Л. 28.

¹⁰⁷³ Попов. Г.В. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб., 1903. С. 252.

¹⁰⁷⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1729. Л. 22.

В своем стремлении благоукрасить дом молитвы местные жители порой жертвовали последние сбережения. По отчету благочинного 3-го Севского округа Орловской епархии в 1905 г. на сельские храмы в его благочинии было пожертвовано 2787 р., сумма довольно значительная для крестьян, если принять во внимание бывший недород хлеба в этой местности¹⁰⁷⁶. Традиционной в деревне была натуральная помощь прихожан, оказываемая храму и причту. В с. Ясенках Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии, по заведенному местному обычаю, каждый прихожанин, проезжая во время уборки мимо церкви, сваливал по усердию несколько снопов. На вырученную сумму около 1000 р. был произведен ремонт церкви¹⁰⁷⁷.

Все наиболее важные этапы в жизни крестьян были связаны с православием. Крестьяне верили в святость венца. В восприятии сельских жителей брак являлся не только жизненной необходимостью, но исполнением Божественной заповеди. Ему предшествовала целая череда сельских обрядов, в большинстве своем православных по своему содержанию. Так во время сватовства, когда согласие на будущий брак достигнуто, присутствующие зажигали свечи, усердно молились, после чего давали друг другу обещания, скрепляя их взаимным целованием. Обещание держалось крепко, а нарушение считалось грехом. «Грешно будет нарушить слово – говорили крестьяне, – хотя люди его не слышали, за то свидетелем Бог, он может покарать гордых родителей». Венчанию предшествовало родительское благословление, когда отец и мать жениха осеяли иконой молодых, прося Господа, чтобы их брак был счастливым. А перед выездом в церковь жених или дружка трехкратно посолонь обходили брачный поезд с молитвой, с целью предотвратить молодых от всякой нечисти¹⁰⁷⁸.

Таинство венчания совершалось в сельском храме и являлось одним из самых значимых событий в жизни крестьян. «Обряд венчания – одно из самых великих таинств для крестьянина. Он не только уважает его, но и благоговейно готовится к нему, со страхом встречает. Тут Бог благословляет человека на новую жизнь, решает для него счастье или несчастье. Был жених добрый. А невеста честная – присудит Господь толику во брачной жизни, нет – не пошлет Господь и радости. Момент таинства, поэтому самый крупный и страшный в жизни – момент исполнения предопределения Божьего. Отсюда и названия таинства – Судом Божьим»¹⁰⁷⁹.

Советская власть, заменив таинство брака гражданским сожителем, настойчиво пыталась уничтожить религиозные обряды и в первую очередь венчание. Православное сознание деревни не принимало такие гражданские браки, считая их блудом. Свидетельство тому частушка того времени:

*«Ноне легкая женитьба со советским то листом.
Называли это раньше – под ракитовым кустом»*¹⁰⁸⁰.

Несмотря на активную пропаганду новой обрядности (красные свадьбы, гражданские похороны и октябрины), в селе она широкого распространения не получила. По данным ГубРКИ за 1924 г. в Рассказовской волости Тамбовской губернии произошло: гражданских похорон – 7, октябрин – 13, свадеб комсомольских – 2, без венчания – 30. За 1 квартал 1927 г. в воронежских деревнях было зарегистрировано всего лишь 13 октябрин, 35 красных свадеб, 9 гражданских похорон¹⁰⁸¹. Одну из причин медленного утверждения новой обрядности верно подметил крестьянин Минаков: «Придешь совершать «святая святых» своей жизни, брак заключать, да в вике в очереди настоишься, пока тебя запишут, да еще какой-либо стрекулист недоброе слово скажет. А грязи-то сколько!..»¹⁰⁸². А теперь приведем свидетельство иного рода. Вот как вспоминала о своей свадьбе жительница села Кривополянье Тамбовской области: «Поп встретил нас на паперти с крестом, и сразу запели «Достойно есть». А как спускают после

¹⁰⁷⁵ Там же. Д. 1030. Л. 18.

¹⁰⁷⁶ Там же. Д. 2103. Л. 9.

¹⁰⁷⁷ Там же. Д. 1284. Л. 19.

¹⁰⁷⁸ Спасский. И. Обычаи, приметы и поверья в приходе с. Александровки-на-Савале, Тамбовского уезда // Тамбовские епархиальные ведомости. 1880.

№ 17. С. 451 – 452

¹⁰⁷⁹ Звонков А.П. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.) М., 1889. Вып. I. С. 113.

¹⁰⁸⁰ Красная новь. 1926. № 11. С. 179.

¹⁰⁸¹ См.: ГАТО. Ф. Р. – 708. Оп. 7. Д. 79. Л. 17об; ЦДНВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1050. Л. 1об.

¹⁰⁸² Антирелигиозник. 1929. № 6. С. 72.

венца «Многое лета». Я вспомню, а у меня до сих пор все дрожит»¹⁰⁸³. Сохранению православных традиций в противовес, насаждаемых сверху советских обрядов, способствовало общественное мнение села. В 1924 г. крестьянка Полосина, жительница села Денисова Чернавской волости Елецкого уезда, писала в редакцию «Крестьянской газеты»: «Обычай венчания, крещения и прочие религиозные обряды у наших баб сохраняются. Правда, молодежь приспосабливается к новым порядкам, но туго. Главное то, что бабушки и матушки твердо держатся старинных традиций. Запись без венчания не признают. Грозят всеми несчастьями на том и на этом свете»¹⁰⁸⁴.

По православным понятиям семья являлась «малой церковью», т.е. призвана была блюсти основы христианской жизни каждого своего члена. Носителями религиозных воззрений в патриархальной семье выступало старшее поколение. Они (старшие) всегда следили, чтобы молодежь не пропускала праздничные богослужения и аккуратно выполняла религиозные предписания. Под праздники читали Евангелию вслух, после ужина бабы становились на колени и наказывали детям молиться усердно. Ежедневные молитвы, как правило, пели и поэтому крестьянские дети с раннего возраста знали наизусть «Отче Наш», «Царю Небесный», «Богородица, Дева радуйся», «Достойно есть» и другие молитвы. В массе своей неграмотные крестьяне высоко ценили школу за то, что в ней их детей учили Закону Божьему. Тамбовский владыка в 1892 г. делился своими впечатлениями по этому вопросу. В отчете о состоянии епархии он в частности писал: «На воспитание детей своих – на обучение их грамоте и закону Божьему народ смотрит как на высокополезное дело. По возможности помогает этому благому делу»¹⁰⁸⁵. Сельский учитель Н. Бунаков писал в начале XX в., что, по мнению крестьян, хорошая школа дает знание Закона Божьего и позволяет детям участвовать в богослужении¹⁰⁸⁶. Крестьяне приветствовали участие своих детей в церковном хоре, высоко ценили умение читать Псалтырь, Часослов, Деяния.

Данные земских обследований 80 – 90 гг. XIX в. и современные исследования убедительно говорят о преобладании духовно-нравственной литературы в кругу чтения крестьян. В сообщении корреспондента из Орловской губернии, Малоархангельского уезда, Алексеевской волости (1889 г.) говорилось, что любимое чтение большинства крестьян – духовная литература. Особенно предпочитали ее пожилые и среднего возраста крестьяне и крестьянки¹⁰⁸⁷. Будучи в большинстве своем неграмотными крестьяне любили чтение вслух. Предпочтение на таких коллективных читках отдавалось духовной литературе, особенно любили жители села слушать жития святых. Они просили: «Почитай нам про хороших людей. Пахать да сеять мы и без книжек выучимся, пожалуй – и тебя поучим, а вот как жить по Божьему – об этом нам хочется из книжки узнать»¹⁰⁸⁸. В печатном слове крестьяне искали не практических советов для введения хозяйства, а опыта духовного. Практический склад ума не мешал мужику понимать и ценить идеальные черты в человеке.

Крестьянское сознание определенно связывало поведение человека с состоянием его веры. Для того чтобы у человека в деревне была хороша репутация, он должен был регулярно посещать церковь и аккуратно выполнять все религиозные обряды, за чем наблюдала вся деревня. По данным питерского историка Б.Н. Миронова, в начале XX в. к исповеди на Пасху приходило 85 – 90 % православного населения старше 7 лет¹⁰⁸⁹. В оценке крестьянами односельчанина его благочестие играло во многом определяющую роль. Положение и авторитет крестьянина в общине определялись не только его трудовыми навыками и умением вести хозяйство, но соблюдением им норм христианской морали. Помня о том, что «вера без дел мертва», крестьяне судили о человеке не по его внешней набожности, а по степени выполнения им Христовых заповедей.

Православные традиции находили свое выражение в соблюдении крестьянским населением религиозных установлений. Воронежский крестьянин И. Столяров в своих воспоминаниях о детстве в деревне (конец XIX в.) пишет, что посты в деревне соблюдались очень строго. Соблюдение постов (всего в году насчитывалось более двухсот постных дней) определяло режим питания сельской семьи, рацион потребляемых продуктов. В постные дни не пили молока не только взрослые, но и дети. Питались во время поста только квасом, кислой капустой, картофелем и пшенной кашей¹⁰⁹⁰. К аналогичным выводам приходит и сторонний наблюдатель. Вот что по этому поводу говорит А.Х. Минх в своей книге, посвя-

¹⁰⁸³ Цит. по: Листова Т.А. Народный православный обряд создания семьи // Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 31.

¹⁰⁸⁴ ГАРФ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 29. Л. 280.

¹⁰⁸⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1420. Л. 26.

¹⁰⁸⁶ Бунаков Н. Сельская школа и народная жизнь. СПб., 1907. С. 7.

¹⁰⁸⁷ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 296.

¹⁰⁸⁸ Бунаков. Н. Указ. соч. С. 26.

¹⁰⁸⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) в 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 543.

¹⁰⁹⁰ Столяров И. Указ. соч. С. 398.

щенной народным обычаям (1890 г.): «Русский народ строго соблюдает посты, решающийся без зазрения совести на кражу, сочтет страшным грехом оскоромиться в постный день. Крестьяне постятся в среду и пятницу. В Рождественский сочельник не едят до звезды, а в Крещенский до воды»¹⁰⁹¹. По моему мнению, сельские жители в большей мере блюли формальную сторону поста и не в полной мере осознавали его духовное содержание. На вопрос: «Что грешнее, украсть или выпить молока в постный день?», крестьянский мальчик, не задумываясь, отвечает: «Выпить молока в постный день грешнее»¹⁰⁹².

Крестьяне были убеждены, что спасение и обретение Царствия Небесного не возможно вне Церкви. В деревне детей обычно крестили на второй – третий день после рождения. В связи с отдаленностью сельского храма, весенней распутицей или страдной порой это событие могло быть отложено, но не более чем на месяц. По причине высокой детской смертности родители стремились принести ребенка к «святой купели» как можно раньше, считалось, что младенцы, умершие крещенными, становятся ангелами. Таинство Крещения совершалось в сельском храме в присутствии восприемников, которые отныне становились ответственными перед Богом за благочестивую жизнь своего крестника. По приходу из церкви устраивали крестины и накрывали праздничный стол. На почетное место усаживали кума и куму. Следует отметить, что крестьяне придавали большое значение духовному родству. По наблюдениям в Моршанском уезде Тамбовской губернии, в середине XIX в. отмечалось, что крестьяне считают непростительным грехом поссориться с кумом или кумой. Желая избежать возможного греха, крестьяне предпочитали крестных брать из другого дома и не вступать в отношения духовного родства с домашними¹⁰⁹³.

Значимость таинства крещения для крестьян выражалась устойчивости этой духовной традиции, даже во времена официального безбожия. В 20-х гг XX в. в тамбовских деревнях некрещенных младенцев топили в проруби¹⁰⁹⁴. Несмотря на яростные атаки воинствующего атеизма, крестьяне продолжали крестить своих детей, хорошо осознавая, что вне Церкви нет спасения. В тех деревнях, где церкви были закрыты и не было священников, прибегали к тайному крещению, которое совершали чернички. Приходской священник о. Иоанн в одной из своих проповедей вспоминал как в памятные хрущевские времена, его молодого сельского священника, председатель местного колхоза, коммунист, вел огородами, ночью, к себе домой, чтобы тот крестил его родившегося сына.

Поистине христианским было отношение крестьян к смерти. Вера в бессмертие души и последующую загробную жизнь не рождали чувство страха перед ней как физическим явлением. С раннего детства близость смерти было явлением привычным. На глазах детей умирали их братья и сестры, дедушки и бабушки, иногда их родителей. Часто они были свидетелями последних минут жизни своих соседей. Если крестьяне и испытывали страх, так это перед тем, чтобы не застал их смертный час «неуготованными». Пожилые крестьяне готовились к смерти соборованием, исповедью и причастием. Крестьяне относились к смерти, как событию неизбежному. В своих воспоминаниях крестьянин И. Столяров писал, что «часто приходилось видеть старика на завалинке у избы, греющегося на солнышке и смиренно твердящего: «Боженька, наверное, забыл про меня, не хочет прислать мне смерть»¹⁰⁹⁵. Без малейшего драматизма крестьянин мог сказать своему близкому родственнику: «Не топтать тебе больше зеленой травушки Петрович». И это была простая констатация факта, может быть, даже с элементом сочувствия. Казалось, что не стоит особенно расстраиваться, если кто-то очень болен или увечен и исход очевиден¹⁰⁹⁶.

К смерти пожилые крестьяне готовились заранее, старики отдавали последние распоряжения, а у старух всегда был готов узел с одеждой «на смерть». Участниками этнографической экспедиции в 1993 г. (Тамбовская область) был зафиксирован на основе рассказов старожилов интересный эпизод о том, что один старик заранее изготовил себе колоду (т.е. гроб) и до времени использовал ее для хранения в зиму яблок¹⁰⁹⁷. В этом сюжете воплотилась вся полнота крестьянского бытия, соединившая в себе практицизм повседневности и сознания бренности земного существования.

Крестьяне делали все, чтобы проводить душу умершего родственника или соседа в мир иной достойным образом. По отзыву современника (1897 г.), «без напутствия исповедью и Св. Тайнами крестья-

¹⁰⁹¹ Минх А.Х. Народные обычаи крестьян Саратовской губернии. СПб., 1890. С. 111.

¹⁰⁹² Бунаков Н. Указ. соч. С. 52.

¹⁰⁹³ Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 94.

¹⁰⁹⁴ Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 987. С. 86.

¹⁰⁹⁵ Столяров И. Указ. соч. С. 483.

¹⁰⁹⁶ Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 90.

¹⁰⁹⁷ Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчет И.А. Кремлевой. С. 83.

не не позволяют никому умереть»¹⁰⁹⁸. Когда человек умирал, ему спешили дать в руки зажженную свечу и поставить на окно чашку с водой. По народным поверьям считалось, что «тело-то грешное вымоется, а вот душа-то матушка, чтобы не осталась не мытой – так и ей должно приготовить искупаться»¹⁰⁹⁹. С середины XIX в. обмыванием покойников в деревне занимались исключительно женщины. Нередко обмывальщицами были повивальные бабки, а также вдовы и девушки, отличавшиеся набожностью и давшие обет безбрачия. Обмывать покойников считалось дело богоугодным. В деревне говорили: «трех покойников обмоешь – все грехи отпущены будут, сорок обмоешь – сам безгрешным станешь». Обмывало тело одна женщина, две другие ей помогали. При этом читались молитвы.

После омовения и литии покойника клали в передний угол на скамьях, головой к иконам. На божницу ставили хлеб или блин, чтобы душа могла подкрепиться. До погребения кто-то из близких усопшего или приглашенная черничка неустанно читали Псалтырь. С умершим прощались всей деревней, каждый считал своим долгом поклониться «почившему в Бозе» соседу. Обычно приходили с приношениями (холстом, свечками, мукой и т.п.) «на помин души», иногда оказывает помощь деньгами¹¹⁰⁰. Старых людей хоронили обязательно «в своей», молодых, как это стало обычным с конца XIX в., – в одежде из покупного материала; старух хоронили в поневах – обычай, державшийся еще и в первые годы советской власти¹¹⁰¹.

Похороны в селе всегда были церковными. Усопшего отпевали в церкви и предавали земле на сельском кладбище. На поминках обедала вся деревня в несколько смен. Малые поминки устраивались для родных на девятый, двадцатый и сороковой день. Как правило, поминали блинами с медом и кутьей. Употребление лакомой пищи символизировала будущее наслаждение усопшего в райской обители. В течение шести недель на столе оставляли поминальную еду, а сами домочадцы усиленно молились о том, чтобы Господь простил новопреставленному рабу Божьему «грехи вольные и невольные» и «всели во двory Твоя». Следует признать, что традиция христианского поминовения одна из самых устойчивых традиций сельской жизни. И сегодня приходские храмы особенно многолюдны в поминальные дни.

Милосердие выступало отличительной чертой русского крестьянства. Смысл Евангельской любви находил свое воплощение в сострадании и сочувствии к несчастным, в бескорыстной помощи нуждающимся. Помещик К.К. Арсеньев в заметках о путешествии в Тамбовской губернии писал: «Сами голодая, крестьяне подают милостыню хлебом. Берут к себе в дом семьи погорельцев и бедняков. Так в с. Бояровке Моршанского уезда, в обыкновенной избе помещалось четыре семьи»¹¹⁰². «Все крестьяне нашей местности, – сообщал в конце XIX в. Ф.А. Костин из деревни Мешковой Болховского уезда Орловской губернии, – к погорельцам относятся с жалостью, стараются их утешить и помочь, как советом, так и делом». «Каждый крестьянин, – отмечал он далее, – «считает за счастье», если у него поселится погоревший сосед»¹¹⁰³.

Обыденным в поведении жителей села являлась подача милостыни. «Крестьянин никогда не отказывал нищему в подавании», – утверждал в конце XIX в. житель Брянского уезда. Об угощении крестьянами бедных «в любое время по мере своих сил», сообщали из Валуйского уезда Воронежской губернии. В Суджанском уезде Курской губернии по большим праздникам хозяйки брали с собой в церковь ржаные лепешки, вареники в деревянных мисках, бублики и пироги и по окончании службы оделяли ими нищих¹¹⁰⁴. В 1908 г. благочинный 7-го Тамбовского округа сообщал в духовную консисторию, что «крестьяне никогда не отказывают просящим милостыню, любят принимать в доме странников»¹¹⁰⁵. В повседневной жизни бескорыстную помощь бедным и неимущим крестьян не считали подвигом, а воспринимали как жертву Богу.

Помня о словах Спасителя о том, «чтобы милостыня твоя была втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (МФ 6,1-4) крестьяне практиковали тайную милостыню. «Потаенная милостынька» служила в деревне способом поминовения душ усопших. Вот что писала в своем очерке о народных обычаях Е. Всеволожская в конце XIX в. «Она (т.е. милостыня) раздается бедным бобылкам, стариками в течение 40 дней, по три милостыньки на каждую, и состоит из маленького пшеничного или полбенного хлебца, вроде просфоры и восковой свечки»¹¹⁰⁶. Обычай тайной милостыни выступал способом поминовения и своеобразной формой сельской помочи, проявлением духовного подвига русского

¹⁰⁹⁸ Покровский И. Историко-археологическая записка // Тамбовские епархиальные ведомости. 1898. № 51 – 52. С. 1398.

¹⁰⁹⁹ Спасский. И. Указ. соч. С. 456.

¹¹⁰⁰ Быт великорусских крестьян-землепашцев ... С. 287.

¹¹⁰¹ Село Вирятино ... С. 92.

¹¹⁰² Арсеньев К.К. Из недавней поездки в Тамбовскую губернию // Вестник Европы. 1892. Кн. 2. С. 836.

¹¹⁰³ Громыко М.М., Буганов А.В. Указ. соч. С. 183.

¹¹⁰⁴ Громыко М.М. Указ. соч. С. 90.

¹¹⁰⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 9.

¹¹⁰⁶ Всеволожская Е. Очерки крестьянского быта Самарского уезда // Этнографическое обозрение. 1895. № 1. С. 33.

крестьянства. Современный этнограф И.А. Кремлева на основе расспроса старожил сделала вывод о широком распространении тайной милостыни в тамбовской деревне в конце XIX – начале XX в. и сохранении этого обычая в ряде мест и во второй половине XX в. Подчеркивая значимость этого богоугодного дела, информаторы говорили о том, что «тайными подаяниями люди свою душу очищали, свои грехи замаливали». Одна из крестьянок (Бондарский район Тамбовской области), вспоминая свое детство, рассказывала, что их отец клал на завалинку мясо, муку – бедным¹¹⁰⁷. Обряд тайной милостыни, по мнению Л.А. Тульцевой, сохранялся и в советский период, являясь составной частью поминальных ритуалов. «Собери бедному человеку, когда и чего хочешь. Тайная милостынька очень доходна Богу»¹¹⁰⁸. В этих крестьянских словах видно четкое понимание евангельской сути обряда.

Особое сострадание селяне испытывали к узникам. Помня о том, что от тюрьмы и сумы не зарекаются, каждый стремился оказать милосердие несчастным. В народе на преступника смотрели как на жертву обстоятельств, как на павшего брата. В ряде мест преступление называли бедой¹¹⁰⁹. На Пасху и в другие праздники крестьяне одаривали и угощали арестантов. В Талызинской волости Орловской губернии на «Велик день, звали к себе разговляться всех, кто сидел под арестом в волостной тюрьме»¹¹¹⁰.

Одной из православных традиций в жизни русской деревни являлось паломничество (странничество). Наверное, не было в русском селе жителя, который хотя бы в один раз жизни не отправился на богомолье по святым местам. Вот свидетельство современника и его впечатления от увиденного в 1869 г. у села Новая Ляда, Тамбовского уезда, Тамбовской губернии. «Мы встречали богомольцев, идущих в воронежские и другие места, преимущественно бабы, между которыми мелькали и седые бороды старцев, согнувшихся под тяжестью мешков и торб, опираясь на длинные палки, бодро и скоро шагает этот люд по окраине дороги в тени леса»¹¹¹¹.

Мотивы, побуждавшие крестьян ходить на богомолье, были различны, но в основе их лежала устойчивая духовная потребность. Это стремление к покаянному очищению души, желание исцелиться от какой-либо болезни, получение жизненного совета и благословения от духовного лица, выполнение обета о посещении святого места, участие в престольном празднике и т.п.

В Орловском уезде Орловской губернии крестьяне много ходили на богомолье: в Одрин-Николаевский монастырь в Карачаевском уезде для поклонения чудотворной иконе свт. Николая Угодника; в село Старое Болховского уезда к колодцу с явленной иконой Казанской Божьей Матери; в Клитель Брянского уезда к старцу – о. Стефанию¹¹¹². Благочинный Козловского округа Тамбовской епархии сообщал в духовную консисторию в 1908 г., что крестьяне любят совершать паломничество по святым местам: Киев, Троицко-Сергиева лавра, Воронеж, Задонск, Саров. Батюшка Серафим особо чтим местным населением. Редко кто из взрослых не поклонился Св. мощам¹¹¹³. Из отчетов по Курской епархии за 1907 г. явствует, что «в минувшем году ходили в Киев, Воронеж, Чернигов, Саров и другие места на поклонение мощам святых угодников, на Афон и в Иерусалим отправлялись нередко»¹¹¹⁴.

Огромной притягательной силой для паломников из разных районов России обладали главные святыни Воронежской губернии – мощи преподобных Митрофания Воронежского и Тихона Задонского. В «Материалах для географии и статистики России» отмечалось, что «дни представления и открытия мощей Свяtitеля и Чудотворца Митрофана ...из окольных и дальних мест стекается огромное число народа». В дни памяти свт. Тихона «в Задонском монастыре на четырех литургиях были сотни причастников, так что всего было приобщено св. Таин 20 тыс. человек преимущественно больных и убогих». Схиархимандрит Иоанн (Маслов), специально исследовавший вопрос о почитании свт. Тихона Задонского, пришел к выводу, что «уже через 25 – 30 лет после блаженной кончины Свяtitеля формы почитания его приобретают характер прочной традиции»¹¹¹⁵.

Селиванов В.В., на основе своих наблюдений за жизнью крестьян, писал: «Русский народ вообще богомолен: сходить на богомолье – почитается делом святым, это есть желание потрудиться для Бога. С двумя, тремя грошами в кармане, сберегаемыми на свечу и общий молебен, иная старуха или старик едва передвигая ноги, плетутся, иногда Бог весть из какой дали на поклонение святыне. И ходят, таким

¹¹⁰⁷ Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчет И.А. Кремлевой. С. 12.

¹¹⁰⁸ Тульцева Л.А. Тайная милостыня // Родина. 1994. № 4. С. 23 – 24.

¹¹⁰⁹ Якушкин Е.И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. М., 1910. Вып. 1. С. 19.

¹¹¹⁰ Громыко М.М. Указ. соч. С. 90.

¹¹¹¹ Минх А.И. Путевые заметки от Москвы до села Колепа // Известия тамбовской ученой архивной комиссии. 1905. № 50. С. 12

¹¹¹² Громыко М.М., Буганов А.В. Указ. соч. С. 138 – 139.

¹¹¹³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 20.

¹¹¹⁴ Громыко М.М., Буганов А.В. Указ. соч. С. 142.

¹¹¹⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Свяtitель Тихон Задонский и его учение о спасении. М., 1993. С. 130.

образом, не десятки, не сотни, а тысячи верст, и, возвратясь домой, не только не хвалятся своим подвигом, но даже иной и не скажет об этом никому, разве к слову придется»¹¹¹⁶.

Православная вера русского села находила свое выражение в широкой практике общественных молебнов и крестных ходов. Такие молебны были распространены по всей России и совершались по инициативе общины или отдельных мирян. Тамбовский сельский священник писал, что молебны по приговору схода совершались по самым незаурядным случаям и совершались часто в полях. Поводы для молебнов могли быть различны – это начало и окончание полевых работ, первый выгон скота, засуха, безветрие, эпидемия и т.п.¹¹¹⁷ Описание крестного хода в засуху оставил в своих воспоминаниях митрополит Вениамин (Федченков). «Мужчины и женщины взяли крест, хоругви, иконы и под трезвон колоколов направились ... куда же? На общее кладбище свое... И там мы сначала отслужили панихиду по всем усопшим. Оказалось, как мне разъяснил по пути батюшка, исстари велся этот обычай; живые молились по умершим, чтобы те помолились там богу о нуждах живых своих потомков и близких ... мудрый и умилительный обычай святой Руси ... Потом мы пошли с пением молитв по полям. Что это были за горячие молитвы! ... В тот ли день или на другой пошел дождь... И я не помню из своей жизни случая, чтобы такие молебны вообще оставались без исполнения»¹¹¹⁸.

Соборной молитве крестьяне придавали особое значение. В селе говорили, «что Богу молиться, что на земле трудиться надо сообща, все вместе. Чтобы дома всей семьей, в поле – всем миром, таков закон»¹¹¹⁹. Единство в вере, соборность – это та духовная основа жизни крестьян, которая, преодолевая имущественные различия, рождала ощущение христианского братства и зримого проявления деревенской солидарности.

В ряде случаев молебны и крестные ходы преследовали профилактические цели. Так в Курской губернии на Крещение Господня зерно в виде креста насыпали во дворе, и пока скотина ест, ее с иконами трехкратно обходят и кропят святой водой, чтобы скотина водилась и была здорова. На день Св. Власия (11 февраля) служили молебны для предотвращения падежа скота. Молебен по случаю первого выгона скота повсеместно было принято приурочивать ко дню Св. Георгия (23 апреля). В Орловской губернии бывали ежегодные молебны в поле в последнее воскресенье перед Вознесением – от засухи, на Казанскую (8 июля) – от градобития¹¹²⁰.

Массовое народное понимание молебнов вне храма было сугубо церковным по сути своей: оно отвечало желанию максимально освятить все стороны своей жизни. Молебны на полях сопровождались кроплением святой водой, в ходе их пели каноны и тропари, несли кресты, иконы и хоругви. Широко распространенная практика молебнов выражала православный характер хозяйственного бытия русского крестьянства.

Труд русского земледельца был немислим вне сознания ответственности перед Богом и исполнения его заповедей по отношению к земле, твари и своему ближнему в процессе хозяйственной деятельности. В коллективном сборнике «Русские» авторы справедливо отмечают, что «христианство способствовало выработке добросовестного отношения к труду, к строгой дисциплине на основе представления о том, что труд благословлен Богом»¹¹²¹. Имея нравственную опору в православии, крестьянин стойко воспринимал жизненные испытания в виде засухи, градобития, неурожая. Он утешал себя словами: «Видно, воля Божья». И в этом утверждении был сокрыт глубокий смысл на жизнь, и упование на промысел Божий, и неисчерпаемая надежда на грядущую милость. Аграрный труд в условиях рискованного земледелия требовал от крестьянина огромных усилий в максимально короткий срок (посев, сенокос, уборка). Но даже выполнение пахарем всех многообразных и достаточно рациональных способов обработки земли еще не являлось гарантией урожая. Некоторые недалёковидные исследователи усматривали в этом «нерадение» крестьянина, якобы традиционный русский «авось». А в этом было христианское смирение русского мужика, сделавшего все от него зависевшее и положившегося на волю Божью.

Основные полевые работы аграрного календаря были связаны в народном восприятии с праздниками церковными, особенно с двенадцатыми. Вековые наблюдения убедили крестьян, что как постоянные (Рождество, Успение и др.) праздники, так и переменные (Пасха, Троица, Вознесение) всегда являются

¹¹¹⁶ Селиванов В.В. Год русского земледельца // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 104.

¹¹¹⁷ См.: АРГО. Разряд. 9. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 6.

¹¹¹⁸ Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 43.

¹¹¹⁹ Матвеев С. Из жизни современного крестьянства // Русское богатство. 1913. № 10. С. 151.

¹¹²⁰ Курский сборник. Материалы по этнографии Курской губернии. Курск, 1902. Вып. III. С. 101; Зеленев М. Из религиозных народных верований // Живая старина. 1882. № 15. С. 562; Громыко М.М., Буганов А.В. Указ. соч. С. 24.

¹¹²¹ Русские: Сб. ст. М., 1997. С. 191.

надежными вехами в цикле полевых работ. Так в большинстве русских сел сенокос начинали после Троицы. Исследователи единодушны в утверждении о том, что крестьяне почитали святые дни, в праздники и выходные не работали так как считали это большим грехом. В народном календаре был еще ряд дней, в которые запрещалось работать во избежание кары Божьей. Но здесь мы сталкиваемся с адаптацией прежних языческих верований или примитивным толкованием того или иного праздника. Например, 11 мая – Обновление Царь-града в народе ошибочно воспринималось как атмосферное явление, и, что если не праздновать, градом выбьет полевые посевы. 26 июля – Ильин день. Огненная колесница Ильи-пророка традиционно отождествлялась с грозным Перуном. В этот день не работали. А на вопрос: «Почему не работают?» отвечали: «На Ильин – то день? Нет, он батюшка грозен ... не ровен час, – долго ли до беды?»¹¹²². Комичный эпизод произошел на обмолоте хлеба у священника. Наемные работники отказались работать, сославшись на то, что сегодня праздник «Берегись хлеба». Больших трудов стоило батюшке, чтобы объяснить работникам, что сегодня день памяти Благоверных Бориса и Глеба¹¹²³. Особенность крестьянского восприятия месяцеслова заключалась в том, что ряд угодников Божьих выступали в роли покровители домашних животных. Свмч. Власия (11 февраля) – покровитель коров, когда варили и ели молочную кашу. 1 июля – Муч. Бессеребренников Косьмы и Доминиана, в народе куриный праздник. В этот день резали кур и варили яйца, чтобы куры лучше неслись. Покровителем лошадей считали муч. Флора и Лавра (18 августа). Лошадей в этот не запрягали и не работали на них¹¹²⁴.

В аграрных обрядах широко использовались священные для православных людей предметы. Выше уже указывалось на использование в крестных ходах икон и креста. Следует также сказать о святой воде, которая в силу особой благодати применялась крестьянами в хозяйстве и быту. Ей кропили поля, скот, посевы, семена, овощи, фрукты. Особое значение имела крещенская вода. В Тамбовской области до последнего времени в деревнях ей обмывали коровам вымя, чтобы те не болели и давали много молока. Для предотвращения падежа скота его окуривали ладаном. Во время заказных молебнов, устраиваемых по просьбе крестьян, священник кадил не только в доме, но и в хозяйственных постройках. При первом выгоне скота в деревнях использовали прутья вербы, освященные на праздник Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресенье)¹¹²⁵. Во всем этом следует видеть не столько сельский рационализм, сколько искреннюю веру крестьян в благодатную и целительную силу Божественного проявления.

Состояние православных традиций в изучаемый период не оставалось неизменным. Как уже отмечалось выше, заметное влияние на общественные традиции села оказывали отхожие промыслы. Длительный отрыв от церковной жизни прихода вел к охлаждению религиозных чувств крестьян-отходников. Отхожие промыслы заметно способствуют разложению нравственной жизни простого народа. Закономерно, что пагубные последствия этого явления были замечены духовными пастырями. В отчете о состоянии Курской епархии за 1905 г. сообщалось: «Отправляясь в начале весны на заработки вполне религиозными и благомыслящими людьми, многие из крестьян возвращаются оттуда к осени нравственно испорченными и зараженными разными не только антирелигиозными, но и противоправительственными идеями. Духовенство епархии почти единогласно свидетельствует, что побывавшие на заработках заметно охлаждаются к св. церкви, свободно нарушают уставы ее и христианские обычаи»¹¹²⁶. Просматривая рапорты благочинных тамбовской епархии начала XX в., замечаешь, как возрастала тревога и озабоченность сельского духовенства падением уровня религиозности среди жителей села и в первую очередь среди отходников. Приведем несколько таких свидетельств: «Духовенство презирают. Не кланяются священнику, не обнажают голову, не принимают благословление»; «постов не признают, над духовенством смеются»; «Отходники, возвращающиеся с заработков из Сибири, отличаются охлаждением к церкви, вольномыслием, не почитанием икон и церковных установлений»; «Молодое поколение возвращается на родину уже с другими нравственными и религиозными убеждениями. Подобные личности не считают своей обязанностью соблюдать посты, присутствовать при богослужении»¹¹²⁷. Все указывало на возникшую тенденцию, которая если не разрушала, то существенно подтачивала духовные основы народной жизни. Утрата благочестия отходниками сопровождалась распространением в их среде порочного поведения. Благочинный 1-го Дмитровского округа Орловской епархии в 1905 г. ут-

¹¹²² Зеленов М. Указ. соч. С. 568.

¹¹²³ Бунаков Н. Указ. соч. С. 48.

¹¹²⁴ Трунов А.Н. Понятие крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной // Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1869. Т. 2. С. 32; Бунаков Н. Указ. соч. С. 48, 49; Пясецкий Г. Забытая история Орла. Орел, 1999. С. 142.

¹¹²⁵ Шустиков А. Троицина Кадниковский уезд // Живая старина. 1892. Вып. 3. С. 114.

¹¹²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2095. Л. 18.

¹¹²⁷ См.: ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 206; 306, 446, 666, 676, 69-69об, 75.

верждал, что «отходники заносят на родину склонность к разгулу, безнравственные песни, желание легкой жизни, недовольство трудовой жизнью по заветам отцов»¹¹²⁸.

Многообразными по форме и глубоко духовными по содержанию были проявления православной веры русских крестьян. Это, прежде всего, стремление к исполнению заповедей Божьих в сельской повседневности. Милосердие и сострадание являлись неотъемлемой частью крестьянской природы. Все рубежные события в жизни крестьянина: рождение, брак и смерть связывались с Божественным промыслом. Паломничество жителей русского села демонстрировало отнюдь не формальный характер народного благочестия. Оно служило благодатным источником, укрепляющим веру. Упование селян на милость Божию во время тяжелых испытаний (засуха, мор, эпизоотия и т.п.) находило свое зримое выражение в практике внецерковных молебнов и крестных ходов. Религиозность русского крестьянства с достаточной силой выразилась в традиционной для русской деревни обрядности в сфере сельскохозяйственного производства.

Безусловно, что состояние православных традиций не оставалось неизменным в условиях процесса модернизации аграрного общества. Возросшая мобильность сельского населения, проникновение в деревню рыночных отношений, влияние города и рост социальных противоречий – все это накладывало отпечаток на духовную жизнь села, вносило в нее перемены, вело к закономерной деформации традиций, в т.ч. и православных.

Деревенские суеверия

В XIX – начале XX в. в народном православии продолжали существовать суеверия и поверья, уходящими своими корнями в языческое прошлое. Дуализм крестьянского восприятия хорошо выражала пословица: «Бога люби, но черта не гневи». Причину жизненности сельских суеверий следует видеть в особенностях крестьянской ментальности и характере аграрного труда.

Этнографические исследования конца XIX в. выявили широкое распространение и примерное единообразие народной демонологии. Один из современников писал: «Народ православный донныне верит в чудодейственную силу заговоров, заклинаний, в колдовство, порчу, наговоры, в существование домашних, русалок, ведьм, лешего»¹¹²⁹. Приверженность жителей деревни суевериям отмечало сельское духовенство. «Не исчезли еще в народе и остатки языческих суеверий, например вера в ворожбу, гадания, разные приметы» – признавалось в отчете о состоянии воронежской епархии за 1915 г. И в отчете следующего года находим аналогичное утверждение о том, что «народ все еще склонен к суевериям, которые распространены главным образом среди женщин»¹¹³⁰.

Суеверие крестьян проистекало из самого образа жизни, существования на грани выживания, полной зависимости его от капризов природных и мистических сил. В силу этого аграрная магия в духовном мире пахаря играла особую роль. Все действия были направлены на то, чтобы максимально оградить урожай, скот от неблагоприятного влияния. Вот некоторые из крестьянских поверий. На Орловщине сеять выезжали так, чтобы никто не видел, а во время жатвы оставляли несжатую полоску «Илье на бороду»¹¹³¹. Так, что несжатая полоска, что наводила на поэта «грустную думу» не пример крестьянской беспечности, а элемент аграрной магии. «Вот тебе Илья – борода, на лето уроди нам ржи, да овса», – приговаривали женщины, заламывая несжатые колосья и завивая их по солнышку¹¹³². В Тамбовской губернии в день засева хлеба ни один крестьянин не давал займы ни денег, ни зерна. Считалось, что нарушение этого условия может привести к неурожаю¹¹³³. В Орловской губернии на Св. Егория в целях оберега выгоняли скот до восхода солнца, по росе. Верили, что коровы не будут болеть и дадут больше молока. В тамбовской деревне считали, что если освященную вербу воткнуть в землю, она сбережет посева. Вера крестьян в магические свойства земли проявлялась в обряде «дожинок» в период окончания уборки. Так, в Орловской губернии бабы ложились на жнивье и катались на восток по несжатой полоске хлеба, приговаривая: «Жниво, жниво, отдай мою силу»¹¹³⁴. В селе Рудовка, Осиново-Гаевской волости, Кирсановского уезда существовал так называемый «куриный бог». Представлял он собой черный камень с дырой по середине, размером с куриное яйцо, который в таком виде найден в земле. Он вешался

¹¹²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2103. Л. 8.

¹¹²⁹ Кычигин А. В конце XIX века (несколько наблюдений и мыслей о выдающихся религиозно-нравственных недугах современного общества // Странник. 1897. Т. 2. С. 39.

¹¹³⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2693. Л. 18; Д. 2751. Л. 20.

¹¹³¹ Пясецкий Г. Указ. соч. С. 141 – 142.

¹¹³² Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М., 2000. С. 78.

¹¹³³ Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии // Живая старина. 1890. Вып. 2. С. 119.

¹¹³⁴ Дынин В.И. Когда расцветает папортник... Народные верования и обряды южно-русского крестьянства XIX – XX веков. Воронеж, 1999. С. 55, 58, 61.

на нитке в курятнике, чтобы куры плодились¹¹³⁵. В рождественские святки в воронежских селах жгли навоз во дворах во избежание скотского падежа¹¹³⁶.

Особая группа суеверий была связана с сельским правосудием. Распространено было в деревне поверье о необходимости поститься в пятницу перед днем св. Косьмы и Домиана для успешного исхода судебного дела, а также о ношении на себе при приходе в суд «сорочки» т.е. тонкой плевры, в которой рождаются дети. Перед тем как идти в суд крестьянин, обычно с семьей молился перед иконой св. Николая. В селе считали, чтобы выиграть судебную тяжбу необходимо на Пасху выпросить у священника освященное яйцо, взять его на суд и в течение заседания катать его в кармане¹¹³⁷. В большей мере полагались на милость Божью. «Кто читает по три раза на дню 90 и 108 псалмы или Евангелия утром и вечером, тот выиграет всякий суд», – говорили мужики в Орловской губернии. Существовал в деревне обычай «заворования». Крестьяне верили, что если благополучно украсть в ночь перед Благовещением, то можно целый год воровать, не боясь быть пойманным¹¹³⁸.

К суеверию крестьяне в повседневной жизни прибегали с целью обнаружить преступника, найти украденную вещь. Крестьяне верили, что если поставить в церкви перед иконой Иоанна воина «забидящую свечу», то вор начнет «сохнуть», чахнуть и в конце концов сам принесет украденную вещь назад или подбросит ее¹¹³⁹. Для отыскания преступника в селе прибегали к помощи местных ворожей, и те гадали на картах, бобах или воде. Разложив карты или бобы, или посмотревши в воду, ворожея указывала в первом случае направление жительства похитителя и цвет его волос, а в последнем приблизительно описывалась его наружность¹¹⁴⁰.

Не меньше суеверий было и в сельском быту. Вполне закономерно, что в основном они были связаны с наиболее значимыми событиями в жизни крестьян. В Курской губернии новобрачные переезжали через огонь, чтобы на их не навели порчу¹¹⁴¹. На венчании в церкви наблюдали, кто из молодых первый наступит ногой на ковер, тому господствовать в жизни, чья свеча быстрее сгорит, тот скорее умрет. Во время крещения, при пострижении, волосы младенца закатывали в воски, бросали в купель. Кумовья смотрели, если шарики потонут, то младенец не жилец, если останутся на поверхности, то новорожденный долговечен¹¹⁴². Когда покойника выносили из дома, то делали это через задний двор, чтобы он не нашел дорогу с кладбища. В понедельник важные дела не начинали. Под праздник не давали в долг, чтобы не вывелись деньги в доме. В Благовещенье огня в доме не зажигали, чтобы кого-нибудь в семье не убило молнией в наступающее лето¹¹⁴³. Когда переходили в новый дом, обыкновенно входили с хлебом-солью задними воротами, чтобы перевести с собой и домового.

Вера в нечистую силу крепко держалась в народе, давала ему объяснение некоторых явлений природы, указывала на виновника людских невзгод и неудач. По убеждению крестьян: «Злые духи – исконные враги Бога, ведут свое происхождение от падших ангелов и находятся в борьбе с Божественной силой»¹¹⁴⁴. Свергнутые нечистые духи живут в тартаре, но они выходят на землю, чтобы соблазнять людей и делать им всевозможное зло. Всю ответственность за произошедшее несчастье, а порой и за собственные ошибки, было принято перекладывать на действия нечистой силы. «Он соблазнил, он подбил на грех, лукавый попутал»¹¹⁴⁵. Самое интересное, что нечистую силу можно перехитрить, несмотря на ее могущество, и крестьянину следовало воспитывать в себе эту сноровку.

Мир нечистой силы в русской деревне был разнообразен и многолик. Остановимся на наиболее ярких его представителях. Черт в народных поверьях враг и враг сильный, упорно стремящийся вредить людям. Над чертями насмехались, в то же время действительно боялись их. Образ черта присутствовал в повседневных мужицких трудах и заботах, а они хоть и были знакомы крестьянину до тонкостей, однако были чреватые неожиданностями и опасностями.

Духов населявших жилище называли домовой, доможил, домовик, хозяин. Крестьяне считали, что он есть в каждом доме. Домовой чаще всего обитал в хлеву, овине, риге, подполье. Мог принимать че-

¹¹³⁵ Бондаренко В. Указ. соч. С. 115.

¹¹³⁶ Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива императорского русского географического общества. Пг., 1914. Вып. I. С. 348.

¹¹³⁷ Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907. С. 22, 24, 25.

¹¹³⁸ Якушкин Е.И. Указ. соч. С. 21.

¹¹³⁹ Астров П.И. Об участии сверхъестественных сил в народном судопроизводстве крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.) М., 1889. Вып. I. С. 148.

¹¹⁴⁰ Бондаренко В. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение 1890. № 6 – 7. С. 51.

¹¹⁴¹ Зеленин Д.К. Указ. соч. Вып. II. С. 661.

¹¹⁴² Спасский Ив. Указ. соч. С. 451.

¹¹⁴³ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1995. С. 246.

¹¹⁴⁴ Ушаков. Д.Н. Материалы по народным верованиям великорусов // Этнографическое обозрение. 1896. № 2 – 3. С. 187 – 188; АР-ГО. Разряд. 9. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 14.

¹¹⁴⁵ Трунов А.Н. Указ. соч. С. 41.

ловеческий облик – старика или умершего хозяина. Любимый скот чаще лошадей холил, чистил, отбирал корм у других животных. В с. Старое Сысоево Моршанского уезда крестьяне верили, что домовый заплетает лошадям гриву. Нелюбимых животных домовый напротив изводил. Являясь сторожем хозяйского имущества, он, в случае кражи, ходил в дом вора и там выл в переднем углу, пока тот не возвращал похищенное добро. Предупреждал о несчастье: «К худу или добру». Обидеть домового можно было божбой, бранным словом. Мог покинуть дом, после чего домочадцы болели, а скотина хирела и дохла. Поэтому с домовым предпочитали не ссориться. При переезде в новый дом звали домового с собой, «иди хозяин с нами жить»¹¹⁴⁶.

В народе его звали лешим, лесовиком. Жил он преимущественно в глухих лесах, болотах. Являлся в образе человека или животного. Чаще всего его представляли волосатым, нагим, с длинными белыми волосами и зелеными глазами. Главное занятие – охрана леса. Свое присутствие обозначал громким свистом, хохотом, криком петуха или плачем ребенка. Любил сбивать путников с дороги. Для предотвращения козней лешего, чтобы выбраться на дорогу, нужно было вывернуть одежду наизнанку, поменять сапоги и сказать – «приди вчера».

Водяной или болотный, по народному поверью, жил в омутах рек, в глубоких лесных озерах, в болотах. Имел вид седого старика чаще нагого, реже одетого в красную рубаху. В деревне считали, что водяные происходили от воинов фараона потонувших в Черном море. Ему были подвластны рыбы, лягушки. По отношению к людям, был злым, старался затащить их на глубину и утопить. Особенно опасным считалось купание в понедельник или в полночь. Другими обитателями водной среды были русалки. Их чаще всего представляли в виде нагих женщин с длинными распущенными волосами и горящими глазами. Они привлекали людей красотой и могли защекотать на смерть. Русалки любили купаться на утренней и вечерней зорьках. В русалках олицетворяли всех умерших в дохристианскую эпоху, души младенцев, некрещеных и утопленниц. В народных верованиях сохранились упоминания о «русальной неделе», когда они бегали по лесам и щекотали встречных людей, особенно перед Троицей. В ряде мест накануне Петрова дня устраивали проводы русалок. В эти дни пели, водили хоровод, сжигали чучело русалки и прыгали через очистительный костер¹¹⁴⁷.

В поверьях крестьян встречаются такие мистические персонажи как «фармазон» и «любостай», скорее всего это были некоторые из проявлений обликов черта. Любостай появлялся, когда женщин тосковала по своему умершему супругу. Он принимал облик любимого и вступал с ней в соитие, и после пяти-шести месяцев таких визитов женщина чахла и умирала. А фармазон приходил к тому, кто хотел осуществить недоступные для него желания: богатство, слава, известность, любовь красавицы. Человек выходил в чисто поле, призывал его, разрезал мизинец правой руки и кровью из раны писал расписку по которой, за просимое его душа после смерти отходила в собственность дьявола¹¹⁴⁸.

Своеобразным посредником между людьми и «князем тьмы» был колдун. Крестьяне старались избегать общения с ним, так как он водился с нечистой силой. По представлениям крестьян Воронежской губернии, чтобы стать колдуном, необходимо было заключить договор с дьяволом. Кто желал получить от колдуна чародейскую силу, должен был снять с себя крест и три раза отречься от Бога. После продажи души сатана давал новоиспеченному чародею в помощь несколько чертей.

К ворожеям в селе относились с суеверным страхом, но еще больше боялись колдунов. На свадьбах ему выказывали особый почет из-за боязни, чтобы он не испортил молодых¹¹⁴⁹. В мерах предосторожности в платье невесты натыкали иголки. К помощи колдунов и ведьм прибегали для осуществления «приворотов» и «отворотов», поиска пропащей вещи. В народе считали, что колдуны и ведьмы не могли умереть, пока не передадут свой дар другому человеку. Их смерть сопровождала страшная агония, а душа уходила через потолок. На кладбище их несли головой вперед, на перекрестках гроб поворачивали кругом, чтобы они не вернулись назад.

Другими служителями сатаны, как считали в деревне, были ведьмы. Они могли ночью превращаться в свиней, кошек, собак и ходить в таком обличье до петухов. Интересен тот факт, что все рассказы об оборотнях, бабах – колдуньях, чаще всего начинались со слов «мой дядя видел», «моя тетка слышала». В Рыльском уезде Курской губернии в среде местных крестьян существовало предание о Лысой горе –

¹¹⁴⁶ Ушаков Д.Н. Указ. соч. С. 149 – 153.

¹¹⁴⁷ Там же. С. 160 – 164.

¹¹⁴⁸ Бондаренко В. Указ. соч. С. 118.

¹¹⁴⁹ Всеволожская Е. Очерки крестьянского быта // Этнографическое обозрение 1895. № 1. С. 30.

месте сбора ведьм¹¹⁵⁰. Жители села были убеждены, что ведьмы портили людей, изводили скотину. Порча производилась посредством собранных в ночь Ивана Купалы трав наговорами на еду и питье. Человек, на которого навели порчу, начинал чахнуть или делался «припадочным» или начинал «кликнуть шествовать». Только сглазом можно было объяснить, почему вдруг корова перестала доиться или молодая девушка «таяла» на глазах¹¹⁵¹. Повсеместно ведьм считали виновницами летних засух и неурожаев. В селе Истобном Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии в начале XX в. крестьяне чуть не убили одну девушку, которую подозревали в ворожбе. Девка эта, якобы, ходила голая по селу и снятой рубашкой разгоняла тучи. Только вмешательство местного священника спасло несчастную от расправы¹¹⁵².

В быт крестьянина органически вписывалась нечистая сила, с которой он находил общий язык, стремился ладить и влиять на нее соответствующими методами и средствами. Всякое, мало-мальски значимое событие сопровождали четко прописанными действиями, при не соблюдении которых ждали несчастье.

ЖЕНСКАЯ ОБРЯДНОСТЬ: ОТ РОЖДЕНИЯ ДО СМЕРТИ

Сельские обряды являются одной из форм народной памяти, в которой сконцентрирован вековой опыт отношения человека к окружающему миру. Изучение крестьянских обрядов дает исследователю богатый материал для научного осмысления содержания и основных черт сельской повседневности. Многообразная ритуальная жизнь русской деревни отражала в себе практически все стороны крестьянского бытия. Сельский обряд сопровождал человека от рождения и до смерти. Хранительницей и носительницей обрядовых традиций в селе являлась женщина. Сама дающая жизнь, она занимала ведущее место в обрядах, связанных с пограничными моментами в крестьянской судьбе – жизнью и смертью.

Выше уже говорилось о том, какую роль играла повивальная бабка в сельском родовспоможении. Здесь же хотелось остановиться на тех обрядах, которые она совершала при этом. С целью благоприятного исхода, в красном углу возжигалась венчальная свеча, а все домочадцы истово молились. В процессе родов бабки использовали святую воду, ладан и свечи. Заговоры повитух включали в себя обращения к Господу, Богородице и различным святым. Традиционной покровительницей в родах считали бабушку Соломону (Соломею), которая, согласно апокрифическому Протоевангелию Иакову, принимала божественные роды у девы Марии¹¹⁵³. У омытого ребенка повитуха трехкратно слизывала спину или лоб, затем столько же раз сплевывала, чтобы оградить новорожденного от «очеса призора». Пеленание младенца сопровождалось молитвой и крестным знаменем. Если ребенок сильно кричал, то бабка вспрыскивала с уголька. Для чего в чашку с водой она клала уголь, набирала этот раствор в рот и трижды брызгала в лицо младенца со словами: «Господи, спаси младенца!»¹¹⁵⁴

Одним из обрядов, совершаемых повитухой, являлось «крещение в горшке». К нему прибегали в тех случаях, когда ребенок рождался слабым и мог не дожить до крещения. В таких случаях младенца торопились окрестить, боясь, чтобы не умер «богдашкой» (некрещеным)¹¹⁵⁵. Конечно, бабка не вправе была совершать таинство крещения, но страх родителей перед тем, что младенец умрет некрещеным, оказывался сильнее догматических запретов. Во время обряда повитуха зажигала свечи вокруг горшка с водой и с положенной молитвой опускала в купель ребенка. Сельские священники, естественно, не одобряли такую самодеятельность. Но как отмечает историк В.Д. Орлова, на основе материалов Тамбовской духовной консистории, «никаких данных о повторном крещении в храме выжавшего крестника повитухи не встречается»¹¹⁵⁶. К тайному крещению в советские времена прибегали в тех местах, где были закрыты церкви и не было священников.

Пребывание повитухи в доме у роженицы требовало, по представлению крестьян, обязательного последующего очищения. Этот обряд назывался «размывание рук» и совершался, как правило, на третий день после родов. Исполнение обряда давало частичное очищение роженице и позволяло повитухе идти принимать очередные роды. Последовательность действий в обряде была следующей. В таз с во-

¹¹⁵⁰ Ушаков Д.Н. Указ. соч. С. 167.

¹¹⁵¹ Левин М. Указ. соч. С. 104.

¹¹⁵² Дынин В.И. Указ. соч. С. 94.

¹¹⁵³ См.: Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни // Русские. М., 1997. С. 506.

¹¹⁵⁴ Спасский И. Указ. соч. С. 440.

¹¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 29. Л. 2.

дой бросали горсть овса или хмеля, затем три горящих угля. Посередине избы крестообразно клали топор и веник. Женщина становилась на них правой ногой. Повитуха лила воду на руки женщине так, чтобы она стекала ей по локтям. Та, в свою очередь, подхватывала воду с правого локтя левой рукой и пила, так повторялось три раза. Затем это же делала повитуха. По окончанию ритуала, они усердно молились Богу, роженица трехкратно кланялась бабке и просила у той прощение. В завершении всего повивальной бабке давали мелкую монету или дарили кусок полотна, ковригу хлеба, солонку соли¹¹⁵⁷. В случае смерти сельской повитухи, в последний путь проводить ее приходили все женщины, у которых она принимала роды. В Бондарском, Пичаевском районах Тамбовской области, по сведению информаторов, умершей повитухе обвертывали руки разноцветными лентами¹¹⁵⁸.

Женщина, как носительница жизненного начала, выступала главным действующим лицом в деревенских обрядах, выполнявших охранительную роль. Наиболее известным из сельских ритуалов, связанных с заклинанием смерти, был обряд опахивания. Очевидно, данный обряд, не единожды описанный этнографами, возник в русской деревни в дохристианский период. В дальнейшем, сохранив свой предохранительный смысл, он органически вобрал в себя и христианскую атрибутику. К опахиванию в селе прибегали в случаях эпидемий, падежа скота. Сохранилось много описаний этого древнего обряда. Этнографические источники, несколько отличаясь в деталях, схожи в передаче содержания ритуальных действий¹¹⁵⁹. Вот примерный сценарий происходившего. В глухую полночь выходили на улицу девушки и вдовы, заранее сговорившись между собой. Участницы были в белых рубахах, с распущенными волосами и с зажженными свечами. Они вооружались всем тем, что может издавать звук: косы, сковороды, печные заслонки и т.п. Впереди процессии несли иконы Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца, кадили ладаном. Далее находился главный предмет действия соха. В нее впрягали в одних местах бабу-неродицу, в других вдову, известную своей благочестивой жизнью. Сохой правила девушка, которая собиралась замуж. Другие, девки, помогали тащить соху вокруг деревни. Вдовы, шедшие во след, набирали песок и рассеивали его по борозде¹¹⁶⁰. На Орловщине в борозду зарывали живыми черного щенка, черную курицу, черного петуха. В Тамбовской губернии во время опахивания процессия останавливалась на каждом переулке, распахивали сохой борозду в форме креста и зарывали здесь часть курившегося ладана, с целью отогнать нечистый дух. Обойдя вокруг села, участники замыкали символический круг, который, по их мнению, непреодолим для всякой нечисти. В Харьковской губернии для предотвращения падежа скота село с сохой обходили трехкратно, после чего на перекрестке разводили костер и прыгали через огонь с целью очищения. Языческие корни этого обряда проявлялись и в том, что участники его считали, что смерть можно отогнать или ввести в заблуждение. С этой целью во время шествия женщины скакали на палках, рогачах, помелах, ударяли в сковороды, при этом припевали:

*«Ух, ты смерть, смерть,
Не ходи в наше село.
В нашем селе 9 дев, 9 баб,
9 маленьких ребят,
Три вдовы молоды»¹¹⁶¹.*

Если процессия крестьянок встречала мужчину, то его считали «смертью», против которой совершался обряд, и поэтому его жестоко избивали, приговаривая «вот коровья смерть пришла». Этнограф Машкин, описывая обряд опахивания в деревнях Курской губернии, отмечал, что «бабы доходят до остервенения и бросаются на все, что попадает на пути, а случайных прохожих избивают до полусмер-

¹¹⁵⁶ Орлова В.Д. Нарративные источники об отношении русского сельского населения XIX в. к рождению, браку и смерти // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв. Материалы междунар. конф. (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 119.

¹¹⁵⁷ См.: Машкин. Указ. соч. С. 22; Семенова-Тянь-Шанская О.П. Указ. соч. С. 23.

¹¹⁵⁸ Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчет Т.А. Листовой. С. 27.

¹¹⁵⁹ См.: АРГО. Разряд. 9. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 19; Разряд. 19. Оп. 1. Д. 8. Л. 3; Разряд. 27. Оп. 1. Д. 6, 7.

¹¹⁶⁰ См.: Бондаренко В. Указ. соч. С. 118; Всеволожский В. Указ. соч. С. 29.

¹¹⁶¹ См.: Пясецкий Г. Указ. соч. С. 143; Машкин. Указ. соч. С. 86.

ти»¹¹⁶².

В тамбовских селах, по свидетельству очевидцев, этот обряд совершался в тайне от мужчин. Более того, если бабы замечали постороннего, то они нападали на него и избивали. В харьковских селах опахивающие женщины считали своей священной обязанностью убить встречного. «Полудикая толпа баб с визгом бросалась на путника и разрывала его буквально в клочья, если ему не удавалось спастись бегством». Сочетание в данном обряде молитвы, икон, креста с языческим жертвоприношением, смиренного призыва к милости божьей с дикой, животной яростью может показаться парадоксальным. Но это противоречие лишь кажущееся, сродни извечной тяги мужика к «иконе и топору».

Глава 6

СЕЛЬСКИЕ ПОРОКИ

ПЬЯНСТВО ДЕРЕВНИ

Употребление алкоголя следует также рассматривать как традицию сельского быта. Это проблема многоплановая, так как в ней нашли свое отражения социальное, хозяйственное, культурное и нравственное состояние крестьянского населения. Все попытки реконструкции деревенской повседневности были бы тщетны без выяснения места и роли водки в крестьянском быту. Народное воззрение на пьянство кратко можно было сформулировать следующим образом. В деревне осуждали пагубное пристрастие к винопитию, разорявшее хозяйство, подозрительно относили к лицам, ведущим трезвый образ жизни и благосклонно взирали на пьяный разгул своих односельчан в праздничные дни. Вот как описывал этот народный порок в конце XIX в. житель села Подзовалово Болховского уезда Орловской губернии

Н.

Григорьев:

«К пьянству отношение снисходительное. Осуждаются только те, кто за водку закладывает домашний скот или одежду. В престольный праздник, Успение, пьянство начинается сразу же после обедни и продолжается 2 – 3 дня. Крестьяне небольшими группами ходят друг к другу и везде выпивают водку. Часто в нее для крепости подмешивают нюхательный табак. Многие пьют до тех пор, пока не свалятся»¹¹⁶³.

Праздник в народном восприятии был неразрывно связан с выпивкой. Его ждали, к нему готовились. Сельский праздник всегда был желанен, так как давал возможность прервать однообразную череду сельских будней. Наследие прошлых братин деревенский праздник был не только отдыхом от тягот ежедневного труда, но и формой консолидации сельского мира. По свидетельству жителя деревни «побывать на празднике считают долгом. Приготовиться к празднику, как бы это не было трудно, а надо. Бедный должен купить четверть ведра водки простой и бутылку красной, средний полведра водки и четверть красной, зажиточный – ведро водки и четверть ведра красной. Богатый – 2–3 ведра простой и полведра «красной». Это в храмовый праздник и Пасху»¹¹⁶⁴. Выпивка в праздник – непреложный закон сельского быта, фактически не оставлявший альтернатив. Это был еще один стереотип деревенской жизни, следование которому добивалось силой общественного мнения села.

Начало 1860-х гг., по свидетельству современников, было отмечено резким всплеском сельского пьянства. Оценивая отмену крепостного права, историки в основном акцентировали внимание на благоприятных факторах этого события для развития крестьянства. Действительно, после отмены крепостного состояния и общего смягчения политического режима, у сельских обывателей стало больше свободы. И эта свобода употреблялась не только во благо. Утрата социального контроля со стороны помещика вела к росту девиантного поведения вчерашних крепостных крестьян. В деревне увеличилось употребление спиртного. Резко пошла вверх кривая деревенской преступности, прежде всего за счет имущественных преступлений и преступлений против личности. В 1862 г. временнообязанными крестьянами Тамбовской губернии было совершено 358 преступлений или 2 раза больше, чем в предыдущем году¹¹⁶⁵.

Стоит

согласиться

с

утверждением

историка

---

¹¹⁶² Машкин. Указ. соч. С. 86.

¹¹⁶³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 992.

¹¹⁶⁴ Там же. Д. 1093. Л. 11.

¹¹⁶⁵ Памятная книжка Тамбовской губернии на 1868 г. Тамбов, 1868. С. 2.

Б.Н. Миронова о том, что реформы ускорили модернизацию общества, а столкновение разных ценностных ориентацией, традиции и модернизма всегда ведет к росту преступности¹¹⁶⁶.

С отменой откупной системы подешевела водка. В пореформенный период потребление алкоголя в стране возросло. Для власти средства, полученные от реализации спиртного, выступали надежным источником пополнения доходной части бюджета. С ведением винной монополии в стране (1894 г.) «пьяные деньги» приносили до трети поступлений в государственный бюджет страны. По свидетельству современников, питейные заведения в городах работали с раннего утра до позднего вечера, а в выходной открывались по окончанию обедни. В 1880 – 90-е гг. алкогольная волна буквально захлестнула русскую деревню. По наблюдениям сенатора С. Мордвинова, обследовавшего Воронежскую губернию в 1880 г., на ее территории один кабак в среднем приходился на 189 дворов¹¹⁶⁷. В селе Терновка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии (1889 г.) на тысячу жителей приходилось четыре винные лавки. В течение года, по признанию виноторговцев, жителям села продавалось до тысячи ведер водки. С утра до позднего вечера велась торговля спиртным в трех кабаках села Круглое Козловского уезда той же губернии (1880 г.). Когда здравомыслящие крестьяне данного села вынесли на сход вопрос о закрытии лавок, то он не нашел поддержки. Содержатели питейных заведений не поскупились на щедрое угощение, и дело было улажено в их пользу¹¹⁶⁸.

По мере увеличения объемов производства в стране алкогольной продукции росла и численность значных мест. К началу XX в. увеличилось душевое потребление алкоголя, а следовательно, и величина денежных средств, расходуемых населением на приобретение спиртных напитков. В Курской губернии при населении около 2 млн. человек в 1900 г. было выпито вина на 10 млн. р. По данным профессора И.Х. Озерова, в 1913 г. на алкоголь в среднем на душу по стране тратилось 6,83 р., что составляло 10,8 % душевого дохода¹¹⁶⁹.

Наряду с экономическим фактором рассматриваемой проблемы, следует указать и на его национальный подтекст, который, во многом, может объяснить мотивы и направленность грядущих еврейских погромов. Вся питейная торговля, особенно в южнорусских губерниях, находилась в руках евреев. По наблюдению Е.В. Постникова, евреи торговали водкой открыто, распивочно и на вынос, часто не имея патента. «У нас що не жид, то и шинок», – говорили крестьяне. В донесении волостного правления села Михайловки Мелитопольского уезда утверждалось, что «патенты и другие документы на право торговли евреи получают на имя крестьян, которые за самое ничтожное вознаграждение соглашаются запродавать свое имя»¹¹⁷⁰. Корчемники щедро платили чинам общей полиции, должностным лицам волостного и сельского правления, чтобы те не мешали им тайно торговать водкой. Такое положение вполне устраивало местную администрацию, и штрафы, налагаемые за незаконную торговлю спиртным, легко уплачивались из тех же средств. Дарованные монархом свободы были восприняты «малым» народом в присущем ему духе, как свобода эксплуатации человеческих пороков. Вот еще одно свидетельство, только теперь уже 1917 г., но все о той же приверженности евреев к извлечению легко наживы. «Накануне престольного праздника еврейские дома, подлаживаются к общему настроению, запасаются к этому времени крепкими напитками и продают их бойко, не боясь препятствия со стороны полиции, относящейся снисходительно к продаже водки евреями»¹¹⁷¹.

Тайной торговлей спиртным в селе занимались вдовы с целью получения средств к существованию и сельские кулаки, для которых шинкарство выступало дополнительным источником дохода. В отчете о состоянии орловской епархии за 1907 г. читаем: «Торгуют вином в селах и вдовы, и местные кулаки. В селах и деревнях нет таких тайных продавцов, которые были неизвестны крестьянам. Местные кулаки, одержимые старостью наживы, устрашают духовенство и односельчан, излюбленным средством борьбы – поджогом, поэтому многие крестьяне и священники избегают вступать в какие-либо пререкания с ними»¹¹⁷².

В литературе много сказано о мздоимстве и продажности государственных чиновников царской администрации. Но не в меньшей мере была коррумпирована и местная, в том числе и сельская власть. До введения винной монополии некоторые деревни за дачу разрешения на устройство у себя кабака взимали деньги, и эти суммы играли немалую роль в деревенском бюджете. В докладе Борисоглебской уезд-

¹¹⁶⁶ Миронов Б.Н. Преступность России в XIX – начале XX века // Отечественная история. 1998. № 1. С. 40.

¹¹⁶⁷ Мордвинов С. Экономическое положение крестьян Воронежской и Тамбовской губерний. Б.М. Б.Г. С. 47.

¹¹⁶⁸ Тамбовские епархиальные ведомости. 1889. № 22. С. 2073; То же 1880. № 20. С. 964.

¹¹⁶⁹ Карнишин В.Д. Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века. Пенза, 1996. С. 85; Озеров Х.С. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914. С. 85.

¹¹⁷⁰ Постников Е.В. Южно-русское крестьянство. М., 1891. С. 132.

¹¹⁷¹ ГАРФ. Ф. Р. 3431. Оп. 1. Д. 332. Л. 2.

¹¹⁷² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 227. Л. 5.

ной земской управы (Тамбовская губерния) говорилось: «В уезде установился обычай давать приговор на открытие питейных заведений за плату в пользу общества, деньги, негласным путем полученные пропивались мироедами»¹¹⁷³. Огромная прибыль, получаемая вследствие торговли спиртным, давала возможность не жалеть средств для подкупа сельской администрации.

Последовательными борцами с пагубной народной привычкой выступали земства. В материалах Тамбовского губернского земского собрания за 1875 г. признавалось: «Неумеренное пьянство между крестьянами расстраивает их благосостояния, нанося немалый вред народному здравью, препятствуя сверх этого исправному поступлению податей и других окладных, казенных, земских сборов»¹¹⁷⁴. Органы местного самоуправления пытались бороться с сельским пьянством, создавая культурные формы деревенского досуга. Своим постановлением от 30 сентября 1877 г. Борисоглебская уездная земская управа предложила волостным старшинам содействовать открытию в селах чайных лавок, а в качестве субсидий освободить их от взимания земских налогов¹¹⁷⁵. Источники свидетельствуют, что данная кампания существенных последствий не имела.

Благотворную роль в борьбе с народным пороком сыграли и земские начальники. Вот что говорилось в отчете воронежского губернатора за 1891 г.: «Как замечено по всей губернии, земскими начальниками с успехом достигнуто устранение угощения водкой на сельских и волостных сходах. Громадное значение и польза новой власти в этом направлении очевидна»¹¹⁷⁶. Орловский губернатор в своем отчете за

1894 г., подводя своеобразный итог пятилетней деятельности этого института, писал: «Крестьяне свыкаются с реформой 12 июля 1889 г. и относятся к земским начальникам с уважением и доверием, называя их работу добросовестной и полезной. Благодаря деятельности земских начальников, нравственный уровень сельского населения, а равно и внешнее его благоустройство, заметно улучшается, что видно хотя бы из того, что взамен питейных заведений и иных лавок, все чаще и чаще в селениях Орловской губернии открываются школы, библиотеки и читальни»¹¹⁷⁷.

Одним из показателей состояния проблемы являются данные о потреблении спиртного крестьянским населением. В деревне алкоголь употребляли значительно меньше, чем в городах. Душевое потребление хлебного вина (водки) в начале XX в. составляло в деревне – 1,2 ведра, а в городе на каждого взрослого мужчину в год приходилось около 4 ведер сорокоградусной. В Воронежской губернии (1902 г.) душевое потребление алкоголя в городах исчислялось объемом в 1,16 ведра (8,92 р.), в уездах – 0,41 ведра (3,10 р.)¹¹⁷⁸. Можно утверждать, что сельское население вело преимущественно трезвый образ жизни. Доля лиц среди крестьян, имевших пагубное пристрастие к вину, была незначительной. Митрополит Вениамин (Федченков) в своих воспоминаниях о детстве в тамбовской губернии утверждал, что пьяницы в селе были явлением редким¹¹⁷⁹. Большой знаток сельского быта, Н.М. Астырев в работе «В волостных писарях» (1898 г.) писал: «Пьяниц в крестьянском миру очень мало, один два на сотню, наоборот, 8 – 10 на сотню найдется совсем не пьющих»¹¹⁸⁰. В результате обследования 20 селений (20 тыс. душ) Пензенской губернии, проведенного Д.Н. Вороновым в 1912 г., алкоголиков было обнаружено менее 40 человек¹¹⁸¹. Такое положение вещей подтверждается данными тамбовской земской статистики. Количество умерших от пьянства, в уездах губернии, в период с 1883 по 1905 гг. колебалось от 222 до 141 человека в год¹¹⁸². Так что миф о поголовном пьянстве русской деревне и вечно нетрезвом «Иване» не соответствует исторической действительности.

Крестьяне в своих суждениях справедливо оценивали пагубность пристрастия к винопитию. В русских пословицах четко отразилась зависимость поведения человека от меры употребленного спиртного. «Выпьешь много вина, так убавиться ума», «Вино человека сперва веселит, потом безумным творит»¹¹⁸³. Правовед М.И. Зарудный в исследовании о крестьянских судах приводит пример приговора

¹¹⁷³ ГАТО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 4103. Л. 61.

¹¹⁷⁴ Там же. Л. 6.

¹¹⁷⁵ Там же. С. 53.

¹¹⁷⁶ Библиотека РГАИ. Всеподданийший отчет Воронежского губернатора за 1891 год. Л. 18об.

¹¹⁷⁷ Там же. Всеподданийший отчет Орловского губернатора за 1894 год. Л. 5–6.

¹¹⁷⁸ Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 г. Воронеж, 1905. С. 93.

¹¹⁷⁹ Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже веков. М., 1994. С. 70.

¹¹⁸⁰ Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1898. С. 268.

¹¹⁸¹ Воронов Д.Н. Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения: обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 г. Пенза, 1913. С. 31.

¹¹⁸² Подсчитано по: Обзор Тамбовской губернии за 1883 – 1905 гг. Тамбов, 1884 – 1907.

¹¹⁸³ Пушкирев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам. XVII – XVIII вв. М., 1994. С. 90.

волостного суда. «Пьянство суть дьявольское наваждение, чрез него-то все худое происходит, все самые гнусные пороки. Человек, расслабленный пьянством, не имеет той душевной силы, которая вела бы его путем чести, закона и правды. От водки у человека тупеет память, он теряет рассудок и силы до того, что он не имеет ни сил, ни разума располагать своим семейством и хозяйством. Пьяница не может исполнять перед обществом и церковью лежащие на нем христианских и гражданских повинностей»¹¹⁸⁴. В крестьянском сознании неумеренное потребление вина являлось грехом, пристрастием порочным, поведением пагубным для человеческой души.

Жители села твердо знали, что семейный лад и хозяйственный достаток возможны только при трезвом образе жизни. В Воронежской губернии общество села Никольского в числе 329 человек 28 мая 1882 г. приговорили в целях уменьшения пьянства и сопутствующим ему пороков (воровства, ссор, драк и т.п.) питейные и трактирные заведения закрыть с 1 июня 1882 г. по 1 января 1883 г.¹¹⁸⁵ Пьяницы приносили много горя своим семейным. В пьяном виде они дебоширили и считали своим долгом колотить жен. По сведениям В. Птицына, изучавшего деятельность волостных судов Саратовской губернии в конце XIX в., они часто без жалоб и заявлений привлекали к суду и наказывали пьяниц, «для примера и страха другим». Так, крестьянина З. за пьянство и неплатеж податей и крестьянина О. за пьянство и буйные поступки приговорили к наказанию розгами.¹¹⁸⁶ Сельское общество не оставалось безучастным в тех случаях, когда глава семейства пропивал семейное имущество, что грозило потерей тягоспособности крестьянского двора. По сведениям крестьян: «Пьяница, пропивающий имущество, жестоко осуждается. За мотовство и пьянство, когда на это жалуются начальству – предают волостному суду»¹¹⁸⁷. Отзываясь о бесхозяйственном мужике, односельчане говорили, что «был прежде хорошим хозяином, стал пить и разорился». Не редко этой пагубной страсти были подвержены целые селения. В Ястребинской волости Орловской губернии при наделе 2,3 дес. на душу, один кабак приходился на 552 работника и число разоренных хозяйств составляло 6,3 %. Рядом в соседней Становлянской волости при одинаковом качестве земли и большем наделе в 2,5 дес. на душу, на одно питейное заведение в среднем приходилось на 123 местных жителя и хозяйства, пришедшие в упадок, составляли 23,2 %¹¹⁸⁸. Это данные относятся к началу 1880-х гг. Но спустя четверть века, таких печальных свидетельств не стало меньше. В отчете о состоянии Орловской епархии за 1907 г. находим: «За последние два года села и деревни стали неузнаваемы: сами крестьяне мне указывали такие села, которые год назад были нормальными, работающими, религиозными и в течение нескольких месяцев развратились в конец, разорились на вино и представляют собой сборища полоумных, ленивых и жестоких людей»¹¹⁸⁹.

Уникальным явлением отечественной истории стало трезвенное движение начала XX в. Не по принуждению сверху, а напротив, вопреки, сопротивлению власти, тысячи сельских обществ по добровольному почину отказывались от употребления спиртного. Мужики, как в то время говорили, давали зарок не пить. Свою поддержку народной инициативы выказала Русская Православная Церковь. В материалах Тамбовской духовной консистории сохранились десятки конспектов проповедей приходских священников, в большинстве которых сельские батюшки неустанно бичевали грех винопития. На страницах епархиального журнала регулярно появлялись статьи, содержание которых должно было помочь сельским священникам в их проповеднической деятельности, направленной на искоренение этого порока. Священнослужители оказывали активную помощь в создании добровольных обществ трезвости. К 1914 г. в приходах Курской губернии действовало 112 обществ трезвости (из них городских только 15). Наибольшую активность проявляли общества памяти святителя Иосафа в с. Кошары Белгородского уезда, имени Николая Чудотворца в с. Оскольце Старооскольского уезда и др.¹¹⁹⁰ Свою плодотворную роль в антиалкогольной пропаганде среди крестьянства сыграло и национал-патриотическое движение. Черносотенные организации создали в стране тысячи чайных, выступили инициаторами проведения в селах чтений, лекций, бесед, посвященных вреду пьянства. Крестьяне и сами понимали, что трезвость – неперемное условие их просвещения. В брошюре «Что говорят крестьяне о нуждах деревни» (1906 г.), автор приводит высказывание крестьянина о благотворных последствиях трезвого образа жизни. «С

¹¹⁸⁴ Зарудный М.И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874. С. 164.

¹¹⁸⁵ ГАВО. Ф. 26. Оп. 22. Д. 5. Л. 65.

¹¹⁸⁶ Птицын В. Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии. СПб., 1886. С. 86.

¹¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 43.

¹¹⁸⁸ Воейков Д.И. Экономическое положение крестьян в черноземных губерниях. СПб., 1881. С. 7.

¹¹⁸⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 227. Л. 4.

¹¹⁹⁰ Тройно Ф.П. Трезвенное движение в селениях Белгородчины // Материалы для изучения селений России: Докл. и сообщ. шестой рос. науч.-практ. конф. «Российская деревня: история и современность». Ч. 1. М., 1997. С. 27.

помощью Бога, к нам, уже отрезвленным, мало-помалу будет прививаться и всякое книжное просвещение, которое теперь, при винном одурении отлетает от нас, как горох от стены»¹¹⁹¹.

Все дореволюционные исследователи данной проблемы сходились во мнении о том, что сельское пьянство носило обрядовый характер. Корреспондент «Тамбовских губернских ведомостей» в 1884 г. писал: «В храмовые праздники в селах идет поголовное, чрезмерное, продолжительное пьянство, сопровождаемое неприличными играми, плясками и всякого рода бесчинствами». В той же газете за 1900 г. утверждалось, что «с раннего утра до поздней ночи в дни наших престольных праздников только и видишь на селе толпы пьяных компаний в истерзанном виде, в бесшабашном разгуле»¹¹⁹². Добровольные информаторы Этнографического бюро сообщали, что в большие религиозные праздники выпивка в селе – обычное дело. Традиционно «пьяными» днями в селе считались Рождество, Пасха, масленица, престольный праздник. В народе говорили: «Кто празднику рад – тот до свету пьян» или «Без блинов не масленица, а без вина не праздник»¹¹⁹³. «Престольные праздники празднуют так: крестьяне варят пиво (брагу) и покупают водку. Из соседних селений приходят знакомые и родственники, старшие члены семьи обоего пола. К близкой родне ходит и молодежь. Молодые люди напиваться до пьяна стесняются. Тот, кто не принимает участие в праздниках, то считается скаредным»¹¹⁹⁴. Такое описание было дано С. Кондрашовым, жителем Хохловской волости Елатомского уезда Тамбовской губернии, в корреспонденции от 12 мая 1899 г. Традиционное восприятие крестьянами праздника хорошо выразил публицист А. Кычигин. Он писал, что «понятие «праздник» в умах народа соединяется с гулянкой, пьянством и разгулом. Праздники в селе сопровождаются пьянством, усиленным сквернословием, часто буйством, дракой»¹¹⁹⁵.

Даже в условиях богоборческой власти, жесткого атеистического прессинга русские мужики продолжали отмечать выпивкой сельские престольные праздники. Приверженность населения этой народной традиции хорошо выразил селькор из с. Волчкова Гагаринской волости Моршанского уезда Тамбовской губернии. В корреспонденции (1926 г.) он в частности писал: «По обычаю отцов и дедов, в наших сельских местностях в престольные праздники, как, например, Покров, Михайлов день, Микола, Рождество, Масленица и другие крупные праздники проводятся гуляния, т.е. крестьяне по всей округе друг к другу ходят в гости. Угощение приезжих гостей спиртным и другими съестными припасам в течение двух – трех дней такого праздника составляет расхода рублей 20. Говорят, что меньше никак нельзя, так как это происходит по обычаю отцов и дедов. А если не принять гостей или принять и плохо угостить, то говорят, осудят со стороны, и так из года в год, из праздника в праздник»¹¹⁹⁶.

Без спиртного не обходилось ни одно семейное событие будь-то свадьба, крестины, похороны. Ради экономии свадьбы крестьяне стремились приурочить к храмовому или двенадцатому празднику¹¹⁹⁷. Все предсвадебные обряды: сватовство, смотрины, запой и т.д. сопровождалась обильной выпивкой. Об отце, просватавшего дочь, в деревне говорили, что он пропил – девку. В предсвадебный пир – «запой», невестину родню угощали до хмеля. Величайшей честью для хозяев было то, что гости уходили пьянее пьяного. Сама сельская свадьба редко обходилась без пяти ведер вина и превращалась трехдневную пьянку¹¹⁹⁸. Священник А. Кудрявцев из Курской губернии в ответе на анкету Этнографического бюро в 1899 г. сообщал: «Свадьба обходится в 60 р. Самый бедный крестьянин покупает на свадьбу 4 – 5 ведер водки. Обильная попойка при браке поддерживается отчасти крестьянским самолюбием, старанием не ударить лицом в грязь, показать себя особенно перед новой родней, перед людьми другого прихода, другой местности: «смотри, дескать, как мы гуляем»¹¹⁹⁹. Стремление крестьянина гульнуть на «широкую ногу», отметить праздник «не хуже, чем у других» являлось доминантой в повседневном поведении крестьянина.

Пили в селе на проводах в армию. Молодые люди, уходившие в солдаты, несколько дней подряд собирались друг у друга по очереди, пили водку и развлекались. Иногда, такие гулянки заканчивались драками и увечьями. Крестьяне к выходкам «годных» относились снисходительно, считая, что новобранцы имеют право хорошо погулять в последние дни перед службой¹²⁰⁰. Вот как описано гуляние

¹¹⁹¹ Сурин М. Что говорят крестьяне о нуждах деревни. М., 1906. С. 44.

¹¹⁹² Тамбовские губернские ведомости. 1884. № 4; То же 1900. № 108.

¹¹⁹³ Быт великорусских крестьян-земледельцев. Описание материалов этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. М., 1993. С. 75, 280.

¹¹⁹⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2032. Л. 2.

¹¹⁹⁵ Кычигин А.В. В конце XIX века // Странник. 1897. № 2. С. 40.

¹¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 396. Оп. 4. Д. 1. Л. 305.

¹¹⁹⁷ ГАТО. Ф.181. Оп. 1. Д. 1835. Л. 163об.

¹¹⁹⁸ Тамбовские епархиальные ведомости. 1899. № 5. С. 114.

¹¹⁹⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 686. Л. 16, 17.

¹²⁰⁰ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. С. 247.

рекрутов в Карачаевском уезде Орловской губернии информатором Морозовым. «Пьют сначала на свои деньги, бывая сегодня у одного, завтрак у другого, заходят гостевать к родным и близким, знакомым, которые тоже угощают. На последних днях дают общественные деньги по 3 р. на брата, почему пьянство и веселье «гожих» в последние дни доходит до своего максимума. В городе во все время пребывания пьют и ходят с гармошкой в руках по улице. «Хожалый (т.е. городской) не зымай, а не то в морду, царю идем служить!»¹²⁰¹. Традиция проводов в армию сохранилась и в послереволюционный период. Приводимый далее пример показывает, что проводы в Красную Армию в советской деревне практически ничем не отличались от гуляния «годных». Из сообщения в «Крестьянскую газету» за 1925 г.: «В селе Чуланово Борисовской волости Грайворонского уезда Курской губернии председатель сельсовета сказал призывникам, чтобы они справили вечер в честь ухода их в армию, и для этого он предложил им сложиться рублей на 20 и купить самогонку, тем самым хорошо погулять ночью. Ребята все согласились, купили самогон и пошли до одного кулака, где пили и сидели до часу ночи»¹²⁰².

Возвращение крестьян с отхода также являлось традиционным поводом для сельского пьянства. Корреспондент «Тамбовских губернских ведомостей» в 1883 г. сообщал, что в селе Лесное Конобеево, Шацкого уезда «по возвращению из отхода и разделение барышей начинается пьянство. Крестьянин собирает своих родных и близких знакомых, покупает ведро водки и угощает, поят даже детей. Напившись, хозяин идет со всеми в трактир пить чай и пиво. Таким образом, пьют до тех пор, пока не пропьют весь заработок, доходящий до 100 р. на каждого»¹²⁰³.

Наиболее распространенным поводом для выпивки в селе являлся магарыч. В Толковом словаре В. Даля он определяется как – «угощение, срыв при сделках или продажах, род взятки»¹²⁰⁴. Сельский учитель Н. Бунаков, в своих наблюдениях отмечал: «Мужик любит выпивать на даровщинку. Он охотно напивается при сдаче общественной рыбной ловли – на счет съемщика, при заключении условий на какую-нибудь работу, целым обществом – на счет нанимателя, при найме общественного пастуха – за счет общества и т.п.» По своей натуре русский мужик был скуп, но это не касалось «шальных» денег. Крестьянин охотно пропивал всякий неожиданный доход, не вошедший в хозяйственный расчет. Это могла быть пятерка, полученная от землевладельца после молотбы хлеба или червонец, вырученный за несколько копен сена, оставшегося при дележе укоса на общественном лугу. Особенностью крестьянской психологии можно объяснить и тот факт, что мужики охотно подражались работать за выпивку. Крестьянин понимал, что заработанные деньги он пропить не решится, пожалеет, а употребить магарыч – это иное дело. Это и толкало мужика продавать свой труд за бесценок. Так, за обмолот 100 копен, наниматель ставил вина рублей на 9 – 10, тогда как за деньги эта же работа ему бы обошлась не меньше, чем в 25 – 30 р.¹²⁰⁵

Большинство исследователей русской деревни, не без основания, обращали внимание на такое явление как пьянство сельского схода. Коллективная пьянка на сходе в русской деревне была обыденным явлением. Благочинный 7-го Тамбовского округа сообщал в духовную консисторию (1908 г.) о том, что мирские сходы и всякие заседания по общественным делам начинаются и заканчиваются попойкой¹²⁰⁶. Решение мирских проблем всегда создавало множество поводов для массового пьянства. На сельских сходах пили в случаях: избрания на должность, найма пастуха, раздела полей и лугов, сдачи в содержание мостов и кабаков, сдачи в аренду мирских земель, наложения штрафов, учета недоимок¹²⁰⁷. В понятии крестьян сложилось представление, что быть на сходе и не пить водки – нельзя. Не пить водки кому-либо, участвующим в сходке, значит, отделится от общества, не разделять его взглядов¹²⁰⁸. Справедливую оценку таким «пьяным» решениям сходов дал писатель – демократ Н.М. Астырев. Он в частности писал: «Желание выпить миром приводит к тому, что сход делает невероятные вещи: отдает за бесценок мирскую землю, пропивает в виде штрафов чужой стан колес, закабаляется за гроши, прощает крупную растрату мошеннику-старосте»¹²⁰⁹.

Вино являлось неременным атрибутом сельского правосудия. В условиях отсутствия оплаты труда членов волостного суда, каждая сторона считала своим долгом поблагодарить тех, кто тратил время для разрешения спора. В материалах комиссии Любошинского таких свидетельств множество. «Выйдут из суда, зайдут в питейный, вино ставит виноватый, а иногда обе

¹²⁰¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1107. Л.

¹²⁰² ГАРФ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 6. Л. 87.

¹²⁰³ Тамбовские губернские ведомости. 1883. № 18.

¹²⁰⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979.

С. 288.

¹²⁰⁵ Бунаков Н. Сельская школа и народная жизнь. СПб., 1906. С. 46, 47.

¹²⁰⁶ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 9.

¹²⁰⁷ Тамбовские губернские ведомости. 1882. № 103.

¹²⁰⁸ Мордвинов С. Указ. соч. С. 48.

¹²⁰⁹ Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1898. С. 368.

стороны, обыкновенно – четвертую (1/2 ведра); распивают вино правый и виноватый вместе, чтобы друг на друга зла не держать, подносят свидетелям, потому что они за них хлопоты приняли, а если случается кто-либо из судей, или старшина, или писарь, то и их угощают». Все эти, порой изрядные возлияния, имели место после судебного разбирательства. Крестьяне заявляли, что «на вине не мирят», «вина на суде не пьют», а «угощают судей водкой после суда»¹²¹⁰. Вино часто играло роль отступного в деревенских спорах и конфликтах. Правый или потерпевший назначал виноватому то количество вина, за которое он соглашался помириться. «Ставь вино, а то хуже будет, суду пожалуюсь». Обычно сходились на 1/4 или 1/2 ведра¹²¹¹. Женихи соседних деревень выставляли водку местным парубкам за то, чтобы они не препятствовали им гулять с их девушками. В повседневных взаимоотношениях использовали спиртное в тех ситуациях, когда денежный расчет в силу сложившихся традиций был не возможен. И в этих случаях водка служила формой благодарности за работу или услугу, играла роль «отступного», являлась средством примирения в сельских ссорах.

Среди причин сельского пьянства следует выделить, наряду с другими, и психологический фактор. Еще земская статистика заметила, что пик потребления алкоголя в русской деревне приходился на окончание сельскохозяйственных работ, на это период приходилось и наибольшее количество сельских свадеб. По всей видимости, выпивка для крестьян являлась единственно доступным удовольствием, дававшим возможность на время забыть обычную тяготу и неприглядность жизни. «Ведь как мы работаем! – Ну, тоже и праздновать хочется. А как нам праздновать? В городе у вас киятры (т.е. театры) разные, музыка, катанья да гулянья, – а у нас какое веселье? Выпьешь бутылочку, зашумело в голове – вот и весело, вот и все наше мужицкое веселье!!!»¹²¹²

Регулярно водку в селе пили единицы, как правило, сапожники, кузнецы, отходники, т.е. лица не связанные с аграрным трудом. Для большинства крестьян употребление алкоголя определялось не склонностью к выпивке, а общественными обычаями. В деревне не пили в будние дни, особенно в страдную пору. Крестьяне практически не пили в постные дни (среду и пятницу), так как это в деревне считалось большим грехом. Посты, особенно Великий и Успенский, соблюдались строго и мужики в эти дни водки не употребляли¹²¹³. В подтверждение сказанному можно привести данные земской статистики по Воронежской губернии за 1901 г.¹²¹⁴ В таблице приводится потребление спирта населением губернии по месяцам 1901 г. (объем выражен в ведрах):

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
118 100	82 000	52 800	101 400	103 800	77 000
Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
73 200	98 500	141 900	183 300	132 800	96 200

Из приведенной таблицы видно, что потребление алкоголя сокращается в июне – июле, что объяснимо проведением сельскохозяйственных работ, увеличивается в августе – ноябре, и стремительно падает в декабре (Рождественский пост), имеет минимальное значение в марте, т.е. в период Великого поста.

Употребление алкоголя в русской деревне было неравномерным в течение года, что зависело от аграрного календаря, времени постов и т.п. В связи с этим интересно наблюдение земского врача В.И. Никольского, который в частности писал: «Мужик так же редко видит водку, как и мясо, и так же набрасывается на нее со всей жадностью. Обыкновенный мужик пьет водку, может быть десять дней в году, но зато уже пьет вволю, до пьяна, пропивает такие деньги, на которые он мог бы быть сыт продолжительное время»¹²¹⁵. В этом следует видеть проявление психологии русского мужика. Как надрывался пахарь в поле до разрыва жил, так он и пил вино, на полную катушку, до беспамятства.

Рассматриваемая проблема имела и ярко выраженный социальный аспект. Размер расходов на приобретение спиртного в бюджете крестьянских хозяйств находился в прямой зависимости от их хозяйственного положения. В Лихвинском уезде Калужской губернии (1898 г.) в беспосевных хозяйствах затрачивалось на водку – 5 р., в хозяйствах с посевом до 3 дес. – 6 р., с посевом от 3 дес. – 10 р. Исследо-

¹²¹⁰ Земцов Л.И. Волостные суды Центрального Черноземья в начале 70-х гг. XIX в. // Исторические записки. Воронеж, 2000. Вып. 6. С. 76.

¹²¹¹ Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. СПб., 1877. Т. 1. С. 383.

¹²¹² Бунаков Н. Указ соч. С. 98.

¹²¹³ Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 114.

¹²¹⁴ Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 г. Воронеж, 1905.

С. 93.

¹²¹⁵ Никольский В.И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Тамбов, 1885. С. 38.

ваниями начала XX в деревне была выявлена четкая дифференциация – зажиточные и бедняки пили много, хотя и по разным причинам, а середняки – крайне умеренно, считая водку помехой для хозяйствования. Пьянство зажиточного крестьянина служило в деревне предметом зависти: «Вот он и пьет, а все у него есть». Бытовому пьянству были подвержены, прежде всего, социальные низы деревни – бедняцкие и маломощные хозяйства. Земские статистики вывели закономерность, которая заключалась в том, что чем меньше земли у крестьян, тем выше в данной местности потребление алкоголя. В исследовании В. Черневского «К вопросу о пьянстве во Владимирской губернии и способах борьбы с ним» (Владимир, 1911 г.) один из корреспондентов писал: «Есть нечего, сеять нечего, думал, думал, не знаю, что и делать, тоска берет, пойдешь, выпьешь полбутылочки, хоть забудешься немного»¹²¹⁶. В большей мере пристрастие к «зеленому змею» были подвержены зажиточные и бедные жители села. Но одни пили, потому что могли себе это позволить, то другие от жизненной неустроенности.

Пагубное пристрастие к спиртному распространялось в крестьянской среде по причине возросшей социальной мобильности сельского населения. Процесс модернизации, сопровождающийся ломкой патриархальных устоев, наряду с позитивным началом, вносил в жизнь села далеко не лучшие черты городского быта. В условиях потери социальных ориентиров, маргинализации российского общества, алкоголизм выступал вполне закономерным следствием произошедших изменений. Столыпинская аграрная реформа дала новый толчок к пьянству. Наверное, не случайно ее инициатор исключил из созидательного потенциала реформы «пьяных и убогих». Современным исследователям, которые так восторженно оценивают ее результаты, не следовало бы забывать, что среди этих 25 % «укрепленцев» были и те, которые пропили свои наделы немедленно по выходу из общины.

Сухой закон в России был введен в 1914 г., после начала Первой мировой войны. Искоренить употребление спиртного не удалось, в то же время развилась нелегальная торговля вино-водочными изделиями. В годы войны получило распространение различного рода суррогатов – денатурата, политура, лака, одеколona, активизировалась контрабанда спиртным¹²¹⁷. Но запретительные меры сделали свое дело. Многие исследователи отмечали, годы войны стали для русской деревни времен трезвости. Даже проводы в армию «годных» проходили в деревне без традиционных пьяных загулов. С введением сухого закона многие питейные традиции (угощение при найме, как средство отсрочки долгов и т.п.) стали заменяться денежным расчетом. Деревня неожиданно обнаружила спрос на трактора, селекционное зерно и скот. Увеличились вклады сберкассы: с августа 1914 по апрель 1925 гг. деревенские вклады выросли на 261, 7 млн. р., тогда как за тот же период прошлого года только на 6,5 млн. р. Постепенно менялся образ жизни: по данным анкет расходы на свадьбу перестали быть разорительными, сократившись в 10 – 15 раз только за счет спиртного¹²¹⁸. Повсеместно отмечалось снижение хулиганства, улучшение семейных отношений, пробуждения тяги к знаниям, интереса к общественным делам¹²¹⁹. Произошедшие перемены были отмечены сельским духовенством. «Заккрытие казенных лавок привело к отрезвлению народа, а вместе с тем выдвинула вопрос заполнения досуга. Вместе с пьянством в паразитической степени сократилось и хулиганство» – сообщали из курской епархии в 1915 г.¹²²⁰

Революционная эпоха принесла в деревню новый всплеск пьянства. В годы революционной стихии среднедушевое употребление алкоголя по сравнению с 1903 г. выросло в стране на 12,72 %, сократившись к 1908 на 3,3 %. Нередко погромы барских усадеб во время аграрных беспорядков сопровождались повальным пьянством. Например, в донесении министру юстиции от 9 марта 1905 г. о разгроме орловскими крестьянами экономии Великого князя Сергея Александровича сообщалось следующее: «Разгромили винный склад, спирт расхищали ведрами, корытами, бочонками, кувшинами, пили ею на месте и пили без меры, вследствие чего четверо крестьян умерло тут же около склада»¹²²¹. И такие примеры можно было бы приводить и далее. Борьба за освобождение от эксплуататорского гнета частью общества была воспринята как свобода от нравственных норм и время разгула низменных страстей. События 1917 г. способствовали моральной деградации общества и алкоголизации населения страны, но это уже тема специального исследования.

Традиции общинного уклада, консерватизм крестьянской жизни, интересы собственного хозяйства – все это факторы, которые удерживали крестьянство от повального пьянства. Пагубному пристрастию в селе были подвержены в основном лица, утратившие связь с аграрным трудом. Социальные катаклизмы начала века, возросшая мобильность сельского населения, модернизация страны в целом вели к

¹²¹⁶ Цит. по: Озеров Х.С. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914. С. 70.

¹²¹⁷ Гернет М.Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927. С. 152.

¹²¹⁸ См.: Такала И.Р. «Веселие Руси». История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002. С. 170.

¹²¹⁹ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120а. Л. 43.

¹²²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2648. Л. 23.

¹²²¹ Там же. Ф. 1405. Оп. 108. Ч. 2. Д. 6811. Л. 10.

ломке традиций крестьянского мира. Рост девиантного поведения крестьян, во всех его проявлениях, стал закономерным следствием утраты привычных жизненных ценностей, увеличения доли маргинальных слоев. Ослабление религиозных чувств в крестьянской среде также сыграло свою пагубную роль. Это в первую очередь касалось сельской молодежи. Она в большей мере оказалась подвержена ложным представлениям, воспринимало вино и последующее хулиганство как свидетельство собственного удалства, как демонстративный вызов традициям и нравам старшего поколения.

Аборт. Детоубийство

В определенной мере показателем нравственной атмосферы русского села могут служить действия, нарушающие принципы христианской морали. Согласно церковному уставу за вытравливание плода зельем или с помощью бабки-повитухи накладывалась епитимья сроком от 5 до 15 лет. В дореволюционной России аборт был юридически запрещен. По уложению о наказаниях 1845 г. плодоизгнание было равносильно детоубийству и каралось каторжными работами сроком от 4 до 10 лет. Говорить о числе абортов в дореволюционный период чрезвычайно сложно, статистика их фактически не велась. За период с 1897 по 1906 гг. в России в истреблении плода было обвинено 184 женщины, из них осуждено 76¹²²². В период с 1910 по 1916 гг. число осужденных за плодоизгнание в год составляло от 20 до 51 женщины. Безусловно, эти цифры не отражали истинного масштабов данного явления. В действительности случаев искусственного прерывания беременности было значительно больше. Статистика может сказать о многом, но, наверно, важнее понять мотивы, толкавшие женщину на поступок, который трудно признать обыденным. При всей своей неординарности это явление тоже деревенской жизни, ее скрытой стороны.

Тяжела была в селе участь согрешившей девушки. Страх позора от родных и односельчан толкал некоторых из них к уходу из жизни. Другие находили выход в том, что тщательно скрывали результат греха искусственным подтягиванием живота. Накануне ожидаемых родов такая девица находила повод уехать из деревни и, если это удавалось, разрешалась родами вдали от дома и там же побрасывала ребенка живым или мертвым¹²²³. Иные, обнаружив «интересное положение», пытались вызвать выкидыш. По сообщениям корреспондентов тенишевского бюро, чтобы «выжить» ребенка в деревне перетягивали живот полотенцем, веревками, поперечниками, клали тяжести, били по нему и т.п.¹²²⁴ Помимо приемов механического воздействия, для вытравливания плода в деревне употребляли (часто с риском для жизни) различные химикаты. «Изгнание плода практиковалось часто, – признавал в корреспонденции В.Т. Перьков, информатор из Болховского уезда Орловской губернии, – к нему прибегали девицы и солдаты, обращаясь для этого к старухам-ворожейкам. Пили спорынь, настой на фосфорных спичках, порох, селитру, керосин, сулему, киноварь, мышьяк»¹²²⁵. Традиция использовать услуги деревенских «эскулапов» для прерывания беременности сохранялась в 20-е гг. XX в. В книге о нравах сельской молодежи, изданной в 1926 г., автор писал: «За последние два года аборт в деревне стали обычным явлением. Этим делом занимаются женщины без всякого медицинского образования, но с богатой практикой по этой части. Аборт производится самым примитивным способом: путем прокалывания матки или употребления хины»¹²²⁶.

В крестьянских представлениях аборт, по степени греховности, приравнивался к убийству («загубили ведь душу») и влек за собой самое страшное наказание («в бездну за это пойдешь»). Девушка, совершившая убийство младенца во чреве, подвергалась большему осуждению, чем родившая без брака. «Убить своего ребенка – последнее дело. И как Господь держит на земле таких людей, уж доподлинно Бог терпелив!» – говорили крестьяне¹²²⁷. Правда, в отдельных местностях, например, в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии отношение к прерыванию беременности было не таким строгим. «Как сами матери, так и весь народ относится к аборту легкомысленно, не считая это большим грехом», – писал Каверин в своей корреспонденции от 1 февраля 1900 г.¹²²⁸

Октябрьская революция и установление советской власти в деревне вызвали глубокие перемены в жизни села. Постановление наркомата юстиции и здравоохранения от 18.11.1920 г. аборт в Советской России бы-

¹²²² Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911. С. 67.

¹²²³ Мурин В. Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1926. С. 95.

¹²²⁴ Попов Г. Указ. соч. 327.

¹²²⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 6.

¹²²⁶ Мурин В. Указ. соч. С. 98.

¹²²⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 6.

¹²²⁸ Там же. Л. 5.

ли легализованы. Семейно-брачный кодекс 1926 г. утвердил право женщины на искусственное прерывание беременности. Даже в условиях легализации аборт и борьбы с религиозными предрассудками факты плодоизгнания продолжали оставаться в селе явлением редким. По данным за 1925 г. (10 губерний) число полных аборт на 1000 населения в городах составляла 9,1, а в сельской местности – 0,5. Следует также учесть, что из 100 аборт в сельской местности собственно на крестьянок приходилось лишь 49,6 %. Показательны и мотивы, толкнувшие женщин на этот шаг. По данным Наркомздрава за 1925 г. 33 % пациенток свое обращение за разрешением на аборт объясняли материальной нуждой, 32 – причиной многодетности, а 20 – желанием скрыть беременность. Последняя причина объяснялась боязнью худой молвы. Во взглядах на внебрачные связи российская деревня 1920-х продолжала оставаться на консервативных позициях. Число крестьянок, сделавших аборт с целью скрыть беременность, было вдвое больше чем работниц и втрое, чем служащих. Страх перед осуждением со стороны односельчан толкал некоторых крестьянок на криминальный аборт. По статистике, в середине 1920-х гг. каждый четвертый аборт в деревне делался нелегально¹²²⁹. Иногда «услуги» подпольных абортмахов вели к смерти пациентки. В письме в редакцию «Крестьянской газеты» от 12 ноября 1925 г. автор приводил следующий эпизод. «В с. Павловке Знаменской волости Тамбовской уезда молодая крестьянка Григорьева Александра забеременела, но родить не желала, потому что она не была замужем. Она пошла в другое село Никольское к бабке, которая сделала ей искусственный выкидыш. За что и взяла с нее носильные вещи на сумму 20 р. В результате аборта она заболела и умерла в возрасте 22 лет. Ведется следствие»¹²³⁰.

Деформация нравственных ценностей жителей села в послереволюционный период очевидна. В результате женской эмансипации, которая отчасти коснулась и деревни, наметился отход от женских поведенческих стереотипов. Изменение отношения к искусственному прерыванию беременности стало следствием секуляризации общественного сознания.

Если вытравливанию плода в обыденных суждениях можно было найти какие-то оправдания, то иначе обстояла дело с фактами убийств матерями своих младенцев. Народный обычай признавал убийство женщиной своего незаконнорожденного ребенка столь же тяжким преступлением, как и другие убийства¹²³¹. По наблюдениям Е.Т. Соловьева, «на прелюбодеяние, разврат, детоубийство и изгнание плода народ смотрит как на грех, из которых детоубийство и изгнание плода считается более тяжким»¹²³². Во второй половине XIX в. число таких преступлений в стране возросло. По данным уголовной статистики, за детоубийство и оставление новорожденного без помощи в стране было привлечено к ответственности за 1879 – 1888 гг. – 1481 женщина, за 1889 – 1898 гг. – 2276. В селах этот вид преступления был распространен более широко, чем в городах. Так, в период 1897 – 1906 гг. 88,5 % осужденных за детоубийство проживало в уездах¹²³³. Информаторы Этнографического бюро упоминали, что незаконнорожденные дети чаще всего умирали в первые месяцы после рождения из-за намеренно плохого ухода, по причине «случайного» присыпания. Смертность внебрачных детей была в 2,7 раза выше, чем у законнорожденных младенцев¹²³⁴. Но такие случаи «случайных» смертей не становились предметом судебного разбирательства, а требовали лишь церковного покаяния. Приспать ребенка с точки зрения православной веры считалось большим грехом. Священник налагал на такую мать тяжелую епитимью: до 4000 земных поклонов и до 6 недель поста¹²³⁵.

Одной из причин детоубийств являлась крайняя нужда. Приведем показания крестьянки Матрены К., вдовы 32 лет, дело которой слушалось в 1902 г. в рязанском окружном суде. «Я задушила своего мальчика из-за стыда и нужды; у меня трое законных детей, все малолетние и мне их нечем кормить, так что я хожу побираться Христовым именем, а тут еще новый появился ребенок»¹²³⁶. Боязнь худой молвы и страх перед родными толкали женщин на преступление. Обвиняемая крестьянка Анастасия Г., привлеченная к ответственности в 1908 г., признала себя виновной и объяснила, что, будучи замужней, забеременела во время продолжительной отлучки мужа от постороннего мужчины. Еще, будучи беременной, она решила убить ребенка и спрятать труп¹²³⁷. Следует признать, что убийство матерями младенцев не было в деревне событием исключительным. Возьмем сведения по одной Курской губернии и

¹²²⁹ Аборты в 1925 г. М., 1927. С. 53, 54, 55, 64.

¹²³⁰ ГАРФ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 6. Л. 17.

¹²³¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 6.

¹²³² РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 273. Л. 4об.

¹²³³ Гернет М.Н. Указ. соч. С. 69, 143.

¹²³⁴ Цит. по: Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 201.

¹²³⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 4–5.

¹²³⁶ Гернет М.Н. Указ. соч. С. 292 – 293.

¹²³⁷ Там же. С. 285.

только за один месяц, декабрь 1917 г. Вот выдержки из милицейских сводок: «12 декабря в селе Линове крестьянка Анна Исаева, родив ребенка, закопала его в солому»; «В селе Верхней Сагаровке 17 декабря крестьянская девица Анастасия Коломийцева родила ребенка и закопала его в землю»; «21 декабря в хуторе Казацко-Рученском крестьянка Евдокия Круговая, 19 лет, родив ребенка, закопала его в сарае»¹²³⁸.

Понять мотивы, толкавшие матерей на детоубийство, мне, как исследователю да и просто как человеку, сложно. Наверное, это проблем все же удел судебной психиатрии. Я не склонен драматизировать ситуацию, в которой оказывалась сельская женщина, прижившая ребенка. Сельские традиции все же оставляли для таких женщин альтернативу, о чем подробнее будет сказано далее.

Незаконнорожденные дети

Отношение к внебрачным детям было обусловлено патриархальными устоями села. Внебрачные дети считались незаконными, если они рождались у девицы или вдовы и не были узаконены через последующий брак. Рождение детей вне брака в деревне сурово осуждалось. Позор и признание односельчан грозили женщине, родившей ребенка вне брака. Внебрачные дети были сельскими париями. Их называли: «выгонок», «половинкин – сын», «сколотный», «семибатькович», «выблядок», «ублюдень» и т.п.

Незаконнорожденные дети в деревне являлись во многом результатом самого сельского быта. По свидетельству А. Михеевой, жительницы Орловского уезда, таких детей имели большей частью солдатки, вдовы молодые, девицы, находящие в услужении¹²³⁹. Деревенскому корреспонденту вторит представитель просвещенного общества: «Ужаснейший обычай в крестьянстве женить своих детей до поступления на военную службу – обычай, происходящий от необходимости иметь лишнюю работницу, – является источником больших несчастий. Солдатки, в громадном большинстве случаев, ведут жизнь страшно развратную. Понятно, что муж таковой, вернувшись, тот час же узнает про это и начинает жену наказывать, т.е. бить. Еще хуже бывает, если он находит прижитых ею за это время детей»¹²⁴⁰. Но не будем столь строги к бедным солдатским женам. Многие в их безнравственном поведении объясняет следующая пространная выдержка из корреспонденции орловского информатора Этнографического бюро: «Выходя замуж в большинстве случаев, лет в 17 – 18, к 21 году солдатки крестьянки остаются без мужей. Крестьяне вообще не стесняются в отпращивании своей естественной потребности. Не от пения соловья, восхода и захода солнца разгорается страсть у солдатки, а оттого, что она является невольной свидетельницей супружеских отношений старшей своей невестки и ее мужа. Всколыхнет и в ней чувство, и за эту вспышку она дорого заплатит. Даже иногда ценой всей жизни. Родится ребенок и родится как-то не вовремя. Вычисления кумушек не совпадут ни с возвращением мужа из солдат, ни временной побывкой его. Злословие не пощадит такую мать, ее мужа и ребенка. Это и будет причиной всех мучений жизни ребенка и его матери. Еще только чувствуя его, мать уже проклинает ребенка как вещественное доказательство ее вины. Кто знает, может быть, именно та ночь, которую она провела в коноплях с первым попавшимся парнем, была последним счастливым мигом в ее жизни. Она знает, что у нее уже не будет ни одного счастливого дня. Вечные попреки и побои мужа, насмешки домашних и соседей, если и не сведут ее преждевременно в могилу, то мало утешительного дадут в ее жизни. И родится на свет божий ни в чем не повинный ребенок с проклятиями. Он никого не любит из своих родных, да и те дают ему почувствовать, что он представляет что-то особенное от остальных детей. Инстинктивно он ненавидит своего отца, так как его тятка не усомнится назвать его «выблядком», а с ранних лет начинает смутно осознавать, что тятка ему не отец. Мать же, единственное лицо, могущее согреть его своей любовью и сделать из него равноправного члена деревни, вечно униженная, боится даже приласкать его и возбуждает в нем только сожаление, вместо детской святой и горячей любви»¹²⁴¹. Думаю, что этот документ не нуждается ни в каких комментариях.

Много ли было в селе рождений вне брака? Очевидно одно, что «прижитые» дети в городе рождались чаще, чем в деревне. Обратимся к данным моральной статистики. По сведениям за 1898 г. в Воронежской губернии родилось детей – 145 007, из них в уездах – 139 801, в городах – 5126, в том числе незаконнорожденных

	в	уездах	–	902
(0,7 %),	в	городах	–	477 (9 %) ¹²⁴² .

В этом же году в Тамбовской губернии в уездах зарегистрировано 796 незаконнорожденных (0,6 %) на 128 482 рождений, в то время как в городах рожденных вне брака было 598

¹²³⁸ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 198. Л. 20, 21.

¹²³⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1316. Л. 8.

¹²⁴⁰ Новиков А. Указ. соч. С. 212.

¹²⁴¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1027. Л. 5.

¹²⁴² Никольский П. Интересы и нужды епархиальной жизни. Воронеж, 1901. С. 70.

(6,3 %) из 9455 рожденных детей¹²⁴³. Приведенными цифрами следует оперировать осторожно, так как некоторые крестьянки, как говорилось выше, предпочитали рожать таких детей в городах. Не следует забывать и о крестьянках, работающих в городах в качестве прислуги, кухарок и т.п.

В селе не было обычая взыскивать содержание с отца, прижившего ребенка, и таких детей кормила мать. Внебрачные дети не получали никакой материальной помощи от государства и общины, однако при достижении совершеннолетия такие дети мужского пола при наличии земли получали надел¹²⁴⁴. Следует отметить, что права незаконнорожденных детей имели региональные особенности. В Тамбовской и Воронежской губерниях за ними признавались все права членов того общества, к которому принадлежит их мать, т.е. право на земельный надел и участие в сходе. В Курской губернии не признавалось право на землю, только по факту их принадлежности к обществу, для этого требовался мирской приговор. В некоторых местах Орловской губернии они пользовались правами личными, но были ограничены в праве по наследству и праве пользования мирской надельной землей¹²⁴⁵. В ряде мест к рождению незаконнорожденных относились снисходительно. «Царь не может реку остановить, а молодой человек не может свою кровь унять, когда она разлутается», «Царь не волен в ветрах, а человек в своей плоти»¹²⁴⁶. Незаконнорожденных детей часто усыновляли. Через усыновления вчерашние сельские парии обретали полноправный статус члена сельской общины. Таким образом, традиции и обычаи русской деревни обеспечивали большую правовую защищенность детям, рожденным вне брака, нежели официальный закон. Деревенская повседневность в своем историческом развитии выработала правила и традиции, которые были гуманнее положений официального законодательства.

ПЛОТСКИЙ ГРЕХ

Первое знакомство крестьянских детей с миром сексуальных удовольствий происходило чрезвычайно рано. Для того, чтобы успокоить кричащего младенца, деревенская баба сосала ему пенис. Близость сельского бытия к живой природе позволяла юному взору наблюдать картины бесконечных совокуплений «братьев меньших», будь то «собачьи свадьбы», «топанье» кур или «покрытие» коров. Совместное мытье в бане и купание в реке давали возможность наглядно узреть отличия определяющие деление на баб и мужиков. В условиях скученности проживания, тесноты крестьянской избы половые отношения родителей были лишены должной интимности. Не будем забывать и о том, что крестьянские ребятишки были первыми на всех сельских праздниках, свадьбах, гуляньях, где также могли быть вольными и невольными свидетелями непристойных сцен. А деревенские частушки с их похабными сюжетами выступали еще одним каналом сексуальной информации. Представления о «плоде запретном» дополняли рассказы старших товарищей о своих реальных и мнимых любовных подвигах. Через любопытство, а потом и игру со своими гениталиями приходил первый опыт мастурбации. По всей видимости, детский онанизм в селе был явлением достаточно распространенным, и родители не придавали серьезного значения этим шалостям. Правда, оставался еще страх быть застигнутым за этим позорным, как считали в народе, занятием. Да и сельский батюшка, узнав у юного исповедника о его увлечении рукоблудием, внушал отроку о греховности этого порока.

¹²⁴³ Обзор Тамбовской губернии за 1898 г. Тамбов, 1899. С. 52.

¹²⁴⁴ См.: Кузнецов Я. Положение членов крестьянской семьи по пословицам и поговоркам. СПб., 1904. С. 90.

¹²⁴⁵ Бородаевский С. Незаконнорожденные в крестьянской среде // Русское богатство. 1898. № 10. С. 240–241.

¹²⁴⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1316. Л. 8.

Наступление половой зрелости парней не сопровождалось в деревне специальными обрядами. Появление вторичных половых признаков у парня являлось для родителей и соседей наглядным свидетельством того, что он уже вырос и стал женихом. В селе Злынь Болховского уезда Орловской губернии о своем сыне отец с гордостью говорил соседу: «Вишь, мой Ванюха, то уж за девками шкрыть увчал. Вот, де какого уж вырастил». А если он сердился, то мог прикрикнуть: «Лучше б лапоть ковырял, чем п...у»¹²⁴⁷.

В женской обрядности села наступление первой менструации у девушки сопровождалось определенным ритуалом, имевшим символическое значение. На девочку надевали рубашку матери, в которой та «носила первая кровь». Делалось это для того, чтобы у дочери были дети, как у матери»¹²⁴⁸. Свидетельством перехода девицы в разряд невест являлся в ряде русских сел обряд одевания поневы. По обычаю, существовавшему во Владимирской губернии, при первом месячном очищении, подруги выносили «нечистую» девушку на снег и поливали ее водой, а рубаху, бывшую на ней, сжигали¹²⁴⁹.

Сближение полов в деревне происходило в рамках традиционных форм сельского досуга. В летнюю пору сельская молодежь собиралась на «улице», где парни и девки пели любовные песни и вели разговоры, полных недвусмысленных намеков и непристойных шуток. На праздники уходили за околицу, подальше от родительского ока, и там устраивали игры, сопровождавшиеся элементами чувственности (погоней, возней). С наступлением сумерек водили хоровод, во время которого парни брали из круга своих возлюбленных и отводили их в сторону. В Белгородской губернии такое интимное общение называлось «стоганием»¹²⁵⁰. В Данковском уезде Рязанской губернии после окончания хороводов девушки с парнями уходили попарно в «коноплю», «кусты», «за ригу», «в соломку»¹²⁵¹. По наблюдениям Л. Весина: «В Вятской, Вологодской губерниях по окончании хороводов молодежь расходится попарно и целомудрию здесь не придается особого значения»¹²⁵².

После Покрова основным местом встреч деревенских женихов и невест становились посиделки. Девушки в складчину снимали избу, в которой собирались по вечерам якобы для совместной работы. Но, прихваченная из дому прялка, была все же более для родителей, а сама девка спешила на вечерку совсем для иного. Вот как описывал народовед А.П. Звонков поведение сельской молодежи на посиделках в деревнях Елатомского уезда Тамбовской губернии. «Тихо собираются парни кругом избы и разом врываются потом через двери и окна, тушат свечи и бросаются, кто на кого попало. Писк девушек заглушается хохотом ребят; все заканчивается миром; обиженный пол награждается скудными гостинцами. Девушки садятся за донца, но постоянные объятия и прижимания мешают работе. Завязывается ссора, в результате которой ребята-победители утаскивают девушек: кто на полати, кто на двор, кто в сенцы. Игры носят дикий характер, в основе которых лежит половое чувство»¹²⁵³. Знаток обычного права Е.И. Якушкин сообщал, что «во многих местах на посиделках, беседах и вечеринках, по окончании пирушки, девушки и парни ложатся спать попарно. Родители смотрят на вечеринки как на дело обыкновенное и выказывают недовольство, только если девушка забеременеет»¹²⁵⁴. Часто на посиделках устраивались игры, большинство из которых носило сексуальный подтекст. Приведем лишь пример игры «покойник». Парни в избу вносили «покойника», который был либо совсем голый, либо прикрыт сетью, рваньем, полупрозрачным саваном, либо был без штанов, или с расстегнутой ширинкой. Девушек насильно подтаскивали к такому «покойнику», чтобы они увидели гениталии и заставляли их целовать его лицо или другое место¹²⁵⁵. В деревнях Саратовской губернии, по наблюдениям А.Х. Минха, «после посиделок девки оставляли парней ночевать. Ложась с избранными парубками, они позволяли им себя целовать, но до греха дело доходило редко»¹²⁵⁶. Этнограф В.П. Тихонов, проводивший исследование деревень Сарапульского уезда Вятской губернии, утверждал, что почти все игры местной молодежи имели своим финалом – вступление в половое общение. Нередки были случаи

¹²⁴⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 991. Л. 1.

¹²⁴⁸ Мазалова Н.Е. Состав человеческий: человек: Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001. С. 122.

¹²⁴⁹ Быт великорусских крестьян-землепашцев ... С. 136.

¹²⁵⁰ АРГО. Разряд 19. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1–2.

¹²⁵¹ Семенова-Тянь-Шанская О.П. Указ. соч. С. 37–38.

¹²⁵² Весин Л. Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни // Русская мысль. 1891. Кн. IX. С. 61.

¹²⁵³ Цит. по: Семенов Ю.И. Пережитки первобытных форм отношения полов в обычаях русских крестьян XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 45.

¹²⁵⁴ Якушкин Е.И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. М., 1910. Вып. 1. С. 32.

¹²⁵⁵ Агапкина Т.А., Топоркова А.А. Ритуальное обнажение в народной культуре славян // Мифология и повседневность в антропологических дисциплинах. Материалы науч. конф. СПб., 2001. С. 14.

¹²⁵⁶ Минх А.Х. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. СПб., 1890. С. 110.

ли своим финалом – вступление в половое общение. Нередки были случаи нравственного падения подростков в 14 – 15 лет¹²⁵⁷.

При выборе партнера внимание обращали прежде на физические данные, а потом уже на внешнюю привлекательность. Красотой в деревне признавалось: у мужчин – высокий рост, сила, ловкость, кудри, преимущественно белокурые, белое лицо; а у женщин – средний рост, длинные косы, белое и румяное лицо, средняя полнота и вообще правильное физическое развитие¹²⁵⁸. Вот как одна воронежская девушка описывала подружке внешность своего суженного: «А сам то он ядреный, да личманистый и морда ядреная, да круглая, а по всему обличью, ровно как веснушка пушена»¹²⁵⁹. По свидетельству этнографа «женихи ищут живых, сильных девушек, чтобы бровь была черная, грудь высокая, лицо «кровь с молоком». В ум и характер они редко вглядываются»¹²⁶⁰.

Большое значение имело и поведение молодых во время совместного досуга. Ухаживая за девушкой, парень старался в возможном более ярком и привлекательном свете показать свои достоинства. Особенно ценилась сила и ловкость на работе и в играх. Часто деревенский хлопец стремился выказать себя храбрым и бойким на язык в шутках и прибаутках, почти всегда нецензурного содержания и смелым до нахальства в обращении с другими девушками¹²⁶¹. Задорная девушка, острая на язык и не стесняющаяся в общении с парнями, всегда была в центре внимания местных ухажеров. Пляски под гармонь в селе предоставляли деревенским невестам прекрасную возможность показать себя во всей красе потенциальным женихам.

Высоко ли ценилась девичья честь в русской деревне конца XIX в.? В оценке этнографов нет единства. М.М. Громыко с излишней категоричностью утверждает, что девушки, как правило, строго воздерживались от половых отношений до брака¹²⁶². Напротив, на вольное отношение между полами в своем исследовании обращает внимание исследователь Т.А. Бернштам, которая использовала материалы губерний с развитым отхожим промыслом¹²⁶³. Исследователь С.С. Крюкова, на основе изучения брачных традиций южно-русских губерний второй половины XIX в., делает вывод о том, что потеря девственности в деревне считалась позором. Подобное требование не распространялось на молодых людей. Менее половины парней оставались целомудренными до брака¹²⁶⁴. В этом проявлялся двойной стандарт в оценке добрачного поведения представителей разного пола.

В большинстве деревень черноземных губерний, где еще были сильны патриархальные устои, преобладал традиционный взгляд на эту проблему, половые отношения крестьянки до замужества расценивались как большой грех. Если факт грехопадения девушки становился достоянием сельской гласности, то ослушница ощущала на себе всю силу общественного мнения жителей деревни. Вот как описывал эти последствия корреспондент Этнографического бюро из Орловской губернии: «Подруги относятся к ней с насмешками, и не принимают ее более в хоробы и игры, считая за большой срам водиться с ней, сторонятся от нее как от зачумленной. Парни и молодые мужики насмеваются и позволяют себе разные вольности, все остальные относятся с негодованием, называя распутной, греховодницей и блудницей, которая осрамила всю деревню. Отец и мать ее бьют, проклинают, остальные члены семьи с ней не разговаривают»¹²⁶⁵. Именно боязнь осуждения заставляла деревенских влюбленных заглушать голос плоти. Некоторые из них, правда, действовали по принципу «кто грешит в тиши, тот греха не совершает». Житель села Костино-Отдельце Борисоглебского уезда Тамбовской губернии П. Каверин сообщал: «Между молодежью часто доходит до половой связи. Связи эти чисто минутные. Открытые связи считаются большим позором. Девичья честь ставится невысоко, потерявшая ее почти ничего не теряет при выходе замуж»¹²⁶⁶.

Под влиянием модернизации, возросшей социальной мобильности сельского населения, ломки патриархального уклада деревни на добрачные связи стали смотреть спокойнее. Отец и мать легче соглашались с выбором сына, если он говорил, что между ним и избранницей уже был грех. Чаще стало встречаться вступление в половую связь после сговора, когда «вино выпито». После «запоя» в деревнях

¹²⁵⁷ Тихонов В.П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1891. Вып. 3. С. 136.

¹²⁵⁸ Бондаренко В. Указ. соч. С. 14.

¹²⁵⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 428. Л. 12.

¹²⁶⁰ Звонков А.П. Указ. соч. С. 65.

¹²⁶¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 991. Л. 11.

¹²⁶² Громыко М.М. Указ. соч. С. 96.

¹²⁶³ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. Л., 1988. С. 2, 43, 258.

¹²⁶⁴ Крюкова С.С. Брачные традиции южнорусских губерний II половины XIX в. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 44.

¹²⁶⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 1.

¹²⁶⁶ Там же. Д. 2024. Л. 4.

Моршанского уезда Тамбовской губернии жених не только навещал невесту, но и оставался у нее ночевать. По обычаю это не должно было приводить к интимным отношениям, но как говорили, опрашиваемые старые женщины: «Нельзя-то, нельзя, да не всегда ведь удержишь мужика». Как отмечали старики, такие случаи все же были редки так как, «Бога боялись и боялись нечестной встать перед аналогом»¹²⁶⁷. Страх Божий в русской деревне продолжал оставаться весомой причиной, которая удерживала многих молодых людей от поспешного и опрометчивого шага. Другим мощным регулятором брачного поведения выступало, как уже было сказано выше, общественное мнение. Так, «губитель» девичьей красоты (невинности) навсегда лишался права жениться на другой девушке. Неодобрительно крестьяне относились к ветреным девицам. Девушку, которая часто меняла парней, в селе называли «заблудшей». Полюбить такую девицу было совестно перед товарищами, а женитьба на такой – это стыд перед родней и позор перед миром¹²⁶⁸.

Добропорядочное поведение до брака достигалось посредством обрядовых традиций. До середины XIX в. в русской деревне существовал обычай публичного освидетельствования невинности невесты. После первой брачной ночи с молодой жены снимали рубаху и тщательно ее исследовали. Затем ее со следами дефлорации вывешивали в избе на видное место, а над крышей поднимали красный флаг¹²⁶⁹. К концу века бытование этой традиции этнографами не отмечалось. В Воронежской губернии еще в 80-е гг. XIX в. существовал обычай поднимать молодых. Новобрачная в одной рубахе вставала с постели и встречала свекровь и родню жениха. Такая демонстрация, восходящая своими корнями к языческим верованиям, имела цель публично удостоверить невинность невесты¹²⁷⁰. Тяжелыми были последствия для «нечестной» невесты. Ее родню с бранью выгоняли, саму избивали до полусмерти и заставляли трехкратно ползать на коленях вокруг церкви¹²⁷¹. За потерю чести провинившуюся девушку в деревне наказывали тем, что отрезали косу, пачкали рубаху дегтем и без юбки проводили по улице. После такого позора ее уже никто не брал замуж, и она оставалась в девках.

К процедуре освидетельствования непорочности прибегали в случае, когда репутация честной девушки ставилась под сомнение в результате распушенных по селу слухов. Обычно такая девушка, на которую возвели напраслину, обращалась к защите сельского схода. Староста собирал сельский сход, на котором избирались три женщины добропорядочного поведения. Они божились и проводили осмотр на предмет наличия девственной плевы. Результаты староста оглашал на сходке, а затем десятский обходил все дома и объявлял о том, что девушка на публичном осмотре оказалась честной¹²⁷².

Негативное влияние на нравственную атмосферу села оказывали отхожие промыслы. Рост числа крестьян-отходников способствовал падению нравственности в деревне. Как сообщал писатель В. Михневич, крестьяне, «которые в своем примитивном состоянии всегда твердо придерживались принципов крепкого семейного начала и которые по своей натуре никогда не были расположены к разврату, теперь сильно деморализуются и без стеснения нарушают «седьмую заповедь», когда они прибывали в города в поисках работ»¹²⁷³. Попадая в городской вертеп, знакомясь с доступными женщинами, крестьяне быстро усваивали вкус свободной любви. Крестьянка Орловского уезда А. Михеева, сетуя на падение нравов в селе, признавала, что «мужики как поживут на стороне, то по возвращению заводят любовниц. В разврат пускались часто вдовы и замужние женщины, если муж много старше или в долгой отлучке»¹²⁷⁴.

Деформация нравственных устоев русского села стала особенно заметна в начале XX в. В рапортах, направленных в духовную консисторию тамбовской епархии, благочинных округов, характеризуя состояние деревенской паствы, отмечали: «непристойные песни и пляски», «нравственную распущенность», «разгул и большие вольности», «нарушение уз брачных и девственных»¹²⁷⁵. В отчете в Святейший Синод за 1905 г. курский владыка признавал, что в деревне происходит «ослабление семейных уз, незаконное сожителство, как следствие увеличение числа внебрачных детей»¹²⁷⁶.

Профессиональной проституции в деревне не существовало, в этом солидарны практически все исследователи. По наблюдению информаторов тенишевской программы проституцией в селе промышля-

¹²⁶⁷ Тамбовский областной краеведческий музей. Отдел фондов. Материалы полевой экспедиции 1993 г. Отчет Т.А. Листовой. Л. 8.

¹²⁶⁸ Звонков А.П. Указ. соч. С. 65.

¹²⁶⁹ Кистяков А.Ф. К вопросу о цензуре нравов у народа // Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. Б.М. Б.Г. С. 164.

¹²⁷⁰ Селиванов А.И. Этнографические очерки Воронежского края // Воронежский юбилейный сборник. Воронеж, 1886. Т. 2. С. 86.

¹²⁷¹ Кистяков А.Ф. Указ. соч. С. 167.

¹²⁷² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 6.

¹²⁷³ Михневич В. Язы Петербурга. Опыт историко-статистического исследования. СПб., 1886. С. 332.

¹²⁷⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1320. Л. 3.

¹²⁷⁵ ГАТО. Ф. 181. оп. 1. Д. 2076. Л. 2об, 9, 25об.

¹²⁷⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2095. Л. 17.

ли преимущественно солдатки. Про них в деревне говорили, что они «наволочки затылком стирают»¹²⁷⁷. Длительное отсутствие мужа-солдата становилось тяжелым испытанием для полной плотского желания деревенской молодухи. Один из корреспондентов этнографического бюро писал: «...Выходя замуж в большинстве случаев лет в 17 – 18, к 21 году солдатки-крестьянки остаются без мужей. Крестьяне вообще не стесняются в отпращивании своей естественной потребности, а у себя дома еще меньше. Не от пения соловья, восхода и захода солнца разгорается страсть у солдатки, а оттого, что она является невольно свидетельницей супружеских отношений старшей своей невестки и ее мужа»¹²⁷⁸. По сообщению из Воронежской губернии, «на связь солдаток с посторонними мало обращалось внимание и почти не преследовалось обществом, так что дети, прижитые солдатками незаконно, пользуются такими же правами, как и законные»¹²⁷⁹. Сторонние заработки крестьянок, к которым были вынуждены прибегать сельские семьи, также выступали благодатной почвой для адюльтера. По наблюдениям П. Каверина, информатора из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, «главной причиной потери девственности и падения нравов вообще нужно считать результатом отхожие промыслы. Уже с ранней весны девушки идут к купцу, так у нас называют всех землевладельцев, на работу. А там полный простор для беспутства»¹²⁸⁰.

По суждениям извне, принадлежащим представителям просвещенного общества, складывалось впечатление о доступности русской бабы. Так, этнограф Семенова-Тянь-Шанская считала, что любую бабу можно было легко купить деньгами или подарком. Одна крестьянка наивно признавалась: «Прижила себе на горе сына и всего за пустяк, за десяток яблок». Далее автор приводит случай, когда карательный яблоневого сада, возраста 20 лет, изнасиловал 13 летнюю девочку, и мать этой девочки примирилась с обидчиком за 3 рубля¹²⁸¹. Писатель А.Н. Энгельгардт утверждал, что «нравы деревенских баб и девок до невероятности просты: деньги, какой-нибудь платок, при известных обстоятельствах, лишь бы никто не знал, лишь бы все было шито-крыто, так делают все»¹²⁸². Некоторые крестьяне, любители спиртных напитков, почетным гостям под выпивку предлагали своих жен, солдаток и даже сестер¹²⁸³. В ряде сел Болховского уезда Орловской губернии существовал обычай почетным гостям (старшине, волостному писарю, судьям, заезжим купцам) предлагать для плотских утех своих жен или невесток, если сын находился в отлучке. При этом прагматичные крестьяне не забывали брать плату за оказанные услуги. В том же уезде в селах Мешкове и Коневке бедные крестьяне без смущения посылали своих жен к приказчику или к какому-либо состоятельному лицу за деньгами на табак или на хлеб, заставляя их расплачиваться своим телом¹²⁸⁴.

Половые сношения между главой крестьянской семьи и его снохой были фактически обычной стороной жизни патриархальной семьи. «Нигде, кажется, кроме России, – писал В.Д. Набоков, – нет по крайней мере того, чтобы один вид кровосмешения приобрел характер почти нормального бытового явления, получив соответствующее техническое название – снохачество»¹²⁸⁵. Наблюдатели отмечали, что этот обычай был жив и в конце XIX в., причем одной из причин его сохранения являлся сезонный отток молодых мужчин на заработки. Хотя эта форма кровосмешения была осуждаема просвещенным обществом, крестьяне ее не считали серьезным правонарушением¹²⁸⁶. В ряде мест, где снохачество было распространено, этому пороку не придавали особого значения. Более того, иногда о снохаче с долей сочувствия говорили: «Сноху любит. Ен с ней живет как с женой, понравилась ему»¹²⁸⁷.

Причину этого явления следует искать в особенностях крестьянского быта. Одна из причин – это ранние браки. В середине XIX в. по сведениям А.П. Звонкова, в селах Елатомского уезда Тамбовской губернии было принято женить 12 – 13 летних мальчиков на невестах 16 – 17 лет. Отцы, склонные к снохачеству, умысленно женили своих сыновей молодыми для того, чтобы пользоваться их неопытностью¹²⁸⁸. Другая причина снохачества уже упомянутые выше отхожие промыслы крестьян. «Молодой супруг не проживет иной раз и году, как отец отправляет его на Волгу

¹²⁷⁷ Быт великорусских крестьян-землепашцев ... С. 276.

¹²⁷⁸ Цит. По: Щербинин П.П. Незаконнорожденные дети в семьях солдаток в XVIII – XIX вв. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XIX вв. Материалы междунар. конф. (май 2002 г.) Тамбов, 2002. С. 142.

¹²⁷⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 428. Л. 5.

¹²⁸⁰ Там же. Д. 2036. Л. 15.

¹²⁸¹ Семенова-Тянь-Шанская О.П. Указ. соч. С. 39.

¹²⁸² Энгельгардт А.Н. Из деревни. Письмо седьмое // Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX в. М., 1987. С. 185.

¹²⁸³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 4.

¹²⁸⁴ Там же. Д. 1011. Л. 10, 12.

¹²⁸⁵ Цит. по: Энгельштейн Лора. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX – XX веков. М., 1996. С. 52.

¹²⁸⁶ Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву // Юридический вестник. 1877. № 3 – 4. С. 110 – 112.

¹²⁸⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 5.

¹²⁸⁸ Там же. Д. 2036. Л. 2.

или куда-нибудь в работники. Жена остается одна под слабым контролем свекрови»¹²⁸⁹. Из Болховского уезда Орловской губернии информатор сообщал: «Снохачество здесь распространено потому, что мужья уходят на заработки, видятся с женами только два раза в год, свекор же остается дома и распоряжается по своему усмотрению»¹²⁹⁰. Механизм склонения снохи к сожителю был достаточно прост. Пользуясь отсутствием сына (отход, служба), а иногда и в его присутствии, свекор принуждал сноху к половой близости. В ход шли все средства: и уговоры, и подарки, и посулы легкой работы. Все по поговорке: «Смалчивай, невестка, – сарафан куплю». Как правило, такая целенаправленная осада давала свой результат. В ином случае уделом молодой становилась непосильная работа, сопровождаемая придирками, ругательствами, а нередко и побоями¹²⁹¹. Некоторые женщины пытались найти защиту в волостном суде, но, как правило, те устранились от разбора таких дел. Правда, И.Г. Оршанский в своем исследовании приводит пример, когда по жалобе снохи на уговор свекра к снохачеству, последний решением волостного суда был лишен «большины»¹²⁹². Но это было скорее исключением, чем правилом.

Типичный пример склонения свекром снох к половой близости приведен в корреспонденции жителя села Крестовоздвиженские Рябинки Болховского уезда Орловской губернии В.Т. Перькова. «Богатый крестьянин Семин 46 лет, имея болезненную жену, усладил двух своих сыновей на «шахты», сам остался с двумя невестками. Начал он подбиваться к жене старшего сына Григория, а так как крестьянские женщины очень слабы к нарядам и имеют пристрастие к спиртным напиткам, то понятно, что свекор в скорости сошелся с невесткой. Далее он начал «лабуниться» к младшей. Долго она не сдавалась, но вследствие притеснения и подарков – согласилась. Младшая невестка, заметив «амуры» свекра со старшей, привела свекровь в сарай во время их соития. Кончилось дело тем, что старухе муж купил синий кубовый сарафан, а невесткам подарил по платку»¹²⁹³. Но семейные любовные коллизии не всегда разрешались столь благополучно. В начале XX в. в калужском окружном суде слушалось дело Матрены К. и ее свекра Дмитрия К., обвиняемых в детоубийстве. Обвиняемая Матрена К., крестьянка, замужняя, 30 лет, на расспросы полицейского урядника призналась ему, что в продолжение шести лет, подчиняясь настоянию свекра, состоит в связи с ним, прижила от него сына, которому в настоящее время около пяти лет. От него же она забеременела вторично. Свекор Дмитрий К., крестьянин, 59 лет, узнав о приближении родов, приказал ей идти в ригу, и как только она родила, схватил ребенка, зарыл его в землю в сарае¹²⁹⁴.

В крестьянском дворе, когда бок о бок жило несколько семей, порой возникали замысловатые любовные треугольники. Так, в орловском селе Коневке было «распространено сожителство между деверем и невесткой. В некоторых семействах младшие братья потому и не женились, что жили со своими невестками»¹²⁹⁵. По мнению тамбовских крестьян, кровосмешение с женой брата вызывалось качественным превосходством того брата, который отбил жену. Братья не особенно ссорились по этому поводу, а окружающие к такому явлению относились снисходительно. Дела о кровосмешении не доходили до волостного суда, и кровосмесителей никто не наказывал¹²⁹⁶.

Следует отметить, что при определенной распространенности этого гнусного порока в русской деревне, крестьяне прекрасно осознавали всю греховность такой связи. Так, в Орловской губернии кровосмешение оценивалось как большое преступление перед православной верой, за которое не будет прощения от Бога на том свете¹²⁹⁷. По отзывам крестьян, Борисоглебского уезда Тамбовской губернии снохачество встречалось часто, но традиционно считалось в селе самым позорным грехом. Снохачи на сходе при решении общественных дел игнорировались, так как каждый мог им сказать: «Убирайся к черту, снохач, не твое тут дело»¹²⁹⁸.

В церковном уставе существовал запрет на половые связи под праздники, в посты, во время месячных очищений и т.д. «Сходиться мужу с женой нельзя в великий пост, даже на среду и пятницу. После смерти детей нельзя сходиться до сорокового дня». После родов сожителствовать с женой можно было только через 6 недель (после очистительной молитвы). А на деле половую близость супруг возобновлял через неделю или две – три. Бабу, конечно, никто не спрашивал о ее желании¹²⁹⁹.

¹²⁸⁹ Звонков А.П. Указ. соч. 128 – 129.

¹²⁹⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 19.

¹²⁹¹ См.: Весин Л. Указ. соч. Кн. X. С. 54; Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877. С.

46.

¹²⁹² Оршанский И.Г. Указ. соч. 1879. С. 58.

¹²⁹³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 2.

¹²⁹⁴ Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911. С. 285.

¹²⁹⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 19.

¹²⁹⁶ Там же. Д. 2036. Л. 3.

¹²⁹⁷ Там же. Д. 1320. Л. 4.

¹²⁹⁸ Там же. Д. 2036. Л. 2.

¹²⁹⁹ Семенова-Тянь-Шанская О.П. Указ. соч. С. 58.

Повсеместно сношение с женщиной во время постов считалось грехом. Если у супругов рождался ребенок в первой половине декабря, его называли насмешливо «постником», подчеркивая, что зачатие произошло в Великий пост. Отца такого ребенка священник «усовещал за невоздержанность»¹³⁰⁰. От соития в эти дни в деревне воздерживались из-за суеверного страха, что зачатое тогда дитя станет вором, разбойником, больным¹³⁰¹. По наблюдениям земских врачей, крестьяне в основном соблюдали эти запреты. Это подтверждается и данными демографической статистики. Д.Н. Жбанков, на основе сведений за 1872 – 1881 гг. о рождаемости в с. Большом Пронского уезда Рязанской губернии, сделал вывод о том, что минимум зачатий приходится на летние месяцы (рабочее время) и март, т.е. на период Великого поста¹³⁰². Аналогичное суждение высказал врач В.И. Никольский, изучавший динамику рождений у жителей Тамбовского уезда¹³⁰³. Исследователь И.И. Моллесон, занимавшийся проблемой рождаемости населения Тамбовской губернии в период с 1898 по 1900 гг., в своей работе писал: «Наименьшее число рождений приходится на декабрь, а затем на апрель. Декабрьские рождения соответствуют мартовским зачатиям, но в марте (Великий пост) совершенно не бывает новых браков, кроме того, истощение вовремя и тотчас после поста не может, конечно, благоприятствовать обилию зачатий»¹³⁰⁴. Думаю, что есть основания утверждать, что крестьяне в большинстве своем придерживались запретов церковного устава. Если бы это было не так, то в условиях отсутствия средств предохранения (а прерванное сношение расценивалось церковью как грех) не было бы никакого декабрьского минимума рождений. Некоторые исследователи считают, что приходские священники искажали отчетность, «закрывая» метрические книги ранее конца года, так как переносили часть рождений конца декабря на январь. С такими догадками трудно спорить, высказывающие их и «уличающие» священников в обмане епархиального начальства явно мыслят категориями советской эпохи.

По сообщению корреспондента Этнографического бюро из Тамбовской губернии: «Изнасилование женщин, безразлично возрастов и положения, по народным воззрениям считается самым бесчестнейшим преступлением. Изнасилованная девушкам ничего не теряет, выходя замуж, зато насильник делается общим посмешищем: его народ сторонится, не каждая девушка решится выйти за него замуж, будь он даже богат»¹³⁰⁵. Правда, в Орловской губернии случаи изнасилования не встречали столь сурового осуждения, напротив, к ним относились достаточно равнодушно. В случае изнасилования женщины здесь говорили: «Не околица – затворица», а про девушек – «Сука не схочет, кобель не вскочит». К изнасилованию несовершеннолетних народ относился строже всего, тот человек, кто совершил такое, по их понятиям, становился наравне с сатаной¹³⁰⁶. При изнасиловании несовершеннолетней – родители судились с виновником преступления, или брали с него мировую – несколько рублей денег»¹³⁰⁷. До судов доходила лишь малая толика дел об изнасиловании женщин. По этой причине уголовная статистика вряд ли поможет восстановить объективную картину данной проблеме. С этой оговоркой все же обратимся к этому источнику. По данным ведомостей судебно-медицинских исследований, по Тамбовской губернии растлений и изнасилований в уездах зарегистрировано в 1870 г. – 7, 1884 г. – 26, 1900 – 31¹³⁰⁸. Даже такое выборочное сравнение за 30 лет указывает на рост сексуальных преступлений. По моему мнению, за указанный срок выросло не число изнасилований, а увеличилось количество обращений потерпевших. По мере роста самосознания сельской женщины усилилось и стремление защитить свою честь и женское достоинство. Этот вид преступления перестал носить латентный характер.

Следует признать, что сам крестьянский быт создавал условия для проявления сексуальной агрессии. В крестьянской избе все спали вместе и млад и стар, мужчины и женщины. Крестьянские дети могли не раз являться невольными свидетелями соитий своих родителей. Земский врач А.А. Жуковский писал: «Днем и ночью, во время работы и отдыха, сна и развлечений они (т.е. женщины) постоянно находятся в самых близких отношениях с мужчинами, подобно им грубыми, не умеющим обуздать своих

¹³⁰⁰ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1783. Л. 7.

¹³⁰¹ Лещенко В.Ю. Семья и русское православие (IX – XIX вв.). СПб., 1999. С. 118.

¹³⁰² Жбанков Д.Н. Село Большое, Пронского уезда, Рязанской губернии. Опыт санитарного исследования. СПб., 1883. С. 27.

¹³⁰³ Никольский В.И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Тамбов, 1885. С. 97.

¹³⁰⁴ Моллесон И.И. Краткий очерк заболеваемости и смертности населения Тамбовской губернии в трехлетие 1898, 1899, 1900 гг. Тамбов, 1904. С. 258.

¹³⁰⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2.

¹³⁰⁶ Там же. Д. 1320. Л. 2.

¹³⁰⁷ Там же. Д. 1054. Л. 4.

¹³⁰⁸ ГАТО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1. Л. 150; Оп. 4. Д. 8. Л. 6.

страстей и не привыкшими уважать права женщин. Ни в одном слое общества не бывает такого большого числа изнасилований незрелыми мальчиками малолетних девочек, как в простом народе»¹³⁰⁹.

Об инверсиях в крестьянской среде писать труднее всего в силу скрытости этого явления, а соответственно и отсутствия источников. Однако можно определенно утверждать, что половые извращения для сельского населения были характерны в меньшей мере, чем для просвещенной части общества. По данным нравственной статистики Тамбовской губернии за 1870 – 90-е гг. следует, что мужеложство как преступление регистрировалось крайне редко, один – два случая в год, да и те происходили преимущественно в городах. Безусловно, что эти цифры не отражали истинного положения дел. И. Тарновский утверждал, что гомосексуализм не является таким уж противоестественным пороком, как считали многие. Он подчеркивал масштабы распространения лесбиянства в качестве народного обычая среди лиц, находящихся на нижних ступенях социальной лестницы¹³¹⁰. Крестьянское общество воспринимало сексуальные отношения, адаптируя их к гетеросексуальной схеме. Лора Энгельштейн в своем исследовании приводит пример крестьянки Марии Шашниной. Она сумела обеспечить полное удовлетворение сексуальных потребностей ряда жительниц своей деревни на «манер мужчины», как позже они признавали на суде¹³¹¹.

Раствление, мужеложство и скотоложство крестьяне считали постыдными и непрощительными грехами. Такие грешники, по понятиям селян, не могут наследовать небесного царствия¹³¹². По сообщению информатора (1899 г.), крестьяне одного из сел Болховского уезда Орловской губернии говорили, что в недавнее время одного крестьянина судили за содомию и сослали в Сибирь. В тоже время над мужиком, замеченным в скотоложстве, только издевались и не давали ему прохода насмешками, но наказания не было¹³¹³. В других местностях к зоофилам относились более строго. Человека, замеченного в противоестественном пороке, немедленно изгоняли из деревни и отправляли на богомолье, причем давали ему от общества удостоверение, в котором было сказано, что такой-то был послан на богомолье за такое-то преступление. Самый меньший срок богомолья был полтора года, а самый большой – четыре с половиной¹³¹⁴. Информатор Ф. Костин описывает случай, когда местный крестьянин застал Кирилла Передкова на лесной поляне во время его соития с кобылой. Весть об этом быстро облетела село. Был созван сход, куда привели крестьянина вместе с «возлюбленной», а затем их «обвенчали». Отец прилюдно проклял скотоложника, а его самого изгнали из общества, отправив по монастырям замаливать грех. Спустя три года Кирилл Передков вернулся и был принят обратно в общество, но дурное прозвище осталось за ним, как в прочем и соответствующее отношение земляков¹³¹⁵.

По мнению А. Михеевой, из Орловского уезда: «В народе распространен порок скотоложества, этот порок тщательно скрывается, только поговаривают тогда, когда спрашивают у кого-нибудь, где отмолить этот грех и как. Занимаются этим старые солдаты, не имеющие семьи. В народе считают, что у таких людей всегда рождаются дети-уроды. У одного мужика родилась девочка без ручек, у другого – мальчик без зрачков»¹³¹⁶. Исходя из немногочисленных источников по этому вопросу, можно сделать вывод о том, что противоестественные пороки считались в селе тяжким преступлением перед Богом и обществом. По причине латентности этого явления делать вывод о степени распространения в деревне сексуальных извращений очень сложно.

Изложенный материал позволяет сделать некоторые выводы. Половое поведение крестьянского населения рассматриваемого периода определялось традиционными установками религиозного и бытового характера. Нормой считалась гетерогенная семья и моногамный брак, осуждение внебрачных связей. В деревне изучаемого периода продолжало существовать понятие святости венца, но в местностях с развитым отхожим промыслом к добрачному сожителю стали относиться терпимо. Снисходительное отношение селян к снохачеству было обусловлено наследием патриархального быта и авторитетом большака в крестьянской семье. По мере перехода к нуклеарной семье и роста самосознания крестьянки эта форма сексуального рабства изживала себя. В условиях отсутствия средств предохранения кривая рождаемости в деревне достаточно объективно отражала периоды, когда крестьяне, согласно требованиям православной церкви, воздерживались от половой близости. Проституция в селе не существовала, но в каждом селе было несколько женщин доступного поведения. Не стоит забывать и о том, что проститутки, промышлявшие в городах, в большинстве своем были вчерашними крестьянками. Сексуальные инверсии в сельской среде широкого распространения не имели в силу запрета, содержащегося в

¹³⁰⁹ Цит. по: Энгельштейн Лора. Указ. соч. С. 120.

¹³¹⁰ Тарновский И. Извращение полового чувства у женщин. СПб., 1895. С. 131.

¹³¹¹ Энгельштейн Лора. Указ. соч. С. 165.

¹³¹² РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 273. Л. 5.

¹³¹³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 5.

¹³¹⁴ Там же. Д. 1011. Л. 20.

¹³¹⁵ Там же. Л. 21 – 26.

¹³¹⁶ Там же. Д. 1320. Л. 5.

церковном и гражданском праве, а также по причине негативного отношения к ним общественного мнения деревни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская деревня до начала XX в. оставалась носителем традиционной культуры. Производство было аграрным, социальная структура – крестьянской, регулирование отношений – обычно-правовым. Основу духовной жизни села составляло православие. Ревностное соблюдение традиций, настороженное отношение к новому, отвечали потребностям самосохранения и воспроизводства традиционной системы отношений.

Земледельческий труд крестьянина имел нравственную основу. По убеждению крестьян земля создана Творцом для прокормления людей. Она не может находиться в чей-то собственности, и все готовые ее обрабатывать должны иметь свободный доступ к пользованию ей. Справедливость в обыденном смысле для пахаря заключалась в возможности каждого иметь равный надел земли и свободно распоряжаться плодами своего труда. Мотивация трудовой деятельности крестьянства выражалась в обеспечении потребностей хозяйствующей семьи. Отчуждение части произведенной продукции мужик считал возможным, при условии того, что величина этой доли не грозит физическому выживанию его семьи. Деревня переставала уплачивать подати в неурожайные годы. Страх перед голодом побуждал придерживаться традиционной агрикультуры. Приемы обработки земли и выбор сельскохозяйственных культур были подчинены стремлению минимизировать степень хозяйственного риска. Агротехнические новации рождались на основе индивидуально опыта. Преобразуя их в традицию, община создавала условия для ее распространения. Рационализацию крестьянского производства сдерживала, но не препятствовала система общинного земледелия. Традиционная трехпольная система была восприимчива к системному преобразованию. Сокращение размера крестьянских наделов, по причине численного роста сельского населения, вызвало объективную потребность в интенсификации аграрного производства. Препятствием в этом процессе выступала бедность крестьянских хозяйств.

Столыпинская аграрная реформа являлась, по сути, ломкой традиционного хозяйственного уклада русского села. Различные формы противодействия общины властным усилиям являлись свидетельством борьбы за выживание. Общину покинули те, кто не был в своей повседневности с ней связан. Хутора не получили в регионе распространения в виду того, что это форма хозяйствования не имела исторических корней и не соответствовала общинным представлениям крестьян. Столыпинское землеустройство создавало условия для рационального и эффективного землепользования и там, где община оказывала поддержку, оно шло успешно. Преобладание чересполосного укрепления наделов свидетельствовала о неготовности крестьян перейти к индивидуальному землевладению и стремлении сохранить общинные гарантии социальной защиты.

Подъем крестьянского производства в 1910-е гг. стал следствием благоприятного сочетания объективных условий. Развитие товарно-денежных отношений и влияния городской культуры вносили в крестьянскую повседневность существенные перемены. Успех участковой агрономии явился следствием потребности крестьянства в интенсификации своих хозяйств. Вхождению российской деревни в рынок способствовала сельская кооперация.

Носителем крестьянских традиций выступала община. Она определяла содержание практически всех сторон сельской повседневности. Ее деятельность основывалась на принципах христианской морали. Разнообразные общинные формы социальной защиты и помощи выступали наглядным проявлением общественных идеалов русского крестьянства. Имущественное расслоение деревни, конфликт интересов затрудняли, но не препятствовали принятию солидарных решений. Всякое давление на крестьянский «мир» вело к его консолидации.

Восприятие крестьянами власти носило локальный характер. Местную власть селяне считали ответственной перед собой. Сельское самоуправление достаточно эффективно решало вопросы повседневной жизни деревни. Система государственной опеки в лице земских начальников имела в целом позитивное значение. Она прививала крестьянскому сообществу уважение к закону, способствовала развитию гражданского сознания у жителей села. Контроль со стороны земского начальника повышал ответственность выборных лиц деревни и волости. Личные качества и практические дела являлись для местных жителей главными критериями в оценке повседневной деятельности представителей власти как выборной, так и государственной.

Обыденное восприятие крестьянами верховной власти определялось православным сознанием и присущим жителям деревни патернализмом. Причинами падения авторитета царской власти являлись военные неудачи страны, рост революционного движения, а главное неспособность императора решить аграрный вопрос. Не думаю, что к 1917 г. крестьянский менталитет стал республиканским, но то, что надежды деревни на царскую милость рассеялись, очевидно.

Борьба за «мужицкую» справедливость выработала в русской деревне арсенал приемов повседневной борьбы крестьян за свои интересы. Постоянное посягательство на собственность помещика в форме браконьерства, вредительства, потрав и порубок, осуществлялось индивидуально (или небольшими группами) при негласной поддержке общины. Открытый характер борьбы приобретала, когда возникла угроза для существования. Отсутствие насилия со стороны власти воспринималось как свидетельство ее слабости. Ведущую роль в аграрных беспорядках играла община. Наличие мирского приговора фактически санкционировало поголовное участие жителей деревни в погроме и рождало в них ощущение безответственности за содеянное. Отсутствие физического насилия над помещиками – свидетельство православного сознания крестьян. Эгалитаризм селян наглядно проявлялся в порядке распределения барского имущества.

Различные отношения, возникавшие в повседневной жизни русского села, регулировались на основе норм обычного права. В основе обыденного правосознания лежали принципы уравнительности, примата общественного над личным, приоритетности хозяйственных интересов. Причину преступления крестьяне усматривали в греховной природе человека. Расхождение норм обычного права с официальным законом в оценке преступлений было обусловлено спецификой общественного уклада села. Нарушение общинных установлений каралось гораздо строже, чем нарушение официального законодательства или посягательство на личность и имущество отдельного крестьянина.

Цель крестьянского правосудия состояла как в защите интересов общины в целом, так и в разрешении повседневных конфликтов между ее членами. Субъективизм («глядя по человеку») – отличительная черта сельских судов. Неформальное судопроизводство было лишено формализма и руководствовалось принципами близкими и понятными крестьянам. Разбирательства носили преимущественно примирительный характер, что позволяло оперативно разрешать правовые коллизии и сохранять общинную солидарность. В то же время община решительно расправлялась посредством самосуда с нарушителями общественных установлений. Карательная функция общины выступала условием ее самосохранения. Следствием стереотипов поведения деревенских жителей являлась семейная расправа. Насилие было неотъемлемым атрибутом крестьянской повседневности.

Поземельные отношения русской деревни основывались и регулировались обычным правом. Изученные решения волостных судов по земельным искам убедительно свидетельствуют о том, что в рассмотрении земельных споров судьи руководствовались правовыми обычаями. Имущественные отношения крестьянского двора и порядок наследования в деревне определялись существовавшими в селе правовыми традициями. Правовая особенность имущества крестьянского двора была обусловлена семейным характером производства и традициями податного обложения. Следует признать имущественные права женщины в сельской семье, порядок наследования у крестьян в большей мере соответствовали принципу социальной справедливости, чем официальное законодательство.

Деятельность волостных судов способствовала сближению двух правовых культур: крестьянской и официальной. Рост числа крестьянских обращений в волостные суды, и в первую очередь с целью защиты чести и достоинства, свидетельствовал о развитии правовой культуры русского села. В крестьянской повседневности конца XIX – начала XX вв. все острее проявлялся конфликт между новыми социально-экономическими отношениями, проникавшими в деревню; законами, не соответствующими традиционным представлениям и правовыми обычаями, не отвечающими потребностям времени.

Процесс модернизации сопровождался разрушением традиционных устоев патриархальной семьи. Семейные разделы стали следствием роста мобильности сельского населения, развития рыночных отношений, влияния городской культуры, семейных неурядиц и кризиса патриархальной власти. Дробление крестьянских дворов к качественным переменам в составе сельских сходов, переходу к новым принципам земельной разверстки. Содержание семейной повседневности определялось существовавшей иерархией и половозрастным распределением труда. Воспитание детей в крестьянской семье заключалось в приобщении к православию, передаче социального опыта, выработке хозяйственных навыков, формировании поведенческих стереотипов.

Заключением брака достигалась полнота сельского бытия. В создание семья сливались воедино стремления исполнить Божественные установления, желание обрести самостоятельный статус, хозяйственная необходимость. Демографическое поведение русских крестьян определялось как требованиями православной веры, так и особенностями аграрного производства. Традиционной оставалась система сельского родовспоможения. Именно специфика женской повседневности определяла предпочтения сельских женщин услуг деревенских повитух акушерской помощи.

Тяготы трудовых будней неблагоприятно отражались на здоровье крестьянки. Большинство гинекологических заболеваний было следствием повседневного изнурительного труда сельской женщины. Обыденным явлением семейного быта следует признать рукоприкладство со стороны мужа. По мере культурного развития деревни, роста самосознания женщины, смягчения семейных нравов эта традиция оставалась в прошлом.

Условия крестьянского труда и быта вкупе с нормами церковного устава делали расторжения брака практически невозможным. По народным представлениям, бремя супружеских отношений – это жизненный крест и отказ от него является грехом. Падение нравов как следствие кризиса патриархального общества и секуляризации общественного сознания негативно отразилось на институте сельского брака.

Повседневный рацион крестьянской семьи не отличался разнообразием. Питание являлось, пожалуй, одной из наиболее консервативных сфер семейного быта. Крестьяне строго придерживались пищевых ограничений в постные дни. Набор потребляемых продуктов в сельских семьях был примерно одинаковым. Объем домашней трапезы определялся имущественным положением семьи.

Семейный достаток находил свое отражение в состоянии крестьянского жилища и качестве одежды. Под воздействием урбанизации менялось убранство крестьянской избы, все большее распространение в семейном обиходе получали покупные вещи, улучшалась санитарно-гигиеническая обстановка жилища. В крестьянском быту наряду с традиционным домотканым платьем все большее значение приобретает одежда фабричного производства. В предметах и аксессуарах туалета жителей села заметно влияние городской моды.

Духовная мир крестьянской повседневности был содержателен и многообразен. Православие составляло основу крестьянского бытия, и сельская повседневность буквально пронизана содержанием христианской веры. Источники свидетельствуют о распространенности народного благочестия. Слабое знание крестьянами православной догматики, приверженность жителей села обрядовой стороне веры не противоречили способности к глубокому духовному познанию Божественного откровения. Разнообразные дела милосердия, повседневное доброделание, свидетельства христианской любви и сострадания к ближнему, упование на волю Божию в житейских скорбях – все это убеждает в отнюдь не формальном характере веры крестьян. Разделяю утверждение А.И. Клибанова, Б.Н. Миронова о том, что менталитет крестьянина находился в соответствии с идеалами православия.

Приведенный в содержании работы обзор сельских суеверий приводит к выводу о том, что ложные представления, предрассудки являлись составной частью сельской повседневности. Причины следует видеть в отголосках языческих представлений, характере аграрного труда, особенностях сельского быта и консерватизме крестьянского мышления. Учитывая специфику этнографических источников, воздержусь от выводов относительно степени распространения суеверий в крестьянской среде. Но могу утверждать определенно, что духовные заблуждения постепенно изживались в результате культурного просвещения деревни, развития школьной сети, проповеднической деятельности сельских священников.

Автор не идеализирует нравственное состояние русской деревни. Пьянство, аборт, адюльтер и разврат, конечно же, не были явлениями исключительно сельской повседневности, так как эти и другие пороки есть проявление греховности человеческой природы в целом. Проведенное исследование показывает, что традиция употребления спиртного в сельском быту существовала. Деревенское пьянство носило преимущественно обрядовый характер и было обусловлено психологическими, социальными, хозяйственными и иными причинами. Пагубное пристрастие к спиртному являлось уделом маргинальных слоев деревни. Данные душевого потребления алкоголя в сельской местности в конце XIX – начале XX вв. не дают никаких оснований говорить о поголовном пьянстве жителей деревни.

Аборты в деревне не имели широкого распространения. К ним прибегали солдатки, женщины, работающие в качестве прислуги или на фабрике, обманутые девицы. Основным мотивом был страх осуждения со стороны родных и соседей. Аборт не являлся обыденным событием, но и, будучи исключением, он дополняет наши представления о деревенских нравах. Отношения крестьян к незаконнорожденным детям, основанное на правовых обычаях, было более гуманным, чем положения официального законодательства.

Научное осмысление крестьянской повседневности находится только в начале своего пути. Предстоит еще долгая и кропотливая работа, чтобы познать и понять будни крестьянского мира ушедшей эпохи.